36
1818

Kel'siev

36
6818

<36632765320017

<36632765320017

Bayer. Staatsbibliothek

Kel'siev
36/6818
№91

ГАЛИЧИНА

И

МОЛДАВІЯ,

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

Василія Кельсіева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

10838/12

Kel'siev

36
6818

ГАЛИЧИНА

и

МОЛДАВІЯ,

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

Василія Кельсіева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

108381/12

THE SAM

ГАЛИЧИНА

И

МОЛДАВІЯ,

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ВАСИЛІЯ КЕЛЬСІЕВА.

С. Петербургъ.

1868.

Bayerische Staatsbibliothek München

Б. п. 5176

Bayerische Staatsbibliothek München

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Представляя читателямъ собраніе моихъ писемъ изъ путешествія по Галичинѣ и Молдавіи въ 1866 — 1867 гг., я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. То, что я разсказываю объ этихъ странахъ вынесено мною не изъ библіотекъ, а изъ личныхъ наблюденій. Я разсказываю о Галичинѣ и Молдавіи такъ, какъ я самъ къ нимъ могъ отнестись, и мой читатель волей-неволей замѣтитъ, что я относился къ нимъ на столько искренно, на сколько это было возможно. Я рисую картину того, что видѣлъ, и разсказываю то, что понялъ. Если отзывы мои о положеніи дѣлъ въ Галичинѣ, о полякахъ и евреяхъ комунибудь покажутся несправедливыми, то журнальной полемики я съ нимъ не подыму, покуда мой опонентъ самъ не потрудится изслѣдовать эти малоизвѣстныя края. И такъ вся моя книга основывается исключительно на моихъ *личныхъ* наблюденіяхъ, и въ чемъ я неправъ и въ чемъ я могу ошибаться, какъ человѣкъ, пускай опоненты мои провѣрятъ на мѣстѣ. Затѣмъ, къ вопросу о евреяхъ, поднятомъ мною, сдѣлано нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній въ отвѣтъ на нападки, которыми меня угостили нѣкоторые органы нашей печати; прибавлю здѣсь одно — что этотъ вопросъ чисто *русскій*, и что мы въ немъ не можемъ руководиться примѣромъ Западной Европы, хоть бы по тому одному, что во всей Западной Европѣ число евреевъ ничтожно, а у насъ они — сила и власть, и вопросъ объ нихъ касается насъ слишкомъ близко, притомъ западныя вѣрованія и западные принципы для насъ въ данномъ случаѣ далеко не указка.

Въ отвѣтъ гг. украинофиламъ я не скажу ничего — съ сектантами мудрено спорить, — но пусть же они изучатъ вопросъ и пусть поймутъ, что теорія ихъ гибельна, и что они ведутъ не только южный народъ, но и все славянство, къ тому разрыву и къ той розни, которая имъ вовсе не желательна. Я вполнѣ убѣжденъ, что украйнофилы люди честные, и что намѣреніе ихъ честное, но эти люди увлекаются и приходятъ изъ увлеченія къ абсурдамъ.

Обстоятельства, разсказанныя въ этой книгѣ, а именно моя высылка изъ Галичины, не дали мнѣ возможности изучить край такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. То, чего я не узналъ о полякахъ и о евреяхъ въ Галичинѣ, я постарался узнать въ Молдавіи. Нужно было или отказаться отъ изученія вопроса или изучить его тамъ, куда судьба загнала. На сколько я правъ, на сколько я ошибаюсь, самъ я, разумѣется, не знаю; но, повторяю, пусть же тѣ господа, которые со мной захотятъ спорить, изучатъ вопросъ *на мѣстѣ*.

Если на меня станутъ нападать за то, что въ моей книгѣ нѣтъ послѣдовательности, что первыя главы полны археологическими и библіографическими замѣтками, а въ послѣднихъ нѣтъ ни того ни другаго, то происхожденіе ея, какъ отдѣльныхъ писемъ, корреспонденцій въ газету, объясняетъ ея недостатки. Я не знаю лучше ли бы я поступилъ, предавъ забвенію эти письма, чѣмъ поступаю теперь, отпечатывая ихъ отдѣльной книгой; но знаю только то, что если бы я не перепечаталъ моихъ писемъ, то у нашей русской публики не было бы *ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичинѣ*, объ этомъ совершенно для русской публики невѣдомомъ *русскомъ* краѣ. Я былъ въ немъ тѣмъ, что называется на дальнемъ западѣ Америки *піонеромъ;* я дорогу проложилъ, пусть идетъ теперь по ней кто хочетъ и пусть пишетъ о Галичинѣ книгу дѣльнѣе и серьезнѣе моей. Я первый обрадуюсь тому, если этотъ забытый и забитый край

русской земли вынырнетъ изъ омута неизвѣстности и изъ тины нелѣпаго и безтолковаго сочувствія. Сочувствіе краю можетъ основываться только на знаніи его. У насъ сочувствуютъ Галичинѣ, какъ сочувствуютъ всѣмъ славянамъ, не зная, о чемъ идетъ дѣло, не понимая ея болей, не зная ея скорбей.

На меня нападаютъ за мою, будто-бы, страсть рисоваться своей личностью передъ публикою, выставлять себя при каждомъ случаѣ какимъ-то героемъ и какъ бы осью, вокругъ которой вращается все разсказываемое мною. — У каждаго своя манера, каждый работаетъ по источникамъ, которыми онъ располагалъ. Источники, которыми пользовался я, какъ я уже говорилъ — мои *личныя* наблюденія, случаи, бывавшіе со *мною* — какъ-же имъ не занимать виднаго мѣста въ моихъ разсказахъ? Не всегда ли *факты* служатъ основаніемъ всякихъ выводовъ, соображеній, теорій—политическихъ, государственныхъ и другихъ? Притомъ такіе субъективные разсказы, какъ напр. разсказъ о моемъ арестѣ въ Карпатахъ, имѣютъ еще особое значеніе и пользу. За него станутъ нападать на меня кабинетные рецензенты, станутъ трунить надо мною за мнимую влюбленность въ мою собственную особу — пусть такъ, на здоровье. Но можетъ быть не съ такимъ чувствомъ помянетъ меня какой нибудь русскій путешественникъ или изслѣдователь, если, забравшись въ подобные края, очутится въ положеніи, схожемъ съ положеніемъ изъ котораго мнѣ пришлось выпутываться въ Коломыяхъ. Вспомнивъ мой подробный разсказъ, доказывающій que le diable n'est pas si noir, qu'on le fait, онъ ободрится, не потеряетъ присутствія духа — а въ этомъ половина спасенья.

Необходима еще слѣдующая оговорка: если вздумаютъ спрашивать *по одиначкѣ* Галичанъ *въ Австріи* о томъ, до чего довели ихъ усилія поляковъ и духовенство римской церкви, они, *само собой разумѣется*, будутъ говорить со-

вершенно не то, что сказано мною, — о чемъ и предупреждаю моихъ читателей.

Затѣмъ, пусть читатель приметъ мою книгу такой, какова она есть. Что я могъ написать, я написалъ. Вся моя книга—рядъ вопросовъ: о Польшѣ, объ южнорусскомъ народѣ, объ евреяхъ, о церкви и о костелѣ — вопросовъ, которые рѣшимъ не мы, люди XIX вѣка, но надъ которыми не ломать голову мы не можемъ. Я забирался въ захолустья и трущобы, въ которыя до меня никто изъ нашей пишущей братьи не забирался — а потому пишущая братья (я говорю собственно о дилетантахъ литературы и публицистики) судить меня не можетъ. Изъ захолустьевъ я вынесъ рядъ загадокъ. Разгадать ихъ не могу, а на общій судъ повергнуть дерзаю. Прошу только объ одномъ: чтобъ меньше обращали вниманіе на мою личность, а больше на *вопросы*, которые я подымаю.

Еще одно слово: письма, вошедшія въ составъ этой книги, помѣщались въ газетѣ «Голосъ» за послѣдніе два года. Перепечатывая ихъ, я счелъ необходимымъ во многомъ исправить ихъ и, гдѣ оказалось нужнымъ, дополнить.

1868 г. Октября 8.
С.-Петербургъ.

Василій Кельсіевъ.

Оглавленіе.

			Стран.
Предисловіе			I
Въ Краковѣ			1
Перемышль	Письмо:	I	7
	„	II	23
	„	III	29
Львовъ	Письмо:	I	46
	„	II	52
	„	III	58
	„	IV	64
	„	V	85
Хлопы	Письмо:	I	99
	„	II	115
	„	III	125
	„	IV	132
Іереи	Письмо:	I	139
	„	II	153
	„	III	164
	„	IV	183
	„	V	188
	„	VI	196
Евреи	Письмо:	I	202
	„	II	212
	„	III	220
	„	IV	233
Арестъ	Письмо:	I	241
	„	II	252
	„	III	268
	„	IV	275
	„	V	284
Яссы			297
Польскіе эмигранты	Письмо:	I	317
	„	II	328
	„	III	338

ГАЛИЧИНА и МОЛДАВІЯ.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ВЪ КРАКОВѢ.

Нѣтъ ничего въ мірѣ гаже и презрѣннѣе ренегата. Самое слово ренегатъ таково, что бросить имъ въ глаза кому-нибудь, перемѣнившему свои убѣжденія или свою вѣру значитъ оскорбить его пуще чѣмъ на смерть. Между тѣмъ ренегатство имѣетъ свой глубокій смыслъ. Савла, сдѣлавшагося Павломъ, никто ренегатомъ признать не могъ. Никто не можетъ обвинить въ ренегатствѣ человѣка, который изъ монархиста сдѣлался республиканцемъ, который изъ атеиста сдѣлался монахомъ, или изъ монаха сдѣлался тѣмъ, что у насъ теперь въ Россіи называется нигилистомъ.

Но убѣжденія и вѣрованія мѣняются такъ нелегко, такъ нелегко, что только тотъ, кому приходилось ихъ мѣнять, знаетъ всю тяжесть этого страшнаго процесса — перемѣны вѣрованій. Со мной былъ этотъ страшный процесъ. Отрицатель я былъ почти съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, потому что меня душила еще ребенкомъ моя обстановка, и отрицателемъ остаюсь я до сихъ поръ. Изъ того, что я писалъ, изъ того, что я пишу, можно вывести заключеніе, какъ и выводили его, что я чело-

вѣкъ отсталый, что я консерваторъ, даже и то, что я увлекаюсь, но прежде всего я искрененъ. Всякая неправда меня возмущаетъ, а еще болѣе того возмущаетъ меня каждое недоразумѣніе. Лѣтъ десять тому назадъ, я сдѣлался эмигрантомъ; видѣлъ пережилъ тѣмъ бытомъ, которымъ мало кто живетъ, и который рѣдко кому извѣстенъ. Я попалъ въ Турцію и сдѣлался тамъ адвокатомъ, опять-таки потому, что имѣлъ нравственную потребность пожить жизнью, которой никто не жилъ. Тяжелая судьба моя гоняла меня направо и налѣво, взадъ и впередъ, и догнала меня до Вѣны, гдѣ, превратившись въ Иванова-Желудкова, я жилъ себѣ въ ожиданіи, что не утромъ, такъ вечеромъ арестуютъ меня, но жилъ мирно и скромно, изучая славянское дѣло.

Въ Вѣнѣ мнѣ поставили вопросъ, надъ которымъ я задумался. Я былъ искренній украинофилъ, и искренно вѣрилъ въ то, что для поляковъ есть возможность существовать отдѣльно. Со мной спорили, спорили спеціалисты по этому вопросу, спорили южторусы. Я имъ не вѣрилъ и вѣрить имъ мнѣ было отвратинельно, и отвратительно было мнѣ перемѣнить мои убѣжденія, тѣ самыя убѣжденія, которыя какъ гвозди забились мнѣ въ душу. Ложное убѣжденіе мнѣ кажется такъ же дѣйствуетъ какъ штыкъ воткнутый въ грудь. Покуда штыкъ остается въ груди, до тѣхъ поръ раненый живъ; стòитъ его выдернуть, чтобъ убить этого раненаго. Покуда вѣра остается въ душѣ, до тѣхъ поръ живется легко и привольно. Вѣра тѣснитъ иногда, вѣра душитъ, но съ ней все-таки спокойно, съ ней сжилось, какъ съ этимъ штыкомъ въ легкихъ; отнять эту вѣру, вырвать ее изъ сердца — сердце кровью обольется.

Мнѣ пришлось сдѣлать надъ собой такую операцію въ Вѣнѣ. Нѣсколько лѣтъ сряду вѣрилъ я въ украинофильство и въ польщину, и вдругъ въ Вѣнѣ славяне стали у меня выдергивать изъ груди этотъ всаженный штыкъ. Ампутація рака, дикаго мяса тяжела чрезвычайно и рѣшиться на нее весьма нелегко. Сдаться сразу на убѣжденія моихъ новыхъ знакомыхъ въ Вѣнѣ я не съумѣлъ, я съ ними спорилъ, и они возражали мнѣ одно только: «Вы знаете вопросъ польскій и украинскій по теоріи, по слухамъ — ступайте, изучите его на практикѣ». Единственное, что предстояло мнѣ для изученія южнорусскаго народа, его отношеній съ поляками и его уніатства, — была Галичина. Я въ Галичину и отправился, несмотря на то, что меня отговаривали отъ этой поѣздки всѣ мои лучшіе пріятели въ Вѣнѣ,

которые, не зная, кто я такой, боялись за меня, что меня тамъ или арестуютъ, или выгонятъ, что̀, какъ въ настоящей моей книги сказано, дѣйствительно и совершилось. Пріятели мои боялись за меня, боялись за тѣ оскорбленія, которыя мнѣ можетъ нанести австрійское правительство, боялись за непріятности, которымъ мнѣ предстояло подвергнуться, но я ихъ не послушалъ — мнѣ хотѣлось узнать истину и своими глазами провѣрить, правда ли, что поляки такъ неправы? правда ли, что евреи такъ гнетутъ народъ? Во имя *истины* и во имя *правды* я двинулся и очутился въ Краковѣ.

Краковъ показался мнѣ городомъ въ высшей степени любопытнымъ, несмотря на то, что онъ затопленъ евреями, а поляки изъ него вытѣснены, и что ихъ дворцы (съ контрофорсами) населены сынами Израиля.

Краковъ былъ для меня любопытенъ. Я впрочемъ провелъ въ немъ всего двадцать четыре часа. Мнѣ хотѣлось его осмотрѣть, я прошелся всѣми улицами этого замирающаго города, побывалъ въ бывшей залѣ сейма краковской республики, осмотрѣлъ старые костелы и наконецъ попалъ въ тотъ самый, гдѣ хоронили бывшихъ польскихъ королей.

Я видѣлъ на своемъ вѣку много церквей, но ни одна, даже Westminster-Abbey, не произвела на меня такого впечатлѣнія, какъ этотъ старый костелъ. Въ немъ пропасть придѣловъ, отдѣланныхъ средневѣковыми художниками. Каплица королевы Ядвиги вырѣзана вся арабесками рукой какого-то удивительнаго художника. Я присѣлъ въ ней на скамейку, а подлѣ меня присѣлъ какой-то полякъ. Мы оба смотрѣли и оба благоговѣли.

— Слухай, пане, сказалъ онъ мнѣ, — теперь художниковъ такихъ нѣтъ.

— Нѣтъ, сказалъ я — а у меня сердце сжималось.

— Пане, сказалъ онъ, принимая меня за поляка, — развѣ не велика и не хороша была наша цивилизація, что во времена королевы Ядвиги умѣли строить такія каплицы. Я здѣсь, пане, сижу ужъ четвертый часъ и все смотрю. Какое это было государство! Какая мощь въ немъ была, и какіе таланты въ немъ цвѣли!

— Пане, сказалъ я, — я тоже пришелъ смотрѣть на остатки этого государства.

И вдругъ онъ обернулся ко мнѣ, и въ лицѣ его мелькнула

ненависть и отвращеніе: по моему произношенію онъ понялъ, что я moscal.

— Nie mam czasu, panie, (мнѣ некогда) сказалъ онъ, круто повернулся и вышелъ — вышелъ для того, чтобъ не оставаться со мной, съ москалемъ, въ этой святынѣ, которую я поганю своимъ присутствіемъ.

Я понялъ, что́ почувствовалъ этотъ человѣкъ, я понялъ, каково ему было въ торжественную минуту, когда онъ дышалъ воздухомъ старой Польши, вдругъ наткнуться на москаля, который, по его мнѣнію, варваръ и звѣрь, заражающій этотъ старый соборъ своимъ дыханіемъ. Мнѣ стало горько, онъ ушелъ. Сторожъ, которому нужно было нажить два, три злотыхъ, предложилъ мнѣ свои услуги показывать соборъ. Какъ мнѣ совѣстно ни было, во-первыхъ, притворяться передъ старыми пріятелями, а сверхъ того относиться скептически къ ихъ правотѣ, я все-таки пошелъ бродить по этому старому собору. Сторожъ провелъ меня въ каплицу, гдѣ въ былыя времена сидѣли польскіе короли и королевы, гдѣ органъ гремѣлъ, и гдѣ ловкій іезуитъ ловко проповѣдывалъ свою ловкую проповѣдь.

Въ этой каплицѣ сидѣлъ нашъ Дмитрій Самозванецъ, Марина Мнишекъ, будущая московская царица, сидѣла тутъ, тутъ сиживали на этихъ самыхъ скамьяхъ Пушкины и прочая наша бѣглая братья, съ этихъ скамеекъ слышалась молитва противъ царя Ивана, противъ царя Алексѣя, Сапѣга входилъ сюда... Тѣнь за тѣнью, образъ за образомъ мелькали передомной. Старая исторія, старая кровь точно съ полу подымалась и носилась около меня, призракъ за призракомъ, герои минувшихъ дней, *лыцари* Рѣчи Посполитой, короли этого великаго и блестящаго государства выступали передо мной, садились на лавки, раскрывали молитвенники и молились искренно за святую вѣру католическую и за то, чтобъ Господь Богъ помогъ имъ побороть проклятую схизму. Я все видѣлъ въ эту минуту — я видѣлъ проповѣдника на каѳедрѣ, я видѣлъ королей и королевъ польскихъ на скамьѣ, я видѣлъ магнатерію, которая ихъ окружала: за дверями стояли пажи и знатная шляхта, которая кланялась королямъ и тайкомъ вела заговоры съ иностранными державами...

Я не помню минуты, которую бы я провелъ такъ торжественно, какъ эти четверть часа въ каплицѣ этого стараго костела.

Все было тихо, но тѣни мертвыхъ стояли передо мной, а

я, преступный человѣкъ, ѣхалъ бороться противъ нихъ въ Галичинѣ, я ѣхалъ отрицать ихъ правоту, я ѣхалъ обличать ихъ ошибки, а это были тѣни далеко не дешевыя. Это были тѣни великія, это были герои, короли и цари, это были люди, которые спасли Вѣну, которые чуть чуть не завоевали Молдавію, а я иду противъ нихъ!

Я иду противъ нихъ какъ скептикъ, я иду анализировать, что отъ нихъ осталось, я иду разбирать, правы ли они были, дѣленъ ли былъ трудъ ихъ. И сижу я въ этой каплицѣ въ глубокомъ и тяжкомъ раздумьѣ.

Около меня ходитъ сторожъ, одѣтый въ какую-то странную шинель, съ какой-то невѣроятной пелеринкой.

— Пане, говоритъ онъ — może, pan chce zobaczyć sklep. (По всей вѣроятности, панъ хочетъ осмотрѣть склепъ).

Мнѣ было тяжело, тяжело потому, что я ѣхалъ освидѣтельствовать все то, что сдѣлали эти короли, эти магнаты. Не до склепа мнѣ было; у меня не было въ ту минуту ни воли, ни желанія, куда бы меня ни позвали, я бы всюду пошелъ. Что тамъ въ склепѣ у нихъ? что мнѣ хочетъ показать этотъ церковный сторожъ? Мнѣ было все равно. Душа моя кипѣла тѣми ощущеніями, о которыхъ я разсказывалъ выше. Я шелъ въ склепъ, скорѣе повинуясь сторожу и понимая только то, что ему хочется содрать съ меня еще нѣсколько крейцеровъ.

Онъ и его товарищъ подняли тяжелый люкъ, обитый мѣдью; они шли впередъ, освѣщая восковыми свѣчами подвалъ, въ который я спускался за ними по ступенькамъ. Свѣтъ на насъ лился сверху.

— Пане, сказалъ мнѣ спутникъ, указывая рукой на гранитную гробницу.

Я прочелъ на ней огромными буквами высѣченную надпись:

KOŚCIUSZKO.

Я остановился какъ громомъ пораженный: все, что смутно поднималось въ душѣ, при неожиданномъ видѣ этой простой надписи, подступило къ груди, стѣснило, душило меня. Глядя на эту простую плиту, подъ которой покоится прахъ великаго несчастливца и честнаго человѣка, мнѣ стало еще тяжелѣе, еще совѣстнѣе моего скептицизма, цѣли, съ которою я поднялся въ путь; въ ушахъ громче, яснѣе раздалось отвратительное слово

ренегатъ, и только сознаніе моей глубокой искренности, увѣренность что самъ Костюшко оцѣнилъ бы честное сомнѣніе, благословилъ бы на честную провѣрку святаго для него дѣла, помогло мнѣ преодолѣть то невыразимо тяжелое, давящее чувство, которое въ ту минуту овладѣло мною — и я, потрясенный, разбитый, но съ обновленной силою, вышелъ изъ склепа и изъ костела...

ПЕРЕМЫШЛЬ.

I.

Евреи, евреи и евреи — куда я ни повернусь, я въ царствѣ евреевъ. Очевидно, здѣсь все такъ устроилось, что безъ евреевъ шагу нельзя будетъ ступить. Они кружатъ около меня какъ мухи и навязываютъ всевозможныя услуги: купить что̀, деньги размѣнять, отыскать кого-нибудь. Отдѣлываться не успѣваю отъ нихъ...

Такъ вотъ какова была она, эта славная Рѣчь Посполитая! Здѣсь никто самъ для себя ничего не дѣлалъ, а во всемъ прибѣгалъ къ комисіонерамъ. Разумѣется, при такомъ устройствѣ, государство не могло удержаться, и я начинаю соглашаться съ тѣми историками, которые говорятъ, что гибель Польши была неизбѣжна. Въ самомъ дѣлѣ, Польша дѣлала все черезъ *факторовъ* — вводила *иностранныя* войска и просила *иностранцевъ* поддерживать или подавлять ея конфедераціи, сеймы, министровъ и королей, — какъ въ возстаніяхъ противъ насъ разсчитываетъ теперь даже не столько на себя, сколько на иностранную поддержку. Судя по первымъ двумъ днямъ моимъ въ этой сторонѣ, я увижу много для меня новаго: тутъ люди живутъ совершенно иначе, чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ. Все въ рукахъ евреевъ, которые мѣшаются во все — даже по улицѣ пройти нельзя, въ буквальномъ смыслѣ слова *нельзя*, чтобъ они не предложили всего, что̀ мнѣ нужно или ненужно, начиная отъ покупокъ и кончая тѣмъ, о чемъ говорить не принято. Удивительный край! Гдѣ я до сихъ поръ ни былъ, отъ Цареграда до Норвегіи и отъ Москвы до Парижа, вездѣ самъ промышлялъ о своихъ дѣлахъ — здѣсь же я хоть на боку лежи: за меня и думать и дѣлать будутъ другіе; только бы денегъ стало!

Итакъ, приступаю къ записыванію моихъ похожденій въ этой сторонѣ, гдѣ жизнь, должно быть, идетъ вверхъ ногами.

На станціи желѣзной дороги меня немедленно атаковали евреи, кельнеры и комисіонеры разныхъ отелей: «Zimmer wün-

schen sie?» «*Панъ шука готель?*» «Etwas kaufen?» «*Цо купить?*» Скоро я пріобстрѣляюсь и привыкну къ этому тормошенью; но сегодня у меня голова шла кругомъ. «Комнату мнѣ нужно», объявилъ: я — «но хочу впередъ цѣну знать».

—Але, нехай-же панъ попатри (посмотритъ)! кричатъ кругомъ.

— Хочу цѣну знать! провозглашаю я твердо и рѣшительно на томъ самомъ прекрасномъ языкѣ, который считаю польскимъ, а поляки принимаютъ за чешскій, сербскій, *москевскій,* и который, третьяго дня, въ вагонѣ, одинъ господинъ имѣлъ любезность принять за французскій. Теоретически я хорошо знаю польскій языкъ, читалъ на немъ много, съ лексикальною его стороною близко знакомъ, но въ выговорѣ моемъ есть какая-то вопіющая фальшь, и полякъ долженъ хорошо прислушаться къ моему говору, чтобъ понимать, о чемъ именно я веду рѣчь. Читателю надо принять къ свѣдѣнію эту особенность моей личности, чтобъ вполнѣ уразумѣть мои здѣшнія похожденія. Цѣны немедленно начали сбавляться: geschäft дѣлается здѣсь скоро. Сорокъ крейцеровъ въ сутки (24 коп. сер.) я счелъ недорогою платою за нумеръ, и отправился за вещами. Какой-то еврей подхватилъ фотографическій аппаратъ (я занимаюсь фотографіею), какой-то полякъ вцѣпился въ чемоданчикъ, и потащили ихъ со станціи. Гостинница оказалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ желѣзной дороги, то-есть, отъ моей главной квартиры на долгое и долгое время, пока я не объѣду всю Галицію, Познань, Лужичи, Литву и многія другія невѣдомыя у насъ страны. Я очутился въ корчмѣ: долговязый еврей, одѣтый по-европейски, съ весьма короткими пейсами, выскочилъ мнѣ на встрѣчу, раскланялся, объявилъ, что падаетъ *до ногъ*, что у него останавливаются первые паны въ Галиціи, и отперъ мнѣ комнату, изъ которой я теперь пишу вамъ эти строки. Комната эта не мала, но низка до невозможности; окна малы, мухъ гибель, дверь грязна; кровать какъ-то странно надломлена въ ногахъ; что̀-то въ родѣ дивана стоитъ у стѣны; но я очень доволенъ всѣмъ этимъ — доволенъ, во-первыхъ, потому, что окружающій меня хаосъ напоминаетъ мнѣ Россію, а во-вторыхъ, у меня подъ окнами зеленый дворъ, деревья, и есть у меня разваливающееся крылечко, на которомъ я могу сидѣть и смотрѣть, что̀ на дворѣ творится. А на дворѣ стоятъ брички, евреи въ пиджакахъ шныряютъ, и какой-то усатый полякъ мажетъ колеса. Впрочемъ, онъ не только колеса мажетъ, но и гардеробъ мой чиститъ,

чиститъ такъ добросовѣстно, какъ будто ему это дѣло въ новинку. Минутъ съ пять возился онъ съ моею шляпою, щеткою пробиралъ ее, рукавомъ проходилъ по полямъ, встряхивалъ, обдувалъ, и, все-таки, не съумѣлъ вычистить: должно быть чистота платья постояльцевъ моего еврея не входитъ въ спеціальность этого поляка. А полякъ мнѣ нравится: онъ напоминаетъ мнѣ типы старыхъ польскихъ солдатъ, которые попадаются вездѣ: и въ Европѣ и въ польскихъ романахъ, и которые чрезвычайно симпатичны. Въ нихъ много простодушія и наивности, при полномъ отсутствіи всякой задней мысли. Сколько я знаю польскаго простолюдина, въ немъ нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, что̀ у насъ подразумѣвается подъ словомъ «полякъ». Это, просто-на-просто, чистое дитя полей и лѣсовъ, смѣлое и потому доброе, честное и потому наивное.

За нимъ явился долговязый еврей-кельнеръ въ пиджакѣ, съ неизбѣжнымъ was winschen sie? Еврей, въ халатѣ и въ пейсахъ, не брезгаетъ польскимъ языкомъ, *за что его очень уважаютъ*, но еврей бритый и стриженый мнѣ уже рѣшительно гадокъ: онъ считаетъ себя *нѣмцемъ* и представителемъ цивилизаціи, блистаетъ своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка, который, все-таки, ломаетъ, обдираетъ бѣднаго хлопа хуже чѣмъ простой набожный еврей, и уже окончательно ни передъ чѣмъ не останавливается.

Спрашиваетъ меня мой кельнеръ, чего мнѣ угодно. Ѣсть я не хочу, потому что усталъ, кофею только-что на станціи напился, въ покупкахъ не нуждаюсь; «etwas hübsches wünschen Sie»? (хорошенькаго хотите?)

— Чего такого? неудомѣваю я.

— Ganz ordentliches... (очень порядочное), внушаетъ мнѣ мой еврей.

— Да что такое? Я не понимаю!

— Fir unterhaltung! (позабавиться), поясняетъ онъ. Меня, наконецъ, озаряетъ: я понимаю, чѣмъ онъ подчуетъ и какого рода услуги мнѣ предлагаетъ. Не умѣю объяснить, лицо что̀ ли мое приняло особое выраженіе, шевельнулся ли я какъ-нибудь особенно, только еврей отступилъ шага на два назадъ и сталъ извиняться. Когда онъ вышелъ, я остался въ полномъ недоумѣніи: гдѣ я ни бывалъ, куда я ни заѣзжалъ, никогда ни одинъ половой не дѣлалъ мнѣ подобныхъ обязательныхъ предложеній; это принято только въ Россіи и въ Польшѣ — ergo, польская цивилизація не можетъ имѣть претензіи на

превосходство передъ нашею. Здѣсь евреи навязываются съ подобными угощеніями человѣку, который только что пріѣхалъ въ городъ; стало быть, общественная нравственность Перемышля стоитъ довольно невысоко. Не стали бы евреи угощать товаромъ, который не *въ большомъ* ходу: запросъ порождаетъ предложеніе, предложеніе порождаетъ запросъ — такъ учитъ политическая экономія. Кто виноватъ въ упадкѣ здѣшней нравственности, покуда не знаю, но постараюсь добиться.

Я вышелъ на крылечко. Утро было та̀къ хорошо — мнѣ хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ духоты и тѣсноты вагона, въ которомъ я провелъ ночь. Мимо меня то и дѣло проходили поляки, возившіеся около бричекъ: это какіе-то разночинцы, вродѣ нашихъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ, старыхъ дворовыхъ — одни только съ усами, другіе съ усами и съ бакенбардами, въ долгополыхъ холщевыхъ сюртукахъ, въ большихъ сапогахъ. Этотъ класъ людей носитъ здѣсь преимущественно чамарки, разумѣется, безъ всякой политической цѣли, и что́-то въ родѣ конфедератокъ — четыреугольные черные колпаки съ козырькомъ. Надо признаться, что это незаконное сочетаніе народной польской (и великорусской) шапки съ нѣмецкимъ картузомъ вовсе не красиво, но, должно быть, въ большомъ ходу: даже школьники носятъ такой же уборъ на своихъ юныхъ головахъ. Народъ, то-есть, *хлопъ*, щеголяетъ въ соломенныхъ и поярковыхъ шляпахъ съ широкими полями. Такія шляпы распространены по всѣмъ отрожьямъ Карпатовъ и по низовьямъ Дуная между валахами и молдаванами, костюмъ которыхъ вообще сильно сбиваетъ на южнорусскій.

Возсѣданіе мое на крылечкѣ нѣсколько смутило спокойствіе честно́й компаніи, трудившейся около бричекъ. Они, очевидно, ломали голову: *панъ* я или *не панъ*, и нѣтъ ли чего ясновельможнаго подъ моимъ порыжѣлымъ пальто. Я изъ того это заключаю, что проходя мимо меня, они каждый разъ снимали шапки, и снимали ихъ какъ-то безпокойно, точно совѣсть ихъ была нечиста — слѣдуетъ кланяться или не слѣдуетъ вертѣлось у нихъ въ головѣ и они на всякій случай проходили мимо меня безъ шапокъ. Этого опять я не видалъ ни въ христіанской, ни въ турецкой Европѣ; даже у насъ, сколько я знаю Россію, это ломанье шапокъ передъ всякимъ, кто одѣтъ не мужикомъ, далеко не та̀къ въ обычаѣ. И это, опять-таки, не австрійцы ввели — это еще старая Польша живетъ съ ея панами

и дворянами, съ меценатами и кліентами — тутъ нѣтъ понятія объ англосаксонскомъ «selfhelp» и о нашемъ «*ой, дубинушка охни!*» здѣсь всѣ стали факторами другъ у друга, никто ничего не дѣлаетъ, всякій разсчитываетъ на *ласку* другаго, прежде чѣмъ на свои «*могутны плечи*».

Перемышль (или Пшемысль, какъ говорятъ поляки) городъ очень и очень маленькій: въ полчаса его можно весь исходить; но мало я знаю городовъ, которые лежали бы въ такой красивой долинѣ, какъ эта кучка домиковъ. Виды вездѣ великолѣпные. Рѣка Сянъ (Санъ по-польски) вьется какъ лента, тополи, яворы, березы торчатъ тамъ и сямъ по канавкамъ нивъ; кой-гдѣ бѣлѣютъ *халупы* мазуровъ — здѣсь польское населеніе граничитъ съ русскимъ. Костелы смотрятъ въ небо своими маковками въ формѣ луковицъ — любимая форма и у насъ и у западныхъ славянъ: южные славяне вовсе ея не знаютъ. Пропасть бабъ и мужиковъ разгуливаетъ по городку. Это народъ очень бѣдный, большею частью босой, въ бѣлыхъ холщевыхъ свитахъ, покроемъ точно такихъ, какъ наши армяки. Рубахи съ прямымъ воротомъ. Бѣдность ихъ видна во всемъ: суконныя свиты — рѣдкость; расшитныхъ рубахъ я почти вовсе не видалъ въ Перемышлѣ. Даже по кабакамъ мало они сидятъ — неурожаи были въ послѣдніе годы, наборъ, да еще подати разоряютъ: здѣсь почти каждый платитъ правительству *треть* (это я не ошибаюсь, что пишу *треть*) своего дохода. Чѣмъ жить этой странѣ? А на ней еще лежитъ 300,000 евреевъ, людей, которые сами ничего не производятъ, ничему не учатъ жителей, которые, по умственному развитію, стоятъ не выше мужика, а по нравственному, очевидно, ниже, и которыхъ все занятіе состоитъ только въ томъ, чтобъ купить вещь у одного здѣшняго производителя и продать ее другому. Они живутъ положительно въ ущербъ краю. У нихъ нѣтъ ни фабрикъ, ни мастерскихъ — потому что лучше и не говорить, какіе они столяры, портные, сапожники; у нихъ домовъ даже нѣтъ—они вовсе не охотники строиться. Вѣчно пускаютъ они деньги въ обороты, вѣчно богатѣютъ и разоряются, разоряются и богатѣютъ, на все бросаются и ни за что̀ толкомъ не берутся. Когда я гляжу на здѣшнія уличныя сцены, мнѣ все сдается, что евреи попали сюда вовсе не нѣсколько вѣковъ назадъ, а много, много съ мѣсяцъ. Ка̀къ они пришли, та̀къ и остались въ дорожномъ, оборванномъ платьѣ; та̀къ и квартиры ихъ устроены на ско-

рую руку, полы не метены, вещи не прибраны. Они сами не знаютъ, останутся они тутъ или завтра выбирутся на всѣ четыре стороны; поэтому, они ничѣмъ и не обзаводятся, а чтобъ время не тратить по пустякамъ, ходятъ себѣ по улицамъ можетъ быть, не тутъ, такъ тамъ, понадобится кому-нибудь факторъ или что̀ можно купить дешево. По крайней мѣрѣ, таково мое первое впечатлѣніе. Если я ошибаюсь и если замѣчу въ чемъ бы то ни было свою ошибку — я исправлю ее въ слѣдующихъ письмахъ.

Набродившись по городу безъ всякихъ путеводителей и показчиковъ, я отправился къ гг. Бачинскимъ, директорамъ русскаго народнаго театра, который мнѣ очень хотѣлось видѣть. Русскій театръ здѣсь дѣло новое и пользуется большимъ сочувствіемъ народа и духовенства — поляки и польская партія ненавидятъ его отъ глубины души. Гг. Бачинскіе живутъ по дорожному, въ отелѣ, гдѣ помѣщается и сцена. Я отрекомендовался, передалъ поклоны и былъ принятъ въ высшей степени радушно. Емельянъ Васильевичъ Бачинскій природный галичанинъ, родомъ изъ Самбора; лѣтъ ему будетъ около сорока; онъ сынъ священника, какъ всѣ здѣшніе образованные люди; а какъ всѣ здѣшніе артисты, сценическое поприще свое онъ началъ на польской сценѣ здѣсь и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ 1861 году, когда умеръ извѣстный антрепренёръ Пекарскій, Емельянъ Васильевичъ сдѣлался директоромъ его странствующей труппы, ѣздилъ съ нею въ Одессу, въ Балту, въ Бердичевъ, въ Каменецъ-Подольскъ, женился на г-жѣ Лютомской, знаменитой по красотѣ и по трагическому таланту и въ 1864 году перебрался въ Галицію. Въ то время въ Россіи начали неблагосклонно смотрѣть на польскія и украинскія сцены, потому что въ употребленіи южнорусскаго нарѣчія видѣли какую-то сепаратистскую пропаганду — справедливо или нѣтъ, скажу послѣ — и Емельянъ Васильевичъ рѣшился перенестись въ Галицію, гдѣ его дѣятельность могла быть полезною русскому дѣлу. Туда же звалъ его, именно съ этою цѣлью, предсѣдатель оберландсгерихта во Львовѣ, членъ сейма и сеймовой комисіи, г. Лавровскій, одинъ изъ передовыхъ дѣятелей русскаго народа въ здѣшнихъ краяхъ. Лавровскій рѣшился основать въ Галиціи русскій театръ; но ни у него, ни у кого другаго русскаго не было на то денегъ. Прибѣгли къ складчинѣ, единственному способу что́-нибудь сдѣлать — и складчина принесла 3,500 гульд. (около 2,100 руб. сер.). Деревенскіе свя-

щенники давали свои гроши, чиновники тайкомъ давали гульденъ изъ своего жалованья; даже мужики, эти бѣднѣйшіе мужики на свѣтѣ, удѣляли свои крейцеры на народное дѣло, сущность котораго имъ, разумѣется, несовсѣмъ понятна. Но крестьянинъ вѣритъ своему попу и поповичамъ, потому что онъ убѣжденъ въ чистотѣ ихъ намѣреній и безкорыстной любви къ нему, и куда они пойдутъ, туда и онъ двинется своимъ робкимъ шагомъ. Владиміръ Хрисанфовичъ Бучацкій, собственно юристъ, а покуда jeune premier галицкой сцены, разсказываетъ, что онъ самъ, въ приходѣ своего отца, собралъ у мужиковъ *сорокъ четыре гульдена* на русскій театръ; надо видѣть здѣшняго мужика, отупѣлаго, босаго даже въ праздникъ, живущаго въ курной избѣ, чтобъ понять, почему я выставляю курсивомъ эту цифру — *сорокъ четыре гульдена.* Здѣсь сторона чудесъ, лунное царство; Польша — исключительный міръ, и что́ здѣсь творится, не творится нигдѣ на свѣтѣ.

Сцена устроилась.

Поляки сочувствовали дѣлу, хотя я не слыхалъ, чтобъ они помогали ему; сочувствовали потому, что имъ нравилось развитіе *рускаго* языка въ ущербъ языку *россійскому.* Въ первое представленіе, 17-го (29 го) марта 1864 года, дана была «Маруся» Квитки (Основьяненко) — оно произвело фуроръ. Театръ оказался возможнымъ. Бачинскимъ русскіе дали 1,000 гульденовъ (600 р. с.) годовой поддержки и половину сбора; труппа состоитъ у нихъ изъ четырнадцати артистовъ и пяти человѣкъ помощниковъ, считая кассира, суфлера и tutti quanti. Содержаніе ея сто̀итъ имъ 528 гульденовъ въ мѣсяцъ: артистъ получаетъ отъ 25-ти до 50-ти гульденовъ въ мѣсяцъ, т. е. отъ 15-ти до 30-ти рублей; при здѣшней общей бѣдности и дешевизнѣ — это все, что они могутъ дать. Да и сами актёры единогласно увѣряли меня, что они бьются вовсе не изъ-за денегъ, а изъ за службы народному дѣлу. По мѣрѣ успѣховъ русской сцены, симпатіи поляковъ къ ней начали охлаждаться и перешли въ ненависть. На выборъ пьесъ, на ходъ и на существованіе театра имѣли вліяніе не шляхта, не поляки, а русское духовенство и поповичи. Употребленіе южнорусскаго языка оказалось равнозначащимъ употребленію нашего книжнаго, хоть актёры и зрители даже не знаютъ послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, русскій языкъ на сценѣ, въ водевиляхъ, въ трагедіяхъ, въ чемъ угодно — все это возбуждаетъ въ здѣшнемъ населеніи историческія

воспоминанія и гордость своимъ прошедшимъ. А прошедшее Руси и прошедшее шляхетной Польши — двѣ вещи разныя: Владиміръ Святой и Болеславъ Храбрый, Хмельницкій и Чарнецкій, Кіевъ и Варшава, православіе и унія, панъ и хлопъ — фаталистическая несовмѣстимость польскихъ традиціонныхъ ученій съ современными доктринами политической экономіи, народности и гражданскаго равенства. Поляки, съ ихъ точки зрѣнія, совершенно правы въ ненависти къ Руси, и они вовсе не ошибаются, опасаясь, что Русь *смоскалитъ*. Гоненье на театръ таково, что дирекція, въ переѣздахъ своихъ, должна за все платить въ тридорога. Не всякій согласится допустить ее въ домъ, печатать афиши — одни считаютъ ее врагомъ польскаго дѣла, другіе не хотятъ ссориться съ поляками. Но театръ не только не страдаетъ отъ этого, а даже выигрываетъ: когда афиши, прилѣпленныя на стѣнахъ домовъ, ревнители старой Польши вымажутъ грязью или веществомъ болѣе благороднаго происхожденія, чѣмъ простая уличная грязь — театръ становится вдвое болѣе полонъ: одни идутъ изъ опозиціи, другіе изъ любопытства. Къ чести поляковъ надо сказать, что такія энергическія мѣры противъ *россійской* пропаганды принимаются вовсе не образованными людьми — только мелкая полуграмотная шляхта, мастеровые, слуги потѣшаютъ себя этими выходками.

До представленія оставалось часа три. Я пошелъ въ уніатскій капитулъ къ отцу Григорію Гинилевичу, канонику здѣшней епархіи. Въ капитулѣ, бывшемъ кармелитскомъ монастырѣ, помѣщается типографія, семинарія (*семенище,* какъ здѣсь очень хорошо выражаются), библіотека. Каноникъ, то-есть епархіальный совѣтникъ, выбритый и выстриженный, какъ все здѣшнее духовенство, несмотря ни на соборныя положенія, ни на протесты, принялъ меня чрезвычайно радушно: вообще я долженъ сказать, что едва-ли гдѣ есть люди беднѣе, но за то ласковѣе и гостепріимнѣе здѣшнихъ. Мнѣ съ ними ужасно неловко: я не знаю, какъ и чѣмъ отвѣчать на эту предупредительность, которая у нихъ идетъ очевидно отъ сердца — не знаютъ, куда посадить, чѣмъ угостить; а между тѣмъ, я человѣкъ имъ совершенно незнакомый, даже и явился сюда безъ всякихъ письменныхъ рекомендацій. Отецъ Григорій, какъ и всѣ здѣсь, не говоритъ по-книжному. Первыя минуты мнѣ было нѣсколько трудно понимать его южнорусскую рѣчь, мягкую нѣжную: *винъ* вмѣсто *онъ*, *свитъ* вмѣсто *свѣтъ*, *пѣвный* — *вѣрный*,

богато — *много, першій* — *первый* и т. п. Но нашъ книжный языкъ имѣетъ то превосходное свойство, что правописаніе его вовсе не указываетъ на наше, московское, произношеніе, да сверхъ того, въ немъ напутано такое множество церковныхъ и южно-русскихъ словъ писателями прошлаго вѣка, изъ которыхъ девять десятыхъ были южнорусы, что стоитъ нѣсколько минутъ прислушаться къ этому говору, чтобъ освоиться съ нимъ. Меня же они хорошо понимаютъ, особенно когда я говорю медленно и не припутываю чисто великорусскихъ выраженій. Два это языка, сѣвернорусскій и южнорусскій — или одинъ? Мнѣ кажется, что они находятся теперь въ томъ періодѣ, когда могутъ и слиться, и раздѣлиться безъ особыхъ усилій. Хотя и стоитъ ли того раздѣляться и нужно ли это раздѣленіе, я сильно сомнѣваюсь, помимо всякихъ соображеній о единствѣ Русскаго Государства. Близки эти языки такъ, что если мнѣ нужна недѣля, чтобъ заговорить по-чешски или по-сербски, то едва-ли въ полгода перейму я южнорусскій выговоръ. Я съ перваго раза понимаю все, что мнѣ говорятъ, и меня съ перваго раза понимаютъ: разница только въ произношеніи гласныхъ, да въ употребленіи десятка-другаго словъ. Вообще же мнѣ не разъ высказывали галичане, что они понимаютъ насъ лучше, когда читаютъ, чѣмъ когда слушаютъ. А затѣмъ, еслибъ они, какъ и всѣ вообще южнорусы, пошли по дорогѣ, указанной сербами, то литературное единство русскихъ нарѣчій, разумѣется, порвалось бы. Сербы такъ очистили свой языкъ отъ примѣси всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій, такъ строго приняли въ основаніе своего книжнаго языка языкъ своихъ пѣсенъ и сказокъ — что теперь не понимаютъ нашихъ книгъ. Галичане вообще владѣютъ политическимъ тактомъ и избѣгаютъ этого отчужденія отъ прочей Руси. Они говорятъ и пишутъ по-своему, но приняли такую ороографію, что и мы можемъ понимать ихъ, и они выучиваются читать по-нашему. Они удержали *о* или *е*, которыя выговариваются у нихъ иногда какъ *и;* они отличаютъ ихъ отъ чистаго *о* и *е* надстрочнымъ ^ — *ô*, *ê*, а придыхательнаго *в* вовсе не пишутъ. Поэтому въ ихъ книгахъ вездѣ стоитъ *свѣтъ, бѣлый-ôрелъ, ôкно* — вмѣсто болѣе правильныхъ, но совершенно непрактическихъ, *світ, білий, воріль, вікно*. Любовь къ своему языку и лингвистическая послѣдовательность — вещи очень хорошія, но разсчетъ долженъ стоять выше всего. Разойтись можно легко, но не лучше ли

тысячу разъ подумать, прежде чѣмъ изъ любви къ граматикѣ, рѣшиться на этотъ шагъ? Впрочемъ, я слишкомъ великорусъ, чтобъ быть безпристрастнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ; мнѣ оно кажется положительно вреднымъ: для чего отрекаться отъ общаго намъ всѣмъ способа выраженія мыслей, лишать и себя и насъ возможности помогать другъ другу? Гоголь, Марко Вовчокъ и другіе — такіе же южнорусскіе, какъ и наши, писатели.

Разговоръ съ отцомъ Григоріемъ зашелъ, разумѣется, прежде всего объ уніи. Онъ глубоко негодуетъ на латинизацію ихъ церкви. По соборнымъ постановленіямъ, уніаты не только могутъ, но даже *должны* сохранять восточный обрядъ: унія вся состоитъ только въ признаніи главенства папы — а іезуиты обрили и остригли духовенство, ввели въ обрядъ множество латинскихъ обычаевъ. Царскія двери не затворяются; облаченіе перемѣнено, стало на половину латинскимъ, на половину нашимъ; иконостасъ, большею частью, безъ иконъ; звонятъ во время богослуженія; насилу органы удалось вывести. Мы хотимъ, говоритъ о. Гинилевичъ, возстановленія той церкви, которой отцы наши слѣдовали; мы просимъ о томъ, на что имѣемъ право, — и намъ отказываютъ. Папа согласенъ на все; онъ только то и твердитъ, что *любитъ* (?) восточный обрядъ, но церковью управляетъ не онъ, а его приближенные, которые всѣ состоятъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, а іезуиты домогаются централизаціи церковнаго управленія въ Римѣ и введенія повсюду одного и того же обряда. Іезуиты — это монтаньяры католицизма. Имъ глаза колетъ всякая мѣстная особенность, основанная на преданіи или на исключеніи. Въ Китаѣ они допускали унію католичества съ ученіемъ Конфуція, но вовсе не затѣмъ, чтобъ сохранять ее, а только чтобъ не препятствовать распространенію правъ Рима. Русскіе признали Римъ — стало быть, теперь нечего баловаться сохраненіемъ всякой нелатинской старины, словомъ, унія была дѣйствительно западнею латинизма восточному обряду, а мечты распространить славянское богослуженіе у прочихъ славянъ-католиковъ помощію уніи теперь лопнули. У насъ хаосъ, говорятъ уніаты: нами помыкаютъ, какъ хотятъ, безъ уваженія къ нашимъ правамъ, да вдобавокъ презираютъ насъ. Положеніе, дѣйствительно, незавидное.

Въ библіотекѣ капитулы хранятся: портретъ князя Льва Галицкаго, епископовъ и прочихъ перемышльскихъ русскихъ дѣятелей, вериги великаго пропагандиста католицизма и гони-

теля православія Максиміліана Рыла, мощи котораго лежатъ тоже въ Перемышлѣ и творятъ чудеса. Замѣчательныхъ вещей немного: грамоты Льва разнымъ церквамъ, нѣсколько рукописныхъ евангелій, но не старыхъ, древній семиконечный крестъ.

Я могу потѣшить нашихъ ревнителей древняго благочестія — осьмиконечный и семиконечный крестъ, дѣйствительно, были чрезвычайно распространены въ Россіи, такъ что ихъ надо отнести къ особенностямъ русской церкви. На Востокѣ ихъ почти не знаютъ, какъ не знаютъ нашихъ фелоней съ короткимъ передомъ, нашихъ каптырей, клиросовъ, нотнаго пѣнія (хоть по крюкамъ) и т. п. Съ глубокодревнихъ временъ, русская церковь была вполнѣ народною и развивала православіе независимо отъ греческой, передавшей ей, при паденіи Царяграда, всѣ свои права на православный востокъ. Новыхъ русскихъ книгъ въ библіотекѣ нѣтъ — наши писатели и наши ученыя общества даже не знаютъ о существованіи здѣсь русскихъ и не удостоиваютъ ихъ, бѣдныхъ, своимъ вниманіемъ; но духовенство наше знаетъ этотъ край. Отецъ Григорій говоритъ, что ему присылаютъ наши духовные журналы. «*Дуже гарно,* говорилъ онъ, идетъ у васъ богословская литература. Статьи все дѣльныя, видно серьёзное изученіе предмета», а онъ человѣкъ хорошо знакомый съ богословіемъ. Объ уніи и ея будущности, какъ вообще обо всѣхъ этихъ вопросахъ, щекотливыхъ для здѣшнихъ жителей, я не заговаривалъ, да и не стану заговаривать. Дѣло разъяснится само собою, а Римъ и Польша сами разбираютъ этотъ гордіевъ узелъ Галиціи.

Отцу Григорію нужно было идти на какое-то засѣданіе — мнѣ нужно было побродить по городу. Капитула стоитъ на горѣ; и не далеко отъ нея развалины польской крѣпостцы, поставленной на мѣстѣ русской, которая, по преданію, была деревянная. Тутъ-же, гдѣ-то, говорятъ, хоронились русскіе князья. Подлѣ развалинъ хорошенькій городской садъ. Польская надпись поручаетъ его покровительству жителей. Видъ съ горы великолѣпенъ. Весь городокъ какъ на ладони: рѣка Сянъ змѣится по долинѣ. Помнится, въ нашихъ географіяхъ она обозначена польскимъ именемъ Санъ — это ошибка. Сянъ очень мелокъ, такъ что его въ бродъ переѣзжаютъ; у него песчаное дно, и здѣшніе жители хвалятъ купанье въ немъ. Но весною онъ очень сильно разливается и нерѣдко разоряетъ крестьянъ. Въ этихъ разливахъ вода размываетъ старыя могилы; кости русскихъ и

поляковъ, не разъ обливавшихъ кровью его берега, вновь являются на свѣтъ божій. Хороша эта сторона, но тяжелую исторію прошла она, и много горя видѣла и видитъ здѣсь бѣдная Русь. «*Знай ляше — по Сянъ наше!*» говорятъ до сихъ поръ русскіе полякамъ, указывая на свою рѣчку; а она, въ самомъ дѣлѣ, служитъ этнографическою границею мазуровъ съ русскими

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ 10.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ НАРОДНЫЙ.

Въ пятокъ, 2-го (14-го) септемврія 1866. На доходъ (т. е. бенефисъ) Александра Концевича.

ВЪ ПЕРШІЙ РАЗЪ:

ГАЛЯ.

Нова оперетка въ 2 дѣйствіяхъ зъ французскаго. Нова оригинальна музыка г. *Михаила Вербицкаго.*

Лица:

Иванъ, старый жовнеръ (солдатъ) *П. Нижанковскій.*
Галя, его дочка. *П-на Бачиньска.*
Славскій, офицеръ *П. Концевичъ.*
Гордыня, шинкарка *П-на Лукасевичъ.*
Гаврилко, ея сынъ *П. Вѣтошиньскій.*
Пѣтро, слуга Славского *П. Максимовичъ.*

Дѣеся передъ хатами Гордынѣ и Ивана.

ПЕРЕДЪ ТЫМЪ:

КОТРА ЗЪ НИХЪ.

Комедія зъ французскаго въ 1 дѣйствію.

Лица:

Наталія Кривска, замужна *П-на Лукасевичъ.*
Наталія Кривска, вдова *П-на Смоленьска.*
Таня, покоева (горничная) *П-на Морельовска.*
Смѣленько *П. Чацкій.*

Цѣна мѣстцямъ: Мѣстце нумер. 1 злр. — Мѣстце стоящое 50 кр. — Партеръ 25 кр. — Галерія 20 кр. а. в.

Початокъ о 7 годинѣ вечеромъ.

Смерклось. Я пошелъ въ театръ, устроенный временно въ одной изъ залъ еврейскаго отеля (здѣсь все еврейское). Надъ занавѣсомъ — увы! я понимаю, за что этотъ театръ не любятъ поляки — красовался не бѣлый орелъ, а галицкій левъ. Народу было полно. Афиша гласила... но я выписалъ вамъ всю афишу, чтобъ вы видѣли какой здѣсь языкъ.

Я заплатилъ *золотый ренскій* (гульденъ), какъ здѣсь говорятъ, и за это досталъ себѣ *мѣстце нумероване,* то-есть кресло, или, по просту, стулъ въ партерѣ. Мой № 80-й пришелся въ пятомъ ряду, противъ самой сцены. Театръ, какъ я сказалъ, былъ полонъ, и между зрителями было очень много священниковъ. Священники русскіе костюмомъ ничѣмъ почти не отличаются отъ ксёндзовъ, развѣ только волоса носятъ нѣсколько подлиннѣе, изъ опозиціи латинству. Главные поддерживатели театра, присутствіе свое они тѣмъ объясняютъ, что «Кормчая» запрещаетъ ходить только на безнравственныя *позорища,* какъ бои гладіаторовъ, непристойныя пьесы, а вовсе не на такія представленія, которыя совершаются добрыми христіанами; а другое, толкуютъ здѣсь, нельзя же пастырю не наблюдать за увеселеніями его паствы. Я не богословъ, поэтому ничего не скажу — такъ это или не такъ.

Сосѣди мои то и дѣло заговаривали со мною: *якъ господину ся подобае нашъ театръ? господинъ естъ зъ далека?* Въ маленькомъ городѣ уже знали, что я пріѣзжій и *россіянинъ.* Представленіе началось водевилемъ: «Котра зъ нихъ»? Бачинскій говорилъ мнѣ, что это переводъ съ *россійскаго,* и что его даютъ у насъ *). Сюжетъ тотъ что Смѣленко докутился до тюрьмы и если не женится на вдовѣ Кривской, то дядя не выкупитъ его и не сдѣлаетъ своимъ наслѣдникомъ. Онъ приходитъ къ Кривскимъ, объявляетъ, что женится на одной изъ нихъ, но спрашиваетъ на которой, потому что онъ не знаетъ, которая изъ нихъ вдова. Онѣ удивлены такимъ сватовствомъ ex abrupto, сердятся на него, мистифируютъ его и заставляютъ угадать, кто изъ нихъ его нареченная. Я ожидалъ передъ поднятіемъ занавѣса, что все выйдетъ очень печально: во-первыхъ, театръ устроенъ въ захолустьѣ, на копеечныя средства, другое — малорусскій языкъ можетъ куда угодно идти, но никакъ не въ водевиль, и... и, какъ всякій предубѣжденный человѣкъ, жестоко ошибся.

*) Въ Петербургѣ эта пьеса дается подъ названіемъ «Которая изъ двухъ»?

2*

Въ Польшѣ сильно развита провинціальная жизнь: поэтому, человѣкъ изъ какого-нибудь Перемышля вовсе не походитъ на человѣка изъ какого-нибудь Царевококшайска, а потому и польскія провинціальныя труппы, въ которыхъ образовалась большая часть русскихъ актеровъ, вовсе не плохи. Разумѣется, что публика, между которою я сидѣлъ, была далеко не такъ взыскательна, какъ наша, и что народный театръ *обязанъ* нравиться ей, что неизбѣжно портитъ актеровъ; но я думаю, что этимъ актерамъ даже и не въ Перемышлѣ всякій сталъ бы аплодировать отъ чистаго сердца. Чацкій (собственно Владиміръ Хрисанфовичъ Бучацкій) превосходно сыгралъ свою роль. Про актрисъ я ничего не скажу: онѣ играли не худо, но въ этой пьесѣ не могли показать своего таланта. Языкъ... но сами украинскіе писатели пріучили насъ читать и слушать на этомъ языкѣ только наивности, а между тѣмъ онъ ничуть не страненъ въ устахъ свѣтскихъ людей, какіе были выведены въ этой пьесѣ. Разумѣется, изъ него, какъ и изъ всякаго провинціализма, можно очень легко сфабриковать новый языкъ, и тутъ-то надо дивиться непредусмотрительности поляковъ, которые ничего не сдѣлали для этого языка, тогда какъ вѣчно толковали, что онъ-то и есть настоящій русскій, а не россійскій. Они сами помогали и помогаютъ слитію воедино всѣхъ русскихъ племенъ, и если когда осуществится это слитіе, если когда-нибудь и сама унія исчезнетъ, то это, опять-таки, будетъ польская работа; не надо пророкомъ быть, чтобъ предсказать это: вся польская политика послѣдняго времени есть политика политическаго самоубійства.

«Галя» шла также очень хорошо, но эта пьеса уже изъ народнаго быта и съ направленіемъ. Глупый Гаврилко, сынъ богатой Гордыни, влюбился въ дочь отставнаго солдата Ивана. Солдатъ груститъ, что его дочь невесела; Гаврилка, въ простотѣ души, увѣряетъ его, что она въ него влюблена и проситъ старика, чтобъ онъ поговорилъ за него съ его гордою и богатою матерью. Мать не соглашается. Въ это время пріѣзжаетъ въ село капитанъ Славскій, въ котораго и влюблена Галя; старый солдатъ проситъ поговорить за него съ богачкою. Славскій самоотверженно рѣшается сватать за Гаврилку дѣвушку, въ которую успѣлъ самъ влюбиться. Выходитъ путаница; никто ничего не понимаетъ. Наконецъ, Славскій женится на Галѣ и дѣлается мужикомъ, что торжественно и объ-

являетъ присутствующимъ, совѣтуя убѣгать развратныхъ городовъ и возвращаться на лоно сельской тишины къ *своимъ* землякамъ, для службы *своему* народу, для того, чтобъ жить одною жизнью съ народомъ, а народъ этотъ на сценѣ одѣтъ здѣшними русскими — стало быть, камень кинутъ въ польскій огородъ. Но направленіе пьесы не искупаетъ натянутости ролей Ивана и Славскаго: роли эти фразисты до крайности, такъ что слушать тошно. Тѣмъ не менѣе, г-жа Бачинская играла Галю великолѣпно, и я понимаю, почему всѣ русскіе говорятъ о ней съ такимъ энтузіазмомъ, а поляки злятся, что она — сама виленская полька — играетъ на русской сценѣ. Ей уже 200 гульденовъ давали въ мѣсяцъ, чтобъ она перешла въ Краковъ, благородная женщина не покидаетъ начатаго дѣла. Теофила Осиповна почти на сценѣ и родилась. Отецъ ея самъ антрепренеръ, и труппа его теперь гдѣ-то въ Орлѣ или около Орла (у брата ея мѣховой магазинъ въ Петербургѣ на Невскомъ). Первый дебютъ этой замѣчательной артистки былъ въ балетѣ въ Варшавѣ; но для балета у нея было слишкомъ много таланта: танцовать мало тому, кто можетъ говорить. Какъ и всѣ актеры нашихъ западныхъ губерній, она пустилась въ путь, играла въ Бердичевѣ (театръ Зелынскаго), въ Кіевѣ на губернскомъ театрѣ, который состоялъ тогда подъ управленіемъ генерала Кобылина, наконецъ очутилась въ Каменцѣ-Подольскомъ, гдѣ и вышла за г. Бачинскаго. Я пристально слѣдилъ за ея игрою — ни одной фальшивой ноты, ни одной искусственной позы. Такъ и видишь красавицу Галю, которая даже сама не знаетъ, что она влюблена. Любимый отецъ и дорогой ей Славскій, не понявъ ея молодаго сердца, выдаютъ ее за другаго — какъ негодуетъ она и какъ понять не можетъ, что съ нею творятъ! Признанье вырывается у нея невольно, само собою, просто и безхитростно. Чего же хитрить? Любовь ея чиста, и ея дѣвичья стыдливость не можетъ быть оскорблена этимъ признаніемъ. Да, надо быть очень не послѣднею актрисою, чтобъ изъ этой слабенькой пьесы, изъ водевильной роли сдѣлать нѣчто порядочное, заставить зрителя пережить жизнью дѣвочки семнадцати лѣтъ, заглянуть въ тайники ея сердца. Передать игру артиста также нельзя словами, какъ музыку, какъ картину: поэтому я и не стану больше разсказывать объ ея игрѣ; но долго, кажется, не забуду этого вечера въ театрѣ бѣдняковъ, въ глухой Галиціи, въ бѣдномъ полурусскомъ Пе-

ремышлѣ. Кто еще хорошо игралъ въ этотъ вечеръ, то это г. Вѣтошинскій, — на видъ еще очень молодой человѣкъ. Роль его была — представить наивнаго дурака, Гаврилку, и онъ сдѣлалъ это прекрасно. Не хохотать отъ души было невозможно. Но любимецъ здѣшней сцены, Александръ Клементьичъ Концевичъ, бенефиціантъ нынѣшняго вечера, или былъ не въ ударѣ, или роль его была неисполнимая — онъ меня ничѣмъ не поразилъ. Да и трудно было что-нибудь сдѣлать изъ этихъ фразъ. Представьте себѣ не то Печорина, не то Грушницкаго, который привѣтствуетъ родныя Карпаты въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ и объявляетъ Галѣ, что онъ раненъ. «Куда?» съ испугомъ спрашиваетъ дитя. «Въ сердце!» провозглашаетъ разочарованный капитанъ. Тутъ никакой талантъ себя не покажетъ. Но баритонъ Концевича дѣйствительно хорошъ, и онъ очень хорошо и выразительно пропѣлъ свою финальную арію мужикамъ, въ которой объявлялъ и о любви къ народу и о необходимости сближенія съ нимъ высшихъ сословій.

Въ этой бѣдной Галичинѣ даже композиторы есть. Музыку писалъ тоже священникъ, отецъ Михаилъ Вербицкій. Мнѣ указали его въ партерѣ. Стриженый и бритый, въ очкахъ, на видъ человѣкъ лѣтъ сорока — простой сельскій попъ. А музыка очень недурна, сколько я понимаю. Она вся основана на южнорусскихъ мелодіяхъ, но вовсе безъ рабскаго подражанія имъ. Отецъ Михаилъ сдѣлалъ изъ нихъ что-то совершенно самостоятельное. Наши дирекціи и консерваторіи могутъ снестись съ нимъ черезъ г. Бачинскаго, если имъ любопытно знать, что дѣлается на Руси. Мнѣ понравилось; здѣшніе хвалятъ, а здѣшнимъ я вѣрю, потому что здѣсь въ домѣ каждаго священника найдется если не фортепьяно, то скрипка или флейта, потому что здѣсь заведеніе хоровъ при церквахъ считается дѣломъ патріотизма; музыкою здѣсь очень многіе занимаются.

Противъ меня сидѣлъ сѣдой священникъ, который нѣсколько разъ заговаривалъ со мною. «Хочете нашъ край видѣти», говорилъ онъ: — «ходитъ до отца Іустина, ôнъ (читай *винъ*) мôй швагеръ (зять), ôнъ господину все покаже». Со всѣхъ сторонъ раскланивались со мною, заговаривали; спрашивали, кàкъ мнѣ городъ понравился, каковъ ихъ театръ, театръ, устроенный на ихъ кровные трудовые гроши... Что это за народъ? Какъ живетъ онъ? Только тò знаю, что онъ очень радушенъ. Но хватитъ силы, изучу его — правду буду ста-

раться узнать о немъ, какая бы то ни была правда, за него или противъ него, въ нашу пользу или не въ нашу.

Я вышелъ изъ театра. «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звѣзды блещутъ...», подъ бокомъ у меня что-то завертѣлось въ темнотѣ. «Я могу служить пану; тутай есть една пани, ganz ordentlich», трещитъ еврей. И это послѣ Гали! «Нехъ панъ иде до дьябла!» крикнулъ я ему на весь Перемышль и бросился домой — еврей исчезъ.

Дома кельнеръ подаетъ мнѣ ужинать и справляется, не нужно ли мнѣ чего еще на ночь. Я оглядѣлся: вода, спички — все, что нужно. Но это уже не тотъ, что былъ утромъ. «Vielleicht, шамшитъ жиденокъ: — etwas hibsches!» Вотъ сторона-то, самому о себѣ подумать не дадутъ. «И это не стыдно заниматься такими комисіями?» спрашиваю я. — «Отчего же? Проѣзжіе паны всегда потребуютъ», отвѣчаетъ кельнеръ совершенно спокойно и отъ чистаго сердца.

Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай! Вотъ куда заѣхалъ я, «многія страны прошедшій»; хоть я вовсе не пуристъ, но все-таки смущенъ этими постоянными напоминаніями о потребностяхъ моей грѣшной плоти. До завтра.

II.

Сегодня Бачинскіе оставили меня у себя обѣдать — отъ здѣшняго радушія никуда не уйдешь. Обѣдали съ нами его старушка-мать и двѣ сестры. Начинаю привыкать, что подлѣ меня образованные люди говорятъ не по нашему, по писаному, а мѣстнымъ нарѣчіемъ. Эта часть Россіи такъ долго прожила своею собственною жизнью, что поневолѣ выработала свой языкъ; мы привыкли, что русскій говоритъ непремѣнно по нашему, и намъ странно слышать другой говоръ. Не знаю, мы ли переняли польскія манеры или это гостепріимство коренное русское, но я чувствовалъ себя у Бачинскихъ, буквально, какъ дома, въ Россіи; тогда какъ у другихъ славянъ почему-то дѣло идетъ не по нашему. Не скажу, чтобъ тѣ не были гостепріимны—нѣтъ, не то— но иначе за столъ садятся, иначе хозяина благодарятъ за хлѣбъ, за соль, иначе подчуютъ. Я думаю, что наши нынѣшніе обы-

чаи заимствованы изъ Рѣчи Посполитой, главной учительницы нашей въ свѣтскости. Въ XVI вѣкѣ половина нашихъ передовыхъ людей и ученыхъ была изъ южнорусовъ. Войска̀ наши постоянно стояли въ Польшѣ, и обойтись безъ вліянія польскихъ нравовъ на наши не могли. Но чьи это нравы — польскіе они или южно-русскіе — теперь едва ли возможно опредѣлить; вѣрно только тò, что они намъ достались по наслѣдству именно изъ старой Польши.

Обѣдали мы въ залѣ, обращенной въ гардеробную — директоры живутъ здѣсь по дорожному — на одной стѣнѣ шляпы, на другой сабли, на третьей всякія свиты, сюртуки, мундиры съ эполетами и безъ эполетъ, по стѣнамъ сундуки съ тѣмъ же добромъ.

«Крестьяне посѣщаютъ театръ, говоритъ г-жа Бачинская: — иногда человѣкъ по десяти бываетъ».

Пустъ театръ еще никогда не бывалъ — такъ онъ народенъ. Русскіе дорожатъ имъ, какъ своимъ созданіемъ, какъ доказательствомъ, что ихъ народность не умерла. Въ два съ половиною года, что̀ онъ существуетъ, репертуаръ имѣетъ уже *полтораста* пьесъ! Сами галичане пишутъ, съ польскаго переводятъ, съ россійскаго (нашъ языкъ здѣсь многіе называютъ *россійскимъ*, совершенно не подозрѣвая, откуда взялось это названіе). Вчерашній бенефисъ г. Концевича далъ ему около 45 гульденовъ, то-есть, почти двадцать-семь рублей — вотъ здѣсь каковы цѣны и каковы доходы артистовъ, подвижниковъ русской народности! а бенефисы имѣютъ актёры только по разу въ годъ — болѣе дирекція дать не можетъ. Но при всей этой скудости средствъ, все-таки театръ держится, и на немъ нѣтъ ни копейки долгу, тогда какъ польскія дирекціи то и дѣло банкрутятся: ихъ не поддерживаетъ народъ, потому что поляки смотрятъ на театръ, какъ всѣ вообще смотрятъ, то-есть, считаютъ его дѣломъ забавы, а для русскихъ онъ — средство къ пробужденію отъ вѣковаго сна. Сверхъ того — и это не Бачинскіе мнѣ говорили и не отъ однихъ артистовъ я это знаю — въ польскихъ труппахъ царствуетъ раздоръ, актрисы не пользуются доброю славою — у русскихъ все живетъ душа въ душу, а на женской половинѣ ихъ труппы нѣтъ ни одного пятна. Причина опять та же: русскіе актёры уважаютъ себя, потому что они служители русскаго дѣла, а не *гаеры*. Поляки поняли *это* значеніе русскаго театра, но объясняютъ его посвоему: они кричатъ, что все это московская пропаганда, и

что театръ держится только москевскими деньгами. Удивительно наивный народъ! у насъ даже не знаютъ о существованіи этого театра, чтобъ не сказать больше. Представленія сегодня не будетъ — сегодня субота, идетъ всенощная, но завтра будутъ давать «Сватанье на Гончарôвцѣ» Грицка Основьяненки, и я увижу самого Бачинскаго въ роли Стецьки, которую онъ считаетъ своею; дѣйствительно, я слышалъ, что онъ въ ней неподражаемъ.

Вечеръ я провелъ съ отцомъ Григоріемъ Г... и отцомъ Іустиномъ Ж..., о которомъ мнѣ вчера говорилъ въ театрѣ сѣдой священникъ. Отецъ Іустинъ катехитъ, то-есть, законоучитель, въ здѣшней гимназіи. Разговоръ свелся на гоненіе уніатовъ и русскихъ. Странныя вещи узналъ я — поляки вовсе не фанатики католицизма, и унія съ латинизаціею обязаны своимъ существованіемъ исключительно политическому разсчету. Въ польской Галиціи мало костёловъ, такъ что у ксёндзовъ тамъ приходы огромные, и русскіе крестьяне смѣются надъ мазурами: «Мазуръ два раза въ костёлѣ бывае: якъ ся народи и якъ помирае». Мало костёловъ строится тамъ и по равнодушію къ католичеству, и для того, чтобъ у ксёндза было больше дохода. Въ русской Галиціи, наоборотъ, въ каждомъ селѣ съ незапамятныхъ временъ есть церковь, и русскій вообще религіознѣе мазура. Въ польскіе проекты преобразованія уніи входитъ и уменьшеніе числа русскихъ приходовъ; «вѣдь вамъ самимъ отъ этого будетъ лучше, говорятъ поляки священникамъ: — вы будете отъ этого богаче». Къ чести священниковъ, мало кто поддается на подобное искушеніе, и общій голосъ русскаго духовенства противъ сокращенія числа приходовъ. Между тѣмъ, изъ этого взгляда двухъ народностей на значеніе церкви вытекаетъ такое слѣдствіе, что ксёндзъ самъ панъ и стоитъ во всемъ на сторонѣ высшихъ классовъ, а священникъ — мужикъ — и держится интересовъ крестьянства. Мазуръ равнодушенъ къ панскому костёлу, въ которомъ ему и дѣлать нéчего, который даже не для него и построенъ; русскій только и живетъ своею мужицкою церковью, куда, кромѣ него, никто и не ходитъ. Исторія мазуровъ прошла въ шляхтѣ; исторія русскихъ—исторія здѣшней церкви. Русскій здѣшній до сихъ поръ говоритъ, что онъ *русинъ;* мазуръ ни за что̀ не назоветъ себя полякомъ, скорѣе скажетъ, что онъ *гамстріякъ* (австріякъ). Тотъ и другой искренніе вѣрноподданные своего *цѣсаря,* возстановленія Польши не хотятъ, потому что подъ возстановленіемъ Польши понимаютъ возвратъ крѣпостнаго

права, насилія и того недавно прошедшаго bon vieux temps, когда провинившагося крестьянина помѣщикъ заставлялъ взлѣзать на дерево, пѣть пѣтухомъ, и стрѣлялъ въ него дробью. Мазуръ живѣе, подвижнѣе и понятливѣе русскаго — это сами русскіе здѣшніе говорятъ. Даже физическою силою мазуръ превосходитъ русина: это замѣчено было при постройкѣ здѣшней желѣзной дороги. Чернорабочіе русскіе не могли угнаться за чернорабочими мазурами, такъ что пресловутая малороссійская лѣнь, говорилъ мнѣ отецъ Іустинъ, объясняется именно этимъ недостаткомъ развитія у насъ мускуловъ. Въ гимназіи тоже замѣчаютъ, что поляки (мазуры) учатся лучше русскихъ; но здѣсь, можетъ быть, дѣйствуетъ другая причина. Объясняютъ тѣмъ, что русскій вообще бѣденъ, забитъ, запуганъ, выросъ или въ бѣдной священнической семьѣ, на которую здѣсь свысока смотрятъ, или, что̀ только теперь начинается, въ крестьянской хатѣ. «Странное дѣло, говоритъ отецъ Іустинъ: — мы всѣ, даже и не крестьяне, не то, чтобъ робки, а застѣнчивы. Изъ насъ мало вышло хорошихъ проповѣдниковъ; выйдешь на каѳедру, и какъ-то не ловко станетъ, а ксёндзъ, потому ли, что онъ прежде всего свѣтскій человѣкъ, всегда боекъ и смѣлъ и развязенъ».

«Въ самомъ дѣлѣ, сколько я гляжу на здѣшнихъ моихъ знакомыхъ, при всемъ ихъ радушіи и при всей ихъ сердечной добротѣ, они чрезвычайно сдержаны; у нихъ отъ природы есть то̀, что̀ англичане называютъ reserve: ни лишняго вопроса, ни ненужной откровенности и изліяній. А поляки, сколько я ихъ знаю, полнѣйшіе великорусы въ этомъ отношеніи: все разспросятъ и все разскажутъ; таковы и сербы и словаки — только у южнорусовъ, да у болгаръ замѣчалъ я этотъ врожденный esprit de conduite».

Разница между мазурскимъ и русскимъ крестьяниномъ оказалась въ ихъ отношеніяхъ къ панамъ. Въ 1846 году пылкіе мазуры рѣзали помѣщиковъ — тяжелый русинъ не одолѣлъ своей лѣни, можетъ быть, потому, что его не поощряло на возстаніе его духовенство, какъ во времена Хмельницкаго и Гонты, или просто потому, что такъ ужъ отъ природы долготерпѣливъ и многомилостивъ. Во время польскаго возстанія и русскіе, и мазуры хватали повстанцовъ, перебѣгавшихъ сюда изъ Россіи; тѣ и другіе отводили ихъ къ начальству, а начальство, разумѣется, выпускало ихъ на свободу. Русскіе махнули на все рукою и бросили ловлю — мазуры не бросили, но прежде чѣмъ пе-

редавали пойманнаго правительству, они колотили его что̀ было силъ, или просто перетаскивали его черезъ границу къ намъ. Русскій имѣетъ довѣріе только къ своему священнику — мазуръ ни къ кому, но надъ обоими одинако царитъ еврей. Еврей, когда ему нужно, умѣетъ такъ столковать съ ними, такъ опутать ихъ, что они ему повинуются безусловно. Они знаютъ очень хорошо, что онъ мошенничаетъ надъ ними, они ненавидятъ его — но ничего не могутъ сдѣлать противъ его діалектики. Избавиться отъ еврея — ихъ мечта завѣтная; порою, особенно мазуры, толкуютъ объ избіеніи евреевъ, но все это разрѣшается одними толками. Безъ посторонней помощи они никогда не избавятся отъ этихъ паразитовъ — само собою разумѣется; впрочемъ, о евреяхъ я буду говорить особо. Наконецъ, и русскіе, и мазуры одинаково убѣждены, что вся бѣда ихъ въ томъ, что цѣсарь ихъ ничего не знаетъ. «Еслибъ, говорятъ они: — цѣсарь зналъ, что̀ съ нами здѣсь дѣлаютъ, какія у насъ подати, что́ «жиды выробляютъ зъ нами», то былъ бы конецъ нашимъ бѣдамъ»... Славяне вездѣ славяне.

Робости своей приписываютъ русскіе и то ложное положеніе, въ которомъ они стоятъ относительно поляковъ и Рима. «Мы застѣнчивы, говорятъ они: — намъ совѣстно *требовать* того, что́ намъ по праву принадлежитъ; мы имѣемъ слабость думать, что довольно доказать свои права̀, что убѣжденіемъ можно на людей дѣйствовать; намъ противно интриговать и поступать рѣзко — поэтому, насъ никто не уважаетъ. Полякъ и ксёндзъ беретъ смѣлостью; онъ и въ Вѣну ѣздитъ и въ Римъ, онъ въ высшее общество входитъ, ораторствуетъ, шумитъ — мы на это неспособны. Дворянство наше все перешло въ католицизмъ при помощи уніи: остались русскимъ одно духовенство да народъ, а здѣсь сторона аристократическая — кого въ Австріи аристократія не представляетъ, тотъ ничего не добьется. Польская аристократія увѣряетъ въ Вѣнѣ, что русскіе собственно за нихъ, но только въ духовенствѣ есть партія, подкупленная нашимъ правительствомъ, которая сѣетъ раздоръ и губитъ дѣло уніи. Ихъ слушаютъ, а насъ никто не слышитъ. Поляки насъ тѣснятъ, правительство сомнѣвается въ нашей преданности — вина наша вся въ томъ, что мы хотимъ остаться русскими и исправить нашъ обрядъ, искаженный латинизаціею. Служить польскому дѣлу мы не можемъ, потому что слишкомъ близко знаемъ поляковъ — возстановленіе Польши будетъ гибельно для

здѣшняго простонародья. Панщины, разумѣется, не возобновятъ; пожалуй, и школы заведутъ, но крестьянинъ будетъ окончательно отданъ на жертву патріотамъ и ихъ стремленіямъ. Польскій вопросъ вовсе не ставитъ своей задачею благосостоянія массъ—народъ для патріотовъ только орудіе для осуществленія ихъ плановъ. Голосъ народа на сеймѣ будетъ заглушаться голосомъ патріотовъ. Доказательство у насъ на лицо. Поляки передъ повстаньемъ много наговорили о Руси, о нашей національности, о національности у насъ уніи, въ отличіе отъ вашего православія, толковали о нашемъ языкѣ, пѣли наши пѣсни — и вотъ на львовскихъ сеймахъ имъ былъ отличный случай доказать свою искренность.

Не справедливостъ руководитъ ими, а эгоистическій разсчетъ: выгодно или невыгодно такое-то стремленіе наше для осуществленія ихъ надеждъ. Возстановленіе у насъ русскаго обряда имъ не нравится — они гнетутъ насъ и кричатъ, что мы схизму хотимъ возстановить, съ Россіей сближаемся; а еслибъ и такъ — допустимъ, что они правы—да если для Руси схизма выгоднѣе уніи, то что жъ до этого Рѣчи Посполитой, которая de jure допускаетъ и вѣротерпимость и полноправіе всѣхъ своихъ жителей? «Мы дорожимъ своимъ языкомъ и своею азбукою, какъ писали отцы наши, такъ и мы хотимъ писать: — въ видахъ Рѣчи Посполитой, мы должны подѣлаться поляками, своими руками передѣлать наши церкви на костёлы, нравственное и вещественное благосостояніе народа отдать на жертву политическихъ соображеній шляхты»... За чтò купилъ, за тò и продаю: въ Перемышлѣ тàкъ говорятъ.

Вечеръ былъ хорошъ. Я зашелъ въ воксалъ желѣзной дороги, сборное мѣсто перемышльской публики: около меня сѣли и заговорили со мною какіе-то русскіе. Разговоръ опять свернулъ на здѣшній край.

— Да чтò у васъ народъ говоритъ о москаляхъ? спрашивалъ я.

— А вотъ чтò говоритъ, отвѣчалъ мнѣ одинъ собесѣдникъ:— говоритъ, что у васъ вѣра «крѣпше якъ у насъ».

— Да знаетъ онъ чтò-нибудь про унію?

— Знаетъ, что въ Римѣ есть святой отецъ, знаетъ, что въ церкви нашей все перепутано съ латинизмомъ — а дальше его соображенія не идутъ.

— Нѣтъ, идутъ, перебилъ другой. — Я самъ былъ свидѣте-

лемъ, какъ въ 1849 г., когда ваши ходили въ Венгрію, у насъ на селѣ одинъ русскій солдатъ побилъ за что-то крестьянина. Къ побитому подскочилъ полякъ съ пропагандою: «а цо-жь! видѣлъ-есь яки су(ть) москали!» — «А нехай, отвѣчалъ крестьянинъ: то, бачь, своя вѣра біе...»

Итакъ... Итакъ, до завтра.

III.

Сегодня я былъ въ церкви, на селѣ и въ театрѣ.

Соборная церковь у нихъ здѣсь очень большая — это бывшій кармелитскій костёлъ; передѣлали въ немъ что можно было, но иконостасъ, все-таки, безъ иконъ; вдоль сѣверной и южной стѣнъ зданія остались католическіе алтари. На одномъ изъ этихъ алтарей служилъ обѣдню какой-то молодой священникъ. Фелонь какъ у насъ, только кресты не нашиты, подризникъ полотняный, по подолу обшитый кружевомъ, на розовой подкладкѣ; волоса подъ гребенку, борода сбрита.

Странное дѣло, какъ это рѣжетъ глазъ русскому человѣку. Что-то скопческое — ни мужское, ни женское — напоминаютъ эти гладкія лица. Я смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ стало понятно быстрое усиленіе у насъ старообрядства при Петрѣ, когда правительство такъ дѣятельно и такъ неожиданно ввело брадобритіе. Дѣйствительно, бритое лицо некрасиво, какъ некрасивы и эти позднѣйшія бакенбарды, напоминающія стриженныя деревья и клумбы цвѣтовъ во французскихъ садахъ. Я стою за англійскіе парки и за приволье всякой растительности; *скобленое рыло*, какъ выражаются старовѣры, мнѣ кажется одною изъ неизящнѣйшихъ выдумокъ рода человѣческаго, а бакенбарды возмущаютъ мою душу. Впрочемъ, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ — у меня у самого, какъ на смѣхъ, прекрохотная борода, хоть въ нее ужъ сѣдина забивается...

Когда молодой священникъ отслужилъ обѣдню на боковомъ латинскомъ алтарѣ, вошелъ въ церковь отецъ Іустинъ Ж....— законоучитель, о которомъ я вамъ писалъ, а за нимъ человѣкъ двѣсти его ребятишекъ. Это русскіе гимназисты пришли на *службу божію:*—такъ здѣсь называютъ обѣдню. Отецъ Іустинъ, облачившись такъ же, какъ и первый священникъ, вошелъ черезъ ризницу, въ главный алтарь, растворилъ царскія двери и не зат-

ворялъ ихъ всю обѣдню — это опять измѣненіе нашего богослуженія, введенное католиками и ихъ партіею. Обѣдню онъ отслужилъ очень скоро, такъ скоро, что я не замѣтилъ даже апостола. Говорю «не замѣтилъ», потому что онъ послѣ мнѣ объяснялъ, что выпущено ничего не было, но что многое читалось, а не пѣлось; но вѣдь и апостолъ читаютъ, а не поютъ.... Можетъ быть, я былъ разсѣянъ, но, все-таки, служба совершилась черезчуръ скоро. Церковь была полна. Народъ былъ одѣтъ по праздничному, свиты побѣлѣе; но многіе и очень многіе были босикомъ; значитъ, опять таки очень бѣдны здѣшніе крестьяне. При входѣ въ церковь они уже не *клякаютъ* по-католически, хоть и было здѣсь введено это некрасивое для насъ присѣданье на одно колѣно, которое приводило въ такое негодованіе патріарха Филарета: русскіе съумѣли изгнать кляканье изъ своей церкви. Но святая вода все еще стоитъ при входѣ, и въ нее окунаютъ пальцы. Крестятся они удивительно странно; перстосложенія никакого нѣтъ: руку согнутъ крючкомъ и этимъ крючкомъ опишутъ передъ собою кругъ. Меня особенно рѣзко поразилъ недостатокъ уваженія къ церкви въ народѣ, при всей его набожности и при всей его исключительно церковной жизни: въ церковь входятъ съ узлами, съ корзинами, съ разными покупками — такой безцеремонности я, помнится, нигдѣ еще не видалъ. Даже причастники явились съ узлами и только, становясь на колѣни передъ царскими вратами, отложили въ сторонку свои ноши. Говорятъ, что въ костёлахъ дѣлаютъ то же самое — стало быть, и это слѣдуетъ приписать католичеству. При выходахъ съ дарами звонятъ въ колокольчикъ. Этотъ колокольчикъ — предметъ глубочайшей ненависти русскихъ, а вывести его покуда нельзя: все смѣлости не хватаетъ и поддержки нѣтъ. Было бы намъ только позволено, говорятъ здѣсь, завтра бы церковь наша ничѣмъ не отличалась отъ православной. Эта насильственная латинизація и полонизація добилась своего: чаша перелилась черезъ край — русскіе спятъ и видятъ возвратиться къ восточному обряду. «Поляки сами свое дѣло проиграли и сами догоняли васъ до возвращенія къ русской жизни», сказалъ я одному священнику по окончаніи обѣдни. «Провидѣніе!» отвѣтилъ онъ. «Немезида!» подтвердилъ другой, выражавшійся классически. Не умѣю сказать покуда, воротятся ли они къ православію — я избѣгаю подобнаго разговора, который здѣсь неприличенъ. Поляки кричатъ, что все это движеніе поднято русскими

агентами; а здѣсь даже и говорить-то по нашему почти никто не умѣетъ. Толкуютъ про *рубли москевски,* а здѣсь въ каждой копейкѣ, потраченной на русское дѣло, могутъ дать отчетъ, откуда она взялась. Нѣтъ, это не наша пропаганда: наши посольства и наши дѣятели даже не знаютъ о здѣшнемъ краѣ. Если и здѣсь есть наша пропаганда, то ее поляки ведутъ, работая противъ насъ, но за насъ. Не знаю, провидѣніе это или немезида исторіи, но чѣмъ больше я смотрю на эту Рѣчь Посполитую, тѣмъ больше убѣждаюсь, что она дѣйствительно не возобновится. Противъ нея не Москва, какъ выражаются поляки — съ Москвою, какъ со всякимъ внѣшнимъ врагомъ, можно бы справиться — противъ нея религіозные и экономическіе интересы массъ. Сидя въ этомъ Перемышлѣ, я начинаю понимать, что происходило въ Литвѣ въ царствованіе Екатерины, и откуда брались Конисскіе прошлаго вѣка и Симашки нынѣшняго. Традиціи и традиціонный образъ дѣйствія приверженцевъ Рѣчи Посполитой — подпора русской народности. Это очень странно; но это такъ, и это можно вслухъ говорить, потому что поляки неисправимы. У поляковъ все есть, кромѣ политическаго такта; на мелкія дѣла они мастера, на крупныя — никуда не годятся. Занятые своею idea fixa, они, какъ дон-Кихотъ, воюютъ противъ вѣтряныхъ мельницъ; поборники отжившаго рыцарства убѣдительнымъ образомъ доказываютъ всѣмъ, что этого рыцарства уже нѣтъ.

— Ну, что жъ бы вы сдѣлали? спросилъ я какого-то русскаго — у меня здѣсь такая гибель знакомыхъ, что я даже именъ ихъ не знаю; путешественникъ всегда возбуждаетъ любопытство, и всякій спѣшитъ доставить ему свѣдѣнія о краѣ — что жъ бы вы сдѣлали, еслибъ во время возстанія полякамъ удалось, и у васъ возстановилась бы Рѣчь Посполитая?

Русскій засмѣялся.

— Была бы *рѣзъ посполитая* (общая рѣзня), отвѣчалъ онъ.— Тогда мы сдѣлали бы то, чего не дѣлаемъ изъ уваженія и изъ довѣрія къ правительству. А еслибъ судьба оставила насъ однихъ съ поляками, безъ центра тяжести въ Вѣнѣ, безъ этого посредничества между нами и польскими стремленіями — то ни поляка, ни костёла не осталось бы на нашей землѣ. Да намъ что? намъ еще не бѣда: у насъ есть свой образованый классъ въ духовенствѣ, а вотъ, что̀ у мазуровъ было бы — этого никто не знаетъ. У мазуровъ, у *гамстріяковъ,* своей интелигенціи

нѣтъ, а отъ той, что называютъ польскою, они отрекаются; да и мазуръ не русинъ: мазуръ рѣзалъ свою интелигенцію, а наши спасали поляковъ, потому что мы смирны, тихи и находимся подъ вліяніемъ духовенства, котораго у мазуровъ нѣтъ..

Я посмотрѣлъ на моего собесѣдника, и онъ — тихій и смирный, какъ всѣ здѣшніе русскіе, — говоритъ такія категорическія вещи!

Попадутся мои записки въ руки поляку, пусть онъ подумаетъ и, если имѣетъ возможность, пусть провѣритъ, правду мнѣ здѣсь говорятъ или нѣтъ. Объяснять все это вліяніемъ австрійской и россійской пропаганды — ребячество. Я не вѣрю никакимъ пропагандамъ, а особенно иноземнымъ; я не знаю въ исторіи ни одного примѣра, чтобъ пропаганда проникла въ массы — только религіозныя секты распространяются пропагандою, а не политическія симпатіи и антипатіи. Пусть другой кто заѣдетъ въ этотъ край и напишетъ отвѣтъ на мои выводы, пусть этотъ *другой* полякъ будетъ — тѣмъ лучше; но надо же рѣшить разъ навсегда, стоитъ или не стоитъ лить кровь за неосуществимый идеалъ.

Отецъ Іустинъ отслужилъ обѣдню; послѣ него сталъ служить отецъ Григорій Г.... на томъ же самомъ престолѣ. Опять латинизмъ! Съ нимъ вмѣстѣ служило двое священниковъ: одинъ былъ одѣтъ дьякономъ, другой дьячкомъ: путаница удивительная, тѣмъ болѣе, что дьяконскій чинъ у нихъ отмѣненъ. Трое служили, трое входили и выходили царскими вратами... Но одѣтый дьякономъ парчевый стихарь коротокъ какъ сюртукъ, бока разрѣзаны, но орарь есть. Изъ-подъ этого стихаря видѣнъ другой полотняный стихарь съ кружевнымъ подоломъ... Эта служба шла долго; кажется, ничего не выпускалось, даже въ символѣ вѣры было прибавлено знаменитое *и отъ сына*. Орга̀нъ какъ-то сбыли съ рукъ, за то хоръ устроили, и такой хоръ, что всякая наша церковь можетъ позавидовать. Это законоучитель гимназіи, отецъ Іустинъ, обучаетъ мальчиковъ пѣнію — поютъ удивительно! Церковная музыка наша; въ этомъ они *смоскалили,* что и довожу до общаго свѣдѣнія; Бортнянскаго и другихъ хорошо знаютъ.

Кончилась обѣдня. Подходитъ ко мнѣ какой-то священникъ и предлагаетъ осмотрѣть ризницу. Здѣсь удивительно добрый и предупредительный народъ; я не знаю, какъ и чѣмъ отвѣчать имъ на ихъ ласку. Особенно двери меня смущаютъ: передъ

каждою дверью идетъ споръ, кому первому войти... Въ ризницѣ много старыхъ кармелитскихъ образовъ, старый католическій алтарь съ дарохранительницею, у которой дверцы украшены на подобіе царскихъ вратъ. Въ новыхъ костёлахъ этого уже не дѣлаютъ. Ризница епархіальная небогата и старины мало: едва ли есть ризы древнѣе XVII вѣка, но кой-гдѣ есть еще слѣды византійскаго шитья, хотя и очень слабые. Самое любопытное въ ризницѣ относится вовсе не къ ней: это два золотошвейные пояса, которые здѣсь *когда-то* носили горожане — что̀ это за шитье, гдѣ ихъ вышивали никто не знаетъ, и я не умѣю сказать. Такой работы я еще и не видалъ: это шитье не славянское, не греческое и не мусульманское — рисунокъ полосатый, клѣткою, но по краямъ вышиты цвѣты въ горшкахъ; все это сдѣлано удивительно нѣжно и изящно. Они хотятъ послать ихъ во Львовъ, гдѣ заводится у нихъ народный музей. Мысль, разумѣется, благая; я просилъ ихъ послать сперва въ Москву на этнографическую выставку — они и согласны на то и несогласны. Кто разберетъ эту мягкую, нерѣшительную, сосредоточенную натуру южноруса, у котораго даже въ языкѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго, ни *и*, ни *ы!* Пусть агенты выставки обратятся къ нимъ съ просьбою — я увѣренъ, что они не откажутъ; но сами они ничего не сдѣлаютъ. Нѣжность, аристократичность этого племени парализуетъ его силы. Хоть по поводу двухъ старинныхъ поясовъ и смѣшно вдаваться въ народную психологію; но что же прикажете дѣлать? Матеріаловъ у меня накопилось такое множество, что я не успѣваю записывать видѣннаго. Мнѣ даже кажется, что я брошу писать дневникъ, а стану просто резюмировать мои свѣдѣнія и впечатлѣнія, составляя по главѣ на каждый городокъ. А этого мнѣ не хотѣлось бы. Мнѣ хочется, чтобъ читатель прожилъ моею жизнью между этими странными людьми, которые русскіе,— но уніаты; русскіе — но австрійскіе вѣрноподданные; русскіе и очень образованные люди,— а говорятъ *по-хохлацки,* на томъ языкѣ, который для меня, кровнаго великоруса, былъ до сихъ поръ крайне смѣшонъ, благодаря своей литературѣ, которая подчивала меня *Перелицiованною Энеидою,* да разными Голопупенками и Свербыгузами. Матеріалу у меня много, а времени записывать нѣтъ; къ этому присоединяется еще прискорбное чувство: я вижу, что не изучу этого края въ полтора мѣсяца, которые положилъ на его изученіе. Общее впечатлѣніе я, можетъ быть,

передамъ вѣрно, но, не знаю почему, у меня все Линней вертится на памяти, какъ онъ закрывалъ рукою кусокъ дерна и говорилъ ученикамъ, что кто хочетъ ботанику знать, тотъ ни до чего не дойдетъ, пока не опредѣлитъ жизнь каждой былинки на этомъ клочкѣ земли. Ars longa, vita brevis — я отхлебываю изъ чаши, но вина не выпью; а хотѣлось бы, чтобъ у насъ знали, какъ здѣсь идетъ жизнь. Промахи у меня есть и, вѣроятно, еще много ихъ наберется — но пишу добросовѣстно, по моему крайнему разумѣнію.

Я сказалъ отцу Іустину, что его шватеръ (зять), тотъ сѣдой священникъ, который разговаривалъ со мною въ театрѣ, звалъ меня къ себѣ въ деревню; отецъ Іустинъ, вмѣсто всякаго отвѣта, послалъ за бричкою: мы покатили. Село Вышатичи въ полуторѣ милѣ отъ Перемышля — миля семь верстъ, стало быть, ѣзды около полутора часа. Окрестности Перемышля, который вступилъ въ исторію удѣломъ Святополка-Окаяннаго, чрезвычайно красивы. Вся мѣстность холмится и зеленѣетъ, но все холмится и зеленѣетъ такъ же нѣжно и не рѣзко, какъ здѣшняя исторія. «Що двôръ, то ляхъ — що село, то громада», помѣщики всѣ подѣлались поляками, народъ вездѣ остался русскимъ, помирясь съ Польшею на уніи. Не тò удивительно, что онъ отдѣленъ отъ общей русской семьи и отъ русской церкви, а то чудо, что онъ до сихъ поръ, на самой границѣ Польши, остается еще русскимъ и такъ много русскаго сохранилъ въ своей вѣрѣ, и въ языкѣ. Здѣсь я начинаю понимать, что дѣло Кирилла и Меѳодія было, въ самомъ дѣлѣ, великое. Создавъ для славянъ народную церковь, они дали каждому мужику интересъ къ ея судьбѣ и къ ея ученью; поэтому, бѣдный священникъ сдѣлался здѣсь представителемъ народной мысли и проводникомъ между народомъ и знаніемъ. Католичество, съ его чуждою народу латынью, разумѣется, не могло сдѣлаться народною церковью, и потому оно вездѣ разрѣшалось феодализмомъ, шляхтою, аристократіею, оставляя народъ въ тѣни и въ невѣжествѣ. Въ Москвѣ и въ Парижѣ это трудно понять; но здѣсь, на границѣ обѣихъ вѣръ, это рѣзко замѣтно и многое можно выяснить, что было загадочно въ нашей исторіи. У насъ, у великорусовъ, была богатая политическая жизнь, а все-таки народъ отождествлялъ себя съ церковью, и до сихъ поръ имя *русскій,* совершенно равнозначуще съ *православный,* а земледѣлецъ у насъ — *крестьянинъ.* Небольшая перемѣна въ обрядахъ при Никонѣ вы-

звала опозицію народа въ видѣ старообрядчества. Война у насъ всегда за вѣру: «Святорусь-Земля — всѣмъ землямъ мати, въ ней строятъ церкви соборныя, соборныя богомольныя; исповѣдуетъ она вѣру крещеную». А у поляка-католика дѣло идетъ иначе: самъ онъ просто *полякъ*, а не то *мазуръ, кракусъ*, или, еще хуже, *гамстріякъ, прусакъ,* и только. Дерется онъ за *отчизну,* а въ сущности у него даже и отчизны нѣтъ, потому что ему не во что высказаться.

Я ѣхалъ въ Вышатичи и смотрѣлъ на встрѣчныхъ мужиковъ. У насъ очень много кричали и удивлялись, что поляки считаютъ народъ скотомъ (быдло), а поляки совершенно правы: здѣшній народъ и я назову быдломъ. Нѣсколько поколѣній пройдетъ, пока здѣшній народъ сравняется, въ своемъ развитіи, съ великорусомъ, словакомъ, болгариномъ, — даже румыномъ. Исторія такъ придавила его своими тяжелыми колесами, что онъ дѣйствительно близокъ къ состоянію безсловесной твари. На лицѣ у него написанъ какой-то испугъ; кто даже не знаетъ его прошедшаго, и тотъ скажетъ, что онъ не впередъ пошелъ, а назадъ попятился.

Пусть меня хорошо поймутъ: я вовсе не обвиняю въ этомъ новое поколѣніе поляковъ — они грѣху непричастны. Виноваты, пожалуй, отцы ихъ, дѣды и прадѣды, дѣйствовавшіе въ духѣ своего времени и ковавшіе Рѣчь Посполитую въ пользу исключительно шляхты. Трудно вообще указать, гдѣ корень злу, и почему Польша не существуетъ: несмотря на ея развалины, такъ и видишь, что она была не болѣе, какъ декораціею. Въѣхалъ я въ Перемышль: на улицахъ польскій и еврейскій языкъ, польскія и еврейскія вывѣски, на каждомъ углу костелъ — стало быть, я въ Польшѣ. Еслибъ я здѣсь остановился и не сталъ докапываться до дна этого міра, я такъ бы и уѣхалъ въ полномъ убѣжденіи, что «еще Польска не згину̂ла»; но, на бѣду, я слышалъ, что здѣсь есть русскій театръ, остановился, содралъ скорлупу съ орѣха — и оказывается, что Польши нѣтъ...

Зачѣмъ я пишу это? упрекнутъ меня мои старые пріятели поляки; зачѣмъ я деморализирую ихъ дѣло?

Затѣмъ, что я хотѣлъ своими глазами убѣдиться, стоило ли имъ лить столько крови, будетъ ли какой толкъ изъ ихъ агитацій. Затѣмъ, что я видѣлъ, какъ эмиграція ихъ бьетъ камень на шоссе, какъ студенты и офицеры подѣлались извощиками, какъ русскіе спивались и давились на чужой сторонѣ, выкину-

тые изъ родины волной революціи; я видѣлъ, какъ гибнутъ люди добрые и хорошіе, во имя Молоха Рѣчи Посполитой... Не личный разсчетъ, не желанье выслужиться, руководитъ мною въ моихъ страшныхъ выводахъ — я хочу правду разсказать, чтобъ хоть кто-нибудь изъ поляковъ призадумался: дѣйствительно ли онъ полезенъ своей отчизнѣ, и дѣйствительно ли въ ея интересахъ онъ дѣйствуетъ.

Народъ босой даже въ праздникъ. Бѣлая холщевая рубаха, бѣлые холщевые порты, соломенная шляпа; рѣдко на комъ суконная свита (что-то въ родѣ нашего армяка). Проѣзжему кланяются, но, опять-таки, не тàкъ, какъ вездѣ на свѣтѣ кланяются проѣзжему. Здѣсь крестьянинъ скинетъ шляпу, махнетъ ею чуть не до земли и даже тулью повернетъ внизъ, а бабы сложатъ на груди руки и низко-пренизко поклонятся въ поясъ. Между тѣмъ, чиновника здѣсь не боятся, панщины нѣтъ—чего жъ они кланяются? Мнѣ никто объяснить этого не могъ — или это обрядъ, пережившій свое значеніе? Если такъ, то я теперь ясно понимаю, откуда у нихъ этотъ испугъ на лицѣ; а что эти поклоны — традиція старыхъ временъ, въ этомъ я убѣждаюсь слѣдующимъ. Даже въ Турціи, именно въ Болгаріи, гдѣ давно нѣтъ крѣпостнаго права, хоть и до сихъ поръ (противъ хаттишерифа) существуетъ натуральная повинность, крестьянинъ кланяется вамъ какъ равный равному, останавливаетъ васъ, чтобъ закурить папиросу; а здѣсь проѣзжій точно страхъ наводитъ. Помѣщичьихъ дворовъ очень много (що двôръ, то ляхъ), и почти при каждомъ дворѣ костёлъ. Въ мазурской Галиціи костеловъ мало — здѣсь много, потому что здѣсь католицизмъ въ борьбѣ съ уніею, потому что здѣсь ксёндзъ — мисіонеръ, а еще потому, что помѣщику неприлично быть безъ своего капеляна.

Что они дѣлаютъ здѣсь эти ксёндзы? не знаю — вѣрить, не знаю — не вѣрить, но говорятъ, что пропаганда католицизма дѣлается при помощи евреевъ. Ксёндзъ поручаетъ еврею перессорить крестьянъ съ священникомъ — противъ еврейскаго краснорѣчія ничто устоять не можетъ: гонитель евреевъ не устоитъ противъ ихъ обаянія; крестьяне это знаютъ и повинуются; правительство это знаетъ и терпитъ евреевъ; евреи перессорятъ крестьянъ съ священникомъ, ксендзъ является примирителемъ, и народъ идетъ въ костелъ...

Удивительныя дѣла здѣсь разсказываютъ: есть не подалеку отъ Перемышля, близко Радымна, деревня Хлопичи. Когда-то тамъ,

въ русской церкви, явилась икона Богородицы; русскіе стали ходить въ эту церковь каждый богородичный праздникъ исповѣдываться и причащаться. За ними потянули мазуры — мазуры, которые вовсе не дѣлаютъ различія между уніею и нашею схизмою, и которые вовсе не прочь *смоскалить*. Ксёндзы перепугались и для мазурскихъ богомольцевъ устроили предѣлъ въ Хлопичской церкви. Теперь, какъ разсказываютъ, унія еле-еле держится въ Хлопичахъ, крестьяне большею частью подѣлались католиками. Чудо у русскихъ повело къ ополяченію русскихъ — вотъ здѣсь какая сторона! А Римъ, который *очень любитъ восточный обрядъ,* молчитъ и потакаетъ. Года три назадъ, въ мѣстечкѣ Радымнѣ ксендзъ успѣлъ подбить *сорокъ три человѣка* русскихъ землевладѣльцевъ къ переходу въ латинство. Священникъ ихъ, отецъ Колпакевичъ — человѣкъ старый, не бойкій; ему не подъ силу было противодѣйствовать ксендзу, да и изъ Варшавы, куда часто ѣздили эти помѣщики, шла горячая пропаганда Польши и католицизма; помѣщики не устояли. Противъ всѣхъ католическихъ правилъ, которыя латинство и унію считаютъ одною вѣрою, ксендзъ присоединялъ русскихъ къ костелу съ хоругвями, пѣніемъ, точно еретиковъ или раскольниковъ. Русская консисторія робко сносится съ латинскою и говоритъ, что, на основаніи Флорентинскаго и другихъ соборовъ, изъ восточнаго обряда запрещено переводить въ западный, а кольми паче съ торжественностью, оскорбительною для уніатовъ, вѣрныхъ сыновъ римской церкви. Польская консисторія молчитъ, русская относится въ Римъ и получаетъ отвѣтъ, что, буде поименованный ксендзъ *еще разъ* отступитъ отъ каноническихъ правилъ и *еще разъ* заявитъ неуваженіе къ русскому обряду, то будетъ строго наказанъ. Мудрено ли теперь, что здѣсь такая вражда у русскаго духовенства къ полякамъ? Но тѣмъ дѣло въ Радымнѣ не кончилось: обращеніе русскихъ въ латинство, обставленное такою торжественностью, надѣлало слишкомъ много шума. Не то, что поляки не очень уважали новообращенныхъ, которые, въ ихъ глазахъ, были все-таки ренегаты, евреи стали смѣяться: «а якъ зе, панъ вцорай былъ русинемъ, а теразъ панъ естъ юзъ (уже) полякемъ». Не выдержали русскіе, и, одинъ за другимъ, ворочаются къ своему старому священнику.

Но не скажу, чтобъ поляки ничего не дѣлали для русскихъ. Въ Жировицахъ Сапѣга самъ строитъ каменную русскую церковь, въ Вышатичахъ помѣщикъ далъ священнику кирпичей на

постройку дома; словомъ, умные поляки ведутъ себя иначе, чѣмъ сеймъ львовскій, «Часъ» и «Газета Народовая».

Не доѣзжая Вышатичъ, я замѣтилъ какія-то насыпи — это шанцы, поставленные противъ русскихъ во время крымской войны. Не знаю, на сколько они дѣйствительно страшны, а все-таки стоятъ и смотрятъ на востокъ, на канавку, которою Россія граничитъ съ этимъ краемъ. Говорятъ, на сыпкаихъ не дешево обошлась правительству...

Что старикъ-священникъ принялъ меня съ полнѣйшимъ гостепріимствомъ, и говорить нечего. Онъ деканъ, то-есть, благочинный, а доходъ его, все-таки, не выше трехсотъ гульденовъ въ годъ, считая сюда доходъ съ земли и плату за требы. Кадастръ на все въ Австріи — все вычислено и все внесено въ книги; нѣтъ курицы, которая не была бы записана, и доходъ съ которой не былъ бы опредѣленъ. На священника правительство положило триста гульденовъ въ годъ, если у него свой приходъ, и сто пятьдесятъ, если онъ помощникъ приходскаго священника, хотя minimum доходовъ холостаго ксендза все-таки не менѣе четырехсотъ гульденовъ. Если у священника доходъ съ земли или съ требъ превыситъ норму, то излишекъ онъ долженъ отдавать въ казну. Жить, говорятъ, можно, особенно тамъ, гдѣ землю дешево оцѣнили; но любой войтъ можетъ вывести дѣло наружу и разорить священника. Положеніе священника до нельзя униженное. Помѣщикъ ушелъ въ латинство, ксендзъ интригуетъ подъ бокомъ, семья на рукахъ, а тутъ еще общее образованіе распространилось, а съ нимъ и роскошь. Счастье, если попадья удалась хорошая хозяйка: тогда еще можно кое-какъ концы съ концами сводить, а уваженья все-таки нѣтъ, потому что русская вѣра — вѣра хлопская. Чиновникъ прямо является въ домъ къ священнику́, командуетъ имъ, ставитъ ему въ честь, что удостоиваетъ его своимъ посѣщеніемъ, и угощеніе, сдѣланное на послѣдніе крейцеры, принимаетъ какъ должное. А потомъ, явись къ нему тотъ же гостепріимный русскій священникъ съ просьбою, онъ ничего не сдѣлаетъ, потому что не уважаетъ его. А ксендзъ — ксендзъ собственноручно выкидываетъ за дверь этого чиновника, и чиновникъ все для него дѣлаетъ, потому что за ксёндза стоитъ вся мѣстная знать. И при всемъ этомъ священникъ и вся семья его одѣты чисто, находятъ средства поддерживать здѣшній театръ, литературу, фонды, братства — не понимаю, какъ эти люди дѣлаютъ: — поляки объясняютъ, что все это *рубли москевски!*....

Въ хатѣ священника, который вдовъ и живетъ со своимъ зятемъ-помощникомъ, есть рояль. Садъ у него великолѣпный; онъ любитель садоводства, деревья ломятся у него подъ яблоками и грушами невѣроятной величины и всѣхъ сортовъ; даже виноградъ онъ развелъ у себя. Церковь маленькая, съ клиросами, какъ всѣ русскія церкви; у грековъ и вообще въ цареградской патріархіи клиросовъ нѣтъ. На иконостасѣ есть образа, и всѣ новаго письма. За этими образами кроются старые—онъ запряталъ ихъ, чтобъ не пропадали для будущаго поколѣнія, которое, можетъ быть, будетъ тоже уважать родную старину. У лѣвой стѣны стоитъ большой старый образъ святителя Николая, который былъ, не знаю когда, похищенъ у нихъ католиками. Образъ этотъ стараго кіевскаго письма, на видъ XVI—XVII вѣка; католики взяли его въ костёлъ, а вмѣсто его выдали хлопамъ копію, увѣряя, что эта копія есть самый подлинникъ. Много хлопотъ было русскимъ оттягать обратно свой образъ, который даже и въ Краковѣ увозили отъ нихъ. Здѣсь вся жизнь, народъ, всѣ интересы его вертятся около церкви... Примѣчательностей въ церкви нѣтъ, кромѣ двухъ старинныхъ металическихъ поясовъ, чеканной работы. Священникъ хочетъ послать ихъ во Львовъ въ русскій музей — я упросилъ его послать ихъ сперва, черезъ нашего священника въ Вѣнѣ, добрѣйшаго отца Раевскаго, на энтографическую выставку. Пояса эти крестьяне отдали церкви — здѣсь ничего не щадятъ для украшенія церквей, да средствъ нѣтъ. Только то̀ и слышу около себя, что тамъ утвари нѣтъ, тамъ иконостаса нѣтъ, а изъ Россіи никто не присылаетъ, потому что они уніаты. Не знаю, на сколько справедливо такое равнодушіе къ судьбѣ здѣшнихъ русскихъ, а они ничѣмъ его не заслужили, даже въ уніи своей не виноваты и хоть ничего не высказываютъ по своей сдержности, но, очевидно, тяготятся ею. Хорошее бы дѣло сдѣлалъ у насъ тотъ, кто устроилъ бы общество для вспоможенія ихъ церквамъ; здѣсь не роскошныхъ вещей требуютъ, а правильно устроенныхъ, въ которыхъ не было бы ничего латинскаго—здѣсь только о томъ и думаютъ, какъ очистить свой обрядъ отъ латинства. Унія въ старину, унія у насъ въ Холмѣ и унія въ Галичинѣ *)—понятія

*) Въ первыхъ моихъ письмахъ я писалъ «Галиція»; но благо есть русская форма этого слова Галичина—другой здѣсь и не знаютъ—то я не вижу, зачѣмъ употреблять латинскую.

совершенно разныя. Народъ здѣсь не только не почитаетъ, но даже не любитъ уніатскихъ святыхъ, поборниковъ Рима и враговъ православія. Про Іосафата Кунцевича отзываются что «ôнъ русиновъ рѣзалъ». Максиміліана Рыло, несмотря ни на вериги его, ни на мощи, даже и знать не хотятъ; о нетлѣнности его рѣшаютъ, что «его земля не пріймае».

«Да не будетъ вамъ бѣды отъ вашего правительства за пособіе вашимъ церквамъ изъ Россіи!» спрашивалъ я.

— Что же? развѣ преступленіе быть въ дружескихъ связяхъ съ нашими единоплеменниками? говорятъ здѣсь. Развѣ это намъ мѣшаетъ быть вѣрноподданными нашего императора?..

— А поляки?

— А поляки ничего тутъ не значатъ. Поляковъ бояться, такъ и говорить по-русски нельзя — поляковъ не переслушаешь. Церкви наши подъ патронатомъ польскихъ помѣщиковъ — что жъ они ничего для насъ не дѣлаютъ, а вѣдь разбогатѣли на наши же деньги? Ненужные и вредные здѣсь костелы есть у нихъ средства поддерживать, а на русскія церкви и на школы ничего не даютъ, за весьма малыми исключеніями. Сами же насиліемъ ввели сюда унію, сами же кричали, что эта унія есть національная и популярная церковь всѣхъ малорусовъ, а эти малорусы братья поляковъ по крови и по духу! — Ну, вотъ мы по милости ихъ уніаты, обриты, острижены, обрядъ нашъ приближенъ къ латинскому, мы русскіе, а не *россіяне,* какъ они объ васъ говорятъ, и что жъ мы видимъ теперь при нашемъ пробужденіи отъ вѣковаго сна? — ничего, кромѣ презрѣнія къ намъ. Братство Руси и Польши продолжается до тѣхъ поръ, пока Русь согласна быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ поляковъ; чуть она заявила свой голосъ, — этого братства какъ не бывало: вы *схизматики!* вы *москали!* кричатъ они намъ. Нѣтъ, поляковъ мы не боимся: они сами добились того, что потеряли наше уваженіе; а возстановить его они неспособны, потому что ихъ политика вошла имъ въ плоть и въ кровь, потому что ихъ идеалы діаметрально противоположны нашимъ.

Просилъ я своего хозяина поводить меня по халупамъ: мнѣ хотѣлось познакомиться съ архитектурою и костюмомъ здѣшнихъ русскихъ. «Я вамъ покажу хорошаго *газду* (хозяина), сказалъ добрый священникъ: — лучшаго у меня на селѣ», и ввелъ меня къ одному крестьянину. У этого лучшаго на селѣ газды все очень и очень бѣдно. Халупа деревянная, но по-

строена не такъ, какъ великорусская изба, не вѣнцами и не на ключъ, а бревна вкладываются въ пазы боковыхъ столбовъ, обтесаны съ боковъ, вымазаны глиною и выбѣлены. *Стрѣха* изъ соломы скошена не съ двухъ сторонъ, а со всѣхъ четырехъ. Внутренность дѣлится на *сѣни*, на *пекарню*, на *свѣтлицу* и на *комору*. Пекарня съ печью, передъ которою *припечка (огнище* у словаковъ, болгаръ, сербовъ). Трубы нѣтъ — дымъ дверью выходитъ. Курныя избы не вывелись здѣсь до сихъ поръ. Пекарня есть собственно жилая *изба* здѣшняго крестьянина, но у богатыхъ, какъ у этого хозяина, есть еще *свѣтлица*, съ кафельною печью, окруженною скамейками, на которыхъ и спать можно. Стѣна противъ двери украшена образами, но ни надъ окнами, ни въ красномъ углу ихъ не ставятъ — это уже напоминаетъ южныхъ славянъ, какъ и отсутствіе всякихъ привѣсокъ, голубей, яицъ, лампадъ, киотовъ. Затѣмъ, красный уголъ совершенно загороженъ столомъ, который прижатъ къ окну одною стороною, а другою примыкаетъ къ большой *скрынѣ* на ножкахъ, которая можетъ служить продолженіемъ этого стола въ случаѣ нужды. Скрыня эта, въ свою очередь, жмется къ постели. Полъ мазаный. На столѣ коровай хлѣба, покрытый кускомъ холста; тутъ же и соль — это символъ гостепріимства, и таковъ обычай у всѣхъ здѣшнихъ русскихъ, даже и въ Венгріи. Балка, идущая подъ потолкомъ, изукрашена цвѣтами и рѣзьбою — это должно быть весьма древній славянскій обычай: я его встрѣчалъ у всѣхъ племенъ. Здѣсь на ней вырѣзаютъ кресты, а у богатаго крестьянина, къ которому меня водилъ отецъ Максиміліанъ, даже была надпись сдѣлана церковными буквами, которую я, увы! оплошалъ списать; что-то въ родѣ: *да будетъ благословеніе Божіе на создателя дома сего Ѳеодора и Марію и на чадъ ихъ* — по крайней мѣрѣ, смыслъ таковъ. Вырѣзано очень красиво и грамотно.

Замѣчательную особенность здѣшней народной архитектуры представляютъ плетни — такихъ красивыхъ я нигдѣ не видалъ. Дѣлаютъ ихъ изъ лозы, —работа мелкая, частая и подогнана въ рисунокъ, полосами, съ большимъ вкусомъ; концы вѣтокъ идутъ то въ одну сторону, то въ другую; самъ плетень состоитъ изъ горизонтальныхъ полосъ, а верхъ изъ вертикальныхъ. Сараи — *топы, стодолы*, какъ здѣсь говорятъ, дѣлаются тоже изъ плетня, что снова напоминаетъ южныхъ славянъ. Плетневые квадратные щиты прижимаются деревянными щеколдами къ стол-

бамъ, и сарай готовъ — стоитъ только соломенную стрѣху навести. Эта архитектура носитъ слѣды глубокой древности; она напоминаетъ кочевой бытъ.

Расшивка *сорочекъ* красными нитками встрѣчается рѣдко; когда встрѣчается, то шитье всегда четыреугольниками, то-есть, народное сѣверно-славянское; травчатаго и здѣсь нѣтъ. Византія съ ея малоазійскими вкусами мало имѣла вліянія на русскихъ. Мужчины носятъ длинные волосы, спереди въ скобку, сзади по плечамъ; вообще, покрой сорочекъ, прическа, лица, сильно сбиваютъ на румынскіе, и мнѣ кажется, что славянскій элементъ румыновъ состоялъ именно изъ южно-руссовъ. Упряжь дышломъ, дуги не знаютъ, возжа одна, что очень оригинально. Лошадьми управляютъ не столько возжею, сколько словами: *гетто!* (направо!), *виста!* (налѣво!), и лошади слушаются.

Затѣмъ въ халупѣ есть еще *комора* — тȏ, что у насъ клѣть. Темная комната безъ печи, гдѣ хранятъ всякій домашній скарбъ, и гдѣ стоятъ *сусѣки* съ хлѣбомъ. Кругомъ всего зданія халупы идетъ обыкновенная южно-русская *призба,* то же что наша завалинка. Лохань — по ихнему *цебрикъ,* ступица колеса — *голова,* бокъ телеги (воза) — *драбина* или *литерка.* Богатый хозяинъ и жена его пожалѣли, что я плохо знаю по-русски: «бѣдный, еще добре не ся научилъ по-русски», сказали они по моемъ уходѣ. Языкъ ихъ такая же путаница, какъ и церковь. Если изъ него повыкидать польскія слова, напримѣръ: *кепскій, певный, першій, егомость, шкода, коштувати* и т. п., то онъ сведется прямо на языкъ нашихъ лѣтописей и будетъ разниться отъ сѣверныхъ русскихъ нарѣчій только произношеніемъ нѣкоторыхъ гласныхъ. Впрочемъ, въ конструкціи, какъ и въ употребленіи словъ, осталось у нихъ много слѣдовъ польскаго владычества: это очень замѣтно, когда прислушиваешься къ ихъ фразамъ. Образованные люди пишутъ здѣсь латинскою конструкціею и чрезвычайно хвалятъ слогъ докарамзинскихъ писателей: говорятъ, что онъ имъ понятнѣе, чѣмъ новый. Это и не удивительно. На образованіе слога XVIII вѣка сильно вліяли южнорусы, и въ немъ попадается много польскихъ и малороссійскихъ оборотовъ.

Вечеромъ былъ я во второй разъ въ здѣшнемъ театрѣ. Давали «Сватанье на Гончарȏвцѣ» Основьяненки. Шло опять очень недурно; самъ Емельянъ Васильевичъ игралъ Стецьку. Роль свою онъ понялъ вполнѣ; я думаю, именно такъ, какъ

хотѣлъ бы ее видѣть самъ авторъ. Любимый типъ южно-русскихъ писателей, дурень, играетъ въ пьесѣ главную роль. Все дѣйствіе вертится на его простотѣ, и эта простота выведена г. Бачинскимъ очень удачно. Нѣтъ возможности не хохотать до слезъ, глядя на его игру: г. Чацкій тоже недурно сыгралъ солдата, который сватаетъ Ульяну за одного и высватываетъ за другого. Но актеровъ и таланты ихъ я постараюсь очертить, когда лучше ознакомлюсь съ ними; покуда скажу только, что игра опять шла дружно, ensemble не былъ ничѣмъ нарушенъ, а г-жа Бачинская и на этотъ разъ была превосходна въ Ульянѣ.

Все хорошо идетъ въ этомъ маленькомъ мірѣ, въ мірѣ хорошихъ дѣлъ на крохотныя средства. Вражда поляковъ поддерживаетъ въ немъ доброе согласіе, любовь къ своему языку и къ прошедшему своего народа. Чего имъ недостаетъ? Г. Бачинскому недостаетъ «Репертуара и Пантеона русской сцены»: будь здѣсь эта драгоцѣнная книга, говоритъ онъ, я бы не такъ поставилъ мой театръ. Духовенству недостаетъ иконостасовъ, утвари и особенно иконъ. Жалобы, что нѣтъ средствъ окончательно устроить свои церкви по-русски, слышатся на каждомъ шагу. Священники жертвуютъ, учителя жертвуютъ, актеры жертвуютъ, народъ босикомъ ходитъ, а все-таки жертвуетъ на благолѣпіе святыхъ божіихъ церквей — усердія много, а средствъ мало. Только эта бѣдность и держитъ латинскіе обряды въ русскомъ народѣ и въ русскихъ церквахъ; будь эти церкви устроены по-русски, войди въ нихъ русская утварь, русское облаченіе, наружныхъ признаковъ уніи мигомъ не станетъ... Разсказываютъ, что извѣстный нашъ іезуитъ Мартыновъ, года три назадъ, путешествовалъ по здѣшнимъ краямъ съ цѣлью устроить уніатскій отдѣлъ іезуитскаго ордена для пропаганды Рима на Востокѣ. Мысль недурная — іезуиты съ бородами, іезуиты ревнители восточнаго богослуженія, охранители его чистоты, іезуиты, продолжатели дѣла Кирилла и Меѳодія, бойцы за русскую народность — они подчинили бы нашъ востокъ своей власти. Уніаты, спасибо имъ, не приняли этого предложенія; они еще разъ заслонили собою Русь отъ наплыва католицизма. Честь и слава этимъ людямъ! Грубая сила связала ихъ съ Западомъ; все было сдѣлано, всѣ мѣры были приняты, чтобъ заглушить въ нихъ и народное чувство и память о прошломъ, а вотъ доста-

точно было одного умнаго и честнаго епископа перемышльскаго, преосвященнаго Іоанна Снѣгурскаго, который первый въ здѣшнемъ краю поднялъ знамя опозиціи латинству, да нѣскольких мѣсяцовъ свободы въ 1848 году, чтобъ исчезъ у русскихъ и польскій языкъ, и чтобъ началось стремленіе исправлять обряды, этотъ вопль объ иконостасахъ и утвари, который теперь слышится вокругъ меня.

Разговаривалъ я въ театрѣ съ однимъ священникомъ — не знаю какъ его зовутъ — я начинаю путаться въ здѣшнихъ именахъ: всѣ на *скій,* да на *овичъ, евичъ.* «Отчего во время повстанья, спрашивалъ я: — вы не поддерживали поляковъ? Мнѣ вотъ многіе изъ нихъ говорили, что имъ удалось примирить васъ съ польскими стремленіями — они говорятъ, что вы ихъ, повстанцевъ, принимали радушно, что они въ вашихъ семьяхъ были какъ дома...»

— Жалко мнѣ, отвѣчалъ священникъ: — если они такъ поняли наше гостепріимство: мы никому не откажемъ въ радушномъ пріемѣ и никогда не станемъ оскорблять нашего гостя противорѣчіемъ. Но какъ же намъ было подпасть подъ вліяніе ихъ и увлечься ихъ пропагандою, когда, извините, мы и съ дѣломъ знакомы ближе ихъ, да и по образованію стоимъ несравненно выше этихъ недоучившихся студентовъ и мало чему учившихся офицеровъ? Мы люди серьезные, фраза насъ не увлекаетъ, Польшу мы знаемъ лучше самихъ поляковъ...

Записываю вамъ этотъ отвѣтъ потому, что онъ кажется мнѣ очень характеристичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Австріи школьное дѣло стоитъ несравненно выше, чѣмъ у насъ. Чтобъ сдѣлаться священникомъ, надо пробыть *четыре* года въ нормальной школѣ, *восемь* лѣтъ въ гимназіи, да *четыре* года въ семинаріи. Правда, все здѣшнее образованіе вертится на латыни и греческомъ языкѣ, кругъ свѣдѣній ихъ, относительно говоря, ограниченъ; но за то я не замѣчаю въ нихъ нашей энциклопедической распущенности, этого ученья «чему-нибудь и какъ-нибудь». У нихъ есть большая привычка къ серьезному умственному труду, а слѣдовательно, къ полному изученію каждаго представляющагося вопроса, что очень много значитъ. Салонное, поверхностное воспитаніе поляковъ, такъ похожее на наше, разумѣется, не въ силахъ соперничать съ этимъ классицизмомъ. Полякъ засыпалъ ихъ фразами, забивалъ изяществомъ

своихъ манеръ, бойкостью своихъ силогизмовъ, и вѣрилъ, что молчаніе есть знакъ согласія, тогда какъ молчали они просто по застѣнчивости. Стоитъ читать польскихъ публицистовъ и даже ученыхъ, чтобъ эта поверхностность бросилась въ глаза. Припомню только ихъ толки о славянахъ и о чуди... Вотъ въ чемъ лежитъ одна изъ причинъ ихъ политическаго безсилія. Люди, которыхъ они хотятъ вести, развитѣе ихъ самихъ...

ЛЬВОВЪ.

I.

Пишу изъ Львова. Я прогостилъ еще недѣлю въ Перемышлѣ, а сюда пріѣхалъ третьяго дня. Веденіе дневника оказалось рѣшительно невозможнымъ: путешественникъ не властенъ надъ своимъ временемъ; онъ, какъ Эзопъ, не знаетъ куда идетъ, и всѣ его разсчеты провести день такъ или иначе постоянно разбиваются о непредвидѣнныя обстоятельства. Дневникъ мой выходилъ натяжкой. Пятницу я записывалъ въ понедѣльникъ, воскресенье въ четвергъ; свѣдѣнія, собранныя послѣ, вносились въ дневникъ хронологически раньше, а ко всему этому накоплялось множество повтореній и ненужныхъ подробностей. Съ этого письма примусь за другую систему — стану писать о каждомъ городѣ только по выѣздѣ изъ него; можетъ быть, дѣло пойдетъ лучше.

Ни одного представленія я не пропускалъ на русскомъ театрѣ, ознакомился съ нимъ довольно близко и жалѣю, что не могу предсказать ему блестящей будущности. Артисты люди талантливые, особенно г. Моленцкій (псевдонимъ), который, мнѣ кажется, разовьется современемъ до Самойлова. Онъ уже пять лѣтъ на сценѣ; началъ свое поприще въ польской труппѣ Лобойко и перешелъ въ русскій театръ, какъ только онъ основался. Талантъ у него весьма серьёзный, роли изучаетъ онъ добросовѣстно и никогда не утрируетъ ихъ, что̀ весьма важно. О г. Нижанковскомъ я ничего не умѣю сказать, потому что я не видалъ его въ большихъ роляхъ. Онъ, очевидно, комикъ, но у него нѣтъ сценической выдержки — другихъ смѣшитъ и самъ смѣется; сверхъ того, костюмируется изысканно, наклеиваетъ ненужные носы, надѣваетъ красные штаны, невѣроятно короткіе фраки и т. п. Но объ немъ, какъ и о Моленцкомъ, покуда ничего нельзя сказать — это таланты будущаго: у обоихъ есть богатыя силы, и оба могутъ также легко развить ихъ, какъ и

убить; послѣднее относится именно къ господину Нижанковскому, который недостаточно серьёзно относится къ своимъ ролямъ.

Отъ этихъ неопредѣленныхъ талантовъ перехожу къ опредѣлившимся. Г. Чацкій великолѣпенъ въ роляхъ всякихъ хлыщей, волокитъ, благёровъ, гулякъ: онъ родился для Хлестакова и Репетилова, и если ему чего не достаетъ на сценѣ, то это необходимой каждому актёру — крѣпости нервовъ. Сцена смущаетъ господина Чацкаго, глаза бѣгаютъ у него во все время игры, и эта врожденная нервозность много ему вредитъ. Талантъ г. Вѣтошинскаго тоже ясенъ — онъ удивительно, неподражаемо хорошъ въ роли jeune premier, въ роли чистаго и искренняго влюбленнаго юноши. Смотря на него, зритель становится самъ какъ-то чище и нравственнѣе; столько чистоты и свѣжести льется отъ этого артиста! За то и г. Чацкій, и г. Вѣтошинскій, оба никуда не годятся, чуть только роль вышла изъ предѣловъ ихъ спеціальности. Баритонъ русскаго театра, г. Концевичъ, собственно не актёръ, хотя онъ и великолѣпно сыгралъ въ одной пьесѣ («Майстеръ и челядникъ») роль выгнаннаго изъ службы чиновника, пьяницы и пройдохи, который живетъ всякими кляузами и хочетъ жениться, потому что «видите, Параскевія Семеновна, у меня пятеро дѣтей; старшему всего семь лѣтъ, а двое изъ нихъ лежатъ въ кори!» Патетическія роли ему совсѣмъ не удаются, но до сихъ поръ у меня звучитъ въ ушахъ его пѣсня въ роли стараго Матьё («Чародѣйна-скрипка»):

Ой, такъ, такъ! о дѣти, не терайте
Ой, такъ, такъ! весняныхъ вашихъ днѣй!
Ой, такъ, такъ, о дѣти не терайте вашихъ днѣй!

Вотъ вамъ и образчикъ здѣшняго говора. Есть еще пѣвецъ, г. Звѣржинскій; про сценическій его талантъ ничего не скажу, потому что не видалъ его въ хорошихъ роляхъ. Затѣмъ, изъ женской половины труппы, г-жа Лукасевичъ очень недурна въ роляхъ разбитныхъ бабъ, старыхъ мегеръ, но слаба, когда ей приходится играть молоденькихъ дѣвушекъ, на что она имѣетъ полное право по своей красотѣ. Выдержки на сценѣ у нея мало, глаза безпокойно бѣгаютъ во всѣ стороны; смѣху удержать не можетъ. Надо же молодой и красивой женщинѣ имѣть именно такой талантъ, что она должна являться публикѣ каждый разъ старою вѣдьмою, гонительницею молодёжи, эгоистичною, корыстною — я понимаю, отчего ей не вѣрится, что ея спеціальность роли старухъ, и отчего ей такъ хочется играть мо-

лоденькихъ... Г-жа Смоленская, Морелевская, Котѣловская, всѣ играли ни хорошо, ни худо: роли были маленькія, такъ что я и судить о ихъ талантахъ не могу. О г-жѣ Бачинской повторю то же, что̀ говорилъ въ первомъ письмѣ — это актриса consommée, которой играть слѣдовало бы не въ Перемышлѣ и не во Львовѣ, а въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Талантъ ея замѣчательно разнообразенъ; въ какой роли она ни выступала, вездѣ была одинаково хороша. Г. Бачинскаго видѣлъ я въ драмѣ Корѣнёвскаго (Korzeniowski), переведенной имъ же самимъ съ польскаго — «Пятый актъ». Онъ игралъ Вацлава, которому измѣняетъ любимая жена, и сыгралъ отлично. Это былъ дѣйствительно любящій и оскорбленный мужъ, для котораго все на свѣтѣ погибло, котораго отчаянье до того душитъ, что онъ предлагаетъ своему счастливому сопернику дуэль ядомъ: одинъ изъ двухъ кубковъ отравленъ. И всю эту страшную роль г. Бачинскій сыгралъ безъ малѣйшей натяжки.

Въ воскресенье я былъ въ послѣдній разъ въ русскомъ театрѣ—не знаю, удастся ли его еще разъ увидѣть... Давали: «*Обманъ очей, нова оригинальна комедіо-опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, а 5 отслонахъ* (картинахъ—это слово ужь чисто галицкой выдумки) И. Гушалевича. Музыка Ивана Андреевича Лавровскаго». И авторъ, и композиторъ оба галичане и оба священники. Пьеса недурна, а музыка даже очень хороша — отчего бы не дать у насъ эту пьесу? Дѣйствіе на томъ вертится, что солдату въ сраженіи глаза запорошило, онъ ничего не видитъ. За нимъ ухаживаетъ молоденькая Ѳеня, которая полюбила его, а онъ ее полюбилъ, хотя ни разу ея не видалъ и знаетъ ее только по голосу. Ѳеня молится объ его исцѣленіи, идетъ къ чудотворной иконѣ на поклоненіе, тамъ достаетъ лекарства, вылечиваетъ ему глаза — онъ снимаетъ повязку и бросается не къ ней, а къ ея подругѣ, которая лучше ея. На сценѣ это выходитъ недурно, и есть двѣ-три роли, которыми ни одинъ артистъ не откажется воспользоваться. Музыка превосходна. Это второй галицкій композиторъ, котораго я слышу въ театрѣ. Превосходно дѣлаетъ здѣшнее духовенство, что такъ усердно слѣдитъ за музыкальнымъ образованіемъ своего края. Почти въ каждомъ здѣшнемъ русскомъ домѣ я вижу гитару, флейту, скрипку, даже *рояль* — рояль, при здѣшней бѣдности!

Русскій театръ въ глазахъ русскихъ жителей здѣшняго края имѣетъ такую важность, что я ему одному посвящу все это пись-

мо. Они сами его затѣяли, они одни его поддерживаютъ и чрезвычайно дорожатъ имъ, какъ знаменемъ и пропагаторомъ здѣсь нашей народности. Заведеніе этого театра не получило ни моральной, ни матеріальной поддержки изъ Россіи, гдѣ едва ли кто даже и подозрѣваетъ, какъ бойко идетъ здѣсь русская жизнь, какія у нея радости и надежды, и какія у нея горе и бѣды. Театръ завели, добыли декораціи, лампы, костюмы, все уладили; каждый священникъ далъ свой гульденъ, каждый мужикъ далъ свой крейцеръ, но театръ, всетаки, долженъ лопнуть. Въ пять представленій, что̀ я видѣлъ, публика была одна и та же; поляки не заходятъ въ эту враждебную имъ залу: не поддерживать же имъ русское дѣло въ Галичинѣ! Въ недѣлю Е. В. Бачинскій даетъ три-четыре представленія; мѣсто въ партерѣ, единственное, куда можетъ войти священникъ, чиновникъ, учитель гимназіи, сто̀итъ гульденъ. *Гульденъ,* по альпари, около *шестидесяти пяти* копѣекъ, но на дѣлѣ онъ здѣсь значитъ то же, что нашъ цѣлковый, — и священникъ, чиновникъ или учитель платятъ на театръ, на поддержку русской народности, по три гульдена въ недѣлю, или по двѣнадцати въ мѣсяцъ. А каковъ этотъ патріотическій налогъ для семейнаго человѣка, которому нельзя явиться въ театръ безъ жены и одной или двухъ дочерей! Героевъ, которые головы свои кладутъ на алтарь отечества, вездѣ много, но героевъ, которые кладутъ на него кровные гульдены изъ своихъ тощихъ бумажниковъ, не такъ-то много, и я совѣтовалъ бы любителямъ рѣдкостей съѣздить въ эти края, покуда не перевелось и не пало духомъ это удивительное поколѣніе героевъ, которое я догадался съѣздить посмотрѣть. Ропота, оханья на трудность поддержки театра я еще ни разу не слышалъ, даже намёка на эту трудность никто мнѣ не высказалъ. А Галичина теперь страшно разорена—три года въ ней былъ неурожай, скотскій падежъ довершилъ бѣду. То и другое вызвало такъ-называемый голодный тифъ, который снесъ съ лица земли *тысячъ до тридцати* русскихъ. Къ этому прибавилась война съ рекрутчиною и увеличеніемъ податей, а подати здѣсь очень тяжелыя: село въ 120 дворовъ платитъ 1,300 гульденовъ однихъ прямыхъ налоговъ, то-есть, болѣе 100 гульденовъ приходится на хозяина. Къ этому прибавьте, что здѣсь живетъ minimum 300,000 евреевъ, которые ничего сами не производятъ, стало быть, живутъ буквально на счетъ мужиковъ, развращая ихъ корчмами и давая имъ деньги въ долгъ на баснословныхъ ус-

ловіяхъ; впрочемъ, о евреяхъ я буду послѣ говорить. Край разоренъ; мужикъ даже въ праздникъ ходитъ босикомъ; избы всѣ курныя, а священники всетаки умѣютъ поддерживать въ немъ охоту украшать церковь, заводить школы и жертвовать крейцеры ($^1/_{100}$ гульдена = 0,6 копѣйки) на народное дѣло. И при такихъ-то обстоятельствахъ существуетъ здѣсь русскій театръ, которому сеймъ отказалъ въ субвенціи, тогда какъ нѣмецкій театръ во Львовѣ имѣетъ *16,000* гульденовъ въ годъ, а польскій *6,000* изъ мѣстныхъ податей, вносимыхъ опять-таки этимъ же русскимъ мужикомъ. Но, говорятъ, нѣмецкій и польскій театры оба въ долгахъ и держатся только субвенціями, а русскій до сихъ поръ изворачивается кое-какъ, на удивленіе евреевъ, которые понять не могутъ, какъ это гг. Бачинскіе не хотятъ брать у нихъ денегъ! Пріѣхала въ Перемышль мать Емельяна Васильевича, старушка-попадья, изъ села, повидать сына и побывать на его представленіяхъ. Привезъ ее, разумѣется, еврей — евреи даже извозный промыселъ держатъ здѣсь въ своихъ рукахъ — и вошелъ къ директору для разсчета. На улицѣ ждала его толпа сыновъ Израиля, справиться, не бралъ ли у него директоръ денегъ, и, если бралъ, то сколько и за какіе проценты? Отбою нѣтъ отъ евреевъ, предлагающихъ деньги за право участія въ сборѣ или за *умѣренные* проценты — такъ привыкли они участвовать во всякомъ предпріятіи, особенно въ театральномъ!

Въ здѣшнемъ краю, то-есть, во всѣхъ частяхъ Рѣчи Посполитой, доставшихся Австріи — *семь* польскихъ труппъ: *двѣ* осѣдлыя, львовская и краковская и *пять* странствующихъ (Константина Лобойко, Юзефа Бенды, Юзефа Калециньскаго, Марьи Кроликовской и Петра Вожанковскаго) — и всѣ онѣ банкрутятся. Ихъ не поддерживаетъ никакая нравственная цѣль; публика идетъ къ нимъ только время проводить; успѣхъ ихъ никого особенно не радуетъ, паденіе ихъ никого особенно не печалитъ. Русская труппа, съ ея спеціальною публикою, находится совершенно въ другомъ положеніи. Знамя русскаго народа, протестъ его противъ польской цивилизаціи, противъ насильственнаго ополячиванья русскихъ — она вызвана и держится потребностью цѣлаго многочисленнаго класса здѣшнихъ образованныхъ русскихъ. Но я не вѣрю, что она устоитъ; у русскихъ денегъ не хватитъ, а особенно, если графъ Голуховскій будетъ назначенъ намѣстникомъ Галиціи, чего русскіе очень боятся, и начнетъ

удалять отъ службы русскихъ чиновниковъ, членовъ консисторій, учителей и т. д. Тогда всѣ ихъ матеріальныя средства изсякнутъ; народные капитальцы ихъ, собранные невѣроятными пожертвованіями, перейдутъ въ польскія руки, и снова глубокій сонъ и тишина воцарятся надъ бѣдною Галичиною. Надо быть здѣсь, чтобъ видѣть, въ какомъ они ужасѣ, боятся и за себя, и за свой народъ. Нѣтъ человѣка изъ нихъ, который, такъ или иначе, не состоялъ бы на службѣ — отставка хоть и съ пенсіономъ (отъ 300—800 гульд. въ годъ) подорветъ страшно ихъ матеріальный бытъ, а съ нимъ и возможность служить русскому народу.

Удивительный народъ поляки! Какъ они умѣютъ отталкивать отъ себя своихъ бывшихъ подданныхъ: мазуръ и *русинъ* одинаково отвернулись отъ нихъ, а не будь этотъ мазуръ и русинъ вѣрноподданными Франца-Іосифа, не имѣй отвращенія отъ возстанія — я знаю, чтò они сдѣлали бы и чтò у нихъ лежитъ на сердцѣ. А поляки свое толкуютъ — говорятъ, что надо принять рѣшительныя мѣры для очищенія Руси и русскаго языка отъ всякаго москальства, русскую азбуку изгнать изъ школъ, а ввести латинскую и писать тѣмъ языкомъ, которымъ народъ говоритъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей его произношенія — это вчерашняя «Газета Народовая» предлагаетъ. Негодованію русскихъ и отчаянію ихъ нѣтъ предѣловъ. «Намъ даже писать на нашемъ языкѣ не позволяютъ такъ, какъ мы хотимъ, говорятъ они. Намъ говорить запрещаютъ такъ, какъ мы знаемъ — дышать послѣ этого нельзя, а заявить правительству наше неудовольствіе на поляковъ мы не имѣемъ средствъ, потому что нашъ народъ еще не развился до такихъ демонстрацій, какія умѣютъ дѣлать чешскіе крестьяне. Чехи тысячами явятся на народный праздникъ, мирно и чинно отпразднуютъ его — заявятъ правительству свою радость или горе; а мы не смѣемъ двинуть нашего крестьянина, хотя онъ и пошелъ бы за нами. Какъ мы спали пятьсотъ лѣтъ, до нашего пробужденія въ 1848 году, такъ и онъ спитъ до сихъ поръ. Мы проснулись и идемъ неудержимо къ возрожденію нашей народности, а если мы двинемъ народъ, то его никакая сила въ мірѣ не остановитъ — этого мы и боимся, потому что мы щадимъ и себя, и поляковъ». Вотъ почему русскій театръ и не устоитъ. У русскихъ не хватитъ силъ, а осторожности, по счастью, хватитъ.

II.

Ну, что же такое эта *ихъ унія, ихъ украйнофильство?* спрашиваетъ меня нетерпѣливый читатель.

Въ каѳедральной церкви Ивана Предтечи, передѣланной изъ кармелитскаго костела, въ церкви, гдѣ на иконостасѣ нѣтъ иконъ, гдѣ священники бриты, гдѣ проповѣдникъ размахиваетъ руками, гдѣ русское такъ перепутано съ польскимъ, Византія съ Римомъ, что однимъ шагомъ можно перейти и на ту и на другую сторону — стоитъ у правой стороны памятникъ изъ чернаго мрамора. На немъ портретъ старика съ полнымъ добродушнымъ лицомъ, въ архіерейской мантіи, съ бритою бородою и стриженою головою. Надпись подъ портретомъ гласитъ слово въ слово:

ІОАННУ СНѢГУРСКОМУ,

НЕЗАБВЕННОМУ ЕПИСКОПУ,

ПАМЯТНИКЪ СЕЙ ВОЗДВИГЪ БЛАГОДАРНЫЙ КЛИРЪ ГР. КАѲ. ЕПАРХІИ ПЕРЕМЫШЛЬСКОЙ.

Рожденъ 1782 *). *Поставленъ епископомъ 1818. Преставися 1847 въ день 11-го септемврія.*

Всего, что разсказываютъ эти *уніаты* о своемъ Снѣгурскомъ, даже не переслушаешь. Этотъ архіерей былъ дѣйствительно отцомъ своей епархіи. Священники такъ его любили, что пріѣзжавшій изъ села въ городъ считалъ грѣхомъ не навѣстить владыку; быть въ Перемышлѣ и у владыки не побывать считалось тогда несообразностью въ этомъ краѣ — такъ владыка умѣлъ привязать къ себѣ всѣхъ и каждаго. Любимый и уважаемый всѣми Іоаннъ первый заговорилъ съ своими подчиненными по-русски — это была великая новость: русскій языкъ считался до того мужицкимъ, что священники даже азбуку русскую не всегда знали, и въ церквахъ не рѣдкость было

*) Собственно 1784; на памятникѣ 1782 годъ поставленъ ошибкою.

видѣть требники и евангелія, въ которыхъ надъ церковными буквами священникъ надписывалъ польскими, что̀ и ка̀къ нужно ему выговаривать. Слабо, робко стало припоминать духовенство, точно сквозь сонъ, что не всегда жъ въ этомъ краю языкъ народа считался хлопскимъ, что до завоеванія Галичины Казиміромъ въ XIV вѣкѣ, въ ней были свои князья; даже, наконецъ, духовенство стало смутно догадываться что быть *русиномъ* вовсе не стыдно. До литературы, до театра было еще далеко — объ этомъ тогда навѣрно самъ владыка не мечталъ: ему хотѣлось только нравственно поднять ввѣренный ему клиръ, вразумить его объ его обязанностяхъ къ церкви и къ народу, остановить латинизацію обряда и полонизацію народа. Въ дружескихъ разговорахъ со священниками, уговорилъ онъ ихъ заботиться о ихъ же благосостояніи и заложить вдовій фондъ, въ обезпеченіе ихъ семей, и сдѣлалъ то, что каждый священникъ вноситъ, до сихъ поръ, по 12 гульденовъ ежегодно или 250 единовременно, на обезпеченіе вдовъ и сиротъ духовенства. Теперь епархіальное управленіе *обязано* выдавать каждой вдовѣ по 65 гульденовъ въ годъ, а на сироту по 35: деньги небольшія, но вдова съ пятерыми дѣтьми, все-таки, имѣетъ 240 гульденовъ въ годъ, все-таки можетъ кое-какъ выростить и воспитать дѣтей. Пенсія дѣтямъ прекращается по достиженіи каждымъ изъ нихъ восьмнадцатилѣтняго возраста, когда каждый можетъ уже самъ заработывать хлѣбъ и кормить семью. Вдовій фондъ составляетъ теперь въ перемышльской епархіи около 80,000 гульденовъ, въ акціяхъ, въ билетахъ государственнаго займа и тому подобныхъ бумагахъ, приносящихъ дивидендъ, а пополняется сборомъ по 12 гульденовъ съ каждаго священника, безъ различія, женатый онъ или холостой, или вдовецъ, имѣетъ дѣтей или нѣтъ. Замѣтьте, что законъ ничего не говоритъ объ этомъ учрежденіи — оно держится однимъ нравственнымъ долгомъ клира. Вызвано оно исключительно потребностью самой уніатской церкви — въ холостомъ костелѣ, разумѣется, нѣтъ ничего подобнаго. Управляется фондъ не епископомъ и не консисторіею, что̀ очень важно: онъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ самихъ священниковъ, которые съѣзжаются въ Перемышль со всей епархіи въ первое воскресенье послѣ Богоявленія пересмотрѣть счеты, провѣрить суммы и дѣйствія избранныхъ ими администраторовъ, предсѣдателя (клирошанинъ Гинилевичъ), казначея (клирошанинъ Лукашевичъ), двухъ раз-

давателей (манипуляторы — священники Желѣховскій и Кмицикевичъ) и асесоровъ; послѣдніе назначаются для совѣщаній съ манипуляторами, предсѣдателемъ и казначеемъ, если тѣмъ представится какое-нибудь затрудненіе.

Обрядъ церковный падалъ. Священникъ рѣдко хорошо зналъ уставъ, особенно молодой, только-что вышедшій изъ семинаріи — народъ южно-русскій не формалистъ, какъ великорусъ: онъ мало дорожитъ буквою и всегда готовъ дѣлать уступку въ мелочахъ, что̀ такъ и способствовало его полонизаціи. Нужно было, ужъ если не во всей чистотѣ возстановить обрядъ русскаго богослуженія, то хоть не давать ему далѣе впадать въ латинство. Владыка Іоаннъ и на это нашелъ средство: онъ завелъ въ Перемышлѣ бурсу для дьяковъ — по-нашему *дьячковъ*, или, еще лучше, *уставщиковъ*, какъ въ старину говорилось. Теперь въ перемышльской епархіи дьячками дѣлаются не «убоявшіеся бездны премудрости», а люди, нарочно готовившіеся къ этому дѣлу. Ученики принимаются въ бурсу лѣтъ не моложе пятнадцати, бываютъ каждый день на богослуженіи, учатся нотному пѣнію (особенно Бортнянскаго любятъ здѣсь), изучаютъ уставъ, и черезъ годъ, два, много три — смотря по способностямъ, кто какъ успѣетъ, получаютъ разрѣшеніе быть дьяками. Результатъ вышелъ тотъ, что народъ сталъ интересоваться правильностью хода богослуженія и что теперь по всей епархіи, въ каждомъ селѣ, въ каждой самой бѣднѣйшей церкви, вы услышите хоръ пѣвчихъ и херувимскую Бортнянскаго. Дьякъ большею частью самъ мужикъ или сынъ мужика; народъ любитъ и уважаетъ его, потому что онъ ему свой, потому что онъ знаетъ службу; имъ только церковь и держится... Жалованья ему громада даетъ до 80 гульденовъ, сверхъ того, хату, дрова и зерно и т. п.; а нерѣдко онъ же дѣлается у нихъ и школьнымъ учителемъ, за что ему дается еще отъ 80 до 150 гульденовъ, опять-таки, съ дровами, кашею, просомъ и т. д. До Снѣгурскаго ничего подобнаго не было, а теперь мужики заинтересовались въ дѣлѣ украшенія храма божьяго и въ школьномъ дѣлѣ. Три года неурожая, падежъ, повальная болѣзнь, рекрутчина, подати тяжелыя — босикомъ ходятъ, а всегда умѣютъ найти гульдены на церковь и на школу. Поляки, поэтому, совершенно правы, когда кричатъ, что здѣсь попы *фанатизуютъ* (!) хлоповъ... безъ уніатскихъ поповъ здѣсь ровно ничего бы не было. Обрили ихъ поляки, остригли; въ церкви

имъ католическихъ алтарей понаставили; пятьсотъ лѣтъ все шло тихо и мирно; этнографы только знали, что въ Галичинѣ есть русскій народъ, и вдругъ, *черезъ пятьсотъ лѣтъ молчанія*... Да, я понимаю, почему поляки ихъ такъ глубоко ненавидятъ.

Еще братство св. Николая завелъ Снѣгурскій для вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ и для украшенія церквей. Все, что могъ сдѣлать этотъ великій человѣкъ, все сдѣлалъ, все подготовилъ, и, наконецъ, открыто заявилъ, что уніатская церковь—церковь не *польская*, а *русская*. Въ 1847 году святили какую-то деревенскую церковь — уже тогда новыя церкви стали заводиться у русскихъ. Проповѣдь нужна при освѣщеніи — священникъ, по старому обычаю, пригласилъ какого-то *ксендза*. Снѣгурскій поморщился, когда услышалъ это: «Нѣтъ, я самъ привезу проповѣдника», сказалъ онъ и пригласилъ священника Добрянскаго *). Скандалъ вышелъ невѣроятный, когда русскій священникъ явился на каѳедрѣ русской церкви и заговорилъ *по-русски!* Ксендзы, бывшіе на освященіи, насупились и другъ за дружкою повыходили изъ церкви, говоря, что *не понимаютъ* по-русски — они знаютъ русскій языкъ, которымъ народъ говоритъ, но ничего не могутъ понять, когда на этомъ языкѣ говорятъ о высокихъ предметахъ. Снѣгурскій торжествовалъ. «Дѣло сдѣлано!» радовался онъ, «наши ступили первый шагъ—теперь польскій языкъ больше не будетъ слышаться въ русскомъ храмѣ». Недѣли черезъ двѣ его не стало. Онъ простудился на освященіи, ему завалило грудь. Не знаю, слѣдуетъ ли повторять общее мнѣніе, что полякъ-докторъ съ умысломъ не лечилъ его какъ слѣдуетъ. Здѣсь вообще смерть каждаго русскаго дѣятеля приписываютъ полякамъ — ожесточеніе зашло такъ далеко, что обѣ стороны не могутъ безпристрастно судить другъ о другѣ.

Яхимовичъ вступилъ на престолъ Снѣгурскаго. Яхимовичъ всю жизнь провелъ въ аристократической львовской епархіи и былъ смущенъ нравами, сложившимися въ Перемышлѣ. Священники являлись къ нему безъ дѣла, запросто, садились при немъ — новый епископъ былъ смущенъ и не зналъ, какъ ему

*) Того самого Добрянскаго, котораго проповѣди г. Калинскій недавно запретилъ въ холмской епархіи, потому что нашелъ въ нихъ какую-то *схизму*. Запрещеніе это произвело здѣсь весьма тяжелое впечатлѣніе — удивительно, какъ это въ Россіи до сихъ поръ не могутъ управиться съ поляками и съ польскою партіею, говорятъ галичане въ одинъ голосъ...

быть. Окружающіе объяснили ему, что таковъ былъ обычай его великаго предшественника и что обычай этотъ принесъ много пользы епархіи. «Хорошо же — сказалъ Яхимовичъ — тогда и я стану поступать какъ Снѣгурскій. Если именно этимъ путемъ можно помочь русской церкви и русскому народу — я иду этимъ путемъ». И онъ сдержалъ свое слово, какъ въ Перемышлѣ, такъ и во Львовѣ, куда его перевели митрополитомъ, и гдѣ до сихъ поръ оплакиваютъ его загадочную смерть. Перемышльскою епархіею управляетъ теперь епископъ Ѳома Полянскій, старый, несмѣлый и, говорятъ, очень скупой, тогда какъ Снѣгурскій былъ первый на всякія складчины и пожертвованія и всю жизнь спрашивалъ окружающихъ, хорошо ли дѣлаютъ епископы, что имущество, нажитое управленіемъ епархіей, оставляютъ своимъ роднымъ, а не церкви. Когда онъ умеръ, нашли духовное завѣщаніе, въ которомъ почти все, что у него было, отдавалось на разные церковные фонды, а роднымъ удѣлялась весьма незначительная сумма. Вотъ какіе люди бываютъ въ этой сторонѣ!

Наступилъ 1848 годъ; въ Австріи конституція; народности подняли голову; поляки зашевелились, но и русскіе проснулись отъ вѣковаго сна. «Какъ это мы проснулись», говорятъ они, «мы и сами не понимаемъ — само собою какъ-то сдѣлалось. Поляки устроили польскіе комитеты по всему нашему краю, и насъ къ себѣ зазываютъ: мы нейдемъ; говоримъ, что мы *русины,* а что такое это за народность *русины:* польская она или москальская, или другая какая, тогда никто изъ насъ не выяснялъ себѣ». Пробужденіе захватило ихъ врасплохъ: на этой перекличкѣ славянскихъ племенъ они почувствовали только, что они не одно съ поляками, не должны зависѣть отъ нихъ. *Нема Руси! Нема Руси!* кричали польскія толпы, окружая русскіе комитеты. Народъ — какъ слѣдуетъ южнорусамъ съ ихъ флегмою и сонливостью — стоялъ и ждалъ, что̀ дальше будетъ, вооружившись, однако, тележными распорками, окованными желѣзомъ, на случай, что ляхи тронутъ его поповъ. *Нема Руси!* кричала польская толпа одному такому комитету, а священникъ, членъ этого комитета, читалъ народу выписку изъ Карамзина о всякихъ Святополкахъ Игоревичахъ, Владимірко Ростиславичахъ, Мстиславахъ Святославичахъ и тому подобное. «Чогожь они ляхи брешутъ же нема Руси, замѣтилъ народъ, же все тылько Польша — бачить, якъ много було у насъ цѣсаревъ!»

И безъ крови, безъ возстанія, этотъ народъ, путающій русскихъ князей съ австрійскими императорами, удержалъ Галичину за Австріею. Будь Польша народна у русскихъ и у мазуровъ, 1848 годъ не такъ бы прошелъ.

Вѣна была глубоко благодарна здѣшнимъ русскимъ за выручку. И здѣсь, и въ Венгріи, въ гимназіяхъ появился русскій языкъ, ruthenische sprache — *рускій языкъ* (съ однимъ *с*), явилась литература, журналы стали выходить, пока ни появилась система Баха съ своею германизаціею, которая въ сущности не была опасна для русскихъ — даже выгодна, потому что она не давала польскому элементу никакого перевѣса надъ русскимъ. Литература шла слабо, но, все-таки, шла, школы и церкви заводились, польскаго ничего не было, но и не было опредѣлено, что̀ такое у нихъ эта *русскость*, ка̀къ они выражаются, что̀ именно значитъ, что они *русины*, какъ относятся они къ другимъ народностямъ, называющимъ себя тоже русскими. Точно также не было у нихъ рѣшительнаго мнѣнія объ уніи: держаться ея или не держаться, для нея трудиться или противъ нея.

Этой опредѣленности и до сихъ поръ я не вижу: самъ я избѣгалъ и избѣгаю подобныхъ разговоровъ, неловкихъ для нихъ, а тѣмъ болѣе неприличныхъ для человѣка, который находится во владѣніяхъ католическаго монарха и долженъ уважать гостепріимство, даруемое имъ иностранцамъ. Категорическіе отвѣты никуда не ведутъ: одинъ мнѣ скажетъ такъ, другой — иначе; но, прислушиваясь ко всему, что мнѣ говорили, я прихожу къ слѣдующему заключенію. Поляки на львовскихъ сеймахъ и вездѣ, гдѣ они могли заявить свой голосъ, удивительно обрусили этотъ край. Не будь на русскихъ польскаго гоненья — русскіе спали бы сномъ непробуднымъ. Поляки дразнятъ ихъ, мѣшаются въ ихъ внутреннія дѣла, врываются даже въ орѳографію ихъ, силятся навязать имъ латинскую азбуку — русскіе сбиваются комомъ, упираются на всемъ своемъ и не засыпаютъ, потому что имъ спать не даютъ. Точно также и Римъ, не исполняя постановленій флорентинскаго собора, отчуждаетъ отъ себя унію. Это не секретъ, объ этомъ можно говорить, потому что ни Римъ, ни Польша не имѣютъ силы перемѣниться, да если и перемѣнятся, то уже едва ли не поздно.

Украйнофильство могло бы здѣсь развиться и даже начинало развиваться; рѣдко кто не прошелъ здѣсь его школою — но

украйнофильство явилось въ Галичинѣ въ образѣ повстанцовъ, католиковъ и шляхты, студентовъ, которые кричали о союзѣ Руси съ Польшею и которые думали влiять на здѣшнихъ священниковъ восхваленiемъ унiи. Уваженiе они къ себѣ потеряли и довѣрiе утратили, потому что здѣсь во главѣ народа стоятъ люди серьезные, знающiе Римъ и Польшу не изъ фразъ, не изъ теорiй, а горькимъ опытомъ.

Чѣмъ все это кончится и куда поведетъ это движенiе — мудрено гадать: «одна будущность покажетъ», говорятъ здѣшнiе русскiе, вообще крайне осторожные на языкъ; а я, въ качествѣ путешественника-наблюдателя, только то скажу, что, по моему крайнему разумѣнiю, здѣшнее украйнофильство и здѣшняя унiя суть дѣла поконченныя, которыя исторiя уже въ архивъ сдала. Сколько я понимаю, еще два-три мѣсяца и, благодаря полякамъ, даже довѣрiе русскихъ къ ихъ правительству въ Вѣнѣ пошатнется, тѣмъ болѣе, что здѣсь разсказываютъ, будто и самъ Шмерлингъ сказалъ русскимъ, года два назадъ: «намъ все равно, кому васъ отдавать: полякамъ или Россiи — вы, все равно, не наши...»

III.

Одинъ англiйскiй путешественникъ сравнивалъ наши московскiя церкви съ египетскими храмами. Сходство, дѣйствительно, есть. Мы, какъ древнiе египтяне, любимъ расписывать стѣны храма хотя вкусъ этотъ перешелъ къ намъ изъ Византiи: въ нынѣшнихъ греческихъ церквахъ въ Мореѣ, на Архипелагѣ, въ Цареградѣ, сколько я могъ замѣтить всѣ церкви росписаны; а по описанiямъ храмовъ балтiйскихъ славянъ можно заключить, что это преданiе очень древне.

Изъ всѣхъ достопамятностей Перемышля, ни одна такъ не поразила меня, какъ маленькая церковь Рождества Пресвятыя Богородицы на Болонѣ. Церковь эта деревянная, обыкновенной южно-русской архитектуры, напоминающей, по выраженiю Гоголя, тарелку съ блинами. Надъ дверью надпись: *Изволенiемъ Отца и споспѣшенiемъ Сына и совершенiемъ Святаго Духа создася храмъ сей Рождества Пресвятыя Богородицы, року божiя 1655 iюня 14.* Эта ветхая церковка, которую скоро разберутъ,

потому что подлѣ нея уже поставили новую, каменную, такъ любопытна и такъ важна въ археологическомъ отношенiи, что имѣй я средства, я купилъ бы ее у здѣшняго духовенства и поставилъ бы въ Москвѣ или въ Петербургѣ на дворѣ какого-нибудь музеума, подъ колпакомъ, какъ домикъ Петра Великаго. А купить или вымѣнять ее можно было бы за иконостасъ, облаченiе и церковную утварь для новой каменной церкви, которая благо покуда еще не отдѣлана внутри.

Профессоръ Буслаевъ много писалъ и пишетъ о нашихъ *подлинникахъ* и о *лубочныхъ картинахъ,* и ищетъ для нихъ соотвѣтствующихъ типовъ даже въ итальянскомъ искуствѣ. Я только то могу сказать, что нашихъ типовъ и нашего стиля иконописи я почти вовсе не видалъ ни у грековъ, ни у южныхъ славянъ, и потому считаю ихъ исключительно русскими; но, посмотрѣвши на внутренность этой маленькой церкви — рѣшительно не знаю, великорусскiй это вкусъ или южнорусскiй. Церковь вся исписана. Сначала она была оклеена холстомъ и на холстѣ были сдѣланы рисунки, потомъ холстъ ободрался мѣстами, и кто-то на этихъ прорѣхахъ дополнилъ изображенiя по самому дереву. Стиль письма — стиль нашихъ подлинниковъ и виньетокъ: тотъ же пошибъ, то же сочетанiе красокъ — разница только въ величинѣ изображенiй. Правая стѣна представляетъ *страшный судъ,* тотъ самый *страшный судъ,* который намъ, великорусамъ, такъ близко знакомъ и который изрѣдка встрѣчается и въ сосѣдней Молдавiи, но преимущественно въ притворахъ. Посрединѣ вьется тотъ же змѣй; геена огненная также пасть зубатую растворила; духъ святый наверху; владыки, цари, попы идутъ налѣво отъ змѣя; внизу можно замѣтить всякихъ грѣшниковъ съ ихъ муками, хотя низъ и сильно стертъ боками молящихся. Потолокъ, тоже сильно поврежденный и заново перебранный, лѣвая и задняя стѣна представляютъ тѣ же любимые у насъ апокалипсическiе типы: та же жена-блудница ѣдетъ на звѣрѣ съ необыкновенно длинными шеями; Илья-Пророкъ на *красныхъ* коняхъ; Елисей на одной и той же картинѣ представленъ въ различныхъ позахъ: словомъ, все въ полномъ смыслѣ слова чисто русское, или, какъ у насъ называютъ, византiйское, хотя весь этотъ византизмъ состоитъ только въ соглашенiи славянскаго народнаго вкуса съ требованiями православной церкви. Угла нѣтъ нерасписаннаго въ этомъ обреченномъ на сломку храмѣ; куда глазъ не взглянетъ,

вездѣ ѳреско и ѳреско изъ знакомыхъ намъ ȯбразовъ. Одна только разница — міряне въ нашей сѣверной инокописи представляются бородатыми, здѣсь у нихъ усы и чубы, да свиты XVII вѣка, почти ничѣмъ не отличающіяся отъ нынѣшнихъ перемышльскихъ. Чернецы и владыки, судя по этимъ ѳрескамъ, а также и по портретамъ, которые я видѣлъ въ перемышльской владычной палатѣ, и здѣсь тоже не носили клобуковъ, какъ ввелъ Никонъ въ подражаніе цареградской церкви. Но камилавки ихъ, судя по каптырямъ, были ниже великорусскихъ, высокихъ, какъ царскія шапки. Крестъ не восьмиконечный, какъ у насъ, а семиконечный, то есть, безъ верхняго конца. Это тоже народный русскій крестъ; онъ называется здѣсь *трехраменнымъ* и тоже въ большой чести. Его вездѣ ставятъ на церквахъ, какъ знамя русской народности и какъ протестъ противъ латинизаціи. Здѣшніе русскіе и католики считаютъ его греческимъ, но у грековъ есть едва ли не одинъ только экземпляръ восьмиконечнаго креста, если не ошибаюсь, въ ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Преданіе говоритъ, что онъ сдѣланъ по образцу креста, явившагося Константину-Великому; при Иванѣ III его возили въ Россію — не отъ него ли вошли у насъ въ такой обычай эти кресты? Здѣшній трехраменный крестъ пишется также съ копьемъ и съ тростью; подъ нимъ также адамова голова, надъ нимъ та же надпись: *Ісусъ Христосъ царъ славы;* тѣ же завѣтныя буквы *ника к. т. м. л.* и т. д. Все это не лишено важности въ этнографическомъ и археологическомъ значеніяхъ. Иконостасъ старый, какъ сама церковь, и потому безукоризненно уставный, съ пророками и апостолами. Алтарь русскій... когда у насъ, у всѣхъ русскихъ племенъ, вышелъ изъ употребленія первообразный греческій алтарь изъ трехъ полукруглыхъ отдѣленій, собственно *алтаря, жертвенника* и *дьяконника,* чтȯ до сихъ поръ свято соблюдается въ Турціи? Триста лѣтъ по завоеваніи Галичины Польшею, была поставлена эта церковь, а внутренность ея во всемъ схожа съ современными ей великорусскими церквами — значитъ православіе имѣло и имѣетъ далеко не малое значеніе въ русской исторіи и въ дѣлѣ государственнаго единства народовъ, называющихъ себя русскими: это доказываетъ уніатская Галичина, съ ея крохотными церквами. Чѣмъ болѣе я смотрю на этотъ край, тѣмъ больше убѣждаюсь, что — по крайней мѣрѣ, до половины XVII вѣка — никакія раздѣленія русской митрополіи и

соединенія съ Римомъ не могли поколебать единства русской церкви.

Передъ вѣчностью все прахъ и суета — философствовать мы можемъ какъ угодно, личная вѣра и личное невѣріе дѣло совѣсти каждаго; но тому, кто хочетъ служить русскому народу или орудовать имъ, никакъ не слѣдуетъ забывать, что народъ этотъ, даже въ уніи и даже въ молоканствѣ, прежде всего глубоко православный; и если, подчасъ, какой-нибудь безпоповецъ или духоборъ и кричитъ противъ православія, то въ крикѣ его всегда услышите ноту, которая заявитъ вамъ, что онъ собственно не на православіе нападаетъ, а на промахи его поборниковъ. Кто близко знакомъ съ нашими сектантами, тотъ подтвердитъ вѣрность моего замѣчанія. Въ плоть и въ кровь вошло православіе у русскихъ — я это здѣсь начинаю понимать. Какія тутъ уніи устоятъ противъ вѣры, служащей выраженіемъ народностей? а польская исторія не съумѣла понять этого — и оборвалась. Вольны мы вѣрить или не вѣрить въ христіанскіе догматы, но не слѣдуетъ намъ забывать и упускать изъ виду, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло...

Отличіе уніатскихъ церквей отъ прочихъ русскихъ я замѣтилъ покуда только въ *подсвѣчникахъ* и въ *колоколахъ*. Западъ повѣсилъ ихъ колокола по-своему — и неудобно и некрасиво. Не за языкъ тянутъ, когда звонятъ, а самый колоколъ раскачиваютъ. При соборной церкви въ Перемышлѣ висятъ три колокола: большой, отлитый Снѣгурскимъ, и два маленькіе. Большой, что по серединѣ, будетъ въ ростъ человѣка — не умѣю я опредѣлить пудами — онъ надтреснутъ. Есть преданіе, что Снѣгурскій, услышавъ, что его колоколъ надтреснулъ, сказалъ: «стало быть, и мнѣ не долго остается жить»; и въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же году умеръ. Видѣлъ я, какъ благовѣстятъ: хоронили чуть-ли не русскаго помѣщика Захарьясевича. Четыре мѣщанина (тоже въ долгополыхъ сюртукахъ) ухватились за рычаги этого колокола и стали его безтолковѣйшимъ образомъ раскачивать. И на видъ нехорошо, и звукъ выходитъ немузыкальный. Старообрядца нужно бы послать сюда, научить ихъ мелодическому благовѣсту и указать, какъ съ малыми усиліями можно справляться съ большими *дзвонами*.

Свѣчи. Свѣчи стоятъ у насъ передъ каждымъ мѣстнымъ образомъ, передъ иконостасомъ, передъ праздникомъ, передъ святыми и даютъ огромный доходъ церкви. Объ этомъ здѣсь не

имѣютъ понятія, потому что латинизація ослабила употребленіе большихъ подсвѣчниковъ со вставками для тоненькихъ копеечныхъ свѣчекъ. А между тѣмъ Галичина, съ ея русскимъ населеніемъ въ 2,300,000 (minimum) душъ, могла бы давать церкви ежегодно по 115,000 гульденовъ доходу: я считаю, что каждый мужикъ можетъ поставить въ годъ 10 свѣчекъ, по 1 крейцеру каждая; церковью она будетъ куплена за пол-крейцера, пол-крейцера пойдетъ въ церковный доходъ. Разумѣется, свѣчи надо продавать въ церкви, а не на базарѣ, какъ случается это въ цареградской патріархіи.

Я уже говорилъ, что въ Перемышлѣ есть никольское братство. Существуетъ оно съ 14-го августа 1749 года, нѣсколько разъ разсыпалось и нѣсколько разъ возстановлялось. Снѣгурскій въ 1830 году 14-го октября возобновилъ его, и въ соборной церкви виситъ до сихъ поръ подписанный имъ уставъ, на языкѣ, на которомъ здѣсь говорятъ и пишутъ, то-есть, на русскомъ съ полонизмами. Братство Снѣгурскаго неудержалось — его возобновилъ (въ навечеріе ѳоминой недѣли 1862 года) совѣтникъ здѣшняго окружнаго суда, г. Ковальскій. Этотъ энергическій человѣкъ, предсѣдатель братства, за четыре года своей дѣятельности, съумѣлъ собрать и раздать бѣднымъ ученикамъ до *1,000 гульденовъ,* сдѣлать икону Николая Чудотворца для крестныхъ ходовъ братства, хоругви для соборной церкви, 300 гульденовъ выдавать въ годъ на церковныя свѣчи (которыя здѣсь, чтобъ не забыть, бываютъ и стеариновыя, ставятся почему-то и на латинскихъ алтаряхъ, всунутыхъ въ нѣкоторыя церкви; путаница у нихъ вообще большая), за 100 гульденовъ купить мѣсто бывшей когда-то въ Перемышлѣ никольской церкви, поставить на этомъ мѣстѣ дубовый крестъ, сдѣланный домашними средствами братчиковъ; всѣ мѣста, гдѣ только были русскія церкви, уставить крестами, да еще семиконечными, чтобъ народъ не забывалъ своего прошлаго, и чтобъ будущее поколѣніе не забыло почтить мѣста, бывшія святыми для его предковъ. Сверхъ всего этого, накопился еще у братства капиталъ въ 1,700 гульденовъ, который наростаетъ теперь процентами; на этотъ капиталъ будетъ построена бурса для бѣдныхъ учениковъ. Всѣхъ же членовъ братства только *семдесятъ* человѣкъ, людей существующихъ, какъ всѣ здѣшніе русскіе, только учительствомъ, чиновничествомъ или священничествомъ. Ѣздятъ наши господа ученые и неученые по Франціи и Германіи смотрѣть

диковинки, а диковины изъ диковинъ творятся на самой нашей границѣ, у нашего же русскаго народа.

Братчикъ *обязанъ* давать по крейцеру каждый праздникъ — очевидно, дается больше. Засѣданія бываютъ ежемѣсячно. Клирошанинъ о. Лукасевичъ засѣдаетъ отъ лица владыки. Старенькій мѣщанинъ, управляющій какимъ-то польскимъ домомъ въ Перемышлѣ, сборщикъ на церковь во время богослуженія. Михаилъ Осмакъ — казначей братства для устроенія церквей; для поддержанія бѣдныхъ учениковъ, казначеемъ въ братствѣ адвокатъ Козловскій. Никогда не бывалъ я въ Малороссіи и не понималъ, что̀ такое *бурсакъ*, это народное созданіе южнорусской жизни — теперь понимаю. Это сынъ священника, дьяка или даже мужика (послѣднее бываетъ здѣсь зачастую), который приходитъ безъ гроша въ карманѣ учиться въ гимназію или въ университетъ. Къ великой чести здѣшняго правительства, на трехмильйонное населеніе Галичины есть *двѣнадцать* гимназій, съ платою по 20-ти гульденовъ въ годъ съ ученика. Но бѣдные ученики и тѣ, которые хорошо учатся, освобождаются даже отъ этой платы, такъ что учиться здѣсь собственно ничего не сто̀итъ. Но чѣмъ и ка̀къ жить ученику? Сами учителя, чиновники и священники берутъ къ себѣ на домъ бѣдныхъ гимназистовъ; братство одѣваетъ ихъ, обуваетъ. Священники — бѣдные деревенскіе попы — присылаютъ въ братство крупъ, хлѣбъ печеный, масло, муку, и ученики не только сыты, но и одѣты опрятно. А теперь, если у братства накопится денегъ, оно имъ и бурсу построитъ. Чтобъ понять, какова бѣдность здѣшняго ученика, приведу счетъ, поданный однимъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ братство за три недѣли его жизни въ Перемышлѣ. Счетъ этотъ написанъ на томъ мѣшанномъ языкѣ, которымъ здѣсь всѣ говорятъ: книгъ нашихъ нѣтъ, газетъ нашихъ не видали, а кругомъ все звучитъ по-польски.

Выдатки.

1) *Паппру лѣбру* (десть бумаги) .	18	крейцеровъ.
2) *Чорнила фляшочку*	10	»
3) *Стальови пера*	2	»
4) *За книжку географію*	8	»
5) *Олувокъ* (карандашъ, пол.) . .	4	»
6) *Смалецъ на чоботы* (сало для сапоговъ)	5	»

7) *Русска читанка* (книга для чтенія)	25	крейцеровъ.
8) *Хлѣбъ*	10	»
9) *Пера простіи*	2	»
10) *Каламарь* (чернильница)	3	»
11) *Щѣтки*	13	»
	100	»

Это за три недѣли. Мать привезла его, дала ему два хлѣба и гульденъ (100 крейцеровъ) и уѣхала. Два хлѣба онъ съѣлъ, третій хлѣбъ купилъ, какъ показываетъ въ счетѣ, и такъ существовалъ три недѣли: по хлѣбу въ недѣлю! А апетитъ у него, всетаки, дѣтскій... О. Желѣховскій, законоучитель и надзиратель за положеніемъ русскихъ учениковъ, какъ членъ братства, взялъ къ себѣ этого мальчика. У поляковъ нѣтъ ничего подобнаго — ни братствъ, ни покровительства учащемуся юношеству.

IV.

Въ странный міръ попалъ я, и очень доволенъ, что попалъ въ него. Не заберись я въ эту глухую сторону, я никогда не слыхалъ бы, какъ говорили Симеоны Полоцкіе, Ѳеофаны Прокоповичи, а здѣсь ихъ языкъ — языкъ образованнаго общества, поэзіи и литературы. Галичане страшно отстали отъ нашего литературнаго языка; множество здѣшнихъ образованныхъ людей не видало даже русской книги, написанной въ Россіи, не говоря уже о живомъ русскомъ человѣкѣ, который сюда не ѣдетъ, потому что норовитъ болѣе въ Парижъ или въ Ниццу. De gustibus non est disputandum; а всетаки, эта Русь подъ австрійскимъ скипетромъ прелюбопытная штука, и всетаки, несмотря на малороссійскій говоръ и архаизмы, есть о чемъ потолковать съ здѣшними людьми.

Говорятъ они по-малорусски, западнымъ нарѣчіемъ, болѣе близкимъ къ нашему книжному языку, чѣмъ украинскій. Существенная разница между здѣшнимъ и нашимъ московскимъ говоромъ состоитъ только въ произношеніи *ѣ* всегда какъ *и*, *ы* почти какъ *и*, и *о* иногда какъ *и*. Будь только въ этомъ вся разница между нашимъ и галицкимъ нарѣчіемъ—легко было бы ихъ понимать и легко было

бы имъ чисто писать по-книжному, но географическое сосѣдство ихъ съ поляками и историческое преобладаніе надъ ними поляковъ, да къ тому же нѣмецко-классическое устройство ихъ гимназій и семинарій удерживаютъ ихъ языкъ въ до-ломоносовскихъ формахъ. Полонизмы на каждомъ шагу: *хлѣба мали подъ достаткомъ, бо грунта добре справляли,* т. е. хлѣба имѣли довольно, потому что землю хорошо (добре) обработывали. *Гандель* — торговля; *набоженство* — богослуженіе, молитва; *муръ* — каменная стѣна; *будовать* — строить; *каменица* — каменный домъ; *палацъ* — дворецъ; *свято* — праздникъ; *спѣвать* — пѣть; *на-около* — около; *маетокъ* — имѣнье; *свѣдчить* — свидѣтельствовать; *письмо* — писаніе; *насѣнье* — сѣмя; *раптомъ* — силой; *стосунокъ* — отношеніе; *что за одинъ?* — какой такой? *дяковать* — благодарить; *посѣданье* — владѣнье; *фаховый* — годный, спеціальный; *житье* — жизнь; *належать* — принадлежать; *способность* — возможность; *податокъ отъ народа* — подать съ народа; *вольно* — позволено; *забрать* — отнять; *личить* — считать; *уживать* — употреблять; *лишить* — оставить; *пытать* — спрашивать; *вообраɜенье* — понятіе; *насильно* — усиленно; *здрада* — измѣна; *за много* — слишкомъ много; *за годъ* — годъ тому назадъ.

И такъ далѣе, и такъ далѣе — всего не запишешь. Особенно странно употребляютъ они слово *уважать* въ его польскомъ значеніи (замѣчать). Какой-то священникъ — впрочемъ, они почти всѣ священники — битый часъ жаловался мнѣ на свою унію и при каждомъ словѣ прибавлялъ, для моего вящшаго уразумѣнія «уважайте, уважайте» — то-есть, «поймите, поймите». Вмѣсто *извините*, они говорятъ «*перепрошаю*», переводъ польскаго przeprаszam. Польскаго *пана* перевели на *господина*, къ старинѣ вернулись, но употребляютъ его по-польски: «господинъ не знаетъ?» Въ отчествахъ тоже путаются, сами подписываются Иванъ Ивановичами, Петръ Степановичами, что выходитъ для насъ смѣшно, какъ называнье жены своей *супругою*, и т. п.

Вообще говоря, они утратили много древне-русскихъ выраженій, заимствуютъ ихъ теперь отъ насъ, крѣпко путаются въ нихъ; *здравствуйте*, они говорятъ вамъ прощаясь, и понимаютъ это слово въ его буквальномъ значеніи *будьте здоровы*, тогда какъ у насъ его можно сказать только при встрѣчѣ. При прощаньи они говорятъ также «*почтенье!*» — передѣлка книжнаго «*съ моимъ почтеньемъ*». Я тоже теперь, въ средѣ ихъ, разрѣшаюсь постоянно этимъ короткимъ «почтеніе!» — и, ничего!

привыкъ къ нему. При прощаньи они говорятъ также «*поручаюсь!*» — откуда они это взяли, не умѣю сказать. Большая часть изъ нихъ услышала книжную рѣчь только при проходѣ нашихъ войскъ черезъ Галичину въ Венгрію, значитъ въ 1849 году. Слѣды этого перехода еще очень замѣтны. Шла — не въ обиду будь сказано — старая армейщина съ старыми альбомами и съ старыми анекдотами, пѣснями и каламбурами. Отъ нея многіе галичане, не только священники, но даже и простонародье, выучились нашей ма̀нерѣ разставлять ударенья на словахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, позаимствовались и нашимъ доморощеннымъ jeu d'esprit, псевдотвореніями Пушкина, анекдотами и стихами въ родѣ «Пчела ужалила медвѣдя въ лобъ...» или «лавирую, ваше благородіе». Одинъ здѣшній юноша изумилъ меня своими свѣдѣніями по этой части: хохлацкимъ выговоромъ и полонизмами онъ сообщилъ мнѣ чуть не все, что̀ осталось отъ нашихъ господъ старинныхъ офицеровъ, и былъ крайне доволенъ своимъ адептствомъ въ жизни нашего порядочнаго общества. Я не разрушилъ его самоочарованія: блаженны вѣрующіе — къ чему расположать нашу братью-скептиковъ? Благо онъ увѣренъ, что у него есть духовная связь съ нами, пишущими и читающими — и то хорошо на первый разъ: на безрыбьѣ и ракъ рыба. Впрочемъ, спѣшу оговориться, я только отъ одного галичанина слышалъ подобные анекдоты и остроты — другіе мнѣ и намека на нихъ не дѣлали.

Наконецъ, третій источникъ словъ, непохожихъ на наши, зависитъ отъ ихъ изолированнаго положенія. Представьте себѣ, что я, вы, онъ, кто-нибудь изъ насъ, заѣхалъ, лѣтъ съ двадцать назадъ въ Америку и знаетъ о Россіи только по иностраннымъ газетамъ, которыя толкуютъ ему, что въ Россіи завелись, положимъ, judges of peace. Писать порусски этому господину нужно, и перевести на русскій judge of peace нужно; спрашивается, ка̀къ онъ выразится: *судья мира? мирный судья? мирящій судья? судья примиритель? судья миротворецъ? миротворъ? миритель? Судиміръ? утишитель? униматель? укротитель?*.. выраженій можно пріискать сколько-угодно, а «мировой судья», все-таки, едвали отыщется. Это одно; другое, за послѣднія двадцать лѣтъ нашъ книжный языкъ обогатился многими, болѣе или менѣе удачными, выраженіями, которыя хоть и всѣми признаны въ Россіи, но мнѣ неизвѣстны. Читаю я газеты и нахожу, о ужасъ! слово *локомотивъ*. Да, въ бѣдной, глухой

Галичинѣ, лучше народъ говоритъ — народъ говоритъ: *коломотыль*; народъ сдѣлалъ такой каламбуръ, какой слѣдуетъ, coûte que coûte, внести въ книжный языкъ... Чѣмъ болѣе я чуждъ какой-нибудь литературѣ, чѣмъ болѣе безпристрастенъ къ ней, тѣмъ болѣе у меня охоты вводить въ нее реформы. Отрѣзанные отъ Россіи галичане, волею-неволею, изобрѣтаютъ новыя слова: одни потому, что не знаютъ книжнаго языка и потому берутъ что попало на реквизицію, другіе потому, что хотятъ поправить его. Отсюда, вы найдете, что у нихъ *нумеръ* называется *числомъ*; экземпляръ — *примѣрникомъ*; книжная лавка — *книгарня*; типографія — *печатня;* почтальонъ — *листоноша*; университетъ — *всеучилище*; экзаменъ — *испытъ;* вѣтренникъ — *слабодухъ* или *малодухъ,* очень употребительное у нихъ слово для означенія нетвердыхъ характеровъ... Не перечесть всѣхъ этихъ галицкихъ изобрѣтеній. Бываетъ даже, что иногда они и хорошо знаютъ терминъ, принятый письменнымъ языкомъ, но онъ кажется имъ противнымъ граматикѣ или удобопереводимымъ — и дѣлаютъ реформу. Вы знаете «Золотую Грамату» г. Ливчака — онъ называетъ ее не *приложеніемъ* къ «Страхопуду», а *прилогой*. Граматически онъ правъ, какъ правъ былъ знаменитый острякъ, предлагавшій говорить и писать *мокроступы* вмѣсто *калоши, шарокатъ* вмѣсто *бильярдъ*. Причина Галицкихъ усилій преобразовать книжный языкъ кроется въ томъ, что этотъ языкъ чужой для нихъ. Мы освоиваемся съ нимъ въ приходскомъ училищѣ, въ уѣздномъ и въ гимназіи; онъ намъ такъ входитъ въ плоть и въ кровь, что, благодаря ему, мы даже наши мѣстные говоры забываемъ — для нихъ онъ чужой, потому, что кругомъ ихъ никто не говоритъ на немъ. Что̀ зна̀читъ училище какъ средство распространенія языка — у насъ есть живой примѣръ на нашихъ семинаристахъ старыхъ годовъ. Помните, какъ они всѣ поражали насъ своимъ южнорусскимъ говоромъ на *о* и произношеніемъ *г* не какъ *g*, а какъ *h*. Въ XVIII вѣкѣ и въ концѣ XVII наши семинаріи управлялись и велись малорусами, потому что правительство боялось старообрядческихъ стремленій великорусовъ, и потому что малорусы, какъ и теперешніе галичане, были ученѣе насъ—духовенство все и заговорило языкомъ *кутейниковъ*. Теперь мы вытѣснили изъ школъ южнорусскихъ преподавателей, теперь нашъ говоръ и наше словосочиненіе въ ходу, хотя, повидимому, мы великорусы плохіе труженики науки, мы *сметкой* нашей дѣло рѣшаемъ, и «бьемъ и

мечемъ и въ полонъ беремъ»; нашъ характеръ отличается живостью и сметливостью: малорусъ тяжелъ на подъемъ, нескоръ, но упрямъ до крайности. Великорусъ и южнорусъ — легкая и тяжелая кавалерія.

Незнакомъ здѣсь литературный языкъ, рѣдко кто слышитъ живую книжную рѣчь — ей учатся здѣсь какъ латыни. А кругомъ звенитъ богатый и выработанный польскій языкъ, который здѣсь всякій знаетъ и который вліяетъ на здѣшній говоръ. Путаются они, спотыкаются, и пишутъ, волею-неволею, варварскимъ языкомъ, тяжесть котораго они сами сознаютъ, но исправить ее не могутъ. Что̀ изъ этого выходитъ — имѣйте терпѣніе прочесть слѣдующій отрывокъ, писанный однимъ изъ здѣшнихъ ученыхъ, знаменитымъ изслѣдователемъ галицкаго народнаго быта, Яковомъ Ѳедоровичемъ Головацкимъ, труды котораго по исторіи, этнографіи и этнологіи здѣшняго края должны быть настольною книгою каждаго, кто только занимается изученіемъ Руси. Я беру его средній, обыкновенный языкъ, не *очень* отходящій отъ народнаго и не *очень* приближающійся къ нашему. Беру именно его, потому что онъ знатокъ русскихъ нарѣчій и потому каждая строка, именно имъ писанная, можетъ быть характеристична въ синтаксическомъ и лексикальномъ отношеніяхъ:

«Переходъ Галицко-Перемышльской Земли, или древней Чер-«венской Руси, подъ австрійское владѣніе *становитъ* эпоху въ «нашемъ политическо-общественномъ бытѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, «и эпоху въ развитіи словесности. Судьбы Божіи *исполнились* «надъ дряхлымъ зданіемъ шляхетско-польской республики. На «развалинахъ *Польши* въ старыхъ границахъ появились новыя «границы политически *подѣленного* краю; вмѣсто давно *привиліе-«ванной* націи, явились народы исконные обитатели земли. И «наша Русь вынырнула изъ омута временъ и показала свое «родовое *обличіе* свѣту. Но тяжко ей приходило отрясати вѣко-«выми невзгодами нанесенную плѣсень. Долгое время слабо слы-«шимо было дыханіе ослабленнаго русина, *поки* не двигся изъ «смертной болѣзни. Червенская Русь *горше* другихъ областей «пригнетена была вѣковымъ *панованьемъ* — и воистину чудно «явленіе, что она совсѣмъ не *обумерла* и не погибла. Необык-«новенной крѣпости и неимовѣрнаго усилія нужно было, что-«бы удержати въ тѣхъ долгихъ смутахъ вѣру и народность».

Такъ и видится въ каждой фразѣ вліяніе польскаго языка и

нѣмецко-латинскаго образованія. Смѣшайте этотъ малорусско-латинскій синтаксисъ съ народнымъ великорусскимъ — и вы придете къ чисто-литературному языку. Вотъ какъ, напримѣръ, турецкій казакъ-старообрядецъ изъ Добруджи описываетъ бѣдствія села Камень въ крымскую войну. Я привожу его въ примѣръ, чтобъ нагляднѣе показать происхожденіе нашего общаго русскаго языка; примѣръ заимствую изъ турецкой русской литературы, довольно богатой некрасовскими мемуарами, которые надѣюсь современемъ издать:

«Послѣ того скоро и война *оказалась,* и потребовали (турки) «съ нашего села казаковъ двадцать человѣкъ, чтобъ были одѣты «хорошо, съ лошадьми и полнымъ *саутомъ*; и мы давали съ «четырехъ человѣкъ пятаго. И три года съ половиною они слу-«жили, и три раза ихъ перемѣняли, и они насъ было совсѣмъ «разорили: жалованье большое, и перемѣна *кажный* годъ. Какъ «выше сказано, три раза перемѣняли. И все это дѣло было на «моихъ рукахъ, и *исъ* меня все требовали, а я жалованья ни-«какого не получалъ, а еще своихъ, можетъ, довольно *стратилъ.* «Село бѣдное. А особенно когда пришла армія и заняла кара-«улами границу. У насъ въ Гирсовой стояло три *апаши* (паши): «Измаилъ-паша, Эсюбъ-паша, Ибрагимъ-паша арабскій. И тутъ «съ насъ стали требовать на армію муку, ячмень, яловокъ, ба-«рановъ, масло, сѣно, солому — и все это мы давали. И под-«возы еще на наше село положили, два пикета *спокоивать* хлѣ-«бомъ и соломою и дровами и водою, тридцать одного чело-«вѣка».

Этотъ языкъ свѣжѣе того, которымъ пишутъ галичане, но также далекъ отъ литературнаго. Чѣмъ я больше сравниваю ихъ языкъ съ чистою южнорусскою и великорусскою рѣчью, тѣмъ болѣе цѣню литературный языкъ, который, при его церковнославянской примѣси, сглаживаетъ различія обоихъ нарѣчій, и дѣйствительно долженъ быть общимъ для обоихъ русскихъ племенъ.

Несторъ никогда не писалъ бы *Велике Князтво Киïвске,* какъ пишутъ украйнофилы; а Несторъ въ Кіевѣ жилъ. Украйнофильство есть отреченіе отъ исторіи во имя ультра-чистоты провинціальнаго говора. Оно оборвалось въ Галичинѣ именно по своей исключительности, потому что оно отрицаетъ прошедшее южнорусскаго народа и отрѣзываетъ его не только отъ насъ, но и отъ всего славянства. Его здѣсь за врага приняли,

потому что оно хотѣло раздѣлить славянскія силы, когда только въ единствѣ ихъ и видится спасеніе. Отказаться отъ книжнаго языка украинцу такъ же необходимо, какъ и тамбовцу. Въ Темниковскомъ уѣздѣ есть удивительно хорошая форма третьяго лица множественнаго числа притяжательнаго мѣстоименія: «*ихъ* братъ, *иха* сестра, *ихи* жены», кромѣ многихъ другихъ, весьма недурныхъ особенностей, изъ которыхъ Темниковскій уѣздъ имѣетъ полное право создать свой особенный языкъ. Здѣсь, въ Галичинѣ, издавалась «Мета», тоненькій органъ украйнофильской партіи. «Мета» мнѣ очень нравится: въ ней хорошо все, начиная отъ антиславянской орѳографіи, до брани на *москалівъ* и до чисто украинскихъ словъ, происхожденіе которыхъ относится къ такимъ доисторическимъ временамъ, что ни одинъ филологъ не отыщетъ имъ даже корня. Такое хорошее слово стоитъ даже на оберткѣ «Меты» — *грясть*, должно быть въ смыслѣ «оглавленіе» или «содержаніе»; откуда оно взялось, рѣшительно не могу понять, хотя я и смыслю кой-что въ славянской филологіи. Языкъ «Меты», какъ и языкъ всѣхъ подобныхъ попытокъ, имѣетъ одинакое происхожденіе съ галицкимъ литературнымъ языкомъ 1848—49 года, когда здѣсь все пробудилось и все бросилось писать по-русски, а по-русски никто не зналъ. «Бывало — говорятъ современники — пишешь и все думаешь, какъ бы неупотребить польскаго слова; хочется такъ написать, чтобъ ни одно слово не походило на польское — ну, и выдумываешь изъ патріотизма, неслыханныя слова и невиданные обороты рѣчи». Такъ и украйнофильство. Крымская кампанія и вступленіе на престолъ будущаго Освободителя разбудили насъ отъ вѣковаго сна и отъ нѣмецкой неволи; мы всѣ вдругъ задались вопросами: *кàкъ жить? чѣмъ спасаться?* Кто не помнитъ, какъ мы искали выхода въ перемѣнѣ календаря, какъ мы кидались въ крайнее славянофильство и въ крайній доктринаризмъ; какъ предполагалось Киргизскую Степь заселить крѣпостными?.. Чего мы не выдумывали тогда, начиная англійскимъ парламентомъ и кончая прудоновою анархіею! Многіе ли изъ насъ не были нигилистами, революціонерами, украйнофилами, полономанами? Мы не знали, чтò дѣлать — знали, чего не хотимъ, а чего хотимъ, не знали. Панацею противъ стараго порядка, разрушеннаго новымъ царствованіемъ, подавалъ каждый. Россіи, благодаря цензурѣ, никто не зналъ; создалась даже партія *почвенниковъ*, которая хотѣла постичь, чтò такое мы, русскій народъ, и я думаю,

изъ всѣхъ желаній это было самое толковое. Кутерьма въ общественномъ мнѣніи шла бы до сихъ поръ, еслибъ поляки не подмогли — поляки, которые эту кутерьму приняли за революцію, которые исканіе выхода изъ стараго, выражавшееся произведеніями разной подпольной литературы, приняли за рѣшительный приговоръ цѣлаго народа и уходили на вѣки-вѣчные Рѣчь Посполитую своими демонстранціями, результатомъ незнанія своихъ *хлоповъ* и нашихъ *крестьянъ*. «Русскій умъ щетинкой», говаривалъ одинъ московскій профессоръ старыхъ годовъ; дѣйствительно, великорусъ, по природѣ своей, резонеръ и раціоналистъ, механикъ и математикъ, духоборъ, скопецъ, нѣтовецъ, нигилистъ. Нечаянное, нежданное, негаданное пробужденіе Россіи въ крымскую войну не могло не выкинутъ «Современника» съ его такъ-называемыми нигилистами — остальные видѣли спасеніе въ народностяхъ, чертили проекты русскихъ, польскорусскихъ федерацій, и, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что Россія должна быть устроена на манеръ Соединенныхъ Штатовъ или Австріи, по историческимъ народностямъ, съ автономіею каждаго племени, какое отмѣчено въ лѣтописяхъ — и явилось украйнофильство, отрицаніе московскаго, исключительно великорусскаго славянофильства. Кіевское украинофильство и московское славянофильство оба — послѣднее слово двухъ русскихъ народностей, оба не терпятъ и не допускаютъ всего, что сдѣлалось въ Россіи съ половины XVII вѣка. Одни стоятъ за царя Алексѣя Михайловича, другіе — за гетмана Богдана Хмельницкаго. Начало и конецъ, времена Нестора и нынѣшнее время тѣ и другіе отрицаютъ; тѣ и другіе порѣшили, разъ навсегда, что такой-то годъ въ исторіи народа долженъ служить идеаломъ всей его остальной исторіи, и какъ одни тянутъ насъ въ «Государство Московское», такъ другіе тащатъ «у гетманьство Богдана Хмельницкаго». Виновато во всемъ le bon vieux temps, старая цензура, которая упражнялась въ препятствованіи намъ изучать Россію и способствовала тѣмъ развитію всякихъ соціалистическихъ, революціонныхъ, польскихъ, украйнофильскихъ стремленій. Ненормальное повело къ ненормальному, новое поколѣніе богато «ошибками отцовъ, позднимъ ихъ умомъ». Что было искомымъ, то принято за рѣшеніе, теорія сдѣлалась догматомъ, намекъ — пророчествомъ. Критика соціальныхъ отношеній, критика, во всякомъ случаѣ, полезная, породила соціалистовъ (или нигилистовъ, какъ ихъ называютъ), критика исто-

рическихъ и этнологическихъ отношеній разныхъ русскихъ племенъ къ прочимъ славянамъ и между собою, произвела украйнофильство. Виною всему этому не личности — виною наше общее прошедшее, цензура, недостаточность «познанья самихъ себя», а еще больше, поверхность нашего воспитанія; наши гимназіи и училища даже и сравнивать не слѣдуетъ съ австрійскими. Наше поверхностное, энциклопедическое образованіе — естественный разсадникъ всякихъ ипотетическихъ догматовъ. Не число училищъ слѣдуетъ уменьшать въ Польшѣ, а смотрѣть, чтобъ все, чтò преподается, преподавалось и изучалось серьёзно.

Всѣ мы прошли діалектику нигилизма, славянофильства, украйнофильства — и конецъ концовъ вышелъ тотъ, что надо быть, просто-на-просто, русскими. Изъ языка *хохловъ* такъ же легко создать особый языкъ, какъ изъ языка *пошехонцовъ*, *богомазовъ*, архангельскихъ кровельщиковъ и т. д., и т. д., создать особое нарѣчіе. Назначьте мнѣ любой великорусскій уѣздъ — черезъ полгода я разовью вамъ нарѣчіе этого уѣзда въ особый литературный языкъ, ничѣмъ непохожій на нашъ общерусскій; я докажу вамъ, что въ этомъ, избранномъ вами уѣздѣ, мужикъ вовсе не такъ говоритъ, какъ мы пишемъ; я вамъ поставлю такіе *ходимши* и *ушедши*, *эвтотъ*, *энтотъ* и *эстотъ*, что всякую *грясть* за поясъ заткну — стало бы только охоты.

«Мета» львовская, кажется, запрещена у насъ — и это очень жалко. Я прочелъ ее отъ доски до доски: нѣтъ лучше возраженія противъ антиславянскаго правописанія, какъ эти брошюры, лежащія теперь передо мною. Я не стилистъ и много великорусскихъ народныхъ выраженій попадается въ этихъ строкахъ, но все, чтò я говорю, и все, что будетъ напечатано въ столбцахъ «Голоса», гдѣ появятся мои строки — все это пойметъ каждый православный, потому что я пишу книжнымъ, хаотическимъ языкомъ, полурусскимъ-полуцерковнымъ, который свято блюдетъ память Нестора, Кирилла и Меѳодія, который туго поддается всякимъ нововведеніямъ. А эта «Мета», кому она понятна? «Віруэмо, що пиділъ великоі руськоі отчини на дві, двомъ цісарствомъ влучені, територіі одностайному розвоэві народности хочъ и *неконче сприяв,* однакъ и не *заваджав*, тому *порозумінне* и *повднанне* въ моментахъ розвиття відъ політичнего интересу независлыхъ, зъ повнимъ правомъ діятись може!» Честное слово даю, что ничего не понимаю, хоть и занимался славянскими нарѣчіями и хоть понимаю здѣшняго мужи-

ка... Кому нуженъ такой языкъ? Мужикъ галицкій не пойметъ его, несмотря на русизмы, и полякъ не пойметъ, несмотря на полонизмы. Пало украйнофильство въ Галичинѣ единственно потому, что никто не хотѣлъ подписываться на «Мету», никто не сочувствовалъ ея сепаратистскому направленію...

Украйнофильство, разсказываютъ здѣсь, вышло изъ Россіи; до шестидесятыхъ годовъ объ немъ никто здѣсь и понятія не имѣлъ. Вдругъ, во время повстанія, здѣшняя молодежь заговорила о казачинѣ, стала одѣваться какъ-то по-казацки и стала пить *горівку:* упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ нарочно. Казачество было, разумѣется, хорошимъ явленіемъ въ исторіи Южной Руси, но казачество можно толковать какъ угодно. Турецкіе украйнофилы, казаки Садыкъ-паши, усвоили себѣ только казацкую удаль — грабятъ и пьянствуютъ, какъ настоящіе запорожцы, хоть въ составъ ихъ входятъ и не одни русскіе: тамъ найдете поляковъ-католиковъ, цыганъ безъ всякой вѣры, болгарскихъ и сербскихъ гайдуковъ и даже сыновъ Израиля офицерами и солдатами. Но тамъ украйнофильство дѣло искуственное; почему же въ Галичинѣ оно приняло тотъ же самый оборотъ? Украйнофилами явились здѣсь студенты, и весь ихъ антимоскальскій патріотизмъ выразился въ пѣніи народныхъ пѣсенъ и въ *пьянствѣ:* ни одной жизненной идеи оно не вынесло. Серьезные люди (сами entre nous soit dit *хохлы*) къ нему не пристали, а почему именно не пристали — я до сихъ поръ не могу добиться. «Мы получили основательное образованіе въ австрійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, говорятъ они; мы уважаемъ науку и ея органъ — нашъ общій языкъ; мы не хотимъ разрывать съ нашимъ цѣлымъ прошедшимъ во имя одного періода нашей исторіи — *съ великимъ княжествомъ кіевскимъ*, за *велике князтво киівске...*» Не знаю хорошенько ихъ доводовъ — у меня времени нѣтъ изучать отдѣльные здѣшніе вопросы — но будь я сила и власть въ Россіи, я перехваталъ бы завтра всѣхъ нашихъ украйнофиловъ и сослалъ бы ихъ въ Галичину мѣсяца на два, на три. Пусть потолкуютъ тамъ съ своими земляками, съ учеными, которые даже и *помоскальски* не знаютъ, а говорятъ какой-то *украиньской мовой!*

Началось съ того, что молодежь вдругъ облеклась по казацки, запѣла, запила, принялась ругать москалей и мечтать объ образованіи не то отдѣльнаго малороссійскаго государства, не то малороссійскаго государства подъ скипетромъ австрійскаго до-

ма, не то въ союзѣ съ Польшею, не то съ Турціею. Украйнофильство есть, а идеи украйнофильской нѣтъ, да и быть не можетъ. Никто понять не могъ, откуда явилось въ Галичинѣ такое направленіе, а у молодежи явились деньги. Говорятъ — утверждать положительно нельзя — что молодой графъ Сапѣга былъ въ сношеніяхъ съ ними. Онъ далъ имъ 6,000 гульденовъ и сказалъ: «я полякъ — вы русскіе; мы и вы одинаково притѣсняемся москалями; мы два народа, которые жить вмѣстѣ не могутъ, но врагъ у насъ одинъ — соединимся противъ этого врага, освободимся отъ него общими силами и простимся на вѣки вѣчные. Вы своею дорогою пойдете, мы своею». Если это правда, если дѣйствительно молодой Сапѣга такъ сказалъ русинамъ, то это дѣлаетъ ему честь. Мало кто изъ поляковъ такъ искренно говорилъ въ Польшѣ... Другое дѣло, возможна ли эта Польша, которой польскій простолюдинъ (мазуръ, прусакъ, хамстріякъ) самъ не хочетъ, Польша, созданіе которой было бы сигналомъ вырѣзки ея же интелигенціи. Ни въ кои вѣки Малороссія не встанетъ противъ Русскаго Государства, какъ ни въ кои вѣки Провансъ не отдѣлится отъ Франціи. Другое нарѣчіе, другія пѣсни, допустимъ даже, другое племя живетъ въ ней и другая исторія разыгралась въ ней, чѣмъ у насъ, великоруссовъ; но всего этого недостаточно. Инсурекціи удаются, когда есть достаточная для нихъ причина. Путачевщина удавалась потому, что администрація была невозможная; польское повстанье не удалось потому, что хлопъ польскій не видѣлъ, изъза чего онъ будетъ драться. Сапѣга ошибался, но ошибка его дѣлаетъ ему большую честь — дальше этого ни одинъ приверженецъ Рѣчи Посполитой идти не можетъ.

Казачина не удалась, казацкаго полка молодежь не сформировала въ Галичинѣ, потому что здѣсь, опять-таки, благодаря Австріи, въ учебныхъ заведеніяхъ болѣе учатся, чѣмъ шалятъ. У насъ (на Волыни, если не ошибаюсь) былъ казачій полкъ изъ украйнофиловъ-католиковъ, подъ предводительствомъ батьки атамана, пана Адама Вылежинскаго: у насъ болѣе шалятъ, чѣмъ учатся... Украйнофильство оборвалось какъ сила — оно стало работать, какъ идея и появилось въ образѣ «Меты», органа южнорусской народности. «Мету» слѣдовало бы перепечатать въ Россіи и распространить какъ можно шире, если думаютъ, что украйнофильство имѣетъ какую-нибудь будущность. Характеристикою этого единственнаго органа русскаго сепаратизма, мож-

но указать то, что въ немъ нѣтъ ни одной дѣльной статьи. Все какія-то пробы пера разныхъ гимназистовъ и студентовъ. «Мета» войну объявляетъ москалямъ — и не приводитъ ни одного довода, почему именно Малорусіи не нужны москали и почему она съ ними жить не можетъ. Она прямо говоритъ, что разсчитываетъ только на студентовъ и чуждается стариковъ и вообще зрѣлыхъ людей... то-есть, всего, что̀ знакомо съ жизнью не по теоріямъ, а на практикѣ, что̀ идетъ за реальнымъ, а не за фантазіею. Понятно, что такія партіи не могутъ держаться, потому что каждый приходитъ въ зрѣлый возрастъ и каждый, рано или поздно, получаетъ возможность опытомъ убѣдиться, на сколько всеспаспительны и приложимы его юношескія утопіи. Пусть южнорусская молодежь украйнофильствуетъ, носитъ шаровары въ Черное Море, пьетъ горѣлку и поетъ гайдамацкія пѣсни — молодое пиво перебродитъ, только бы не фанатизировать его преслѣдованіями и гоненіями. «Мета» продержалась всего одинъ годъ (1865), да и то не цѣлый. Г. Ксенофонтъ Климковичъ, *видавець и редакторъ*, задолжалъ евреямъ и *втікъ* куда-то въ деревню, оплакивать равнодушіе Руси къ судьбамъ Руси! тѣмъ все дѣло и кончилось.

Единый возможный и единый популярный языкъ въ Галичинѣ — нашъ книжный; другаго здѣсь быть не можетъ, потому что даже у украйнофиловъ что̀ ни писатель, то своя граматика, что̀ ни книга, то своя орѳографія. Желаніе изучить и усвоить книжный языкъ видно у всѣхъ, а основывается оно на томъ, что исторія этого языка тожественна съ исторіею русскаго народа, гдѣ бы онъ ни жилъ, и, какъ общій всѣмъ русскимъ племенамъ, онъ одинъ можетъ имѣть прочную будущность. Будь въ Галичинѣ возможность получать русскія книги, иначе сказать, будь русская почта по-европейски устроена — черезъ годъ наша литература обогатилась бы новыми писателями и новыми дѣятелями. Но у насъ покуда соблюдаются старыя мѣры противъ распространенія нашей литературы между славянами и противъ полученія ихъ книгъ и журналовъ въ Россіи: такъ нечего и удивляться, что языкъ нашъ покуда мало распространенъ.

Вопросъ о правописаніи и объ украинскомъ нарѣчіи оказывается вовсе не шуточнымъ. Относиться къ этому вопросу слегка было бы непозволительно. Къ нему относились съ ненавистью, упрекали малорусовъ въ стремленіи къ сепаратизму; мнѣнія и стремленія мальчишекъ принимали за мнѣнія и стремленія лю-

дей серьезныхъ, и это было несправедливо. Гоненіе, поднятое на кулишевку въ Москвѣ и во Львовѣ, довело только до того, что послѣдователи ея ожесточились, приняли ее за символъ вѣры и до того осердились, что пришли къ убѣжденію, будто святорусская и малорусская народность до такой степени между собою разнятся, что примиреніе между ними невозможно. Мнѣ кажется, что украйнофилы относились къ вопросу объ украинской народности весьма легко и весьма поверхностно. Но не менѣе легко и не менѣе поверхностнѣе относились къ нимъ гг. великорусскіе патріоты, которые забросали ихъ грязью, обвинили ихъ въ государственной измѣнѣ и приписали имъ такія тенденціи, которыхъ у нихъ въ сущности не было и даже быть не могло. Кто серьезно принималъ кулишевку за средство произвести расколъ между южнорусами и Москвой, то были развѣ поляки.

Въ моихъ странствіяхъ мнѣ случалось не разъ встрѣчаться съ вышеупомянутыми украинскими казаками, воевавшими противъ насъ подъ предводительствомъ батьки-атамана Адама Вылежинскаго. Это были разные некончившіе курса студенты, гимназисты, мелкіе чиновники, которые въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ гарцовали на коняхъ, распѣвали украинскія думы и мечтали о томъ, что придетъ золотое время, когда южно-русскій народъ встрепенется, стряхнетъ съ себя иго какъ Петербурга, такъ и Варшавы и заживетъ своей собственной жизнью. Тогда на степныхъ курганахъ разсядутся бандуристы, станутъ воспѣвать ихъ подвиги, казаки станутъ гарцовать опять по степи, вся молодеческая жизнь Украины воскреснетъ, чуть-чуть Сѣчь Запорожская не заведется — это было увлеченье весьма поэтическое, пожалуй, весьма благородное, но поборники его, увы, должны были подѣлаться въ Молдавіи городскими извощиками и даже бить щебень на шоссе. Они за кулишевку стояли крѣпко, потому что каждый изъ нихъ хорошо зналъ южнорусское нарѣчіе нашего языка, но не одинъ изъ нихъ не былъ посвященъ въ таинство буквы *ѣ, ѳ, ъ, ь*. Кулишевка давала имъ исходъ, она составила имъ весьма не хитрое правило, что пиши какъ слышишь, произноси какъ читаешь. При помощи кулишевки, дѣйствительно, грамматики никакой не нужно; кулишевка средняя пропорціональная между исторіей русскаго народа и исторіей Рѣчи Посполитой. Она одинаково отрицаетъ Польшу, какъ отрицаетъ и все то, что случилось, какъ

Хмельницкій оторвалъ Украину отъ Польши. До Москвы и до Варшавы ей дѣла одинаково нѣтъ. Кулишевка исторію южнорусскаго народа начинаетъ заново, до прошедшаго ей дѣла нѣтъ. Если бы ее распространить, ввести въ школы, то, разумѣется, малорусскому мальчику Польша показалась бы чужой, но точно также чужимъ показались бы ему церковь, лѣтописи, литература, все то, что писали его отцы, все, что завѣщала бѣдному южнорусскому народу его бѣдная исторія. При помощи ея южнорусскій народъ сдѣлался бы, дѣйствительно, самостоятельнымъ, они начали бы жизнь свою заново, они отрѣзали ь бы ото всѣхъ своихъ преданій, кромѣ пѣсенъ и думъ.

Спрашивается, какой толкъ бы изъ этого вышелъ.

Мнѣ, кажется, толкъ бы вышелъ крайне невеселый. Не умѣя читать по-книжному и не понимая книжнаго языка, южнорусъ сразу отрѣшался бы ото всѣхъ плодовъ, которые намъ, святорусамъ, и имъ, южнорусамъ, принесла наша долгая и кровавая исторія. Русская литература стала бы для него невѣдомой. Онъ спотыкался бы на правописаніи, которое мы употребляемъ; слова, которыя мы употребляемъ, стали бы для него непонятны, онъ самъ бы сталъ писать, новую бы литературу развелъ, но какая была бы литература эта, какія его духовныя силы, про то никто до сихъ поръ не знаетъ.

Первымъ послѣдствіемъ введенія кулишевки былъ бы разрывъ между народомъ и церковью. Народъ пересталъ бы понимать церковный языкъ. На это-то украинскіе казаки, ратовавшіе подъ знаменемъ батьки-атамана Адама Вылежинскаго, и разсчитывали. Разрывъ съ обще-русскимъ правописаніемъ повелъ бы къ разрыву съ церковью, воротилъ бы южнорусовъ къ ихъ такъ называемой національной вѣрѣ — уніи. Стоило бы новому поколѣнію южнорусскихъ мужиковъ перестать понимать, что читается въ церкви, то они всѣ, разумѣется, ринулись бы въ унію, потому что оторвались бы отъ родного гнѣзда, оторвались бы отъ тѣхъ традицій, которыя цѣлыя тысячи лѣтъ свято и благочестиво хранили ихъ предки. Унія, какъ говоритъ Вылежинскій и его дружина, представляетъ передъ православіемъ своего рода прогресъ. Православіе, говорятъ они, вѣра отсталая, средневѣковое исповѣданіе, не развитое, не давшее ничего ни литературѣ, ни цивилизаціи, не затѣвавшее ни крестовыхъ походовъ и не съумѣвшее произвести даже такихъ личностей,

какъ Гусъ или Лютеръ. Унія, говорятъ они, въ сравненіи съ православіемъ все-таки прогресъ. Уніатскіе монахи (василіане) хоть и были почти то же, что и іезуты, но все-таки несли съ собою просвѣщеніе, все-таки боролись противъ старины, и хотя они стояли за Римъ, но все-таки нельзя отрицать за ними того, что они принесли огромную пользу дѣлу науки. Св. Владиміръ и св. Ольга до нѣкоторой степени признавали папу, стало быть, они были уніаты. Св. Владиміръ и св. Ольга княжили въ Кіевѣ, стало быть, это были національные государи южнорусскаго племени. Православіе, отрицая Римъ, отрицая все западное и такъ же дерзко относясь къ выводамъ западной мысли, какъ въ прошломъ вѣкѣ относился Фонъ-Визинъ, а въ нынѣшнемъ Герценъ, разрываетъ союзъ Запада съ Востокомъ, отрицаетъ солидарность интересовъ цивилизаціи — поэтому слѣдуетъ ли южнорусскому племени держаться его такъ упорно и задерживать свое развитіе во имя грамматики того языка, котораго это племя не понимаетъ въ церкви, и того, котораго оно не понимаетъ въ книгахъ. Не лучше ли, во имя интересовъ цивилизаціи, дать этому племени его собственный языкъ, перевести на этотъ языкъ все, что перевести только можно, такъ чтобъ каждый простолюдинъ, если онъ только грамотѣ знаетъ, могъ бы читать на своемъ языкѣ безъ малѣйшаго затрудненія все такъ, какъ англійскій или французскій кучеръ читаютъ послѣднія французскія газеты и новѣйшіе романы. Введеніе подобнаго правописанія, которое не обязываетъ учиться грамматикѣ, и обособленіе этого племени отъ нравственнаго вліянія на его не принесло бы ему пользы въ матеріальномъ и въ моральномъ отношеніи. Освободясь отъ общерусскаго книжнаго языка, эти пятнадцать милліоновъ южнорусовъ составили бы собственную литературу, произвели бы собственные свои таланты, зачали бы свою новую жизнь и, благодаря своимъ либеральнымъ традиціямъ, они стали бы учителями славянства въ дѣлѣ всего того, что для каждаго порядочнаго человѣка дорого, — въ дѣлѣ свободы, просвѣщенія и прогреса. Къ чему южнорусамъ, въ самомъ дѣлѣ, тащиться съ великорусами, которые идутъ своимъ тяжелымъ шагомъ, народные обычаи и преданія которыхъ до такой степени уродливы и тягостны, что даже подчиненіе имъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Великорусы помѣшаны на созданіи государства, на расширеніи предѣловъ своихъ границъ, великорусы приходятъ въ восторгъ отъ того, что подчиняютъ себѣ Таш-

кентъ и Бухару, отъ того, что границы ихъ все болѣе и болѣе подвигаются къ англійской Индіи, что рѣка Усури входитъ въ предѣлъ ихъ государства и что рѣка Сунгари не сегодня такъ завтра будетъ русской рѣкой. Великорусы — сила, сила грубая, матеріальная; великорусы — народъ, съумѣвшій возвести въ идеалъ обоихъ Ивановъ, и Великаго, и Грознаго; великорусы готовы на все, на всякія жертвы, на всякое самоотверженіе, для того, чтобъ создать свое государство. Для чего и къ чему этому пятнадцати-милліонному народу южнорусовъ вязаться съ нимъ? Если есть возможность отъ великорусовъ освободиться, то освобождаться должно. Великорусская литература груба. Стоитъ взять любую изъ современныхъ газетъ, чтобъ каждое чуткое ухо разслышало эту грубость, аляповатость критикъ, этотъ жесткій, шероховатый стиль, дышащій чѣмъ-то семинарскимъ, чѣмъ-то наглымъ, ничего не признающимъ и все отрицающимъ. Какой народъ въ мірѣ можетъ примириться съ этой великорусской литературой и съ великорусскою жизнью, въ которой все топорно, угрюмо, неуклюже, гдѣ на каждомъ шагу слышится грубая сила, какіе-то бовы-королевичи, который за руку дернетъ — рука изъ плеча вонъ, за ногу дернетъ — нога изъ бедра вонъ, гдѣ шутить не умѣютъ, гдѣ ни остротъ, ни изящества нѣтъ, гдѣ, начиная съ городоваго и кончая литераторомъ, все дышитъ кулакомъ, затрещиной, гдѣ нѣтъ ничего симпатичнаго, гдѣ нѣтъ ничего привлекательнаго, гдѣ лучшіе поэты загнаны, гдѣ лучшіе писатели, писатели, исполненные изящества, — поруганы, гдѣ царитъ проза, страшная, вопіющая проза, проза, отталкивающая мягкое сердце и благоуханную душу южноруса. Бѣжать отъ нихъ, отъ великорусовъ надо: ихъ манера, ихъ бытъ, ихъ грубость, ихъ манера гулять — все это возмутительно, все это безобразно, все это отвратительно...

И южнорусы, какъ поляки, возмущаясь великорусскими манерами, разумѣется, совершенно правы. Наша манера, наша жизнь, наше оружіе, наша способность аплодировать палачамъ — отвратительны. У насъ есть двѣ страшныя пословицы: «лежачаго не бьютъ» и «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ». Порядочный человѣкъ лежачаго бить не станетъ и стараго не помянетъ. Но народъ, который съумѣлъ сложить эти двѣ пословицы и которому, стало быть, эти пословицы понадобились, которому пришлось припоминать себѣ подобное правило, — на-

родъ некрасивый. Зачѣмъ я или мой читатель станемъ другъ другу кричать: «будь вѣжливъ съ женщинами?» Намъ это съ моимъ читателемъ даже въ голову не придетъ, потому что мы и безъ того, безъ всякихъ напоминаній, съ женщинами вѣжливы. Народъ, которому понадобилось трубить другъ другу въ уши о «лежачемъ» и о «старомъ», стало быть, имѣетъ способность лежачаго бить и старымъ въ глаза колоть.

Что же грѣха таить? Мы не красивы и не станемъ, передъ прочими славянами хвастаться изяществомъ и своею особенною гуманностью. Но у насъ есть одно качество, котораго ни у южнорусовъ, ни у прочихъ славянскихъ племенъ рѣшительно не хватаетъ. Качество это весьма не мудрое и, пожалуй, не завидное: мы — *сила*.

Мы — сила, которая съумѣла не только отстоять дрянное московское княжество отъ Татаръ, но изъ этого княжества создать россійскую имперію. Не великіе князья это сдѣлали, не Иваны III, не Иваны Грозные создали Россію — ее создали *мы сами*, создали ее какіе-то московскіе тысяцкіе и бояре, тѣ самые господа, которыхъ по свидѣтельству одного изъ иноземцевъ, Петръ лупилъ по щекамъ и одного за другимъ посылалъ въ Преображенскій приказъ, но которые на пиру и въ думѣ спорили съ нимъ смѣло и противорѣчили ему такъ, какъ могли противорѣчить ошибающемуся государю его лучшіе подданные, предпочитавшіе дыбу, колесо и плаху всякой лести, нерадѣнію о пользѣ Земли Русской. При всѣхъ нашихъ недостаткахъ, при всемъ томъ, что было лѣтъ двадцать тому назадъ, и при всемъ томъ, что теперь такъ некрасиво дѣется у насъ, на матери, на Святой Руси, у насъ дѣло все-таки идетъ впередъ и впередъ, все-таки спотыкаясь и сворачивая вправо и влѣво, русское государство не чахнетъ, не сохнетъ, а развивается со дня на день. Тяжелъ нашъ путь, трудны наши шаги, не легка наша борьба, но мы идемъ и идемъ такъ, какъ шли пятьсотъ лѣтъ тому назадъ наши предки во времена татарщины; мы идемъ и мы выйдемъ, а то что мы выйдемъ не только мы знаемъ сами, но это знаетъ и Западъ, который отъ каждаго нашего шага впередъ, шага неслышнаго, молчаливаго, не сопровождавшагося никакими трезвонами, никакимъ благовѣствованіемъ, приходитъ въ ужасъ, въ негодованіе и становится въ недоумѣніи передъ этой страшной силой, которую мы собою представляемъ. Южнорусы, какъ и всѣ братья славяне могутъ намъ говорить что мы идемъ не

изящно, что нашъ шагъ не уклюжъ, что наши пальцы заскорузли, что на ногахъ нашихъ мозоли, что на спинахъ нашихъ до сихъ поръ еще свѣжи слѣды стариннаго кнута, но мы идемъ, идемъ и еще разъ идемъ. Землю пашутъ желѣзной сохой, соха изъ краснаго дерева никуда годиться не будетъ. Чтобъ вбить гвоздь нуженъ молотокъ желѣзный, и такіе молотки только кузнецы дѣлаютъ, а никакъ не ювелиры. Мы создаемъ государство, мы строимъ дома изъ кирпича, а не деревянный. Только дѣти сражаются деревянными штыками, намъ нужны штыки желѣзные, и если вкусъ желѣза не хорошъ, и если размахнувшаяся мышца попадаетъ иногда не туда, куда намѣревалась, то все-таки Самсонъ Богатырь какъ другъ и пріятель лучше какого-нибудь дворянина Данила Безсчастнаго.

Изо всего славянства одни мы, великорусы, съумѣли выступить впередъ, правдой и неправдой сложили свое государство, съ Новгородомъ обошлись невѣжливо, со Псковомъ поступили мы грубо, но та дикая сила, которая бродитъ въ насъ, разъ насъ вывезла изъ татарскаго плѣна, другой разъ вывезла насъ изъ плѣна нѣмецкаго, а третій разъ вывезетъ насъ изъ плѣна европейскаго.

Куда южнорусамъ уйти отъ насъ? Занять наше мѣсто въ исторіи, можетъ быть, хотѣли бы они? Но къ чему считаться мѣстами, благо на своихъ плечахъ и на своихъ спинахъ мы вынесли обузу тяжелую и, пожалуй, неблагодарную Всероссійской Имперіи. Къ чему вытаскивать ее еще разъ и создавать имперію славянскую, помимо насъ? Мы нажили капиталъ, которымъ мы дѣлиться готовы со всѣми нашими родными. Къ чему начинать дѣло съизнова и этотъ самый капиталъ постараться нажить помимо насъ? Капиталъ есть, стало быть, къ чему жъ хлопотать? Можетъ быть, обидно то, что мы стоимъ во главѣ движенія, благодаря той самой грубой и дикой силѣ, о которой я только-что говорилъ. Ну и пускай же и южнорусы и прочіе гг. славяне пустятъ насъ впередъ застрѣльщиками, передовыми стрѣльцами въ кулачномъ бою, благо есть передовые бойцы, благо не перевелись еще на свѣтѣ Васьки Буслаевы.

Вся цѣль и идеалъ славянства состоитъ въ томъ, чтобы слиться, во что бы то ни стало, воедино; слиться въ одинъ народъ, возъимѣть одинъ языкъ, одну азбуку, одну церковь, такъ чтобъ чехъ считалъ бы себя въ Москвѣ такъ же дома, какъ великорусъ будетъ считать себя дома въ Прагѣ. Задача, стало

быть, весьма не хитрая. Полагаясь на наши грубыя плеча, полагаясь на наши тяжелыя мышцы, братья-славяне могутъ къ намъ примкнуть и слѣдовать за нами, зная то, что плечо наше не дрогнетъ и мышца наша не встряхнется отъ чужаго удара. Языкъ, которымъ мы говоримъ и пишимъ, — наслѣдіе великихъ первоучителей славянства Кирилла и Меѳодія. На сколько онъ южнорусскій, на столько онъ и сѣвернорусскій. Изъ-за чего намъ раздѣляться? Для чего эта кулишевка?

Украйнофилы возражаютъ на этотъ вопросъ обыкновенно тѣмъ, что деревенскіе мальчишки книжнаго языка не понимаютъ, и что если ихъ учить по-книжному, то, разумѣется, развитіе южнорусскаго народа страдаетъ.

Да будетъ мнѣ позволено этому не повѣрить!

Цѣлыя тысячи лѣтъ и сербъ, и великорусъ, южнорусъ учились и учатся по церковнымъ книгамъ, а церковный языкъ не совсѣмъ понятенъ каждому, кто не выросъ на церковныхъ книгахъ. Южнорусъ, бѣлорусъ, сербъ, болгаринъ до сихъ поръ всѣ свои свѣдѣнія почерпали изъ этого церковнаго языка, и хотя каждый говорилъ по своему въ своемъ домашнемъ быту, но церковный языкъ все таки былъ единственнымъ средствомъ развитія и цивилизаціи. Церковный языкъ съ его двойственнымъ числомъ, съ его прошедшими временами, нисколько не препятствовалъ ни южнорусу, ни сѣвернорусу понимать грамматику Милетія Смотрицкаго, посланіе патріарха Гермогена и читать Кирилла Александрійскаго и Аѳанасія Іерусалимскаго. Не было жалобы до сихъ поръ, чтобъ этотъ церковный языкъ, сильно обрусѣлый, былъ бы препятствіемъ для сербовъ понимать, что̀ читается въ церкви; всѣ турецкіе славяне читаютъ въ церкви до сихъ поръ по-церковному, да не чисто по-церковному, не на языкѣ Кирилла и Меѳодія, а на языкѣ, сложившемся въ Москвѣ въ XVI и въ XVII в., и всѣ этотъ языкъ понимаютъ, за исключеніемъ людей, которымъ былъ или недосугъ или была лѣнь постараться этотъ языкъ понять. Нѣмцы превосходно справляются съ своимъ книжнымъ языкомъ, который такъ мало походитъ на plattdeutsch или на какія швабскія или тирольскія нарѣчія. У итальянцевъ то же самое. Венеціанское, сицилійское и неапольское нарѣчія разнятся отъ итальянскаго книжнаго языка больше, чѣмъ южнорусскій разнится отъ нашего книжнаго, а всѣ примиряются на одномъ обще-принятомъ итальянскомъ языкѣ. Нѣтъ спору, что въ plattdeutsch и

въ венеціанскомъ нарѣчіи есть выраженія сильнѣе и даже изящнѣе тѣхъ, которыя приняла нѣмецкая и итальянская литература, но изъ этого еще вовсѣ не слѣдуетъ, чтобъ въ Венеціи образовалась бы литература своя, въ Неаполѣ своя, въ Гамбургѣ своя, въ Мюнхенѣ опять-таки своя. Разумѣется, на это можно возразить, что южнорусскій народъ не какая-нибудь Сицилія, не какой-нибудь берегъ Нѣмецкаго моря, а что это народъ въ пятнадцать милліоновъ, и что языкъ (если его только можно назвать языкомъ) этихъ пятнадцати милліоновъ имѣетъ полное право на то, чтобъ къ нему относились съ уваженіемъ, и то, чтобъ онъ сдѣлался литературнымъ языкомъ пятнадцати-милліоннаго племени.

Спрашивается, на сколько это пятнадцати-милліонное племя свободно отъ своихъ преданій. Пятнадцати-милліонный народъ можетъ или отрѣшиться отъ всего своего прошедшаго и во имя того, чтобъ каждый полуграмотный человѣкъ возъимѣлъ бы право писать все, что ему угодно, слѣдуетъ ли, чтобъ цѣлое племя отказалось отъ своей литературы, которую оно само создало. Можетъ ли пятнадцати-милліонный народъ отречься отъ своего прошлаго и начать жизнь заново? Были въ Кіевѣ писатели, въ Острогѣ библія печаталась. Можетъ ли и благоразумно ли поступитъ этотъ народъ, если онъ во имя интересовъ цивилизаціи плюнетъ на все свое прошлое и дойдетъ до того, что перестанетъ понимать, что̀ писали отцы его, что̀ языкъ отцовъ его станетъ ему чуждымъ?

До сихъ поръ была литература русская, принадлежавшая одинаково какъ сѣвернымъ, такъ и южноруссамъ. Выкинуть всю эту литературу за ворота, пожалуй, можно. Сербы съумѣли это сдѣлать. Начать жизнь заново — но кто же поведетъ эту жизнь заново? Если даже мужикъ южнорусскій на подобную продѣлку и согласится, то чѣмъ же гг. агитаторы подобной продѣлки замѣнятъ ему то, что у него ужъ есть.

Слѣдуя Волку Степановичу Караджичу, сербы отреклись отъ всякихъ связей съ прошлымъ, и чего жъ они добились? Что̀ такое представляетъ собой сербское княжество, порвавшее всѣ связи съ прошедшимъ? Сербское княжество дѣйствуетъ постоянно во имя прошедшаго, но сорокъ лѣтъ тому назадъ сербы, не порывавшіе связи съ прошедшимъ, съумѣли отбиться отъ турокъ; нынѣшніе ничего сдѣлать не могли; отказавшись отъ стараго, порвавши связь съ завѣтомъ отцовъ своихъ, они

дѣлались не болѣе какъ игрушка въ рукахъ Франціи и Австріи.

Единственное спасеніе славянства, какихъ бы племенъ оно ни было, — принять тотъ языкъ, который, при всѣхъ его недостаткахъ, благодаря Господу Богу, цвѣтетъ, существуетъ, и на которомъ и умные и глупые люди, какъ умѣютъ, пописываютъ. Все-таки тотъ книжный языкъ, созданный общими силами сѣверными и южными русскими, ни сѣвернымъ, ни южнымъ русскимъ не чужой. Языкъ этотъ таковъ, что каждый славянинъ долженъ ему учиться. Этотъ языкъ готовится сдѣлаться тѣмъ въ восточной Европѣ, чѣмъ до сихъ поръ былъ языкъ французскій, тѣмъ самымъ, чѣмъ языкъ Данте сдѣлался для итальянцевъ, а языкъ Лютера для нѣмцевъ. Какіе тутъ южноруссы, какіе тутъ сербы, болгаре и платдейчеры въ виду тѣхъ великихъ событій, которыя происходятъ въ дни наши, когда всѣ племена соединяются воедино? Къ чему тутъ вносить раздоръ въ школы и обучать какихъ-нибудь украинскихъ мальчишекъ не той азбукѣ и не тому языку, который долженъ быть господствующимъ языкомъ въ восточной Европѣ, какъ англійскій сдѣлался языкомъ Сѣверной Америки. Пусть будетъ принятъ одинъ общій языкъ, и пускай деревенскіе мальчишки не сбиваются съ толку во имя лишняго патріотизма. Первое дѣло и первый вопросъ для всѣхъ славянъ въ настоящее время состоитъ въ томъ, какъ бы слиться въ одно цѣлое, тотъ самый вопросъ, который такъ недавно изъ раздробленной Италіи создалъ — Королевство Итальянское. Потомъ, когда все это сольется въ одно единое, счетъ произойти можетъ. Что выйдетъ дальше, про то наши внуки узнаютъ, но для насъ, людей второй половины XIX в. другой задачи быть не можетъ, а потому не благоразумно ли принять тотъ языкъ, который существуетъ готовымъ, то правописаніе, при всѣхъ его недостаткахъ, принять за законное и, не мудрствуя лукаво, идти на выручку тѣмъ, кого выручать въ настоящее время надлежитъ? Но то, что ясно теперь намъ въ 60-хъ годахъ, понималось совершенно иначе въ 20-хъ годахъ. То было время увлеченій, было время фантазій, фантазій честныхъ и благородныхъ, съ которыми мы можемъ не соглашаться, но не уважать которыхъ мы не можемъ. Повторять теперь зады, идти по дорогѣ Волка Караджича было бы, разумѣется смѣшно и нелѣпо, и лучшее тому доказательство, что это было бы смѣшно и нелѣпо, что

всѣ его послѣдователи обрываются, такъ что имена ихъ дѣлаются почти смѣшными. Но штука, затѣянная ими тогда, принесла свою огромную пользу, и относиться къ нимъ, къ этимъ людямъ, создавшимъ славянскія литературы на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, легко нельзя. Свое дѣло они сдѣлали, свою службу они сослужили. Ребятишкамъ, разумѣется, надо читать дѣтскія книги. Славяне были тогда ребятишками, нужно было имъ не только разжевать пищу, но и въ ротъ положить — славяне были тогда грудные младенцы, которыхъ кормить можно было только молокомъ. Все-таки славяне пріучились читать, все-таки создали кое-какія литературы неизящныя, до такой степени жалкія, что нельзя даже посовѣтовать заняться славянскими нарѣчіями для изученія славянскихъ литературъ; но дѣло сдѣлано. Честь и слава тѣмъ, которые сдѣлали первый шагъ; камнемъ въ нихъ бросать нельзя, хотя они шли не по той дорогѣ, по которой въ наше время слѣдуетъ идти...

V.

Скоро двѣ недѣли, что я здѣсь, и все еще не успѣлъ осмотрѣть всѣхъ достопамятностей столицы Льва Галицкаго. Городъ чрезвычайно красивъ и отлично вымощенъ, какъ всѣ австрійскіе города. Улицы, большею частью, прямыя и недурныя. Архитектура домовъ изрѣдка напоминаетъ краковскую, то-есть, стѣны идутъ не по отвѣсу, а откосомъ, отчего каждый домъ напоминаетъ собою крѣпость и свидѣтельствуетъ не то о неувѣренности архитектора, не то о намѣреніи сохранить домъ для потомства на вѣки вѣчные. Много фонтановъ и много статуй на улицахъ; великолѣпный бульваръ (валъ) проходитъ по серединѣ города; красивыя площади (рынки) и порядочные отели. Вывѣски всѣ по-польски, изрѣдка по-еврейски и по-нѣмецки; польскій языкъ и польскій говоръ всюду такъ преобладаютъ, что проѣзжій можетъ и не догадаться, что онъ не въ Польшѣ. Даже чернорабочіе въ городѣ — поляки, даже села кругомъ Львова — мазурскія: прежнее правительство нарочно заселяло мазурами окрестности города, чтобъ распространить и языкъ, и вѣру господствовавшаго въ Рѣчи-Посполитой племени. Костёлы очень хороши. Большею частью стоятъ они на мѣстахъ русскихъ православныхъ и уніатскихъ церквей; имъ

же досталась и большая часть русскихъ церковныхъ имуществъ. Осмотрѣлъ я большую часть здѣшнихъ русскихъ (уніатскихъ) церквей — всѣ невелики и всѣ бѣдны; во всѣхъ слышится одна и та же жалоба на невозможность хоть немножко исправить обрядъ и на отсутствіе всякой моральной и матеріальной поддержки со стороны правительства. Изъ Россіи тоже ничѣмъ ихъ не поддерживаютъ, по нашей робости и застѣнчивости, которой ни у одного народа и ни у одного правительства на свѣтѣ нѣтъ. Пруссія открыто помогаетъ киркамъ и обществамъ нѣмцевъ-протестантовъ въ Венгріи; Франція и Австрія явно поддерживаютъ католиковъ въ Турціи — одни мы церемонимся и трусимъ, потому что не освободились еще отъ нѣмецкаго формализма, мертвящагѽ всяку душу живу, потому что... да мало ли найдется всякихъ «потому что!»

Есть здѣсь у русскихъ ставропигійская лавра Успенія Пресвятыя Богородицы, древность которой восходитъ къ XIII вѣку. При ней замѣчательно братство въ защиту отъ полонизаціи, существующее до сихъ поръ, типографія, книжная лавка. Лавра дѣлаетъ все, что можетъ, для поддержанія Руси: книги издаетъ, ученые журналы, мѣсяцословы; словомъ, все дѣлаетъ, на что̀ только средствъ хватаетъ. Къ братству ставропигійскому принадлежитъ почти каждый порядочный русскій въ Галичинѣ: это я заключаю изъ «Альбума» протокола братства съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ. «Альбумъ» этотъ чрезвычайно любопытенъ въ поясненіи, откуда взялась наша гражданская печать и почеркъ прошлаго вѣка. Говорятъ, что Петръ Великій гражданскую печать выдумалъ, а оказывается, онъ, просто-на̀-просто, заимствовалъ ее у галичанъ и прочихъ малорусовъ, которые употребляли ее еще въ XVI вѣкѣ. Заголовки многихъ грамотъ и статутовъ, видѣнные мною въ Ставропигіи, начерчены чисто нашими гражданскими буквами, а текстъ, писанный въ XVI вѣкѣ — очевидный прототипъ нашей скорописи и нашихъ прописей елисаветинскихъ и екатерининскихъ временъ. Малорусы, которые столько содѣйствовали нашему просвѣщенію со временъ Никона, передѣлали нашу старую азбуку и скоропись на свой ладъ — и къ счастію, передѣлали хорошо; ихъ почеркъ дѣйствительно былъ четче и проще нашего.

Видѣлъ я въ ризницѣ старыя евангелія. Два изъ нихъ виленскія изданія 1644, оба въ серебряныхъ позолоченныхъ окла-

дахъ. Надпись на первомъ изъ нихъ гласитъ: «*Арсеній Желибовскій, милостію Божьею, епископъ львовскій, галицкій и каменец-подольскій, сіе евангеліе тщаніемъ и иждивеніемъ содѣлати и украсити повелѣ, лѣта Господня 1647 мѣсяца мая 11-го дня, благополучнѣ в' то время царствующу всесвѣтлому кролю Владиславу IV за патріархи* (sic) *константинопольскаго Иоаникія, престолъ же святыя митрополія киевскія содержащу Селивестру Косову*». На переплетѣ распятіе; крестъ *русскій, осьмиконечный;* у Спасителя руки простерты, *какъ всегда у русскихъ;* подъ крестомъ купель; Симеонъ, Марія, Іосифъ. Тутъ же орудія казни, которыя обыкновенно сопровождаютъ русскій крестъ, и которыя, говорятъ, недавно запретили писать на крестахъ, ставимыхъ по дорогамъ, въ нашемъ Югозападномъ Краѣ, предполагая, что эти орудія казни занесены къ намъ католичествомъ. Защищать церковь отъ раскола и отъ латинства надо чрезвычайно осторожно! съ плевелами можно и пшеницу повыдергать... На оборотѣ моленіе о чашѣ. Работа, очевидно, не русская, но условія русской живописи сохранены. Другое евангеліе того же изданія: «*сьи тетроегль (тетраевангель) сътвори и окова Драгна и внукъ ея Илѣ Камарашъ; и да е въ митрополіе о Сучавѣ*». На оборотѣ соборъ пресвятыя Богородицы, св. Ѳеодоръ, Димитрій, Георгій, Онуфрій, Прокопъ. Переплетъ обоихъ этихъ евангелій сплошной по-старому. Третье евангеліе, печатанное въ Москвѣ при патріархѣ Іоакимѣ, переплетено уже по-новому: пять иконъ на бархатномъ полѣ.

Въ канцеляріи Ставропигіи висятъ портреты неизвѣстныхъ русскихъ, снятые съ гробовъ XVI вѣка. Мужчины съ чубами и съ усами, женщины въ брызжатыхъ чепцахъ; только одна простоволосая, должно быть дѣвушка, и, судя по портрету, замѣчательная красавица. Есть еще портретъ старой монахини, въ каптырѣ безъ клобука. Имена этихъ людей неизвѣстны. Портретъ Зубрицкаго виситъ тамъ же: великаго галицкаго историка уже нѣтъ на свѣтѣ — онъ умеръ глубоко оскорбленный нашею старою цензурою, которая за весь его многолѣтній трудъ въ пользу русской науки и за всю его преданность Россіи — не пропускала его исторіи Галичины, потому только — о доброе старое время! — что въ исторіи этой онъ не призналъ Владиміра Святаго *богатыремъ*, чѣмъ его ни былины народныя не признаютъ, и чѣмъ его никто не считаетъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ каждаго святаго всѣхъ

мірскихъ совершенствъ: очень вѣроятно, что св. Борисъ не былъ писателемъ, а св. Глѣбъ не зналъ химіи — все это не лишаетъ ихъ права на наше поклоненіе имъ и нисколько не колеблетъ вѣры въ нихъ. Вотъ эта фраза покойнаго Зубрицкаго, которая такъ возмутила покойную цензуру: «Замѣчаемъ «недостатокъ доблестныхъ качествъ въ характерѣ Владиміра. «Мы поклоняемся ти, святый Богоугодниче Владиміре, сла«вословимъ тебя, какъ крестителя и просвѣтителя русскаго на«рода, озарившаго насъ свѣтомъ истиной вѣры, молимъ тя «быть нынѣ и присно заступникомъ русскаго племени и рус«ской державы, *но богатыремъ славить тебя намъ невозможно!*» И изъ-за этихъ фразъ, на которыя ни одинъ читатель и вниманія бы не обратилъ, ученое сочиненіе, плодъ долгихъ и серьёзныхъ изслѣдованій, не попадало въ Россію, а прочіе галицкіе ученые руки опустили и не стали приниматься за большія работы, потому что Россія не можетъ быть надежнымъ сбытомъ для ихъ произведеній... Я видѣлъ у нихъ множество сочиненій, совершенно готовыхъ къ печати, но они боятся приступать къ издержкамъ, потому что не увѣрены въ возможности сбыта. Нѣмцы ихъ жмутъ, евреи грабятъ, поляки гонятъ; все мало — надо намъ было показать, что и наша копейка не щербата! Теперь, разумѣется, времена другія, но не мѣшаетъ приводить иногда себѣ на память это недавно прошедшее, чтобъ впередъ избѣгать тѣхъ же самыхъ ошибокъ.

Церковь построена въ концѣ XVI вѣка, но внутренность ея сильно передѣлана: иконостасъ почти вовсе безъ иконъ, старыя иконы подновлены такъ, что ничего и сказать нельзя о нихъ. Самое любопытное — куполъ, въ которомъ помѣщены два молдавскіе герба, польскій и московскій, потому что молдавскіе воеводы и царь Ѳедоръ Іоанновичъ жертвовали на устройство этой церкви. Надъ московскимъ гербомъ, надъ щитомъ, что по серединѣ орла, гдѣ теперь пишется императорская корона, поставленъ крестъ — осьмиконечный символъ русской церкви. Другіе гербы не удостоены этой почести. Вотъ вамъ и голосъ старыхъ вѣковъ, какъ русскіе граждане Рѣчи-Посполитой смотрѣли на свои отношенія къ Москвѣ, отъ которой были отчуждены и въ церковномъ, и политическомъ отношеніяхъ! Опять выходитъ, что сліяніе русскихъ племенъ воедино никакъ нельзя считать интригою московскихъ бояръ и петербургскихъ министровъ, и что Польша должна была пасть,

потому что стояла на дорогѣ къ этому сліянію, потому что она противорѣчила историческому инстинкту массъ. Еще одну вещь я замѣтилъ — это старинный рукомойникъ въ ризницѣ, на манеръ нашихъ тульскихъ, съ висячимъ краномъ, который надо толкнуть внутрь, чтобъ вода потекла. Откуда завелись эти рукомойники у насъ? ихъ, кромѣ Россіи, да, кажется, еще Польши, нигдѣ не видать: прочіе славяне о нихъ, какъ и о самоварахъ, понятія не имѣютъ...

Книжная лавка маленькая; но въ нее умѣщается вся галицкая литература, состоящая изъ маленькихъ книжечекъ, потому что большія ни у кого средствъ не хватаетъ печатать. Русскихъ изданій почти вовсе нѣтъ: наша почта и вообще пересылка книгъ какъ-то такъ ловко устроены, что не то, что никто изъ славянъ, но даже галичане, не могутъ добиться полученія нашихъ изданій, отчего, разумѣется, наши авторы и издатели много теряютъ, а распространенію нашихъ идей и вообще всякому умственному общенію съ нашими братьями въ Австріи положены преграды. Выписанную книгу ждутъ по году и по два; вмѣсто *двухъ* рублей, она обойдется въ *десять,* да еще книгопродавецъ русскій вышлетъ неполный экземпляръ, съ недочетомъ въ листахъ: пусть, дескать, бракованный, залящій товаръ даромъ не пропадаетъ... А тутъ поляки, и французы кричатъ о русской пропагандѣ! Нѣчего сказать, нашли пропагандистовъ!

Нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, призываетъ г. Паумгартенъ, бывшій намѣстникъ Галичины — добрый нѣмецъ, но слабый, потому что не было у него поддержки въ Вѣнѣ — одного изъ начальниковъ ставропигійскаго заведенія.

— Ради Бога, что у васъ дѣлается? вы явно проповѣдуете православіе!..

— Что такое?

— Да въ вашей книжной лавкѣ на окнѣ выставлена — вотъ, у меня записано «Исторія Уніи» Бантыша-Каменскаго, которая напечатана въ Россіи, проникнута такимъ антикатолическимъ духомъ... Ксёндзъ одинъ увидѣлъ ее въ окнѣ, перепугался и подалъ рапортъ въ консисторію; консисторія снеслась съ нунціемъ въ Вѣнѣ; тотъ министру, министръ мнѣ... Помилуйте, это ужъ изъ рукъ вонъ! Вы и себя и меня губите.

— Да позвольте, у насъ, въ Австріи, свобода печати. Здѣсь же во Львовѣ печатаются польскіе переводы Ренана «Жизнь

Іисуса Христа», продаются открыто и разложены на окнахъ всѣхъ книжныхъ лавокъ — это посолонѣе всякой исторіи уніи.

— Знаю, знаю; но, это видите, общее, а книга Бантыша-Каменскаго прямо противъ власти святаго престола.

— Опять-таки, здѣсь же, во Львовѣ, печатаются и продаются такія нѣмецкія книги о папѣ, что даже читать страшно. Пропаганда противъ святаго престола ничуть не запрещена; Австрія либеральное и конституціонное государство.

— Знаю, все знаю, все понимаю. Да сдѣлайте вы какъ-нибудь, чтобъ только эти поляки не кричали. Продавайте тамъ что хотите, только не выставляйте на окно — имъ это глаза деретъ. Изъ пустяковъ они подымаютъ тревогу, вводятъ правительство въ хлопоты, администрацію ставятъ въ затрудненіе — пожалуйста, снимите съ окна. По закону, вы правы — да, видите, поляки...

Анекдотъ этотъ рисуетъ вамъ всѣ здѣшнія отношенія русскихъ къ ихъ двумъ правительствамъ: польскому и нѣмецкому. Поляки преслѣдуютъ ихъ за все и про все, во всемъ видятъ русскую пропаганду и русскія деньги (rubli moskiewski, mój panie!), а нѣмцы ничего не понимаютъ, стараются умиротворить обѣ стороны и потому мирволятъ полякамъ. По австрійскимъ законамъ, здѣсь каждый русскій книгопродавецъ могъ бы завести русскую книжную лавку, а еще лучше, летучую библіотеку. Здѣсь большая охота знакомиться съ нашею литературою; но для этого нужно, чтобъ нашимъ посольствамъ и консульствамъ было предписано наблюдать интересы русскихъ частныхъ людей, живущихъ за границею — тогда только можетъ быть всякая заграничная торговля въ рукахъ нашихъ русскихъ купцовъ, а не въ рукахъ разныхъ нѣмцовъ и евреевъ. Но ждать этого преобразованія и обрусенія нашихъ посольствъ — долгая пѣсня.

Есть *Домъ Народный* во Львовѣ; такъ и написано на немъ русскими буквами: *Домъ Народный*. На крышѣ придѣланъ золотой галицкій левъ, упирающійся на скалу. Задомъ къ этому дому стоитъ памятникъ Станислава Яблоновскаго, каштеляна etc., нѣкогда защищавшаго Львовъ отъ Хмельницкаго... Вообще, Хмельницкаго помнятъ и русскіе, и поляки. Въ Перемышлѣ, во францисканскомъ костёлѣ, есть образъ Божіей Матери, которая синѣла, зеленѣла, краснѣла и бѣлѣла, когда казаки подходили къ городу и, наконецъ, младенецъ отвернулъ лицо свое

въ сторону, смотритъ теперь не на мать, а къ дверямъ... толкуйте какъ хотите!

Домъ Народный, слава и гордость галичанъ, очень невеликъ: въ четыре этажа и въ девять оконъ въ рядъ. Въ 1849 году императоръ Францъ-Іосифъ подарилъ своимъ *вѣрнымъ русинамъ* (die treue Ruthenen) развалины бывшаго университета, разбитаго во время бомбардировки. Мигомъ священники, чиновники, учителя, хлопы сдѣлали складчину и поставили этотъ домъ, паладіумъ русской народности въ Австріи. Послѣднее, что было, отдавали; мнѣ указывали одного старенькаго чиновника, который имѣетъ всего 300 гульденовъ годоваго жалованья. Всю жизнь копилъ этотъ человѣкъ крейцеры себѣ на старость, 500 гульденовъ скопилъ, а стали дѣлать складчину на русское дѣло, онъ ихъ всѣ отдалъ. Священники по 1,000 гульденовъ давали, оставляя дочерей своихъ безъ приданаго. Мужики развязали свою тугую мошну — не было русскаго, который не принесъ бы своей посильной лепты — и Домъ Народный, этотъ вѣчный памятникъ русскаго патріотизма нынѣшняго поколѣнія галичанъ, красуется, непримѣтный, невидимый, за гордою спиною статуи Яблоновскаго. Въ этомъ домѣ помѣщается русская гимназія, бурса для бѣдныхъ учениковъ, матица и русская бесѣда съ ихъ казино, то-есть, клубомъ; театръ и библіотека. Библіотека маленькая, только-что заводится добровольными вносами. Изъ Россіи въ нее почти ничего не посылаютъ, но зато посылаютъ все, что только замѣчательнаго выходитъ, въ польскую библіотеку Осолинскихъ; даже такое интересное для всѣхъ православныхъ изданіе, какъ синайская библія, прислано было не русской матицѣ, а именно польской библіотекѣ — propaganda moskiewska, panie! Въ библіотекѣ покуда замѣчательнаго очень мало, такъ что не знаю, на что и указать, кромѣ старой русской кольчуги, вынутой изъ Днѣстра. Въ музеумѣ, который тоже въ зародышѣ, много старыхъ русскихъ натѣльныхъ крестовъ, бронзовыхъ, очень большихъ, створчатыхъ, похожихъ на норманскіе: едва ли не отсюда пошли тѣ маленькіе крестики сердечкомъ, которые теперь у насъ такъ любитъ народъ. Два бронзовые меча... но о бронзѣ и о бронзовомъ періодѣ мнѣ придется говорить еще особо. По нѣкоторымъ полученнымъ мною указаніямъ, я имѣю основаніе думать, что онъ еще вовсе не прекратился, а живетъ и здравствуетъ въ Галиціи у здѣшнихъ русскихъ, какъ ни въ

чемъ не бывалъ. Археологи слишкомъ поторопились его похоронами...

Казино заведено въ первыхъ числахъ ноября 1861 года, то-есть, вскорѣ послѣ втораго возрожденія русскаго народнаго духа, по поводу польскаго предпріятія измѣнить русскую азбуку на латинскую. Не тронь поляки русской азбуки, галичане жили бы себѣ тихо и мирно; но когда г. Дѣдицкій, нынѣшній редакторъ «Слова», бывшій тогда въ Вѣнѣ, узналъ о покушеніи поляковъ окончательно отрѣзать русскихъ отъ мнимаго вліянія на нихъ москалей, перемѣнить азбуку и тѣмъ порвать связь ихъ съ русскою церковью и съ русскою исторіею, онъ издалъ брошюру (1859 г.) «о неудобности латинской азбуки въ письменности русской». Брошюра, какъ и все писанное этимъ замѣчательнымъ галицкимъ поэтомъ и публицистомъ, чрезвычайно хороша. Строго и послѣдовательно доказываетъ онъ въ ней, почему славяне должны уважать свою азбуку, почему она удобнѣе для славянъ путанной польской или безобразной чешской, писать которыми нужно гораздо дольше времени, чѣмъ русскою, потому что въ русской нѣтъ ни лишнихъ буквъ, ни надстрочныхъ знаковъ; опровергаетъ мнѣніе, что употребленіе латинской азбуки можетъ сблизить русскихъ съ литературами Запада — предлагаетъ полякамъ читать Шекспира, не учась по-англійски, такъ какъ польская азбука одна и та же съ англійскою... Брошюра эта разошлась въ числѣ 2,000 экземпляровъ, что очень много для маленькой Галичины. Зашевелились русскіе при видѣ опасности; явилась русская газета «Слово», г. Дѣдицкій просилъ Вѣну, гдѣ онъ готовился въ учителя, и сдѣлался редакторомъ «Слова», издавши предварительно огромный ученый и литературный сборникъ «Зоря Галицкая яко Альбумъ, на годъ 1860», — томъ въ 560 страницъ. Чего-чего нѣтъ въ этомъ сборникѣ! Первые ученые Галичины, гг. Петрушевичъ, Головацкій, Бѣлоусъ, Гушалевичъ, Желеховскій, В. Ильницкій, І. Ильницкій, В. Ковальскій, Кордасевичъ, М. Малиновскій, Попель, А. И. Торонскій, Цыбикъ, Шараневичъ, Ясиницкій внесли свои труды по исторіи и этнографіи Галичины; первые поэты Галичины и даже Угорщины прислали свои стихи... Эта «Зоря Галицкая» должна быть настольною книгою каждаго занимающагося изученіемъ русской исторіи и русской народности. Появленіе ея произвело фуроръ. Подписчи-

ковъ однихъ было 630, что чрезвычайно много, такъ какъ цѣна изданія была довольно высока — *три гульдена!*

Движеніе на этомъ не остановилось: завелось казино въ Народномъ Домѣ, помѣстившемся въ трехъ комнатахъ. Члены его платятъ по гульдену въ мѣсяцъ на его содержаніе, и разомъ нашлось 127 членовъ. Откуда они на все это деньги берутъ? — поляки понять не могутъ и кричатъ что это все Moskwa przeklęta robi, rubli posyła, szysmą zaprowadza. А у здѣшнихъ русскихъ, у священниковъ, у професоровъ, у чиновниковъ, рѣдко у кого даже часы въ карманѣ найдутся, не то, чтобъ *рубли!* Сюртука себѣ новаго здѣшній русскій не сдѣлаетъ, а на поддержку русской народности противъ поляковъ и противъ католиковъ послѣдній гульденъ отдастъ. Это «вѣкъ богатырей» сказалъ бы Денисъ Давыдовъ... Завели они это казино для того, чтобъ у нихъ былъ свой центръ, чтобъ сближаться другъ съ другомъ, поддерживать другъ друга, знать, какъ борьба идетъ, чѣмъ поляки ихъ доконать собираются, и чѣмъ защищаться. Черезъ годъ уже и театръ г. Бачинскаго выписали, потому что польскій театръ, весь пропитанный польскимъ патріотизмомъ, губительно дѣйствовалъ на молодёжь, а русскій языкъ на сценѣ, въ устахъ князей, графовъ, первыхъ любовниковъ и первыхъ любовницъ(!) переставалъ становиться языкомъ простонародья. Театромъ они крайне дорожатъ и поддерживаютъ его всѣми силами; что онъ не проченъ и что мы имѣемъ право поддержать его, нисколько не оскорбляя вѣнское правительство, поддержать не тайкомъ, а гласно, напрямикъ — я уже говорилъ. Мы чеховъ поддерживали и поддерживаемъ въ ихъ матицахъ и литературныхъ предпріятіяхъ — съ какой же стати оставлять намъ русскихъ безъ поддержки?

Но казино и театру грозила новая, неожиданная бѣда. Чисто литературное у насъ, украйнофильское движеніе, явилось въ Галичинѣ движеніемъ политическимъ. Казино, вмѣсто центра сближенія русскихъ, дѣлалось какимъ-то политическимъ клубомъ, центромъ пропаганды разъединенія. Въ протоколѣ русской бесѣды, всегда лежащемъ на газетномъ столѣ казино, читаются слѣдующія строки: «Выдѣлъ (комитетъ) пріймае за засады (принципы) своего въ каждомъ взглядѣ и отношенію дѣйствованя и поступованя: a) дінастичность, b) народовость, c) недопусканье и отдаленье всякихъ зачипокъ (придирокъ) и споровъ обрядовыхъ народныхъ и языкословныхъ». Это значитъ,

что въ бесѣдѣ, учрежденной въ конституціонномъ и либеральномъ государствѣ, можно громогласно обсуждать дѣйствія правительства, но нельзя ничего говорить противъ вѣрности династіи и цѣлости монархіи. Этимъ бесѣда оградила себя разъ навсегда отъ молодёжи, «ревность имѣющей не по разуму», и спасла молодыя головы, которыя начинали кричать, что Галичина, по своей исторіи и языку, принадлежитъ не Австріи. Принципъ — или какъ поляки лучше насъ выражаются *засада* (у нихъ заимствовано это слово) — засада народности, положила конецъ и польскому и ультра-русскому агитаторству: казино заведено не для агитированья приверженцовъ той или другой стороны: его цѣль — поддержка и развитіе русской народности въ Австріи, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе положены общими законами государства. Наконецъ, устраняются споры о вѣрѣ и объ языкѣ: не возбуждать, а заглушать слѣдовало вопросъ, какой здѣсь народъ живетъ, русскій или рутенскій, и куда слѣдуетъ идти уніи, въ католичество или въ православіе. Вотъ какъ умно и просто распорядились старшины этого клуба въ трудное для нихъ время польскихъ демонстрацій и повстанья, когда даже русская здѣшняя молодежь забредила украйнофильствомъ и казачиною. Запрещено ничего не было, потому что клубъ и не могъ запрещать; но изъ клуба были изгнаны всякіе задорные вопросы, и онъ остался нейтральнымъ ко всему, что на свѣтѣ дѣется. Право, сюда учиться надо ѣздить.

Обвиняютъ галицкихъ литераторовъ, зачѣмъ они пишутъ такимъ варварскимъ языкомъ. Я уже не въ первый разъ привожу примѣры ихъ языка, который, между нами будь сказано, возмущаетъ меня до мозга костей моихъ. Какъ имъ иначе писать, когда даже я, въ тѣ четыре недѣли, что въ Галичинѣ, то и дѣло борюсь съ полонизмами; когда здѣсь никто не учился въ школахъ общерусскому литературному языку, и когда подлѣ нихъ шумитъ молодежь, увлеченная казацкими преданіями и доноситъ на нихъ, что они москали! Не потому г. Головацкій, Петрушевичъ, Дѣдицкій, Гушалевичъ и проч. и проч., пишутъ безобразно, чтобъ они не умѣли выразиться иначе, а потому, что публика ихъ не привыкла еще говорить по-книжному, да и не для всѣхъ еще рѣшенъ вопросъ: одинъ народъ южноруссы и великоруссы, или два.

Изгнанные изъ казино украйнофилы бушевали, кричали противъ стариковъ-*ретроградовъ*, обвиняли ихъ, что они запрода-

ли души свой Москвѣ, вызывали ихъ на бой, хотѣли стереть ихъ съ лица земли доносами на нихъ полякамъ и нѣмцамъ. «Слово» и старшіе люди ничего имъ не отвѣчали. Они дали полную свободу броженію, ни въ чемъ не препятствовали ему, но не раздражали его полемикою и борьбою. Украйнофильство разрѣшилось «Метой», которую никто даже не читалъ—и она рѣшительно пала; этому уже и я очевидецъ. Ничто меня здѣсь такъ не смущаетъ — ни даже приглашеніе явиться завтра на допросъ въ полицію, съ моимъ паспортомъ, съ показаніями, кто я, зачѣмъ я здѣсь, чѣмъ живу и есть ли у меня дѣти — какъ встрѣча съ здѣшнимъ юношею въ украинскихъ шароварахъ съ Чорное море, который обыкновенно радуется до крайности, что видитъ *настоящаго* русскаго и выражаетъ мнѣ такія стремленія, такія мнѣнія объ Австріи, Польшѣ и уніи, которыя для него вовсе не безопасны и которыя ему не слѣдуетъ высказывать. Перемололось и мука вышла. *Ни одного серьезно образованнаго человѣка*, замѣчаютъ здѣсь, *не было между украйнофилами, ни одинъ изъ нихъ даже и курса не кончилъ въ университетѣ или въ семинаріи:* ergo, ни одинъ изъ нихъ не прошелъ серьезной, къ труду призывающей, нѣмецкой наукой. Такъ ли это, или не такъ — не умѣю сказать: лично я не знакомъ ни съ однимъ изъ бывшихъ предводителей этой партіи, поэтому, не берусь утверждать общаго приговора. Украйнофильствомъ здѣсь всѣ почти болѣе или менѣе, прошли, когда оно еще и у насъ не заводилось; но если правда, что на его сторонѣ остаются только недоучившіеся, то оно смерть въ груди своей носитъ. «Мета» прекратилась; редакторъ ея, г. Ксенофонтъ Климковичъ *), скрывался; но теперь, когда я пишу эти строки, слухи ходятъ, что онъ вновь появился во Львовѣ, и появленіе его объясняютъ возрожденіемъ польскихъ надеждъ и програмою «Gazety Narodowoj», которая была на дняхъ высказана; по этой програмѣ слѣдуетъ запретить въ здѣшнихъ училищахъ русскую азбуку, очистить *рускій* языкъ отъ *московскихъ* словъ и оборотовъ, ввести польскій языкъ въ церквахъ и отставить отъ службы учителей и чиновниковъ изъ русскихъ. Если это такъ и если южный вождь украинцовъ (ему всего 25 лѣтъ) будетъ помогать полякамъ, то украйнофильство рѣшительно безопасно. Его не

*) Теперь онъ сотрудникъ Ливчака и пересталъ, какъ благоразумный человѣкъ, увлекаться нелѣпостью.

поддержитъ и переходъ русскихъ стипендій въ распоряженіе сеймовой комисіи, состоящей почти исключительно изъ поляковъ. Забравъ эти стипендіи въ свои руки, комисія, разумѣется, вынудитъ многихъ молодыхъ русскихъ къ отступничеству — голодъ не свой братъ; но въ остальныхъ раздуется за то такое отвращеніе ко всему не общерусскому, что не выдержитъ никакая Польша и никакая казачина этой моральной гайдамачины. Борьба пойдетъ теперь не на жизнь, а на смерть; отчаяніе придастъ силы гонимымъ, какъ ни мало у нихъ этихъ силъ и какъ ни ждутъ они своего пораженія. Поляки ловко бьютъ ихъ; они ихъ обвиняютъ въ враждебности къ либеральнымъ мѣрамъ, предложеннымъ сеймомъ. Мѣры эти состоятъ въ ослабленіи *фанатическаго* вліянія духовенства подчиненіемъ его (польскимъ) помѣщикамъ и въ введеніи уѣздныхъ думъ (рада повѣтовая), изъ которыхъ должны исходить всѣ законы и всѣ мѣстныя постановленія, а въ этихъ думахъ треть членовъ будетъ изъ крестьянъ (русскихъ), треть изъ горожанъ (поляковъ и ихъ орудія — евреевъ), и треть изъ помѣщиковъ (поляковъ), такъ что всякія *антиисторическія* попытки противъ поляковъ и высокой польской цивилизаціи, стремящейся къ объединенію въ полонизмѣ и въ латинизмѣ всего населенія Рѣчи-Посполитой, будутъ разрушены. Что дѣлалось прежде — дѣлается и теперь; ничто не забыто, ничему не научились. Во имя либерализма, крестьяне просили на сеймѣ, чтобъ имъ отдали лѣса и выгоны, въ этомъ имъ двѣ трети польскаго большинства на сеймѣ отказало, а самоуправленіе подъ преобладаніемъ шляхты и мѣщанства ввели, тогда какъ этого-то именно самоуправленія и боится народъ. Польша несостоятельна именно вслѣдствіе своихъ экономическихъ и политическихъ догматовъ, и я былъ правъ, когда нѣсколько дней назадъ, писалъ вамъ, что именно здѣсь можно видѣть, почему въ XVIII вѣкѣ, и православные, и уніаты одинаково взывали къ Россіи съ просьбою о помощи. Россія старыхъ годовъ была, правду сказать, вовсе не привлекательна; knut moskiewski дѣйствительно былъ властью предержащею, но кнутъ, все-таки, казался лучше шляхетства, потому что изъ-подъ кнута видѣлась нынѣшняя, хоть и неполная покуда, Россія, а изъ шляхетства ровно и ничего не вышло, кромѣ шляхетства. Польская литература не бѣднѣе нашей; поляки, благодаря эмиграціи, ближе насъ могли изучить учрежденія и бытъ Европы и Америки; науки ихъ никакая цензура не лишала — и вотъ, че-

резъ сто безъ малаго лѣтъ, сеймъ ихъ и стремленія ихъ тѣ же, что были. Русь не Moskwa, другое племя, другой языкъ, другая вѣра, говорятъ они — Русь ближе къ Польшѣ, чѣмъ къ Moskwie; допустимъ что все это такъ. Но Русь тянетъ къ Moskwie или *состоитъ въ подозрѣніи*, что потянетъ къ ней — и вся задача польской цивилизаціи состоитъ въ предотвращеніи этого зла. Что изъ этого выходитъ? De jure Польша и Русь — народности равноправныя: каждой предоставлено право развиваться какъ ей угодно; de facto возникаетъ необходимость вмѣшательства Польши во всѣ дѣла Руси, въ ея вѣру, языкъ, азбуку, костюмъ, литературу. Фаталистическая несостоятельность польскаго государства вынуждаетъ его къ насиліямъ надъ всѣмъ, что не приняло католической вѣры и не заговорило по-польски, и крики поляковъ, что мы не русскіе, а татары, желаніе ихъ, чтобъ мы въ Сибирь ушли, имѣютъ полный смыслъ, потому что Русь къ намъ тянетъ и вѣрою (хоть бы уніатскою), и языкомъ, и преданіями. Да, — здѣсь разыгрывается теперь пятый актъ этой кровавой драмы...

Церковь хотятъ они построить подлѣ Народнаго Дома, да денегъ нѣтъ, а церковь должна бы у нихъ выйти на славу. По плану и по смѣтѣ, она будетъ стоитъ 70,000 гульденовъ одной каменной работы, безъ иконостаса и утвари, которые обойдутся тоже тысячъ въ семьдесятъ гульденовъ. Видѣлъ я у нихъ планъ этой церкви — совершенно русскій; такая церковь и въ Москвѣ и въ Петербургѣ была бы не изъ послѣднихъ, по красотѣ архитектуры. Созданію этой церкви они придаютъ большую важность, потому что она, эта церковь, воздвигнутая въ ополяченномъ Львовѣ, будетъ служить знаменемъ русской народности: о ней всѣ здѣсь, въ Галичинѣ, мечтаютъ, восьмнадцать лѣтъ готовятся построить, но средствъ нѣтъ. Всѣ разорились на школы, на бурсы, ни у кого наличности нѣтъ. Мы, русскіе, въ Россіи, могли бы помочь, но мы косо смотримъ на этихъ *уніатовъ*, отступниковъ отъ православія, *ренегатовъ*, потому что мы знаемъ все, кромѣ того, что творится на Великой Руси. Вольному воля, спасеному рай! Изучивши этотъ край, я смотрю совершенно иначе на унію и *прошу редакцію «Голоса» удержать изъ моего гонорарія 10 рублей серебромъ* на постройку во Львовѣ *поганой* уніатской церкви, церкви, въ которой будутъ ксендзы латинскіе проповѣдывать, въ которой будутъ служить бритые и стриженые священники, въ которой папу

Bayerische Staatsbibliothek München

будутъ поминать. Я бросаю лепту — и всякому искренно православному совѣтую отъ чистаго сердца послѣдовать моему примѣру. Съ уніатами, невинными орудіями Рима, только одна политика возможна — политика всезабвенія и всепрощенія. Поможемъ имъ въ чемъ возможно; христіанская любовь сильнѣе всякихъ лжеученій.

Казино «Народнаго Дома», гдѣ я бываю каждый вечеръ безъ исключенія, гдѣ я совершенно освоился, гдѣ даже хромой Осипъ, состоящій въ должности половаго, ознакомился со мною и улыбается мнѣ обѣими своими бакенбардами — заведеніе чрезвычайно оригинальное. Три комнаты въ немъ: первая — бильярдная, вторая — читальня, третья—такъ себѣ. Сбираться начинаютъ въ казино около пяти часовъ вечера, читаютъ, разговариваютъ, играютъ въ карты и на бильярдѣ... какъ достался имъ этотъ бильярдъ, опять цѣлая исторія, которую разскажу послѣ; а имъ чуть не все казино держится. Вотъ двѣ недѣли, что я каждый вечеръ сряду сидѣлъ въ этомъ казино, и все, что могу сказать о немъ, что я ни въ одномъ клубѣ не встрѣчалъ такого *братства*, *равенства и свободы* между посѣтителями, какъ здѣсь. Директоръ гимназіи и учитель приходскаго училища, соборный протоіерей, членъ консисторіи, и деревенскій попъ, надворный (по нашему тайный) совѣтникъ (hofrath) и писецъ въ его же канцеляріи — всѣ здѣсь равны. Ихъ связываетъ одно чувство, одна мысль—что всѣ они, безъ исключенія, русскіе, что каждый шагъ ихъ долженъ быть въ пользу Руси, и что каждый промотанный крейцеръ есть крейцеръ украденный у народа русскаго. Въ средѣ этихъ людей, волею-неволею, болѣе и болѣе начинаешь любить Россію, цѣнить свои силы и понимать, что русскій народъ, при всѣхъ его племенныхъ особенностяхъ и нарѣчіяхъ — одинъ и тотъ же народъ, несмотря на унію, на старообрядчество, молоканство, хлыстовство, на *кацапство* и на *хохольство*.

Bayerische Staatsbibliothek München

ХЛОПЫ.

I.

Три недѣли слишкомъ я ничего не писалъ вамъ, потому что у меня времени не было. Я все ѣздилъ да ѣздилъ вдоль и поперекъ Галичины, ѣздилъ на еврейскихъ бричкахъ и фурахъ, ѣздилъ на крестьянскихъ возахъ, ѣздилъ по желѣзной дорогѣ, ѣздилъ съ попами, съ попадьями, литераторами и семинаристами, покуда, въ одно прекрасное утро, наканунѣ димитрова дня, не поѣхалъ совершенно неожиданно по Карпатамъ съ двумя жандармами и не очутился подъ арестомъ въ волостной тюрьмѣ Печенѣжинской волости, Коломыйскаго Уѣзда. Четыре дня сидѣлъ я въ этой тюрьмѣ, покуда съ меня снимали протоколъ, покуда телеграфировали обо мнѣ Голуховскому и, когда исписалась навѣрно цѣлая стопа бумаги о моей личности и о ея намѣреніяхъ—пришло рѣшеніе выпроводить меня за границу подъ административнымъ надзоромъ, на мой собственный счетъ, что̀ и исполнено въ настоящее время въ точности, и я со вчерашняго вечера нахожусь въ Ясахъ, откуда и буду протестовать противъ графа, неимѣвшаго никакого права поступать со мною такъ невѣжливо. Я могъ бы и въ Печенѣжинѣ сдѣлать протестъ и взять адвоката, но тогда мѣсяца два пришлось бы мнѣ просидѣть въ комнатѣ моего тюремщика Яна и унимать его четверыхъ дѣтей моею папиросницей, давая имъ играть ею, въ награду за некричанье — что̀, согласитесь, не совсѣмъ пріятное препровожденіе времени. Лучше жъ я пробуду эти два мѣсяца здѣсь и тѣмъ временемъ изучу или постараюсь изучить эту Молдавію, которая намъ, какъ все, что̀ у насъ подъ носомъ, совершенно неизвѣстна. Мы мѣшаемся въ здѣшнія дѣла, путаемся въ нихъ какъ въ лѣсу, навлекаемъ на себя нареканія, а дѣла, все-таки, толкомъ не знаемъ, чѣмъ и возбуждаемъ въ здѣшнихъ жителяхъ симпатію къ Австріи и Франціи. Когда я кончу писать о

Галичинѣ, я напишу вамъ нѣсколько писемъ о Молдавіи, въ которыхъ передамъ всю правду о ней, какая бы то правда ни была, пріятная или непріятная. Я одинъ шныряю по этимъ глухимъ и невѣдомымъ закоулкамъ Европы, которые несравненно полезнѣе знать и понимать, чѣмъ то, что̀ творится въ Бельгіи или на Рейнѣ. Пускай меня принимаютъ за правительственнаго агента — съ правительствомъ у меня нѣтъ ровно никакихъ связей—я путешественникъ по страсти, по специальности; меня никто не посылалъ — я изучаю эти захолустья какъ ботаникъ новые виды растеній, изучаю сравнительно, потому что я много уже видѣлъ и могу сравнивать, и переходя изъ панскихъ хоромъ въ тюрьму и изъ тюрьмы въ отель, разумѣется, знаю много такого, чего никто еще не знаетъ. Мнѣ каждая дверь отворится, каждый придетъ исповѣдовать мнѣ свое горе, свои надежды, свои политическія стремленія, и мало связей и дорогъ, которыхъ бы я не зналъ и не узналъ. Политическихъ русскихъ агентовъ нѣтъ — я могу завѣрить въ этомъ графа Голуховскаго и Комп. *Русскій шпіонъ* и *русскіе рубли* — выдумка польскихъ шляхтичей, которые дальше своей Коломыи ничего не видали — *бука,* которымъ пугаютъ дѣтей, *домовой,* отъ котораго открещивается набожная помѣщица — призраки, ясневельможный пане. Гдѣ эти шпіоны? поймали ли хоть одного шпіона? Развѣ тотъ деревенскій учитель, который недавно высидѣлъ *семнадцать дней* въ тюрьмѣ, въ самомъ Львовѣ, за то, что давалъ въ корчмѣ размѣнять *рубль?* Сдѣлано было слѣдствіе—и что́ жь по этому слѣдствію оказалось?... Австрійское правительство завтра можетъ перерыть сундуки у всѣхъ своихъ подданныхъ, и если хоть въ одномъ изъ нихъ найдутся рубли, происхожденіе которыхъ объяснить трудно, или хоть одну переписку съ русскимъ правительствомъ—я сейчасъ же ѣду въ Австрію, и пускай меня сажаютъ на всю жизнь въ Шпильбергъ. Я предлагаю графу пойти на это пари; графъ отъ этого ничего не потеряетъ, какъ и не заплатитъ мнѣ ничего за мои часы, за шубу, которые я долженъ былъ продать, захваченный врасплохъ его административною дѣятельностью: мнѣ велѣно было ѣхать на мой счетъ и платить amtsdiner'амъ (канцелярскіе сторожа) за ихъ проѣздъ.

Русскіе шпіоны въ Австріи идутъ не изъ Петербурга — не рубли русскіе вина всѣхъ золъ: *двадцать пять* палокъ, которые, ни за что́, ни про что, отсыпаютъ хлопамъ въ каждомъ bezirk'ѣ

не считая тѣхъ палокъ и зуботычинъ, которыми каждый войтъ надѣляетъ ихъ à discretion, по своему усмотрѣнію.

— Чого жъ вы, пане, ѣздите по свѣту? спрашивали меня хлопы: — чого вы сюда къ намъ заѣхали?

— Васъ, добрые люди, хочу посмотрѣть, ка̀къ вы живете...

— Какая жъ вамъ, пане, корысть смотрѣть на нашу бѣду; заплатитъ вамъ кто за это?

— Книгу напишу я о васъ, такую великую, съ картинками, мнѣ ужъ вырѣзываютъ ихъ. Ваши шапки, ваши свиты, хаты, церкви, все, все, что̀ у васъ есть — все напишу, продамъ, гроши заработаю — а о васъ цѣлый свѣтъ будетъ знать.

— Цѣлый свѣтъ! Ой, якій же вы добрый, пане, най (*нехай* — пусть) же вамъ Панъ Бо̂гъ поможе! Напишите, пане, что мы бѣдуемъ, такъ бѣдуемъ, что̀ и сказать нельзя. Може *другой монарха* прійдетъ; тогда лучше будетъ.

— Что̀ вы, человѣче, такое говорите! Развѣ можно такое говорить? Вашъ *цѣсарь* добрый человѣкъ.

— Добрый, пане; какъ же не добрый! да онъ бѣдный про насъ ничего не знаетъ: ляхи не допускаютъ его до насъ. Мы уже всякую надежду на него потеряли; може русскій настанетъ... Съ нашего села былъ одинъ хлопъ въ Московщинѣ; сказываютъ, тамъ не бьютъ палками, тамъ царь поотбиралъ у поляковъ лѣса и пасовиски (выгоны) и хлопамъ отдалъ, и тамъ судъ хорошій, и тамъ податей вдвое меньше нашего платятъ.

— Ну, оно, пожалуй, и правда, только вамъ, человѣче, не подобаетъ такъ говорить о вашемъ цѣсарѣ. Вѣдь бѣда будетъ, если кто донесетъ.

— Э! най буде — я ничего ужъ не боюсь; хуже того, какъ теперь, не можетъ быть. Прежде тамъ за кордономъ (за границею, въ Россіи) хлопы намъ завидовали, что у насъ добрые попы, отъ панщины насъ освободили, и хотѣли они подъ нашего Цѣсаря достаться — а теперь ихъ Царь лучше для нихъ сдѣлалъ, чѣмъ наши попы; лѣса и пасовиски имъ отдалъ: такъ они теперь насъ зовутъ подъ русскаго Царя. Слухайте, пане, напишите все, что̀ я вамъ говорю; я бѣдный, слѣпой человѣкъ, и всѣ мы хлопы бѣдные и слѣпые люди, а каждый хлопъ вамъ тоже скажетъ. Пусть весь свѣтъ нашу бѣду знаетъ, пусть всѣ цѣсари, крули знаютъ, каково намъ здѣсь жить, и пусть русскій Царь прійдетъ, прогонитъ поляковъ, нѣмцовъ и жидовъ отъ насъ; а мы бѣдные, слѣпые хлопы, ничего сами сдѣлать

не можемъ, и согласія между нами нѣтъ. Напишите, пане, не запомните.

И нужны тутъ шпіоны, рубли, чтобъ привлечь этихъ слѣпыхъ къ Россіи? Моральное вліяніе русскаго государства, его сила, его жизненность влекутъ къ нему славянъ — а тутъ гоняются за призраками шпіоновъ и агентовъ!

Утро; тяжелыя снѣговыя тучи висятъ на небѣ; холодъ до костей пробираетъ. Кучка моихъ товарищей-арестантовъ прижалась къ забору нашей тюрьмы и смотритъ въ щель, что̀ на улицѣ дѣется. Смотрю и я — что̀ жь мнѣ дѣлать, если не смотрѣть? Кто не смотритъ, тотъ ничего не увидитъ.

Глухое, сдавленное рыданіе раздается въ толпѣ; одинъ арестантъ отдѣляется отъ кучки и съ плачемъ мечется по тюремному коридору.

— То що такого? спрашиваю я.

— Донька (дочка) у мене, пане, помирае.

— Зъ голоду, коментируетъ другой арестантъ спокойно, безстрастно, какъ будто дѣло идетъ о мухѣ, а не о человѣческомъ существѣ.

— Баба изъ ихъ села сейчасъ сказала, вонъ та баба, что̀ прошла...

— А если донька моя умретъ, то и двое другихъ моихъ дѣтей умрутъ — она у меня старшая въ домѣ, а жонки у меня ужъ не ма, въ холеру умерла. Ой бѣда моя, бѣда моя!..

Страшно слушать какъ хлопъ рыдаетъ, и трудно мнѣ разсказывать это. Грудь сжимается у меня, слезы на глазахъ, бумага моя темнѣетъ, когда я это пишу, и грудь неровно движется. — О вы, бѣдные Грыньки, Грицки, Ильки, вы не прочтете моихъ строкъ, вы не будете знать, сдержалъ ли я свое обѣщаніе, что буду писать о васъ; а я пишу, какъ мнѣ это ни тяжело, и выдетъ въ свѣтъ книга, выдетъ съ картинками, и я постараюсь, чтобъ она была переведена на другіе языки, чтобъ знали люди ваше горе, вашу слѣпоту. Вы же, изъ вѣрности вашему цѣсарю, арестовали меня и даже убили бы, еслибъ не были жандармы въ вашемъ селѣ Акрешорахъ, на карпатскихъ вершинахъ. Перечеркнутую бумагу, вы, бѣдные, приняли за планъ вашихъ селъ, планъ Вѣны за карту горъ вашихъ, бинокль за подзорную трубу, которая *на двадцать миль бере*, фотографическій апаратъ за инженерный. Вы блѣднѣли при видѣ моей черниль ницы, перьевъ, конвертовъ, и рылись въ моихъ

карманахъ, отыскивая револьверовъ, писемъ, рублей московскихъ. Будьте жь вы всегда такъ вѣрны вашему цѣсарю, какъ я васъ видѣлъ, ждите молча, пока настанутъ лучшія времена...

— Та я жъ не розумѣю, человѣче, якъ же то ваша донька съ голоду умирае.

— Мене, пане, арестовали въ лѣсу, когда я у цѣсаря лѣсъ кралъ, не дали мнѣ домой сходить, у сусѣдей или у жида выпросить чего для дѣтей, привели сюда, замкнули. Ой, бѣда, бѣда!!!

— Такъ слухайте жъ, не можно кого тамъ найти зъ вашего села и послати дѣтямъ?

— Грошѣвъ, я, пане, не маю — я бѣдный чоловѣкъ.

— Правда, отозвались мои колеги: — ôнъ грошевъ не мае, ôнъ дуже бѣдный.

Раскошелился я... Пусть не сердятся на меня ясновельможные паны: я могу быть самымъ проклятымъ москалемъ, но я, все-таки, не виноватъ, что у меня въ груди хоть и чудское, но не злое сердце. Даже котъ тюремщика, еслибъ понималъ о чемъ идетъ дѣло, удѣлилъ бы полмыши для спасенія дѣтей несчастнаго.

Хлоповъ приводили и уводили изъ тюрьмы безъ конца. Къ нимъ приходили ихъ родные, пріятели, съ ними покалякать, заарестованнаго пана посмотрѣть.

— Зачѣмъ же этотъ человѣкъ у цѣсаря лѣсъ кралъ? спрашиваю я ихъ.

— Та ôнъ, пане, може десятый разъ за лѣсъ сидитъ...

— Бôйтесь же Бога, человѣче; такъ не слѣдуетъ дѣлать.

Арестáнтъ понурилъ голову. Хлопство засмѣялось; засмѣялся какой-то еврей, пришедшій еще разъ поторговаться съ хлопомъ, его должникомъ, который тоже сидѣлъ съ нами.

— А гдѣ жъ онъ дровъ возьметъ? спросилъ онъ меня, тыча пальцемъ въ несчастнаго.

— Гдѣ люди берутъ.

— Люди покупаютъ, а у него такъ мало земли, что купить нѐ на что дровъ. Ну, онъ и крадетъ. Ну, и кàкъ же онъ не будетъ красть, если дома надо печь затопить? Дѣтей заморозить? Ну! и панъ пошолъ бы красть лѣсъ, еслибъ пану было холодно, и у пана были бы дѣти, и у пана не было бы денегъ?

— Онъ кралъ, пане, отозвался одинъ старикъ: — чтобъ жи-

ду долгъ заплатить; грошей у него нѣтъ, такъ онъ платитъ дровами.

— Ну, что̀ жъ? продолжалъ еврей: — ну и что̀ жъ? А откуда еврей дрова возьметъ! Ну и чѣмъ же ему хлопъ заплатитъ долгъ? — Може пану чего купить нужно, или продать; я знаю, пана денегъ нѣтъ...

— Нѣтъ, покорно благодарю покуда.

— Сюртукъ, брюки, часы, полость, пледъ...

— Ничего рѣшительно.

— Какъ панъ хочетъ, а не то я всегда готовъ съ паномъ geschäft сдѣлать...

. .

— Ой пане, пане! Бѣдуемъ мы бѣдуемъ. Будете, пане, писать о насъ, разскажите всѣмъ, пане, ка̀къ мы бѣдуемъ. Подати у насъ большія: дерутъ, дерутъ, со всего дерутъ, а тутъ еще неурожай былъ, можетъ десятый изъ насъ съ голоду умеръ!

— Съ голоду? Да вѣдь вамъ цѣсарь далъ денегъ въ помощь.

— Поляки, пане, раздавали деньги, а развѣ они знаютъ правду!.. Тощаетъ-тощаетъ хлопъ съ голоду, потомъ вдругъ пухнуть начнетъ, свалится и умретъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ, какъ пёсъ.

— И вы не помогали другъ другу?

— Гдѣ намъ, пане! Теперь помежи нами, съ тѣхъ поръ какъ жиды сюда понабрались, согласія нѣтъ, хлопъ хлопу крейцера не дастъ. Ой, такъ, такъ! хлопы мы дурные (глупые), слѣпые; ничего не знаемъ, ничего не умѣемъ и жиды запановали надъ нами. Идетъ, пане, хлопъ до жида, кланяется ему, проситъ дать ему въ долгъ; жидъ дастъ ренскій (гульденъ), велитъ черезъ мѣсяцъ два принести, или на шесть ренскихъ хлѣбомъ ему отдать. Такъ у насъ идетъ. Прошелъ срокъ — хлопу заплатить нечѣмъ, жидъ забираетъ у него скотину, хату, землю...

— Да вѣдь у васъ не вольно жидамъ покупать землю?

— Не вольно, пане, да жидъ мудрый, а хлопъ слѣпой. Жидъ купитъ землю на лицитаціи (аукціонъ), или и такъ заберетъ на имя другаго хлопа; что̀ жь я съ нимъ подѣлаю?

— Ну, и будетъ жидъ самъ землю орать, какъ вы?

— Гдѣ жъ тамъ, пане! жидъ развѣ хлопъ? Жидъ — жидъ. Онъ тому самому, у кого отнялъ землю, опять ее отдастъ

только на аренду, и тотъ будетъ на него работать всю свою жизнь.

— Да вы бы, люди, межь собой какъ-нибудь это устроили; вѣдь передъ Богомъ грѣхъ такъ бѣдовать!

— Слухайте, пане, сказалъ мнѣ одинъ товарищъ: — мы такой народъ. Захочетъ вотъ этотъ хлопъ купить у меня мою *лупту* (шапку) и будетъ мнѣ давать за нее ренскій — я ему не продамъ; а жиду сейчасъ отдамъ за полренскаго.

— Да отчего же такъ?

— Такой мы народъ, пане; такъ идетъ у насъ.

— Ой, такъ, такъ, пане; такъ идетъ у насъ.

— Ой, такъ, такъ, добрые люди; такъ идетъ у васъ. Ой, такъ, такъ!!!

. .

Ночь; ни звѣздъ, ни мѣсяца. Я ѣду — со мной сидитъ хлопъ. Какое-то село, огоньки свѣтятся въ окнахъ хатъ.

— Не спите, пане?

— Нѣтъ, не сплю.

— Бѣда вамъ, пане, ночью...

— Какая бѣда?

— Вы пріѣхали смотрѣть нашъ край; ночью ничего не видно.

— Правда, что бѣда.

— А замѣтили ли вы, пане, что у насъ въ старыхъ хатахъ окна такія маленькія, что человѣку въ окно не влѣзть; а въ новыхъ окна большія, и человѣкъ влѣзетъ въ окно?

— Ну, еслибъ вы не сказали, я бы незамѣтилъ. Отчего жъ это такъ?

— Панъ поднесетъ въ корчмѣ горѣлки?

— Росповѣдайте, я поднесу.

— Мудрый вы панъ, горшки наши осмотрѣли, по сподницамъ нашихъ бабъ и по ручникамъ и по носамъ нашимъ, какъ по книгѣ читаете, какіе народы къ намъ приходили, а слышали ли вы про *панщину?*

— Слышалъ. Теперь восьмнадцать лѣтъ, что васъ освободили.

— Такъ, пане; вы все знаете; такъ слухайте же: тогда надъ нами были *атаманы*, хлопы такіе жъ, какъ мы, и они гоняли насъ на панщину. Три дня въ недѣлю работали мы на пановъ, а три дня на себя. Опоздаетъ человѣкъ на панщину хоть полчаса, еще день въ недѣлю будетъ работать, а задолжалъ пану, то и пять и шесть дней работалъ.

— Такъ и вездѣ было?

— Не знаю того. Работали мы, а атаманъ стоялъ надъ нами съ нагайкою и постегивалъ.

— Хлопъ хлопа?

— Хлопъ хлопа, пане, постегивалъ, потому что еслибъ онъ не сталъ постегивать, то экономъ панскій, или арендаторъ, или посесоръ позвали бы панскихъ *гайдуковъ*, и дали бы атаману двадцать, тридцать и сорокъ нагаекъ.

— Какія жъ такія нагайки эти были?

— А такія, пане, какъ мой бичъ, только ручка очень очень коротенькая, а ремень длинный, въ человѣка будетъ длиною, плетёный, съ узелкомъ на концѣ. Вотъ что у насъ было.

— Ну, а окна?

— А окна, пане, дѣлались маленькія для того, чтобъ ни атаманъ, ни гайдуки не влѣзли въ хату. Хлопъ провинится и убѣжитъ, и схоронится въ хату, заперъ дверь — вотъ никто и не войдетъ къ нему — не будутъ же стрѣху разбирать! А тѣмъ часомъ кто-нибудь изъ его родныхъ проситъ за него пана или тамъ эконома, и выпроситъ. Такъ для того въ старыхъ хатахъ маленькія окна, что панскіе гайдуки разбойничали по ночамъ и въ окна влѣзали. И еще для того окна маленькія, что, бывало, хлопъ провинится или задолжаетъ пану, панъ и велитъ вынуть у него окна: а зима, а дѣти — бѣда. Вотъ, хлопы и дѣлали маленькія окна, чтобъ если и вынутъ, то не будетъ большаго разоренія, и заткнуть всегда можно. Ой такъ, такъ пане, была у насъ панщина!..

— Ну, а теперь чтò жъ гайдуки?

— А теперь, какъ панщины нѣтъ и гайдуковъ нѣтъ — мало у котораго пана есть два-три. Паны теперь разорились въ конецъ: позадолжались жидамъ все равно, какъ мы, люди.

Не вѣрятъ хлопы, что панщина навѣки сгинула. «Буде Польща, буде й панщина», твердятъ они. Освобожденіе не дало имъ ни лѣсовъ, ни выгоновъ; хату затопить нѐчѣмъ, скотину нѐкуда выгнать — и приходится работать на пана. За кордономъ, говорятъ они, лучше: тамъ Царь отдалъ хлопамъ все, что у нихъ было и гдѣ они работали. Тамъ Царь такъ сдѣлалъ, что изъ котораго пруда хлопы во время панщины рыбу крали — и тотъ прудъ теперь ихъ, на которой мельницѣ хлѣбъ мололи — ихъ та мельница... Они это знаютъ отъ закордонныхъ, которые теперь не нахвалятся своимъ житьемъ-бытьемъ.

Лѣса и пасовиски, лѣса и пасовиски! только и слышите вы отъ галицкаго народа. Поляки не даютъ имъ ничего, потому что злы на нихъ за разоренье, потому что сами окончательно разорятся, если сдѣлаютъ имъ еще уступку, а разорись поляки — и пропала Польша. Но она и такъ пропала — уже болѣе половины панскихъ имѣній перешло въ руки армянъ, евреевъ и нѣмцевъ.

— Это костелъ? спрашивалъ я разъ съ двадцать, когда проѣзжалъ мимо какой-нибудь церкви. Церковь можно всегда почти отличить отъ костела по ея малорусской архитектурѣ, по ея бѣдности и старости.

— Костелъ, пане. Мы кажемо церковь.

— Какъ церковь? какая же это церковь?

— Такая, пане, наша, русская, куда мы, хлопы, русины, ходимъ.

— Не зналъ я, что у васъ вѣра русская. Какая жъ она у васъ вѣра — та самая, что̀ за кордономъ?

— Ну, ну, вотъ, пане, та самая.

— Да вѣдь вы уніаты?

— Нѣ, пане, русины.

Вотъ и толкуйте съ ними! Они даже существованія уніи не подозрѣваютъ. Только одинъ отставной солдатъ, желая блеснуть своимъ бывальствомъ на свѣтѣ, сказалъ мнѣ, что вѣра у него русская, а *языкъ уніятскій*. Когда присоединится Галичина къ Россіи, унія въ одинъ день исчезнетъ. Священникъ запуститъ бороду, выкинетъ изъ символа вѣры *и отъ сына*, изъ церкви выкинетъ колокольчики — исправитъ мелочи въ обрядахъ, и хлопъ, все-таки, не будетъ знать, что онъ перешелъ на православіе, будетъ себѣ твердить попрежнему, что онъ русской вѣры.

— Москалей видѣли?

— А, пане, видѣли! то *тверда вѣра, твердше нашей*. Посты строго наблюдаютъ, молятся. У насъ на селѣ есть хлопъ; былъ онъ лѣнивый до церкви и случилось, что поставили ему тогда на постой москаля: это когда москали, дай имъ Боже здоровья, ходили нашего Цѣсаря спасать отъ венгровъ и отъ поляковъ. Встаетъ утромъ москаль, вычистилъ амуницію, хочетъ на службу божію (къ обѣднѣ) идти и спрашиваетъ хозяина, чего тотъ не собирается. А тотъ смѣется: чего, говоритъ, я пойду — это все глупость, попы выдумали, чтобъ народъ обдирать. Какъ

услышалъ это москаль, какъ взялъ хлопа за шиворотъ, какъ отвозилъ тесакомъ — и повелъ въ церковь. «Молись, говоритъ, ты, хохолъ, дурень, не смѣй разсуждать!» Вотъ, пане, тому ужъ скоро двадцать лѣтъ теперь будетъ, какъ москали ушли отъ насъ, а этотъ человѣкъ съ тѣхъ поръ ни одной службы божіей не пропускаетъ. Твердая вѣра у москалей, твердше нашей?

— И ходили они въ ваши церкви?

— А какъ же не ходили! Съ нами вмѣстѣ ходили. Одна вѣра, только твердше у нихъ, они насъ набожнѣе.

Робокъ хлопъ; смиренъ какъ курица, этотъ хлопъ: кланяется низко — загребетъ шапку въ руку и все ее къ землѣ и къ вашимъ ногамъ подсовываетъ. Пройдите мимо ихъ — вскочатъ и побѣгутъ къ вашей рукѣ—такъ ни съ того, ни съ сего, просто изъ подобострастія. Побитый, задавленный, пятьсотъ лѣтъ пробывшій подъ гнетомъ польской и своей шляхты, лишенный даже собственной исторіи, онъ помнитъ только татарщину и панщину, гнется въ три погибели и, какъ всѣ безсильные и безхарактерные, становится жестокъ и неумолимъ, если власть попадаетъ въ его руки. Я это на вôйтахъ и на двôрникахъ видѣлъ, то-есть, на старостахъ (въ Галичинѣ говорятъ *вôйтъ,* въ Буковинѣ *двôрникъ).* Помните вы гоголевскихъ войтовъ и головъ. Вотъ они—живьемъ передъ вами, съ палкою въ рукахъ, съ арестами, съ вопіющимъ самоуправствомъ и съ воспоминаніемъ, что онъ или царицу возилъ, или съ Голуховскимъ разговаривалъ. Чуть онъ почуетъ за собою власть и опору—нѣтъ границы его нахальству, а одинъ онъ ни на что неспособенъ — доказательство въ томъ, что между ними нѣтъ купцовъ: купцу надо умѣть и смѣть разсчитывать на свои собственныя силы. Нѣтъ, — въ Турціи болгаринъ или сербинъ далеко не такъ подавленъ, какъ эти *русины* и *руснаки.* Въ Турціи былъ разбой, а здѣсь была панщина, первообразъ нашей барщины. Въ Венгріи было лучше, и тамъ народъ бодрѣе смотритъ и предпріимчивѣе. «Я плохо понимаю Россію и тамошнюю жизнь», сказалъ мнѣ одинъ священникъ. «Мнѣ дико себѣ представить, что названія улицъ написаны по-русски, вывѣски на присутственныхъ мѣстахъ по-русски, по-русски военная команда, въ церкви стоитъ генералъ и молится; но все это я еще кое-какъ могу вообразить себѣ; за то, воля ваша, я никакъ не могу понять, что купецъ, фабрикантъ, могутъ быть русскими—это ужъ свыше моихъ умственныхъ способностей!» Вотъ до чего дошли галичане или, лучше

сказать, до чего довели ихъ паны и евреи. А было и у нихъ свое купечество — это лѣтописи и акты говорятъ.

Ходитъ хлопъ, пьетъ, кланяется и ненавидитъ молча своихъ мучителей — поляковъ и евреевъ. У него одна мечта, одна мысль, одно стремленіе—избавиться отъ поляка и отъ еврея, и онъ ни за что приняться не хочетъ, ожидая, когда наступитъ этотъ желанный часъ. Въ холеру мерли они какъ мухи, и радовались, какъ только ненавидящій можетъ радоваться, что и евреи мрутъ также сильно. Найдись у нихъ предводитель—не успѣетъ правительство ахнуть, какъ ни поляковъ, ни евреевъ не останется въ Галичинѣ—такъ насолили имъ паны и корчмари. Но предводителей у нихъ нѣтъ, потому что нѣтъ ни у кого предпріимчивости, потому что они вмѣстѣ держаться не умѣютъ. Самыя ихъ села поражаютъ своимъ безсиліемъ: тамъ хата, тутъ хата, безъ общей улицы, безъ общаго плана. Сравните ихъ село съ великорусскимъ, словацкимъ или чешскимъ, и вы поймете великую силу нашего *міра* или *круга* въ сравненіи съ этою распустившеюся и расползающеюся *громадою*.

Олегъ навѣрно не безъ причины перебрался съ сѣвера на югъ и промѣнялъ Новгородъ на Кіевъ. У великорусовъ было трудно хозяйничать варягамъ: великорусы звали ихъ дѣло дѣлать, суды рядити, княжити и володѣти, а не удаль показывать. Великорусы призвали варяговъ и, потому, считали себя вправѣ провѣрять ихъ дѣйствія: они смотрѣли на нихъ, какъ старообрядцы на своихъ духовныхъ владыкъ — какъ на неизбѣжное зло, какъ тяжущійся смотритъ на своего стряпчаго. Олегъ подумалъ, подумалъ, да и перебрался въ Кіевъ, а въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ уже пануютъ надъ хлопами — по шапкѣ ихъ! Пока собирались громады, пока войты съ присяжными скликали людей, пока люди лапти надѣвали, да потомъ думали, да ничего не рѣшали, да захотѣли посмотрѣть, чтó дальше будетъ, *яки воны вражи варягы фигли будутъ показувати и що зъ того всего буде*», а Олегъ объявилъ Кіевъ матерью городовъ русскихъ и пошелъ завоевывать всякихъ вятичей да радимичей, древлянъ и бужанъ, и Цареградъ повоевалъ, и устроилъ дѣла, какъ только умный Карлъ Карловичъ умѣетъ устроивать. Вотъ «*откуда пошла есть русская земля*» — отъ безсилія хохлацкаго. Укрѣпилась она гайдамацкимъ нападеніемъ на Игоря, отчего Ольгѣ понадобилось усилить войско и надзоръ, окрестилась по волѣ Владиміра да его бояръ, вѣроятно, такихъ же войтовъ, и

пошла себѣ жить да поживать, пока не пришли татары и пока великорусы въ Суздали, во Владимірѣ, въ Москвѣ не взялись за умъ и, къ ужасу удѣльныхъ князей, не стали распространять межъ купечествомъ и боярствомъ «московское согласіе единого православнаго толка»—о собираніи землицъ. А Южная Русь съ своею нерѣшительностью, съ своимъ выжиданьемъ, да попочесываньемъ чубовъ, пошла гулять въ Литву, въ Польшу, въ Австрію, къ панамъ, жидамъ, изрѣдка отзываясь гайдамачинами и *утекая* въ Сѣчь, которая воевала-воевала и ничего не завоевала, тогда какъ такая же бѣглая Волга, уходя отъ бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, шла-шла и дошла вплоть до Канады.

Чтȯ такое было малороссійское казачество? — раздраженное хлопство, подъ предводительствомъ Хмельницкихъ, усвоившихъ себѣ польскую удаль и польское неумѣнье чтȯ-нибудь прочно и толково устроивать. Шестьдесятъ лѣтъ прошло отъ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, и стóило Петру арестовать войсковыхъ старшинъ, чтобъ казачество потеряло всякую силу, потому что малорусъ шагу не можетъ ступить безъ предводителей. Стóило захотѣть Екатеринѣ — и крѣпостное право явилось. Читайте исторію уніи и особенно Конисскаго:—отчего они, эти бѣлоруссы и малоруссы сами не перевѣдались съ Польшею, сами не стряхнули ея ига? Стóило Конисскому воззваніе къ своей паствѣ сдѣлать, и былъ бы Польшѣ конецъ безъ иностраннаго вмѣшательства. Нѣтъ, онъ писалъ въ Россію, ждалъ, раздумывалъ, соображалъ, каждый щагъ разсчитывалъ; а поляки, между тѣмъ, тысячами переводили хлоповъ въ унію, били его священниковъ, замыкали церкви, отбирали монастыри, и не будь поляки безтолковы, не приглашай они сами иностранцевъ мѣшаться въ ихъ дѣла — не только православія, даже уніи не было бы теперь въ земляхъ Рѣчи-Посполитой. Рѣчь-Посполитая цвѣла бы да процвѣтала, а русскіе въ ней, не только шляхта, но даже хлопы, были бы давно католиками 84-й пробы. Правду смѣются надъ мазуромъ, что *слѣпой мазуръ подъ темною звѣздою родился*: его доля дѣйствительно незавидна. Тысячу лѣтъ сряду выкидываетъ онъ изъ себя шляхту, пана, поляка, а самъ ничему не научился, ни впередъ не пошелъ, даже народныхъ пѣсенъ почти вовсе не имѣетъ; себѣ добра не сдѣлалъ и русскихъ въ бѣду ввелъ.

Ненавидитъ хлопъ пана; бѣда ка̀къ онъ презираетъ его за его неудачи въ повстаніяхъ.

— Коли иншій монарха прійде до насъ, пане, толковалъ мнѣ одинъ очень умный хлопъ: — а ляхи будутъ зновъ (снова) бунтувати, то мы справимся съ ними не такъ, какъ тамъ за кордономъ — у насъ дѣло живо пойдетъ. И чего тамъ войско на нихъ посылали и бились съ ними? — или тамъ хлопы такіе дурные, дурнѣй нашихъ? Поляки хвастаютъ, что каждый по двадцати москалей позабиваетъ, а сами хлопа боятся: какъ хлопа увидитъ, такъ и въ ноги.

Чего только не выдѣлывали надъ ними хлопы во время повстанья — хлопы ихъ въ Польшу возили... Узналъ объ этомъ священникъ, призываетъ извощиковъ:

— Что̀ жъ это вы дѣлате? Бунтовщикамъ помогаете! кровопійцамъ вашимъ и отцовъ вашихъ! Вы одурѣли — вы Польши хотите!

Смѣются хлопы. «Просимъ его мость *), пусть его мость ничего не боится, и пусть также не гнѣвается. Мы просимъ его мость, мы Польщи не хочемо, а най же гроши пански и насъ у бѣдныхъ хлоповъ ся зостанутъ».

— Якъ то? я не розумѣю.

— А прошу жъ его мость, вѣдь они намъ платятъ за провозъ и дорого платятъ, а Польщи не будетъ, потому что ихъ тамъ москали позабиваютъ — що жъ они зроблятъ москалямъ? и у насъ въ Галичинѣ меньше поляковъ, и на свѣтѣ будетъ ихъ меньше, и намъ будетъ меньше хлопотъ, и москалямъ меньше. Прошу его мость, позвольте намъ ихъ возить къ москалямъ... прошу его мость.

Священникъ только руками развелъ на такую логику.

Но это были еще добросовѣстные люди; они дѣйствительно доставляли сѣдоковъ до границы, или куда сговорились; а то и такъ бывало, что хлопъ возьметъ сѣдока, ѣдетъ съ нимъ и слушаетъ его разсказы о томъ, какъ хлопамъ хорошо будетъ при Польшѣ. Когда хлопъ наслушается вдоволь пропаганды, то вдругъ останавливаетъ лошадей:

— Ну, про̂шу пана — я теперь повезу васъ, пане, до во̂йта; вы сте, пане, якъ я виджу, полякъ бунтовщикъ.

— Цо, цо?

*) Такъ титулуютъ хлопы священниковъ, то, что у насъ *батюшка*, *отче*

— Треба буде васъ, пане, заарештувати...

— За цо?

— Вы, пане, Польщи хочете: треба васъ буде заарештувати. Ту недалеко до вôйта.

— Але жь, мôй коханый!

— Двадцать ренскихъ заплатите?

— Проше — и блѣдный повстанецъ отдаетъ все, чтô есть.

— Слѣзайть теперь — идить пѣхотовь, где хочете. Бувайте здоровы, пане.

И это еще хорошо. Во Львонѣ хлопы останавливали прохожихъ и спрашивали: «Прошу пана, може панъ потребуе вôзъ?

— Потребую, потребую, мой коханый.

— Пану треба ѣхати за кордонъ? шепчетъ хлопъ.

— За кордонъ...

— Я пана до Варшавы ôтвезу — и кони маю и пасъ маю!

Бѣдняга полякъ чуть не скачетъ отъ радости. *Почтивый* хлопъ даже за трудъ не дорого беретъ, садится и катитъ. О, теперь пришло его время, будетъ онъ теперь рубить москалей, такъ что чертямъ въ пеклѣ будетъ тошно! теперь настало время отличиться и пролить кровь за отчизну. Теперь, теперь сбудутся всѣ мечты, лелѣянныя съ дѣтства, всосанныя съ молокомъ матери. Онъ или падетъ или отомститъ за кровь убитыхъ, за слёзы сосланныхъ...

— А кто это сидитъ еще на возу?

— Прôшу пана, это нашъ человѣкъ, съ села.

Лѣсокъ. Возъ останавливается — хлопы слѣзаютъ...

— Всѣ гроши, пане, давайть!

Вычищаются карманы, хлопскіе кулаки гуляютъ по спинѣ мечтателя — онъ остается одинъ, безъ денегъ, поруганный, опозоренный, избитый.

— А, песья кровь москали! это они подкупали хлоповъ, это все пропаганда москевска, работа партіи святоюрской!... И не видитъ онъ, что не чужія интриги, а сама Польша-мать, за которую онъ подъ пули идетъ, деморализовала хлопа. Не видитъ онъ, что виноватъ не хлопъ-мошенникъ, а блестящая исторія блестящей шляхетской республики, и что никакія силы въ мірѣ не повернутъ назадъ Рѣчи-Посполитой.

Въ хату къ Грынцѣ входитъ Иванъ, служащій конюхомъ на панскомъ дворѣ.

— Грынцю, слухайть, що я вамъ расповѣдаю. Меня панъ послалъ къ вамъ; панъ говоритъ, что вы *почтивый хлопъ*, и что вы его любите и готовы за него въ огонь и въ воду. Онъ хочетъ, чтобъ вы пошли воевать съ москалемъ.

— Я!?

— Вы. Слухайть! Стухайть! Панъ дастъ новый кожухъ, капелюхъ и чоботы. Я пойду; пойдите и вы; Петро возьмемъ, Димитро, Данило, Василя...

— Що жь вы, Ивасю, може вы сьте ся дурнемъ зробили?

— Слухайть, слухайть-но; возьмемъ капелюхи, кожухи, чоботы, еще панъ може грошей дастъ, горѣлки поднесетъ — и дѣлу конецъ; проводимъ пана до кордона и утечемъ назадъ; пускай тамъ его москали забьютъ...

Чешетъ хлопъ свой чубъ. Зовутъ на совѣтъ Петро и Димитро — тѣ то же чешутъ чубы, думаютъ, думаютъ, ничего не придумаютъ. Зовутъ Василя. Василь разрубаетъ гордіевъ узелъ: «пойдемъ къ его мости и его запытаемъ».

— Пойдемъ къ Шмулю! догадываются всѣ и валятъ въ корчму, гдѣ ужъ навѣрно гордіевъ узелъ будетъ разрубленъ.

— Ну, вы, *гои* *), дурни; хлопы! чтожъ такое? отчего вамъ нейти?. панъ даетъ вамъ все — идите; отчего вамъ нейти? День, два дня, три дня побудете съ паномъ, тамъ москаля не найдете, дорогу потеряете, пана потеряете, прійдете домой — сюда, ко мнѣ. Отчего вамъ нейти? Продадите мнѣ — я видѣлъ кожухи и все видѣлъ, я куплю — десять ренскихъ дамъ. Вы дурни — хлопы — отчего вамъ нейти? — Польщи не будетъ, а кожухи будутъ! — выпейте горилки — вотъ вамъ по *келишку* **) — послѣ заплатите.

— Да слухайть, Шмуле... начинаетъ Василь.

— Не хочу; чего я буду слухать? *гой* хлопъ, *гой* дурень — ты мнѣ долженъ ужъ пять ренскихъ, вотъ записано — иди, возьми — чего я буду слухать. Идите всѣ — возьмите у пана и приходите ко мнѣ — я васъ всему научу.

Прекрасно разсказываетъ панъ хлопамъ о Казимірѣ Великомъ, о Львѣ Сапѣгѣ, о Константинѣ Острожскомъ, о томъ, какъ хорошо будетъ хлопамъ, когда возродится Польша, расписываетъ имъ все про демократію, про равенство, даже кля-

*) *Гой* у евреевъ то же, что *гяуръ* у мусульманъ — невѣрный.

**) Нѣмецкая Kelch — чаша келишекъ — шкаликъ.

нется и крестъ цалуетъ, что отдастъ имъ лѣса и пасовиски, дастъ имъ право держать мельницы и корчмы — только помогите, помогите люди! И катятся слёзы по его усамъ, катятся искреннія слёзы — онъ не лжетъ. Онъ вѣритъ въ возможность возрожденія Польши, онъ вѣритъ, что она дѣйствительно будетъ либеральнѣйшимъ государствомъ даже для хлоповъ, онъ душою и тѣломъ готовъ на всѣ реформы, онъ даже на православіе согласенъ. Мало такихъ пановъ, какъ онъ, но есть такіе между поляками: *есть люди которые искренно вѣруютъ въ возможность либеральной Польши*... И обходитъ хлоповъ панская жена съ бутылкою стараго венгерскаго, и даетъ имъ денегъ, и проситъ, умоляетъ ихъ не отходить отъ ея мужа, спасти его отъ вражескихъ пуль и штыковъ, не оставить его раненаго въ руки москалямъ-варварамъ, заклинаетъ она ихъ всѣмъ святымъ, ихъ церковью, ихъ дѣтьми, могилами отцовъ и дѣдовъ ихъ, она въ ноги падаетъ имъ...

— Вотъ вамъ еще ренскій, говоритъ панъ, осматривая револьверы: — сходите къ Шмулю; ничего ему не говорите — я знаю, вы умные и честные хлопы, не пьяницы, не обманщики — выпейте и приходите черезъ часъ. Ѣдемъ.

До границы русской верстъ съ тридцать; отъ границы русской до штаба генерала польскаго верстъ десять — онъ держится ближе къ границѣ, чтобы легче получать амуницію, рекрутовъ, и имѣть возможность ретироваться когда угодно. Сытые кони пана духомъ домчали до штаба, — пріятель Шмуля, за приличное вознагражденіе, перевелъ повстанцевъ за границу.

— Пане енерале, я привезъ съ собою всего шесть человѣкъ моихъ хлоповъ — трудно у насъ набирать ихъ, святоюрцы и московская пропаганда все испортили; но за этихъ шестерыхъ я могу отвѣчать, что они готовы за насъ въ огонь и въ воду; прикажите позвать ихъ — это ихъ поощритъ: они еще не бывали въ огнѣ.

— Пане адъютантъ, позовите хлоповъ, что пріѣхали съ паномъ графомъ.

— Они куда-то ушли, пане енерале.

— Можетъ мѣстность осматриваютъ — я за нихъ смѣло ручаюсь. Будутъ отличные косиньеры; панъ енералъ увидитъ, каковы они.

За треть цѣны продали хлопы кожухи Шмулю, нарѣзались какъ слѣдуетъ, денегъ не получили (и для чего же вамъ деньги?

сказалъ Шмуль), а получили право забирать въ счетъ что̀ угодно.

— Гдѣ мой мужъ? гдѣ мой мужъ? плачетъ графиня.

— Намъ воротиться повстанскіе офицеры велѣли; говорятъ: зачѣмъ у васъ ружей нѣтъ.

II.

Панщина еще была; пробужденіе духовенства отъ летаргіи только что начиналось; народъ спалъ. Никто не зналъ ни его страстей, ни его завѣтныхъ грёзъ. Насталъ 1846 годъ.

Въ тишинѣ, неслышно, скупали поляки оружіе, составляли кружки, чтобъ разомъ подняться возстаніемъ, захватить Краковъ и Галичину... Тогда глухо волновалась вся Европа: на дворѣ стоялъ 1848 годъ. Поляки, какъ теперь, такъ и тогда, вѣрили искренно въ возможность Польши, и имъ въ голову не приходило, что для хлоповъ не все равно—будетъ Польша или нѣтъ. А хлопъ думаетъ иначе: онъ думаетъ, что все же лучше, если у него есть *царь* въ Петербургѣ или *цѣсарь* въ Вѣнѣ или *король* въ Берлинѣ, чѣмъ *круль* въ Варшавѣ. Хлопу нельзя будетъ жаловаться полякамъ на поляковъ: полякъ поляка не выдастъ, соколъ соколу гла́за не выклюнетъ. Онъ также несогласенъ на польскаго круля, какъ полякъ не согласится на воцареніе въ Варшавѣ барона Ротшильда, а вѣдь баронъ Ротшильдъ—претендентъ на іудейскій престолъ и, если не *de jure*, то *de facto*, управляетъ евреями цѣлаго міра, въ родѣ того, какъ папа римскій управляетъ ксёндзами. Баронъ Ротшильдъ имѣетъ такое же право на польскій престолъ, какъ и князь Чарторыйскій. Хлопъ ничего не значитъ; хлопъ — скотъ, дойная корова; только *интелигенція* и *капиталъ* могутъ имѣть голосъ въ государственныхъ дѣлахъ: стало быть...

Настало время возставать. Во̀йска не было въ Галичинѣ. Прозорливое (совершенно слѣпое) австрійское правительство ни о чемъ не думало. У богатаго пана, въ русскомъ селѣ (не помню имени), собрались повстанцы и послали за хлопами. Хлопы яви-

лись, выслушали рѣчь, выслушали всѣ доводы, узнали, что панщины не будетъ, что всѣ будутъ равны — и панъ и хлопъ, что хлопы будутъ засѣдать на сеймѣ, и объявили на отрѣзъ, что они не хотятъ Польши, а будутъ держаться цѣсаря.

— Я понимаю, чтȯ это значитъ, сообразилъ одинъ панъ: — нашъ хлопъ упрямъ — безъ палки съ нимъ ничего не подѣлаешь. Нашъ хлопъ добръ, но у него хлопскій разумъ — надо его припугнуть... Волей не пойдете за нами — силою заставимъ! Да чтȯ съ вами толковать, мы и безъ васъ спасемъ нашу отчизну; сидите себѣ тихо — вы не понимаете добра, которое мы хотимъ сдѣлать для края...

— Не можно, пане, бунтовати — прошу пана, обозвался ораторъ.

— Кто жъ это не позволитъ?

— Прóшу пана — мы не можемъ того позволити. Прóшу пана — мы 'смо цѣсарски!

— Ахъ ты, песья кровь! и хлопъ покатился убитый изъ пистолета.

— Тихо! вы! теперь видѣли — сидите смирно по хатамъ, и кто пикнетъ — тому также будетъ. За нами цѣлое войско польское придетъ.

Хлопы исчезли. Паны одни остались. Нужно было еще закусить, сигары раскурить, патроны приготовить — черезъ часъ въ походъ, за Польшу, за родину, за завѣтъ отцовъ...

Изъ-за забора показался хлопъ, другой, третій, десятый, сотый — хлопство направо, хлопство налѣво, впереди хлопство, позади хлопство. И всѣ съ цѣпами, съ косами — и требуютъ, чтобъ поляки положили оружіе, дались перевязать и отвести ихъ къ начальству. Паны не сдались—они надѣялись выдержать осаду: хлопы обложили домъ соломой, зажгли, стали у дверей и у оконъ, и пошла работа цѣпами!

Вѣсть объ этомъ событіи быстро разнеслась по панамъ—возстаніе оборвалось. Паны пришипились, тихо сидѣли по своимъ дворамъ и даже въ гости другъ къ другу ѣздить боялись. Вездѣ мерещилась имъ грозная фигура хлопа съ цѣпомъ или съ косою, какъ и до сихъ поръ мерещится. Это попы уніатскіе и чиновники австрійскіе сбили хлоповъ съ толку, рѣшили поляки — и предали анаѳемѣ тогдашняго полиційместера г. Хоминскаго (русскаго), который ни духомъ, ни тѣломъ не виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Вопросъ ясенъ; если попы и полиція могли сдѣлать про-

паганду въ народѣ противъ Польши, отчего же шляхта не могла сдѣлать пропаганду за Польшу? До послѣдняго повстанья вся власть въ Польшѣ, начиная съ полиціи и кончая ксёндзами, была въ рукахъ ревнителей Рѣчи-Посполитой — отчего же хлопъ не участвовалъ въ повстаньи (за весьма малыми исключеніями)? И, отчего; оттого, что вотъ какія бываютъ происшествія...

Пируетъ панъ со своими пріятелями панами. Венгерское льется рѣкою.

— Я знаю, панове, говоритъ панъ — кто виновникъ злу — попы русскіе мутятъ противъ насъ хлоповъ. Хлопъ — дурень, ничего не понимаетъ, скотъ, а вотъ тутъ у меня, на селѣ, попъ подбиваетъ ихъ противъ меня: лѣсовъ требуютъ, выгона, пропинаціи не хотятъ. Вотъ такого лайдака попа слѣдовало бы повѣсить въ примѣръ другимъ.

— И повѣсимъ, говорятъ гости, у которыхъ ужъ давно шумитъ въ головѣ.—Пойдемъ и повѣсимъ.

— Хлопы, я скажу вамъ, панове — добрый народъ: меня, какъ отца, любятъ, но каналья попъ!... Вотъ хлопы, что у меня во дворѣ, каждый душою и тѣломъ мнѣ преданъ и все мнѣ пересказываютъ, чему ихъ попъ учитъ; ну, я имъ за это кварту горѣлки дамъ, панове.

— Пойдемъ къ попу и повѣсимъ его, какъ жида, какъ пса.

И венгерское льется; его подноситъ лакей изъ хлоповъ, а панове не замѣчаютъ, что лакей блѣденъ, какъ смерть, и что брови его судорожно насунулись.

Венгерское льется — бутылокъ на столѣ довольно. Преданный пану не на животъ, а на смерть, лакей незамѣтно выскользаетъ за дверь, въ сѣни, въ конюшню... Въ конюшнѣ стоитъ панскій любимый жеребецъ, купленный за дорогую цѣну; лакей выводитъ его за ворота, карабкается на него и безъ сѣдла, безъ узды, летитъ по пашнямъ, по выгонамъ, по проселкамъ до первой крайней хаты разбросаннаго южнорусскаго села.

— Федько! Федько! Федько! ôтворяйть!

— Що тамъ? Чого? Я уже сплю.

— Але кажу отворяйть!

— Що жъ тамъ у васъ?

— Паны хочутъ его мость повѣсити. Бувайте здоровы.

— Бувайте здоровы.

И лакей скачетъ назадъ во дворъ, и опять стоитъ за панскимъ столомъ, и никто не замѣтилъ, что онъ исчезалъ.

Утро. Старенькій попъ, которому не то что агитировать, даже и говорить тяжело, проснулся, сотворилъ молитву, надѣлъ тулупчикъ и пошелъ на дворъ вздохнуть свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Отворилъ онъ дверь, взглянулъ и ринулся назадъ: по разнымъ угламъ двора, у хлѣва, у стодолы, у конюшни стояли хлопы съ косами. «Господи Іисусе Христе, помилуй мя, грѣшнаго»! прошамшилъ онъ, «чтò это, бунтъ? или меня хотятъ убить? Да будетъ воля твоя! Будь — что будетъ: я старъ, мнѣ и такъ не долго маяться по свѣту». И онъ снова вышелъ.

— Просимъ его мость — не ся бойть: ляхи васъ не повѣсятъ.

Священникъ ничего не могъ понять, какіе ляхи, за чтò его вѣшать.

Еще анекдотъ. Я очень люблю разсказывать дѣло анекдотами, потому что они лучше всего рисуютъ характеръ края. Одинъ священникъ бесѣдуетъ съ паномъ о Польшѣ.

— Чтò вы мнѣ толкуете, говоритъ панъ: — что хлопъ не любитъ поляковъ. Послушайте хлоповъ, и вы увидите, что онъ болѣе недоволенъ своими попами, чѣмъ панами. Чтò вы сдѣлаете, если я скажу хлопамъ: «люди, повѣсьте попа, сожгите церковь; вѣру попы для своей наживы выдумали — не будете плакаться, что надо за требы платить».

— Я, пане ясневельможный, скажу только, отвѣчалъ священникъ: — «люди, не вѣшайте пана, а возьмите все панское: я вамъ все отдаю» — чтò тогда будетъ съ паномъ? Между нами, попами, есть дурные люди — гдѣ ихъ не водится — но пусть панъ попробуетъ спалить церковь — я знаю, чтó я сдѣлаю.

Была въ 1848 году революція во Львовѣ. Львовъ, какъ я уже говорилъ, — городъ чисто польскій, какъ Вильно, какъ Житоміръ, какъ Каменецъ. Польскіе студенты поставили тамъ барикады, австрійское войско осадило и бомбардировало городъ, а по селамъ все было тихо. Паны не выходили даже изъ дому. Ѣдетъ русскій семинаристъ домой на село; хлопы останавливаютъ бричку.

— Пустить, добры люди, я русинъ емь *), поповичъ...

— Русинъ 'сте? Добре-жъ, читайть «Вѣрую»!

— Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, творца неба и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единаго...

— Добре, досыть (довольно), ѣдить (поѣзжайте)!

*) Емь, есь, е, 'смо, 'сте, суть—есмь, еси, есть, есмы, есте, суть.

Хитрые хлопы не спросили «Отче нашъ», потому что эту коротенькую молитву и полякъ, чего добраго, выучитъ, а спросили длинное «Вѣрую». Меня то же не разъ допрашивали, чтобъ увѣриться, точно ли я не полякъ, какія у насъ молитвы и которая когда за литургіею поется или читается — и это нетолько хлопы, но даже образованные галичане. Вотъ оно, чѣмъ народности-то разпознаются, чѣмъ своего отъ чужаго отличаютъ... Въ аудиторіи... мы толковали себѣ дѣло такъ, а на практикѣ, какъ выйдешь на экскурсію, на чистое поле — дѣло и окажется иначе. Далеко еще не буду я агрономомъ, если хоть сотню агрономическихъ сочиненій прочту, — на лугахъ, на пашнѣ, тамъ надо учиться дѣлу. Вотъ оттого самаго и надрываются понапрасну поляки и наши утописты, что они изъ своего кружка̀ не выходятъ, что у нихъ не хватаетъ нравственной храбрости посмотрѣть, что внѣ ихъ міра творится: ну, и идутъ, несчастные, на висѣлицу, на каторгу, или въ эмиграцію... Ой, такъ, такъ! восклицаютъ галичане, когда имъ приходятъ въ голову грустныя мысли. Ой, такъ, такъ! скажу и я...

Въ нынѣшнее повстанье поляки, для возбужденія патріотизма, вздумали ставить кресты изъ дубовъ, которые выросли еще во времена Рѣчи Посполитой. Кресты эти дѣлались изъ нетесанныхъ голоменей, какъ дерево выросло, прямо въ корѣ. Ставили ихъ съ процессіями, съ демонстраціями — все какъ водится. Хлопы *поняли*, что̀ это значитъ.

— Про̂шу пана — это такъ. Поляки пошли къ цѣсарю и просятъ его, чтобъ онъ снова завелъ панщину. Цѣсарь говоритъ: «я этого не могу», а поляки говорятъ: «вы это можете». Тогда цѣсарь сказалъ имъ: «добре! если срубленное дерево зазеленѣетъ, то и панщина будетъ». Вотъ они теперь — про̂шу пана — и сажаютъ въ землю кресты изъ срубленнаго нетесаннаго дерева и молятся, чтобъ оно зазеленѣло — а развѣ панъ Богъ услышитъ ихъ молитвы? Вы, пане, ка̀къ думаете?

Легенду эту вы услышите отъ каждаго хлопа. Хлопъ самъ ставитъ кресты на перекресткахъ, на поляхъ (тѣ кресты, которые мы теперь уничтожаемъ въ западныхъ губерніяхъ, потому что копье и трость, придѣланные къ нимъ, мы, въ простотѣ души, считаемъ *не православною* прибавкою); кромѣ того, онъ поставилъ кресты въ память своего освобожденія, съ надписями: *1848 року, 3-е мая. Памятка свободы*. Ужъ и не знаю, эти кресты тоже будутъ ломать или нѣтъ? а на нихъ есть даже иногда

латинское J. N. R. J. вмѣсто І. Н. Ц. І. Будь тамъ какъ будетъ — только съ крестами этими вышла такая исторія, что панъ отворачивается отъ *памятки свободы,* которая ему кричитъ о ненависти народа къ старымъ польскимъ порядкамъ, которая напоминаетъ ему, что хлопъ, бестія, до сихъ поръ знаетъ, что подъ польскимъ владычествомъ панщина была шесть дней въ недѣлю, а что только цѣсарь австрійскій свелъ ее на три дня, а теперь и совсѣмъ отмѣнилъ. Хлопъ же ѣдетъ мимо дубоваго креста и косится на него: не выросла ли гдѣ зеленая вѣтка? Шапки передъ этимъ крестомъ онъ не снимаетъ, тогда какъ всѣмъ другимъ крестамъ отдастъ эту честь и перекрестится.

Встрѣчается русскій священникъ съ сосѣдомъ паномъ. Это было въ повстанье.

— А, очень радъ, что встрѣтилъ ксёндза добродѣя — буду просить добродѣя ко мнѣ дня черезъ два; хочется мнѣ крестъ освятить по нашему и по вашему обряду...

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ священникъ; ему и въ голову не пришло, о какомъ крестѣ идетъ дѣло.

Вечеромъ пришелъ къ священнику ксёндзъ и панъ — тогда разрывъ между русскими и поляками не доходилъ еще до того, что уже другъ съ другомъ не знаются.

— Вотъ мы у пана будемъ скоро крестъ святить, говоритъ попъ ксёндзу.

— Какой крестъ, пане? спрашиваетъ ксёндзъ.

— За усопшихъ, добродѣю, отвѣчаетъ панъ, за мучениковъ нашей святой вѣры и нашего святаго дѣла — за убіенныхъ въ Варшавѣ...

— Панъ въ своемъ умѣ? спрашиваетъ ксендзъ.

— Какъ такъ?

— А что жъ хлопы скажутъ?

— Я не пойду, сказалъ попъ на отрѣзъ — у меня дьякъ (дьячекъ) убѣжитъ, а я не брошусь же во всемъ облаченьи, съ требникомъ въ рукахъ его догонять...

— Чего жъ добродѣи боятся? говоритъ панъ: хлопы тоже придутъ. Хлопы очень хорошо расположены къ нашему дѣлу, времена вражды между шляхтою и *людомъ* прошли. Я самъ говорилъ съ многими изъ старшихъ и умнѣйшихъ между ними, и они всѣ за Польшу — всѣ, всѣ — могу добродѣевъ увѣрить...

— Съ которымъ, напримѣръ? спрашиваетъ ксендзъ, очень умный и толковый человѣкъ.

— Съ Мацекомъ. Добродѣй знаетъ этого высокаго, сѣдаго мазура. Я ему разсказывалъ о Казимірѣ Великомъ, о Янѣ Собѣскомъ, о Костюшкѣ, и онъ, умный хлопъ, полякъ. Даже порты запустилъ въ сапоги — настоящій полякъ.

— Ну, пусть же панъ слушаетъ, сказалъ ксендзъ. Этотъ Мацекъ вчера у меня дрова рубилъ и моимъ людямъ разсказывалъ, что нужно ему у пана лѣсу купить — тамъ онъ что-то строить хочетъ. Говоритъ: одурачу я пана, прикинусь полякомъ, авось дешевле продастъ. Да и еще говоритъ, кабы стали поляки здѣсь у насъ Польшу заводить, я бы первый нашего пана палкою по башкѣ такъ хватилъ, что и духу Польши не осталось бы...

— Алежь то бестія хлопъ!

— Бестія, мой пане! такая бестія, что лучше и не думать о невинно-убіенныхъ...

— Да, какъ же? какъ же? Я еще надѣюсь, наше святое дѣло не пропало. За насъ вся журналистика. За насъ общественное мнѣніе. За насъ Франція, Англія, даже Турція — вся Европа. Я хочу служить нашему дѣлу. Такое время! И стыдно и даже опасно сидѣть теперь сложа руки. Польша будетъ возстановлена и меня спросятъ, чѣмъ я заявилъ себя; я еще не старъ, я могу дѣлать карьеру...

— И прекрасно. Пусть панъ сдѣлаетъ себѣ карьеру, пусть панъ отличится — только ужъ никакъ не дубовымъ крестомъ. Пусть панъ возьметъ свою карабелю (саблю) и пойдетъ бить москаля. Если панъ погибнетъ, то погибнетъ какъ герой, какъ мученикъ вѣры святой и отчизны. Тамъ панъ что̀-нибудь сдѣлаетъ.

— О! я все по меньшей мѣрѣ десятка два проклятыхъ москалей поуложу!

— И прекрасно панъ сдѣлаетъ. Имя пана будетъ внесено въ исторію; ученые будутъ изслѣдовать біографію пана; поэты будутъ писать стихи о героѣ; отцы дѣтямъ будутъ указывать на пана какъ на примѣръ. А тутъ что̀? тутъ панъ сегодня крестъ поставитъ, а завтра пана хлопъ палкою забьетъ! Хлопъ палкою забьетъ такого достойнаго пана!

Угомонился панъ. Присмирѣлъ. Тихо и мирно просидѣлъ въ имѣніи въ своемъ бѣленькомъ домикѣ, все время повстанья, и до сихъ поръ тамъ сидитъ и хозяйничаетъ, какъ умѣетъ. Пожелаемъ же ему всего хорошаго.

— Но есть же хлопы, которые стоятъ за пановъ! Въ повстаньи были хлопы. Были хлопы косиньеры, и большая часть косиньеровъ были хлопы. Что̀ жъ это такое?

Указывали и мнѣ такихъ хлоповъ; это — конюхи, гуменные, лѣсничіе, огородники, кучера, которые причисляютъ себя уже не къ простонародью, а къ чему-то высшему, которые держатся пановъ и имѣютъ интересъ въ возстановленіи Польши, потому что тогда они превратились бы въ вӧйтовъ и въ прочихъ сельскихъ аристократовъ, тогда бы они сами стали пановать. Есть хлопы, офанатизованные краснорѣчіемъ пана или ксендза; есть хлопы, которыхъ еврей за долгъ послалъ въ косиньеры; есть хлопы, которымъ больше ничего не оставалось, какъ идти въ повстанье — не съ голоду жъ было умирать и не въ Турцію бѣжать отъ тюрьмы. Были эти *почтивые* хлопы — кто противъ этого говоритъ — но сколько жъ ихъ было относительно числа шляхты и ремесленниковъ, *польскихъ* ремесленниковъ и городской черни, о которой придется мнѣ еще говорить? Кузьма Мининъ цѣлой Русью двинулъ; въ 1812 г. весь народъ изъ Москвы ушелъ—ну, а въ повстаньи кто жъ былъ, кромѣ этой плохо учащейся польской интелигенціи? Что жъ это не встала Польша противъ насъ отъ мала до велика, какъ мы да испанцы умѣемъ вставать противъ непріятеля? Польша была — Римъ, Византія, Венгрія, Австрія; Польша какъ и всѣ подобныя ей искуственныя государственныя тѣла, подлежала раздѣлу. Шляхта тянула въ одну сторону, хлопъ—въ другую, еврей—въ третью. Польша—Египетъ, Индія, въ которыхъ у каждой касты своя вѣра, свой языкъ, свои традиціи. Тутъ, разумѣется, далеко не уѣдешь.

Живущій на границѣ православія съ католичествомъ, галицкій хлопъ удивительно индеферентенъ. У насъ добрые люди изъ одного стакана другъ съ другомъ не пьютъ, о чаѣ и о табакѣ догматствуютъ, объ *Ісусѣ* и *Іисусѣ*... здѣсь объ этомъ понятія даже не имѣютъ. Позавидовалъ намъ одинъ священникъ: «какое счастіе—сказалъ онъ, слушая мои разсказы о нашихъ сектахъ:— что у васъ народъ такъ глубоко преданъ церкви! Католицизмъ уже до того всѣмъ чуждъ, что даже и сектъ не производитъ. Секты доказываютъ, что народъ не равнодушенъ къ вѣрѣ, что онъ изслѣдуетъ ее, провѣряетъ ея догматы и обряды. Вотъ жизнь — такъ жизнь! А у насъ хлопъ сегодня пошелъ въ церковь, завтра — въ костелъ; а не будь ни церкви, ни костела — онъ и въ кирку пойдетъ; а будь евреи пропагандисты — давнымъ

давно подѣлались бы эти хлопы жидами. Они давно и католиками были бы, еслибъ католицизмъ, въ понятіи ихъ, не былъ тожественъ съ панщиною; еслибъ ксендзы не были панами; еслибъ Польша была не аристократическою, а демократическою».

— Что наша вѣра, что вѣра за кордономъ — прóшу пана — то все одно. Мы туда въ Кіевъ и въ Почаевъ ходили Богу молиться — только теперь насъ не пускаютъ.

— Не даютъ вамъ паспортовъ?

— Нѣ, прóшу пана, нашъ цѣсарь велитъ давать намъ пашпорты, а это тамъ, у русскаго Царя, не пускаютъ насъ...

— Вотъ! Да за чтò жъ это?

— А мы знаемъ? Мы—слѣпые хлопы, мы не знаемъ ничего, прошу пана. Въ Кіевъ насъ не пускаютъ уже давно — съ тѣхъ поръ, какъ поляки тамъ большую войну съ русскимъ Царемъ вели — а вотъ теперь, какъ они теперь забунтовали, насъ даже въ Одесу не пускаютъ. Мы туда съ возами ходили, и въ Одесу, и въ Бесарабію. Бѣдуемо, пане, бѣдуемо, разоряется хлопъ, нигдѣ ничего заработать нельзя, поденьщикъ у насъ въ день *двадцать крейцеровъ* (12 к. с.), на своихъ харчахъ, стóитъ.

— И никого отъ васъ туда не пускаютъ?

— Жиды, прóшу пана, ѣздятъ. Жидамъ вольно, и полякамъ тоже вольно, и нѣмцамъ вольно. Намъ не вольно, а мы — мы слѣпые хлопы.

Ѣхала деревня поперегъ мужика,
Вдругъ изъ-подъ собаки лаютъ ворота,
Мужикъ изъ-подъ кнута телѣгу вынималъ
И ею подворотню подъ собаку загонялъ.

Помните вы эту старую шутку? Не правда ли, что она недурна?

И кто мнѣ повѣритъ въ такой штукѣ, которую я передаю изъ достовѣрнаго источника. Между галицкимъ духовенствомъ и духовенствомъ нашей Волынской и Подольской губерніи споконъ вѣка существовали родственныя связи, и хотя политическія обстоятельства, строгая паспортная система и отмѣна уніи у насъ порвали эти связи, такъ что волынскому и подольскому священнику видѣться съ галицкимъ трудно, но иногда украдкой, тайкомъ они видаются. Это не доносъ я пишу на то, что волынское и подольское духовенство сносится съ галицкимъ, а для того, чтобъ показать, какъ мы-то сами не умѣемъ пользоваться обстоятельствами, которыми старики наши поль-

зоваться умѣли. Старики наши создали государство, а мы чуть чуть не валимъ его.

Галичане завели свою, такую сякую литературу. Литература ихъ не шибкая, калосальныхъ талантовъ въ ней нѣтъ, но для того, чтобъ она существовала, для того, чтобъ въ Галичинѣ читали по-русски нужно, чтобъ была возможность издавать книги на русскомъ языкѣ, а для того, чтобъ была эта возможность, нужно, чтобъ были читатели. Въ Галичинѣ читателей, при той бѣдности, о которой я разсказывалъ, мало, и если книга разойдется года въ три въ числѣ шести сотъ экземпляровъ, то это считается праздникомъ для автора. Книги и вся галицкая литература вообще отличаются тѣмъ, что въ нихъ ничего враждебнаго православію, и если есть вражда къ чему нибудь, то это къ польщинѣ и къ Риму. У насъ напротивъ, эта несчастная литература, такъ нуждающаяся въ дѣятеляхъ и въ читателяхъ, считается католической, іезуитской, уніатской, василіанской, австрійской и какой еще, не перечтешь; и считается она таковой потому, что мы отличаемся талантомъ ничего не узнать, ни на что не обратить вниманія, а пугаться всего неизвѣстнаго, какъ иногда мужики пугаются путешественника, какъ меня испугались въ карпатахъ. Какъ бы, кажется, и въ интересахъ церкви и въ интересахъ государства не помочь галичанамъ, какъ бы не посылать имъ иконъ, крестовъ, не распространять ихъ письменности, въ которой если есть книгъ десятокъ антиправославныхъ, то и того много будетъ...

У насъ поступаютъ иначе. Ночью галицкій священникъ, рьяный поборникъ русскаго дѣла и русской идеи, перебѣгаетъ черезъ границу къ православному священнику, своему дальнему родственнику и приноситъ ему только что вышедшую во Львовѣ книгу «Альбумъ Зори Галицкой». Православный священникъ читаетъ эту книгу и оставляетъ ее у себя на столѣ. На другой день совершенно неумышленнымъ образомъ нагрянываетъ къ нему епархіальное начальство. Увидѣли эту книгу, — книгу невиннѣйшую и стоящую именно за православіе — а священникъ потерялъ приходъ за сношенія съ *уніатами (!)*. Ну какъ же не «ѣхала деревня поперегъ мужика»?..

III.

Бѣдуемо мы, пане Василю, бѣдуемо! Пишить, пане, що грунтовъ не маемо.

Земли у нихъ нѣтъ. Нечего уже считать тѣ лѣса и выгоны, которые у нихъ паны пооттягали, нечего считать поля, что попереходили въ руки набожныхъ сыновъ Израиля, которые не орутъ, не сѣютъ, а въ житницы собираютъ: у нихъ земли нѣтъ еще по ихъ же собственной безтолковости. Только самые древніе старики помнятъ, что когда-то и у нихъ *младшій братъ на корню сидѣлъ;* но этотъ славянскій обычай утратили слѣпые, темные хлопы.

Каждому, кто терся между простонародьемъ, извѣстно, что у великорусовъ до сихъ поръ, несмотря на сводъ законовъ, сохранился неприкосновенно *минорать*. На западѣ—все достается старшему сыну — и земля, и деньги и имя отца; у славянъ все доставалось младшему. Большая часть славянъ уже давно утратили это право; славяне его уже не помнятъ, хотя оно и занесено въ извѣстный *Tripartitum,* кодексъ народнаго права въ Венгріи, драгоцѣннѣйшій источникъ для изученія славянскихъ законодательствъ. Одни великорусы блюдутъ завѣтъ отцовъ и объясняютъ его слѣдующимъ образомъ: «Какой же толкъ выйдетъ — говоритъ нашъ крестьянинъ — если я все старшему сыну отдамъ? Онъ—уже взрослый, уже на ногахъ стоитъ; поразгоняетъ онъ братьевъ своихъ и сестеръ, обидитъ ихъ, на душу грѣхъ положитъ. А таперича, какъ этто я умру — все мое хозяйство младшему перейдетъ; а младшему пять годковъ всего, а всѣхъ сыновей у меня четверо. Младшій будетъ хозяиномъ, а старшій хозяйствовать будетъ, пока такъ ни нахозяйничается, что отдѣлиться ему будетъ можно, новую избу себѣ поставить и скотину завести. Какъ это онъ отдѣлится, такъ второй братъ будетъ хозяйничать, потомъ третій: каждому изъ нихъ охота стоять на своихъ ногахъ, свое пепелище завести; бабы ихъ къ тому нудить будутъ; извѣстно бабье дѣло—вѣчно грызутся. Пока старшіе отдѣляются, младшій подростетъ, и, какъ тамъ ни поразорятъ старшіе его хозяйство, все онъ не будетъ нищимъ, все мало-мало—а изба и хозяйство у него есть». Былъ бы такой обычай у нѣмцовъ, у французовъ—какъ бы они о

немъ кричали, сколько бы томовъ они о немъ написали! Простыня ты, русскій человѣкъ—ничего дома не видишь! Какъ не было у тебя порядку безъ варяговъ — такъ вѣчно ты будешь у дерптскихъ студентовъ мудрость заимствовать!

Ну, и утратили хлопы это испоконное славянское право, и не дивлюсь я, что они его утратили: надъ ними цѣлые вѣка пановало римское и магдебургское право, а римское и нѣмецкое право хоть и безтолковы, да разработаны хорошо. До сихъ поръ добрые люди ищутъ свѣдѣній не въ избахъ и не въ хатахъ, а въ душныхъ библіотекахъ и въ аудиторіяхъ. Библіотеки и аудиторіи надо посѣщать; но русскому языку, все-таки, надо у московскихъ просвирень учиться. У просвирень найдется много словъ и много выраженій, которыя никуда не годны, но онѣ все-таки знаютъ русскій языкъ.

И забылъ хлопъ о правахъ младшаго сына, и сталъ дѣлить свой *грунтъ* поровну между всѣми сыновьями. Община у него уже давно забыта. Дѣлился онъ, дѣлился и додѣлился до положенія французскаго крестьянина: всей земли у него два *морга* то-есть, *одна десятина,* а Шмулю онъ долженъ два ренскихъ! Шмуль за два ренскихъ и за рюмку водки присвоитъ не только землю, но и его на вѣки вѣчные своимъ батракомъ сдѣлаетъ...

Даже австрійское правительство испугалось — австрійское правительство, которое ничего не знаетъ, ни о чемъ не заботится, которое все ушло въ министерство иностранныхъ дѣлъ! Оно запретило дѣлежи и утвердило наслѣдникомъ только старшаго сына—пролетаріатъ, все-таки не исчезъ; работника въ день, все-таки можно имѣть за 20 крейц. (двѣнадцать копеекъ) на его харчахъ. Еврей не платитъ работнику крейцеровъ. *Гой* работаетъ ему цѣлый день за кусокъ хлѣба да за шкаликъ водки...

Крѣпко промотались всѣ славяне и въ духовномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, и, не будь насъ на сѣверѣ, не ожидай они, что мы, рано или поздно, явимся къ нимъ на выручку — давнымъ давно даже съ лица земли стерли бы ихъ. Только надеждою на насъ и живутъ они. Поѣзжайте въ любое племя, спросите перваго попавшагося мужика, что онъ думаетъ о *Бѣломъ Царѣ,* и вы убѣдитесь, что я не преувеличиваю. Надъ нами, надъ великорусами, сбылась и пословица, что *младшій сынъ на корню сидитъ,* и сбылась любимая тема славянскихъ, да и вообще индоевропейскихъ сказокъ, о загнанномъ, заби-

томъ дурачкѣ младшемъ братѣ, который и одѣвается плохо, и битъ бывалъ, и ума большаго не показывалъ, но царскій вѣнецъ и царевна красавица ему достались, потому что на немъ лежало родительское благословеніе, потому что онъ вѣренъ былъ отеческому преданію. Безъ всякаго сомнѣнія, мы едва ли не самое младшее изъ славянскихъ племенъ. Пока на югѣ и на западѣ славяне вели уже историческую жизнь, въ *Залѣсьѣ,* на Окѣ, крѣпъ и развивался никому невѣдомый новый народъ, народъ-колонистъ, племя бѣглецовъ съ Дуная, съ Днѣпра, съ Вислы. Широкимъ своимъ топоромъ расчищали эти выходцы дѣвственные лѣса Восточной Европы — до сихъ поръ великорусъ заклятый врагъ каждаго дерева — ставили села, волости, погосты. Слабыя племена туземцовъ, звѣроловы, не могли выжить въ сосѣдствѣ пришлыхъ земледѣльцевъ. Меря, Мурома исчезли такъ же, какъ исчезаютъ теперь въ Америкѣ всякіе гуроны и ирокезы, какъ исчезаютъ у насъ самоѣды, камчадалы, какъ исчезнутъ зыряне и башкиры. И вотъ, когда окрѣпли колоніи, тогда понадобилось имъ войти въ сношенія съ прочимъ міромъ — *людей посмотрѣть, себя показать,* явились богатыри — расчистившіе дорогу изъ лѣсовъ въ Европу, «прямопутную прямоѣзжую, а залегала та дорога ровно тридцать лѣтъ и три года». И привезъ Илья, крестьянскій сынъ, муромецъ, изъ села Корочарова, свѣтлому князю Владиміру чудо лѣсное, въ торокахъ связанное — и ахнули свѣтлый князь и дружина его удали богатырской и невѣдомому богатырю, убранному по-старинному, говорящему архаизмами, неумѣвшему ни стать, ни сѣсть по кіевскому придворному этикету. И узнали въ Кіевѣ, что Русь есть не только въ Новгородѣ, въ Смоленскѣ, въ Полоцкѣ, но еще и на Окѣ — Русь сильная, обрядная, дѣятельная. И почесала дружина княжеская чубы и бритые подбородки, глядя на эти древнія бороды и косые вороты и догадалась, куда перенесется современемъ княжескій престолъ.

Прошли вѣка. Ужъ и лѣсовъ нѣтъ, и ужъ и окно въ Европу прорублено *другимъ* Ильей; наши сказки, наши повѣрья, былины стали собираться и издаваться — и дивятся славяне, видя, что у насъ все цѣло, все не тронуто, все по-старому, какъ мать поставила, и покачиваютъ они головами и догадываются, куда придется примкнуть имъ. Что ни толкуй поляки и нѣкоторые самихъ себя перехитрившіе чехи, а славянство за насъ, потому что только въ насъ въ однихъ и есть

реальная сила, потому что великорусовъ 45,000,000, малорусовъ 15,000,000, а другія народности больше 7,000,000 на племя ни одна себя не сосчитаетъ.

Великое дѣло, что *младшій сынъ на корню сидитъ!* Какъ много этимъ объясняется въ исторіи и въ этнологіи! На Западѣ младшіе братья—враги старшаго, по милости котораго они лишаются отцовскаго наслѣдія; у насъ старшіе жмутъ младшаго, чтобъ скорѣе стать самимъ на ноги. Западъ и Россія — «Разбойники» Шиллера и «Сказка о Трехъ Братьяхъ». И бѣдуютъ младшіе братья въ Галичинѣ, и ходятъ съ жонами и съ дѣтьми по чужимъ дворамъ вѣчными батраками, и мрутъ съ голоду, съ тифа, съ холеры — бѣдныя жертвы исторіи, подарившей ихъ сначала могущественными боярами, а потомъ передѣлавшей бояръ на пановъ. Пособить ихъ горю не трудно, и священники очень хорошо знаютъ, что надо сдѣлать для спасенія народа; но у нихъ силы нѣтъ, ихъ никто не слушаетъ; власть въ рукахъ поляковъ и евреевъ, а нѣмцамъ—все сполагоря. Нѣмецъ *нанялся* быть чиновникомъ и служитъ такъ же добросовѣстно, какъ дядя его булки печетъ, двоюродный братъ лекарства стряпаетъ, своякъ полками командуетъ; нѣмецъ все будетъ дѣлать — только жалованье платите ему, но за то и не требуйте отъ него, чтобъ онъ былъ прозорливѣе, чѣмъ ему предписано. Бездушный, пунктуальный, воплощенная машина, онъ не видитъ изъ-за чего ему хлопотать, когда онъ сдѣлалъ что̀ нужно — и вотъ онъ даже и Австрію свою уходилъ наповалъ, нанимаясь въ ней то въ нѣмцы, то въ мадьяры, то въ поляки, какъ теперь въ бѣдной Галичинѣ.

У насъ, да и не у насъ однихъ, такъ много писали и кричали, что въ Австріи германизуютъ славянъ. Дѣйствительно, Іосифъ II, Меттернихъ, Бахъ чуть не цѣлыя десятки лѣтъ сряду пугали міръ этимъ страшнымъ призракомъ германизаціи — и чего жъ они добились? Добились, что въ каждомъ селѣ есть два, много три хлопа, которые знаютъ, съ грѣхомъ пополамъ, по-нѣмецки, потому что въ солдатахъ были, образованные люди знаютъ по-нѣмецки, лавочники иногда знаютъ; затѣмъ, нѣмецкій языкъ попадается въ офиціальныхъ бумагахъ, слышится въ большихъ городахъ... а славяне какъ были славянами, такъ и остались славянами. Раздѣлятъ Прусія и Россія Австрію — пройдетъ лѣтъ съ десятокъ, и памяти о нѣмцахъ не будетъ. Въ Прусіи другое дѣло. Тамъ нѣмцы ордами вторгались въ

славянскія села, тамъ вѣра, обычаи, платье славянское преслѣдовались и истреблялись — такъ тамъ и германизація могла имѣть успѣхъ, потому что тамъ она вводилась огнемъ и мечемъ. А Австрія хоть и была римскою и германскою имперіею, но никогда серьезно не думала о нѣмецкой народности, развѣ въ однихъ Чехахъ, и то по гуситскому и таборитскому дѣлу. Германизовать Іосифъ II началъ; офиціальнымъ языкомъ нѣмецкій сдѣлался вмѣсто латинскаго, да на томъ дѣло и остановилось. Добрые люди кричатъ «караулъ! нѣмчатъ славянъ!» и не подозрѣваютъ въ чистотѣ сердца, что чиновники-нѣмцы на все способны, но никакъ не на распространеніе нѣмецкой народности. Ужъ если правду говорить, то они сами теряютъ ее, какъ поприжмутъ ихъ молодцы мадьяры или поляки. Чтобъ мѣста тепленькаго не потерять, начнетъ нѣмецъ-чиновникъ клясться и божиться, что онъ такой же мадьяръ и такой же полякъ, даже на дѣтей конфедератки понадѣваетъ. Припугнутъ нѣмца-купца или сапожника, что если не пойдетъ на демонстрацію, никто у него покупать ничего не будетъ—разомъ онъ ославянится или омадьярится, даже библію станетъ по-польски читать. Какіе ему принципы! какія тутъ убѣжденія! Онъ еще съ университета знаетъ, что все въ мірѣ имѣетъ только относительное значеніе, что всѣ вѣры и всѣ принципы важны только въ историческомъ отношеніи и что, хотя нѣмецкая народность въ сущности и стоитъ безконечно выше всѣхъ другихъ, но пусть же мадьяры побалуютъ: бѣды нѣтъ, а передъ вѣчностью все—прахъ и суета: вотъ кабы мужа Гретхенъ къ теплому мѣсту пристроить, да вдову стараго товарища Фогеля усадить гдѣ-нибудь кастеляншею или экономкою при казенномъ заведеніи! — а тамъ все пустяки...

Изъ всего этого, я думаю, будетъ понятно, какимъ образомъ галицкій хлопъ дошелъ до того безвыходнаго положенія, въ которомъ я его засталъ. Бойкій полякъ и смирный нѣмецъ согнули его въ три погибели и своимъ безучастіемъ къ его положенію, и своими своекорыстными разсчетами. Онъ боится ихъ, ненавидитъ ихъ молча, и если не берется за косу, то потому только, что забилъ себѣ въ свою упрямую хлопскую голову, что другой монарха прійде. Спорьте съ нимъ, если хотите, разувѣряйте его — вы даже далматина-католика, на Адріатическомъ Морѣ, въ этомъ не разувѣрите, не то что этого галицкаго хохла или такого словака, какъ тотъ чернорабочій

въ Вѣнѣ, который во время осаднаго положенія твердилъ мнѣ, что онъ и его товарищи удивляются и понять не могутъ, чего же Русскій Царь смотритъ — ужъ и прусаки заняли ихъ *Словенское* (землю словацкую), ужъ и Цѣсарь разбитъ, а Русскій Царь не приходитъ и не беретъ ихъ къ себѣ? И эти люди живутъ верстахъ въ пятидесяти отъ Вѣны!!! Нѣтъ-съ, тутъ не то, что графъ Голуховскій, тутъ и самъ великій Меттернихъ не спасъ бы Австрію отъ Москвы Проклятой. Обнѣмечить славянъ не удалось, но удалось, безпутными финансами, ненужными войнами, неосторожною политикою, подорвать въ славянахъ довѣріе къ бѣднымъ Габсбургамъ и потрясти Австрію глубже, чѣмъ думаютъ. Въ крымскую войну Австрія сдѣлала извѣстную демонстрацію противъ Россіи — ввела войска въ Галичину и въ Молдавію.

Шанцы копаютъ противъ русскихъ, хлопство смотритъ:

— Прóшу пана. Съ кѣмъ это нашъ Цѣсарь воевать будетъ, что сюда столько войска нагналъ? Здѣсь поляковъ мало, а за кордономъ только русины.

— Будемъ москалей бить, отвѣчаетъ конфедератка: теперь пришелъ ихъ часъ! Франція, Англія, Сардинія, Турція, вся Европа на Москаля, газеты противъ него, и Австрія теперь тоже на него подымается...

— Прóшу его мость, спрашиваетъ хлопъ попа: правда, что нашъ Цѣсарь идетъ на Русскаго Царя?

— Правда! отвѣчаетъ попъ съ грустью.

— Прóшу его мость — да вѣдь нашъ Цѣсарь только Русскимъ Царемъ и держится; если онъ его теперь разгнѣваетъ, чтò же будетъ?

— Политика! отдѣлывается попъ.

— Прóшу его мость — нашъ пастухъ на селѣ былъ бы мудрѣе. Это, должно быть, поляки сбили съ толку Цѣсаря.

Ну, а знаютъ ли въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ, чему приписываютъ славяне неудачи этой войны? Игольчатымъ ружьямъ? Нѣтъ, просто говорятъ, что Русскій Царь прогнѣвался на Цѣсаря и не помогъ ему. Что жъ могъ бѣдный Цѣсарь сдѣлать безъ Царя? Цѣсарь такъ бѣденъ, что послѣдній грошъ съ народа беретъ — ему безъ Русскаго Царя нѣтъ спасенія. Такимъ-то манеромъ разлагаются *историческія* государства; безъ всякой пропаганды мужикъ теряетъ въ нихъ вѣру и оглядывается по сторонамъ за другимъ монархомъ. Кто жъ виноватъ? и кто

спасетъ Австрію съ Турціею и съ Венгріею? Стоитъ разъ позвать иностранцевъ на помощь, чтобъ потерять кредитъ у своего народа; спасая, въ 1849 году, Австрію отъ мадьярскаго возстанія, мы ее наповалъ уходили...

Ходитъ въ Вѣнѣ, въ славянскихъ кружкàхъ, острота, что во время войны, каждую ночь являлось Цѣсарю привидѣніе огромнаго роста, строгой наружности, одѣтое въ русскую военную шинель и въ каску, и спрашивало: помнитъ ли онъ крымскую кампанію...

Много фантазій роится въ человѣческихъ мозгахъ. Умные и, повидимому, свѣдущіе люди кричатъ: австрійская политика! нѣмецкая полиція! русскіе агенты и русскія деньги! Польша въ давнихъ границахъ! германизація! интересы цивилизаціи! величіе католической церкви! центральный европейскій революціонный комитетъ и петербургскіе дипломаты! Слушаешь и вѣришь, и благоговѣешь! А какъ подойдешь поближе, да посмотришь, и оказывается, что всѣ эти мудрости — бабьи сказки, которыми невѣждъ пугаютъ, что на дѣлѣ ничего нѣтъ, да и не было. Крикнулъ кто-то съ переполоху: «*австрійскія интриги!*» или что́-нибудь подобное, добрые люди перепугались и заревѣли хоромъ про австрійскія интриги, заметались въ переполохѣ, сами увѣровали и другихъ увѣрили. Я начинаю такъ думать, что, чѣмъ больше какой-либо партіи будутъ приписывать ума и ловкости, тѣмъ вѣрнѣе, что эта партія ровнехонько ничего не дѣлаетъ и потому, что чувствуетъ себя подъ надзоромъ, и потому, что просто на лаврахъ почіетъ. Русскіе агенты, у которыхъ карманы полуимперіалами набиты! — страхъ! ужасъ! гвалтъ! А гдѣ же эти агенты? Кто догадается послать ихъ? и откуда набрать ихъ? и гдѣ обучить ихъ искуству быть агентами? Мы очень любезны съ Европою, приписываемъ ей умъ и политику, какія ей и во снѣ не снились, она, par galanterie, платитъ намъ тою же самою монетою, думаетъ, что мы не дай Богъ какіе хитрые и распорядительные. Ну, намъ это и лестно — оно хоть и ругаютъ, а, все-таки, считаютъ насъ умными — а развѣ непріятно имѣть репутацію умныхъ людей? Хлѣбомъ меня не корми, только умнымъ считай — я за это даже молчать буду.

Нѣтъ русскихъ агентовъ и русскихъ имперіаловъ на помощь хлопу. Помѣщикъ полякъ и чиновникъ нѣмецъ гнетутъ его. Куда онъ пойдетъ? къ кому?

А вотъ въ селѣ у него два каменныя зданія: одно *называется церковью*, другое — *корчмою*.

IV.

Умрутъ съ голоду хлопы, благодаря панамъ, евреямъ, да еще отеческой распорядительности чиновниковъ-нѣмцовъ!

Въ слѣдующемъ году будетъ опять голодъ, хоть нынѣшній и былъ урожайный—запасовъ ни у кого нѣтъ. Кривда, великая кривда царствуетъ надъ хлопомъ въ Галичинѣ, и не даромъ онъ молитъ Бога, чтобъ Богъ далъ ему другого *монарху*.

Хлѣбныхъ магазиновъ нѣтъ по селамъ. Были они до французской войны, но тогда правительство забрало хлѣбъ на войско, обѣщая возвратить его—и не возвратило. Чиновники большею частью нѣмцы—такіе же какъ и вездѣ. Нѣмцу что за дѣло хлопотать о благѣ края? Развѣ для того онъ надѣлъ мундиръ? Онъ прошелъ гимназію, университетъ, даже докторомъ права сдѣлался для того только, чтобъ обезпечить себя на всю жизнь честнымъ кускомъ хлѣба, чтобъ жениться на давно любимой синеокой Каролинхенъ, чтобъ мать старуху прокормить, братьевъ и сестеръ на ноги поставить. Открылось мѣсто ему не въ Нейштадтѣ и не въ Альтенбургѣ, какъ бы ему хотѣлось, а гдѣ-нибудь въ Коломыѣ, въ Тернополѣ, въ этихъ Усть-Сысольскѣ и Соль-Вычегодскѣ Австріи—онъ и туда поѣхалъ, меблировалъ квартиру, накупилъ посуды, привелъ дѣла въ порядокъ, и сталъ онъ жить-поживать, да дѣтей наживать. Бумаги у него въ порядкѣ, каждая за нумеромъ; упущеній нѣтъ ни въ чемъ; придраться къ нему никто не можетъ: ни начальникъ, ни подчиненный, даже хлопъ не можетъ сказать, чтобъ онъ обижалъ его. Велятъ ему вести дѣлопроизводство по-польски—поведетъ онъ по-польски; велятъ по-русски—онъ и по-русски поведетъ; велятъ ловить подозрительныхъ лицъ—будетъ ловить, велятъ ослабить надзоръ—ослабитъ. Если будетъ приказано ввести застѣнокъ и пытку—онъ и на то готовъ; прикажутъ сажать деревья свободы и надѣть на себя и на другихъ фригійскую шапку—онъ и то исполнитъ, да еще подрядчика найдетъ на поставку фригійскихъ шапокъ... Была бы Каролинхенъ здорова, были бы дѣти сыты, обуты и одѣты, да бутылка пива, да сносный турецкій табакъ на вечеръ—а тамъ хоть трава не рости! Онъ здѣсь чужой: изъ-за чего ему надрываться, проекты подавать, реформы производить? Ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами; прежде всего кусокъ хлѣба: кусокъ хлѣба, и

ничто же развѣ его; оттого-то нѣмецкій характеръ и нѣмецкая народность такъ и симпатичны евреямъ — свой своему поневолѣ братъ. Войдутъ поляки въ силу, начнутъ изгонять нѣмцовъ, вотъ какъ теперь — нѣмецъ мигомъ въ поляка превратится и даже съ женою и съ дѣтьми станетъ по-польски говорить, чтобъ куска хлѣба не потерять. Присоединятъ русскіе Галичину съ Буковиною — нѣмецъ присягу дастъ, что онъ русскій, и изъ кожи вонъ полѣзетъ, крича о своемъ русскомъ патріотизмѣ. Бездушный наемникъ, человѣкъ безъ отечества, орудіе въ рукахъ того, кто ему жалованье даетъ, нѣмецъ ничего не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ для края, пока ему не прикажутъ. А кто жъ ему будетъ приказывать? Во Львовѣ намѣстники были тоже нѣмцы, за исключеніемъ Голуховскаго, въ Вѣнѣ министры тоже нѣмцы — они думали о своихъ дѣтяхъ, племянникахъ, зятьяхъ, а вовсе не о краѣ, вовсе не объ Австріи. Въ Прусіи дѣло другое: тамъ нѣмецъ дома, тамъ онъ не варягъ — оттого Прусія и стоитъ такъ высоко, а Австрія валится, какъ Римъ, какъ Византія, опиравшіеся на иноплеменниковъ.

Одни священники хлопотали о заведеніи хлѣбныхъ магазиновъ и вспомогательныхъ кассъ для хлоповъ; но что̀ жъ сдѣлаетъ іерей противъ еврея? Еврей бѣжитъ къ пану, у котораго онъ арендуетъ корчму. Право держать корчму (пропинація) принадлежитъ исключительно панамъ и управленію государственныхъ имуществъ.

— И что жъ то будетъ, ясневельможный пане? и какъ же то будетъ? Я не могу больше у пана пропинаціи держать! Попы бунтуютъ народъ — я разоряюсь, и панъ разоряется, и хлопъ разоряется, и цѣсарь разоряется, и всѣ разоряются...

— Что ты, Лейба!? что такое случилось?

— Панъ не знаетъ, что случилось? И пусть же панъ не знаетъ, что случилось! — я не могу держать у пана пропинаціи; я пойду въ Молдавію, въ Турцію... Попы бунтуютъ хлоповъ. Попамъ изъ Москвы за это деньги платятъ — они имѣютъ на то свой интересъ. Еслибъ пану платили, и панъ бы тоже бунтовалъ; еслибъ мнѣ платили и я бы тоже бунтовалъ.

— Да что такое?

— Да что такое? Этого мало, что попъ имъ каждое воскресенье говоритъ, чтобъ горѣлки не пили? А не будутъ хлопы горѣлки пить, съ чего я буду держать пропинацію у пана, платить пану 400 гульденовъ въ годъ? съ чего Мойше будетъ

платить пану 200 гульденовъ и Сруйль 300 гульденовъ? съ чего? А цѣсарю кто будетъ платить подати? — цѣсарь съ бѣднаго еврея живетъ? А попъ говоритъ, чтобъ даже и въ корчму не ходили, а попъ заводитъ читальню въ школѣ для хлоповъ, казино — точно хлопъ панъ! ? А развѣ хлопъ панъ, что ему нужно газеты читать и въ казино ходить, о политикѣ толковать? развѣ это хлопское дѣло? Я бѣдный жидъ, а панъ умный человѣкъ — пусть панъ подумаетъ...

— Ничего изъ этого не будетъ — хлопъ какъ былъ, такъ и останется...

— Пусть панъ такъ думаетъ, какъ панъ умѣетъ, и пусть панъ заплатитъ мнѣ 529 гульденовъ 27 крейцера, которые мнѣ панъ долженъ; пусть панъ найдетъ себѣ другаго жида, а я не могу держать пропинаціи, если панъ на все согласенъ, что попъ дѣлаетъ. Вчера попъ сталъ собирать съ хлоповъ подписку подъ прошеніе въ намѣстничество, чтобъ позволено было хлопамъ ссыпку сдѣлать, хлѣбный магазинъ завести. Хлопы не будутъ у меня брать хлѣба, когда имъ нужно, а я развѣ горѣлкою панскою живу? Я живу тѣмъ, что хлопамъ хлѣбъ даю весною, а осенью назадъ отбираю съ небольшимъ процентомъ.

— За корецъ полтора корца? Эхъ ты, Лейба!

— Бываетъ, что за корецъ и два корца — кому до того какое дѣло? Не плачу я пану за пропинацію? Не плачу я цѣсарю? А теперь развѣ хлопъ пойдетъ ко мнѣ за хлѣбомъ? Пусть панъ дѣлаетъ какъ хочетъ, а я не буду держать корчмы.

— Ступай, Лейба, домой и спи спокойно. Я сдѣлаю такъ, что ничего не будетъ...

— А тамъ еще хочетъ попъ устроить имъ волостной банкъ... Я боюсь, пане; пусть панъ отдастъ мнѣ мои 529...

— Иди, иди, ничего не будетъ. Я во Львовъ напишу...

Выходитъ Лейба на улицу (veni, vidi, vici). Идутъ хлопы.

— Ге, вы, *гои!* Акимъ, Петруню, Микита, Бучко! ходите сюда!

— Що вамъ, пане Лейбо?

— Дѣло къ вамъ; пойдемте со мною въ корчму.

— Не ма коли.

— Дурни! я вамъ горѣлки поднесу.

Хлопы переглядываются. Они сейчасъ обѣщались священнику не ходить къ Лейбѣ.

— Ну? чего тамъ? скорѣй! У меня тоже времени нѣтъ...

И хлопы идутъ, какъ бараны.

— Вотъ вамъ кварта горѣлки; вотъ вамъ закуска. Мнѣ нужны возы подъ хлѣбъ... послѣ поговоримъ... вы мнѣ свезете... у меня коротко. Ну, что жъ у васъ тамъ банкъ будетъ, и магазины будутъ?

— А якъ же! Его мость добру раду дали.

— Ге! Ицекъ hörscht du! Айзекъ! Абрумъ! Хайка! Слушайте всѣ — теперь наши хлопы будутъ паны! Теперь имъ ужъ не нужно будетъ жида...

— И по скольку процентовъ будетъ хлопъ платить въ банкъ? спрашиваетъ Айзекъ.

— По пяти, отвѣчаетъ хлопъ.

— А на полтора ренскихъ пять процентовъ — сколько будетъ? смѣется Ицекъ.

— И кто считать будетъ? кричитъ Хайка.

— А что̀ крысы будутъ въ магазинѣ дѣлать? Може его мость ихъ за хвосты привяжетъ, чтобъ хлопскаго хлѣба не ѣли?

— А правда ли, спрашиваетъ Абрумъ: — что его мости гроши нужны выдавать дочь замужъ?

— А онъ умный человѣкъ, его мость, говоритъ Айзекъ: — ему бы не попомъ быть, а пропинацію держать. Умѣетъ съ дурнями съ хлопами дѣла дѣлать.

— Пейте, пейте! Я еще кварту поставлю, трещитъ Лейба: — мнѣ здѣсь ужъ недолго торговать. Я и пану сказалъ, что не буду больше пропинаціи держать. Заводите банкъ, казино, магазинъ — доброе дѣло! доброе дѣло!

— А если вашей Горпинѣ — слухайте Микита — нужна будетъ шляпка — теперь вы панами уже будете — я сейчасъ достану! хохочетъ Ицекъ.

Ну, на томъ и конецъ. А если не конецъ, если хлопы не дали себя одурачить, то прошеніе идетъ по инстанціямъ въ намѣстничество. Въ Австріи, какъ во всякомъ образованномъ государствѣ въ Европѣ, нельзя ногу на ногу переложить безъ разрѣшенія центральной власти. Мѣсяца черезъ три приходитъ отвѣтъ, что,

«такъ какъ, въ настоящее время, правительство уже занято начертаніемъ общихъ правилъ для заведенія сельскихъ кассъ, запасныхъ магазиновъ и тому подобныхъ учрежденій, то проектъ просителей будетъ отосланъ на разсмотрѣніе компетент-

ной комисіи, которая препроводитъ свое мнѣніе выдѣлу краеваго сейма. Сей же, постановивши свое заключеніе, передастъ оное на будущее засѣданіе сейма, и буде сеймъ утвердитъ оный проектъ большинствомъ ($^2/_3$ поляковъ и $^1/_3$ русскихъ), то по разсмотрѣніи онаго комитетомъ министровъ, будетъ положеніе сіе представлено на утвержденіе высочайшей власти»...

Далеко улита ѣдетъ, скоро ли доѣдетъ? А по дорогѣ христолюбивые паны да человѣколюбивые евреи стоятъ...

Дождливое лѣто 1864 г. да сухое лѣто 1865 года — и неурожай, и голодъ. Голодъ былъ такой, что даже евреи осунулись въ лицѣ, сами ничего не ѣли, чтобъ найти денегъ — дать въ долгъ на вексель бѣднымъ хлопамъ. Голодъ произвелъ тифъ. Мерли хлопы отъ голода — распухали и умирали; мерли хлопы отъ тифа — горѣли въ жару и умирали. А тутъ прусская война изъ-за Шлезвиг-Голштейна и изъ-за преобладанія въ Германіи — наборъ и подати. Покуда били прусаки хлоповъ-солдатъ подъ Садовою, подъ Кралевымъ Градцомъ, дома хлопы мерли отъ холеры — корчились и умирали. Не хочетъ ли кто усыновить ребёнка? Въ Галичинѣ и въ Буковинѣ, теперь, въ глухую осень, по полямъ, по большимъ дорогамъ, подъ окнами корчмы, въ которую вы заѣдете, найдете вы кучи дѣтей, круглыхъ сиротъ, въ однѣхъ рубашенкахъ, съ блѣдными лицами, которыя попросятъ у васъ крейцеръ — они съ голоду умираютъ. Дайте имъ крейцеръ и помолитесь, чтобъ зима была холоднѣе, чтобъ бѣдныя дѣти не мучились долго! Я давалъ крейцеръ и молился за упокой души этихъ невинныхъ жертвъ чиновничьей непредусмотрительности, жидовско-польскаго разсчета и церемонливости нашего общества, несмѣющаго вырвать ихъ изъ рабства.

Впрочемъ, чтò жъ? Львовскій сеймъ асигновалъ пятьсотъ тысячъ гульденовъ для вспомоществованія голоднымъ. Раздавали эти деньги, разумѣется, паны, а никакъ не русскіе священники — надо жъ показать хлопству, что оно отъ панства зависитъ и что панство печется объ немъ. Эти полмиліона отправились, разумѣется, опять-таки, въ еврейскіе карманы.

Да еслибъ и не голодъ, кàкъ будетъ жить хлóпъ безъ лѣса и безъ выгона? Тюрьмы полны хлопами, суда завалены дѣлами о порубкахъ и потравахъ. Хворостомъ изъ панскаго лѣса хаты не натопишь, потому что хворостъ не скоро наберешь, а скотину надо жъ пасти. И выгоняетъ хлопъ къ пану, а не то

къ другому хлопу скотину прямо въ овесъ!.. Это, положимъ, преступленіе; но потравы и неумышленно дѣлаются. Поля и луга въ Галичинѣ не огорожены, скотъ пасутъ дѣти: перешла корова или лошадь канаву — и плати за потраву, и выкупай скотину. Начали въ послѣднее время паны давать хлопамъ лѣса и выгоны — ужъ лучше я и писать не буду въ какомъ количествѣ! Когда Галичина перейдетъ къ Россіи, русское правительство ахнетъ на чудеса, которыя найдетъ въ тамошнихъ межевыхъ книгахъ.

Подать — *три четверти* годоваго дохода. Уменьшить ее австрійское правительство не можетъ, потому что оно въ долгахъ по уши, потому что оно все еще хочетъ играть роль великой державы. Недоимки страшныя! Собрать ихъ одна возможность — послать войска на экзекуцію, и я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, ка̀къ въ Буковинѣ, въ волости Глыбовой, разставлялись солдаты по квартирамъ и ка̀къ плакали хлопы. Я тогда былъ подъ арестомъ и сидѣлъ въ канцеляріи волостнаго писаря... Буковины я хорошо не знаю — мнѣ не дали ее осмотрѣть, меня выслали изъ Австріи; но тамъ, сколько я видѣлъ, народъ также разоренъ помѣщиками-нѣмцами, какъ въ Галичинѣ польскими панами. И въ Буковинѣ, и въ Галичинѣ евреи царствуютъ самодержавно. Разница одна: въ Галичинѣ *хлопъ* — ждетъ Русскаго Царя, въ Буковинѣ *мужикъ* ждетъ Турка, потому что онъ помнитъ, что нѣкогда былъ подъ Туркомъ, и что подъ Туркомъ у него ни пановъ, ни жидовъ, ни тяжелыхъ податей не было. Нѣчего и говорить, что занятіе нами Буковины будетъ праздникомъ для мужиковъ...

Да что я, наконецъ, говорю все о хлопахъ, да о мужикахъ; будто они одни желаютъ русскаго *монарху?..* Отъ Кракова до Черновцевъ, по желѣзной дорогѣ, въ отеляхъ, въ кофейняхъ, въ банкѣ, наконецъ, съ кѣмъ я ни разговаривалъ, даже нѣмцы, *даже сами поляки* только того и ждутъ, что придетъ новое правительство. Подати разоряютъ всѣхъ; судопроизводство бюрократическое, борьба партій, невѣріе въ политическую будущность Австріи, паденіе курса, постоянная перемѣна монеты — все заставляетъ желать новаго, прочнаго правительства, опирающагося не на принципъ, не на системы, а прямо на народъ. Сильно ошибется тотъ, кто будетъ судить о Галичинѣ по «Часу» и по «Газетѣ Народовой», по подтасованнымъ оваціямъ Голуховскому. *Между самими польскими агитаторами, члена-*

ми сейма и представителями польскаго дѣла зародилось болѣе, чѣмъ сомнѣніе въ возможность Рѣчи-Посполитой. Въ средѣ ихъ возникаетъ партія за Россію, не потому, чтобъ эта партія любила Россію, но потому что она видитъ, что Польшѣ одинъ выходъ, — утонуть въ панславизмѣ. Напрасно у насъ стараются нѣмечить Польшу за Вислою: это огромная ошибка. Исторія мазуровъ поворачивается совершенно въ другую сторону; между поляками, *очень вліятельными,* есть люди, жаждущіе примиренія и соединенія съ нами. Жаль, что нельзя приводить именъ — я могъ бы доказать, что говорю правду и что знаю коротко дѣло.

ІЕРЕИ И ЕВРЕИ.

I.

І Е Р Е И.

I.

Село — все изъ крохотныхъ бревенчатыхъ хатокъ, вымазанныхъ глиною и выбѣленныхъ известкою. Хлопъ не строитъ себѣ кирпичныхъ домовъ; онъ черезчуръ раззоренъ *податью въ третью часть всего дохода*, онъ въ долги по уши влѣзъ корчмарю, который чуть не силой спаиваетъ его съ кругу — ему было бы куда отъ дождя спрятаться, да гдѣ отъ морозу обогрѣться, онъ и тѣмъ будетъ доволенъ. Но въ селѣ все-таки есть каменныя постройки: это, прежде всего, дѣдинецъ, то-есть помѣщичья усадьба, (вотчина), которая гордо сторонится отъ бѣдныхъ хатъ, потомъ *церковь* и *плебанія* (домъ священника); но церковь и плебанія сплошь и рядомъ остались еще деревянныя, сохраняя и бревна и архитектуру временъ Рѣчи Посполитой. Объ архитектурѣ галицкихъ церквей я уже говорилъ, да и еще придется мнѣ говорить, когда отъ изложенія тамошняго соціальнаго быта я перейду къ чисто этнографическимъ замѣткамъ, къ костюмамъ, пищѣ, къ ручникамъ, къ иконамъ и т. п., когда я укажу не замѣченную, кажется, ни однимъ этнографомъ разницу между *русинами* и *руснаками*, между жителями *Поля* и *Горъ* между *хлопами* и *мужиками* *). Новыя плебаніи построены довольно комфортно, хотя тоже невелики,

*) Что будетъ изложено въ отдѣльномъ илюстрированномъ сочиненіи, въ которое войдутъ мои археологическія и этнографическія изслѣдованья.

обыкновенно въ четыре комнаты съ кухней, а это очень немного для многочисленнаго семейства, какое обыкновенно бываетъ у священника. Старыя плебаніи — ужасъ! онѣ краснорѣчивѣе всякихъ памятниковъ разсказываютъ положеніе православнаго и уніатскаго духовенства во время Рѣчи Посполитой.

Другое каменное зданіе, также неизбѣжное въ каждомъ селѣ, какъ и церковь, — это корчма. Вся жизнь хлопа проходитъ между храмомъ Спасителя и капищемъ Вакха: крестины, свадьба, похороны, справляются поровну въ церкви и корчмѣ — *іереемъ* и *евреемъ*.

Это очень странные люди — іерей и еврей. Они оба всѣмъ своимъ бытомъ, понятіями, развитіемъ, одеждою рѣзко отличаются отъ хлопа. Они оба набожны, и оба надѣваютъ, при извѣстныхъ случаяхъ, ризы; оба вѣчно возятся съ книгами, толкующими о спасеніи души, о царствіи ему же не будетъ конца; оба привыкли смотрѣть на міръ, какъ на нѣчто преходящее, не заслуживающее ни особаго вниманія, ни особаго уваженія, а оба вѣчно обуреваются суетою мірскою. Оба носятъ долгополое черное платье — оба и бороду бы носили, но Римъ насильственно обрилъ и остригъ священниковъ, а цивилизація начинаетъ брить и еврея.

— Вы говорите, что вамъ глаза колютъ наши бритые подбородки и стриженыя головы, смѣялся мнѣ одинъ чрезвычайно остроумный галицкій священникъ, вамъ диковинно видѣть русское духовенство въ католическомъ уборѣ; вамъ кажется, что платье человѣка дѣлаетъ. Успокойтесь, насъ *пятьсотъ* лѣтъ сряду давятъ, а чтожъ изъ насъ выдавили? Только то, что мы ихъ больше ненавидимъ, чѣмъ отцы наши, хотя они отцовъ-то преслѣдовали сердитѣй, чѣмъ насъ. Навязали намъ унію, которая намъ противнѣе, чѣмъ вамъ, исказили нашъ обрядъ, бороды намъ пообрили и увѣрились, что между нами и православной церковью все кончено — мы даже съ виду больше на латинскихъ ксёндзовъ похожи, чѣмъ на русскихъ священниковъ. Но одну мелочь забылъ почтенный Римъ, онъ не сообразилъ, что стѣны нашихъ церквей, утварь, обрядъ, напѣвъ, преданія — все вопіетъ намъ о томъ, что̀ у него называется *схизмой* (расколомъ), что никакимъ образомъ не можемъ мы отвязаться отъ идеи, что этотъ *расколъ* — вѣра отцовъ нашихъ, вѣра всего русскаго народа, всѣхъ его племенъ; что *расколомъ* этимъ Земля Русская единится и стоитъ, что онъ составляетъ

душу русской исторіи, и что не будь его, мы бы давно утратили свою народность и приняли польскую. Теперь поляки изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобъ довершить единеніе церквей во *Святой Уніи,* и единеніе народностей бывшей Рѣчи Посполитой въ *польскости*. Мы изъ кожи вонъ лѣземъ, чтобъ не поддаться, потому что поддаться — значитъ отречься отъ завѣта нашихъ отцовъ, мучениковъ Православія и Руси, потому что поддаться — значитъ погибнуть самимъ и отдать на гибель весь народъ, котораго мы единственные представители, предводители и друзья; мы одни дорожимъ его хлопскими и поповскими преданіями, мы одни преданы его вѣрѣ, его языку, его грамотѣ; насъ съ нимъ вяжетъ обоихъ надежда на сліяніе нѣкогда съ остальною Русью, и въ насъ кипитъ та же историческая, вѣковая вражда къ *ляшнѣ* и ко всему, что ляшней пахнетъ... Насъ немного, мы бѣдны, незнатны и потому незамѣтны ни въ Австріи, ни въ Европѣ, даже въ самой Россіи, кажется, мало кто знаетъ объ нашемъ существованіи, а между тѣмъ, мы здѣсь, въ Галичинѣ, тихомолкомъ ведемъ упорную борьбу съ ляхами, и незамѣтно подкапываемъ всякое довѣріе къ нимъ народа. Они насъ гонятъ: власть въ ихъ рукахъ; но съ каждымъ днемъ они болѣе и болѣе теряютъ почву изъ-подъ ногъ и становятся тѣмъ, чѣмъ имъ и быть у насъ надлежитъ — иностранцами. А мы, въ свою очередь, съ каждымъ днемъ дѣлаемся болѣе и болѣе православными, любовь наша ко всему русскому растетъ не по днямъ, а по часамъ; народъ нашъ начинаетъ фанатически вѣровать, что присоединеніе Галичины и Буковины къ Россіи дѣло неизбѣжное, и что ему лучше станетъ отъ этого присоединенія. Пусть *ляшня* крутитъ и мутитъ, какъ хочетъ — она ничего не подѣлаетъ своими преслѣдованіями. Мы — какъ наши бороды: чѣмъ больше ихъ брѣютъ, тѣмъ гуще онѣ становятся; придетъ часъ присоединенія къ Россіи, и онѣ, къ общему удивленію, вдругъ выползутъ изъ голыхъ подбородковъ и роскошно разстелятся по грудямъ. Насъ гонятъ — а мы все сильнѣе да сильнѣе становимся; бороды наши брѣютъ — а бороды все ростутъ да ростутъ; латинскіе и польскіе обычаи втерлись въ нашу церковь и въ нашу жизнь — а мы, все-таки, хорошо помнимъ, чтò русское и православное, и чтò нерусское и неправославное. Ростутъ-съ бороды, ростутъ, какъ ихъ тамъ ни брѣй...

А всѣхъ-то ихъ, болѣе или менѣе образованныхъ, русскихъ

въ Галичинѣ не будетъ болѣе 8,000 на 3,000,000 населенія. Цифру эту, 8,000, или 8,300 галичане выводятъ слѣдующимъ образомъ:

Въ 2,100 приходахъ галицкой митрополіи священниковъ	2,100
При нихъ дьячковъ, сельскихъ учителей и т. п.	2,100
На каждую священническую семью можно положить по сыну гимназисту или студенту	2,100
Чиновники, учителя, художники и т. п.	2,000
	8,300

И это всѣ ихъ наличныя средства! На мѣщанъ, какъ на дѣятелей, какъ на русскихъ патріотовъ, разсчитывать нельзя: они слишкомъ ополячены и слишкомъ стыдятся языка и вѣры отцовъ своихъ; они сдѣлаются отличными русскими, если только у нихъ будетъ поддержка, то-есть, если Галичина будетъ присоединена къ Россіи. Всѣхъ ихъ въ 43 городахъ восточной, то-есть, настоящей Галичины, считается 74,689 человѣкъ (поляковъ 95,817, а господъ-евреевъ 139,679); большинство русскіе мѣщане составляютъ только въ 25 городахъ. Весь разсчетъ, вся сила духовенства покоится исключительно на сельскомъ населеніи, котораго весьма мало коснулась полонизація и которое приверженнѣе къ церкви, чѣмъ къ костёлу; и не будь это населеніе, по общему характеру малорусовъ и бѣлорусовъ, такъ индиферентно, лучше сказать, такъ страшно забито — давнымъ давно ни одного поляка, ни одного ксёндза не было бы въ Галичинѣ.

— Чего ужъ мы не придумывали, ваше благородіе, толковалъ мнѣ другой священникъ (галичане также любятъ титуловаться въ разговорѣ, какъ и ихъ просвѣтители-нѣмцы): — хотѣли нѣсколько разъ поднять народъ и выгнать поляковъ — только опасно, что народъ не выгонять ихъ станетъ, а, попросту, перебьетъ; да и съ правительствомъ ссориться не хочется. Думали мы перейти всѣмъ вмѣстѣ на православіе, но и то дѣло рисковое: между нами 2,100 священниковъ; но найдется человѣкъ съ двадцать, которые, или по убѣжденію, или по нерѣшительности характера, или, наконецъ, изъ личныхъ видовъ, не пристанутъ къ намъ, и тогда русская народность въ Галичинѣ распадется на два враждебные стана, на православный и на уніатскій, что будетъ страшнымъ для насъ несчастьемъ. Да

еслибъ и всѣ священники, безъ исключенія, подписали заявленіе о принятіи ими православія, то, думаете вы, не повели бы поляки и прочіе католики упорнѣйшей агитаціи противъ насъ? Не стали бы наѣзжать въ села слѣдственныя комисіи для запроса крестьянъ, какой они вѣры хотятъ? А что стали бы отвѣчать крестьяне? «Старой вѣры, просимо пана, мы хочемо; яку вѣру отцы наши тримали (держали) ту саму и мы, просимо пана, и мы хочемо тримати»... Вотъ и весь ихъ разговоръ будетъ; тутъ и разбирай и разъясняй какъ угодно, уніи они хотятъ или православія; они ни того, ни другаго не знаютъ; твердятъ себѣ, что ихъ вѣра русская, та самая, что и въ Россіи, на мелочи въ обрядахъ вниманія не обращаютъ и потому они одинаково готовый матеріалъ и въ православные, и въ католики. Чиновники, разумѣется, воспользуются этою неопредѣленностью хлопскихъ воззрѣній и заставятъ ихъ, при помощи войтовъ да евреевъ-шинкарей, подписаться, что они хотятъ *уніи*. Тогда русское дѣло въ Галичинѣ окончательно проиграно — мы потеряемъ приходы, а на наши мѣста насажаютъ людей далеко не такихъ твердыхъ, какъ мы. Поэтому и сидимъ мы тихо да смирно, не предпринимая ничего рѣшительнаго и ведя исподоволь свою пропаганду.

Я видѣлъ очень много священниковъ, я бывалъ въ домахъ ихъ, гостилъ у нихъ по недѣлямъ, толковалъ съ передовыми и съ отсталыми, и невольно пришелъ къ заключенію, что всѣ они, даже самые робкіе, самые плохіе, въ глубинѣ души хоть завтра готовы принять православіе и ждутъ не дождутся, когда Галичина станетъ русскою. Не всѣмъ я являлся какъ *русскій* путешественникъ. Галичане, особенно старшее поколѣніе, удивительно робки и запуганы, и не одинъ изъ нихъ побоялся бы принять въ домъ русскаго изъ-за кордона, *москаля* — побоялся бы криковъ и воплей сосѣдней Полоніи, обвиненія въ сношеніяхъ съ русскими эмисарами, хлопотъ, подозрѣній, допросовъ, разспросовъ и т. п. Поэтому, мнѣ, въ моихъ разъѣздахъ, случалось часто являться въ плебанію седмиградскимъ фотографомъ, венгерцомъ, болгариномъ. Я сидѣлъ между ними цѣлые часы, дѣлая видъ, что не понимаю, о чемъ они говорятъ, отвѣчалъ имъ на ихъ вопросы короткими нѣмецкими и румынскими фразами; меня забывали въ жару разговора, мною не стѣснялись, а я слушалъ, слушалъ — и радовалось сердце мое, видя, что даже эти отсталые, даже эти робкіе и низкопо-

клонные передъ поляками люди до мозга костей ихъ проникнуты любовью къ Россіи и преданностью православію, (въ чемъ, между прочимъ, обязаны полякамъ, а вовсе не нашимъ усиліямъ и стараніямъ).

У насъ многіе думаютъ, что Польши уже нѣтъ на свѣтѣ, и въ доказательство этого приводятъ рядъ административныхъ мѣръ для обрусенія поляковъ по сю сторону Вислы и — непонятно зачѣмъ и для кого — онѣмечиванья ихъ по ту сторону. Дѣйствительно, наша Польша съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе стирается съ картъ Россіи и переходитъ на карты Пруссіи; но это еще вовсе не доказываетъ, чтобъ она исчезала на дѣлѣ. Она живетъ въ нравахъ поляковъ, въ ихъ привычкахъ, въ ихъ manière d'être, и что дѣлалось въ Рѣчи-Посполитой, XVII и XVIII вѣка, то самое дѣлается и понынѣ, гдѣ-нибудь въ этой глухой и невѣдомой міру Галичинѣ. Вся разница между старыми и новыми поляками состоитъ только въ относительной мягкости нравовъ, въ съуженіи широкихъ натуръ, въ робости передъ крутыми мѣрами.

Священникъ, гостепріимствомъ котораго я воспользовался подъ видомъ трансильванина-фотографа, ищущаго заработковъ, ужасно сердился на сосѣдняго пана, который его и нѣсколькихъ его товарищей пригласилъ на похороны кого-то изъ своихъ родныхъ. Уніатскихъ священниковъ паны приглашаютъ къ себѣ вмѣстѣ съ католическими, для приданія большаго блеска церемоніи, которая, такимъ образомъ, совершается по двумъ обрядамъ одинаково признаннымъ и утвержденнымъ римскою церковью. Русскихъ священниковъ было человѣкъ шесть и ксендзовъ католическихъ было человѣкъ шесть. Ксендзовъ посадили за обѣдомъ поближе къ хозяину, между почетными гостями — поповъ помѣстили на конецъ стола, между всякихъ приживалокъ, управляющихъ, гувернеровъ и т. п. Спать ксендзовъ уложили въ комнатахъ, на мягкихъ диванахъ и на матрацахъ — поповъ отвели на сѣновалъ. Ксендзамъ заплатили, помнится, по 10 ренскихъ (гульденовъ, флориновъ; 1 ренскій = 60 к. с.), попамъ дали всего по 5. Ксендзы поѣхали домой въ панскихъ каретахъ и колясках, попы пріѣхали и уѣхали въ своихъ собственныхъ бричкахъ, купленныхъ лѣтъ двадцать назадъ по случаю, въ приданое взятыхъ за попадьями и назначенныхъ въ приданое дочерямъ. Хозяинъ мой и гости его были внѣ себя отъ негодованія: «Не будемъ больше ѣздити до

ляхо̂въ! сердились они: — Чѣмъ мы хуже ксендзовъ? Мы ученѣе ихъ, мы нравственнѣе ихъ, мы полезнѣе ихъ для края! Да, наконецъ, и край этотъ — нашъ русскій край; *мы* здѣсь хозяева, а не эти латинники: они здѣсь пришлые люди; какое же право имѣютъ они ломаться передъ нами, передъ хозяевами?...»

— Чекайть, ваше преподобіе, возражалъ другой священникъ: — чекайть трохи — изъ-за кордону прійдутъ, *они* дадутъ ляхамъ знати, що то такого русины...

— А най *) прійдутъ *они*. Най буде и кнутъ и плеть, и Сибирь, и, дѣдко **) ихъ знае, що они еще тамъ маютъ, най все буде, що бы только отъ ляховъ *они* волю поотберали.

Но по имени насъ назвать, назвать, *кого* ждутъ на выручку изъ-за кордона, ни одинъ не отважился.

Вражда и презрѣніе къ восточной церкви и ко всему восточному всасываются поляками съ молокомъ матери — и вражда эта совершенно понятна. Литовская и кіевская Русь хоть и вошли въ составъ Рѣчи-Посполитой, но православіе тянуло ихъ все-таки къ Москвѣ, къ столицѣ митрополита *Всея Руси*. Гоненіе на православіе, потомъ на унію, нынѣшнее гоненіе на русскую азбуку, на букву *ѣ*, на церковныя слова въ литературномъ языкѣ, на свѣтскихъ и духовныхъ представителей Руси, стремленіе полячить и католичить эту Русь — все это необходимыя условія существованія Польши. Развѣ можетъ существовать государство, религіозная и умственная жизнь котораго концентрируется за границей? Отчего во Франціи ведется такая ожесточенная борьба съ Римомъ? отчего мы разрушили конкордатъ? Москва тотъ же Римъ для Вильны, Житоміра, Кіева и даже уніатскаго Львова. Москва въ XVI, XVII и XVIII вѣкѣ жила исключительно православіемъ; сами греки признавали ее единственною и законною наслѣдницею Царяграда, да въ добавокъ Москва была *единственнымъ независимымъ* православнымъ государствомъ. Во имя этого православія, какъ и во имя династіи Рюриковичей, во имя Земли Русской, она постоянно заявляла свои права — быть государствомъ *Всея Православной Руси:* могли ли поляки смотрѣть на это спокойно? Ихъ положеніе было вовсе незавидное при подобномъ сосѣдствѣ, и есте-

*) Най — нехай, пусть.

**) Дѣдко — чортъ. Въ язычествѣ у насъ всѣ божества назывались дѣдами. Дѣдушка-домовой.

ственное дѣло, что между ними и нами возникъ вопросъ, кому изъ насъ существовать — имъ или намъ: ни мы, ни они не могли, въ силу своихъ традицій и вѣрованій, отречься отъ гегемоніи надъ Восточной Европой. И вотъ, почти вся польская исторія XVIII вѣка вышла исторіею ужаса передъ нашею пропагандою и нашими подкупами. Каждый православный становился въ ихъ глазахъ измѣнникомъ польскаго государства, каждый священникъ — предателемъ отечества. Они въ страхѣ то и дѣлали, что отыскивали агентовъ *царицы*, которые, будто бы, развозили рубли и воззванія по православнымъ монастырямъ, и вѣшали всякихъ офеней, коробочниковъ, богомазовъ, кулаковъ и т. п. несчастныхъ, принимая ихъ за эмисаровъ русскаго правительства. Что дѣлалось сто лѣтъ назадъ, то самое происходитъ и понынѣ въ Галичинѣ. Сеймъ, Голуховскій, публицистика, польское общество, въ каждомъ русскомъ, который не измѣняетъ своей народности, видятъ человѣка, подкупленнаго нами, и преслѣдуютъ его какъ только могутъ. Имъ вездѣ и во всемъ мерещится русская пропаганда, русскіе рубли, русское наущеніе — а у насъ, къ стыду нашему, даже и консула-то нѣтъ во Львовѣ *), такъ что мы лишены возможности даже знать, чтó именно происходитъ въ Галичинѣ, не говоря уже про то, чтобъ помогать тамошнимъ нашимъ братьямъ.

Чтобъ примириться съ поляками, галицкому русскому надо отречься сперва отъ всякаго сочувствія къ намъ — это значитъ ругать насъ наповалъ, ненавидѣть православіе и быть готовымъ идти въ повстанье. Но было бы еще хорошо, еслибъ польскія требованія могли этимъ и ограничиваться — въ томъ-то и бѣда, что, для возсозданія Польши, полякамъ необходимо требовать отъ русскихъ дальнѣйшихъ уступокъ. Во-первыхъ, русскіе должны очистить свой литературный языкъ отъ всѣхъ церковныхъ и старинныхъ словъ (непонятныхъ полякамъ) и пополнить его словами, заимствованными съ польскаго. Писать должны они какъ говорятъ, а говорить должны какъ пишутъ — это значитъ имъ слѣдуетъ порвать всякую связь съ своею старинною литературою, съ своими лѣтописями, съ церковью, — сло-

*) Консула у насъ во Львовѣ до сихъ поръ нѣтъ. Мы на это не рискнули. Мы завели консула въ Черневцахъ, но на сколько онъ спеціалистъ по буковинскому и галицкому вопросу, покуда не знаемъ.

вомъ, забыть все свое прошедшее и начать историческую жизнь заново. Хоть русскія буквы и употребляютъ всѣ православные словяне, то-есть, что-то около 60,000,000 европейцевъ, и хоть употребленіе это идетъ отъ Тріеста на Адріатическомъ морѣ до Новоархангельска на американскомъ берегу Тихаго Океана, отъ Царяграда до Соловецкаго Монастыря, но этихъ буквъ не употребляютъ ни французы, ни нѣмцы, ни мадьяры, ни поляки, чѣмъ и доказывается, что латинская азбука и облагораживаетъ народы, и прогресу содѣйствуетъ, поэтому и малорусамъ съ бѣлорусами слѣдуетъ писать латинскими буквами, и такимъ образомъ не имѣть никакихъ сношеній съ нами. Точно такъ же и съ уніею слѣдуетъ распорядиться. Восточный обрядъ, достояніе народовъ *полуварварскихъ* и, главное, опасное орудіе въ рукахъ русскихъ: малоросу слѣдуетъ стараться всѣми силами очистить этотъ обрядъ отъ *средневѣковыхъ*, запоздалыхъ *безобразій* и сблизить его, сколько возможно, съ латинскимъ. Затѣмъ — ну, затѣмъ даже по-малорусски говорить не слѣдуетъ, потому что смѣшно же говорить по-хлопски, когда есть образованный языкъ, какъ смѣшно ходить въ церковь, когда костелъ есть, смѣшно называть себя русскимъ, когда можно назваться полякомъ...

Это все очень печально; но поляки иначе поступать не могутъ — исторія Польши такъ сложилась.

Не вѣтреность поляковъ, не шляхта, не іезуиты погубили Польшу — она, просто-на-просто, не могла выжить подлѣ насъ, исповѣдывавшихъ всѣмъ нашимъ бытомъ нашу покорность передъ плахой, крѣпостнымъ правомъ и грабежемъ приказныхъ, нашу готовность все вынести и всѣмъ пожертвовать во имя единства Земли Русской, во имя торжества нашего государства, представителя Вѣры Православной, надъ внѣшними врагами. Польша также не могла выжить подлѣ насъ, какъ не можетъ выжить теперь ни Австрія, ни Турція, потому что насталъ часъ освобожденія не только единовѣрныхъ намъ народовъ, но уже и единоплеменныхъ, изъ-подъ чужеземнаго ига. Прочныя государства, государства слитыя изъ народовъ единоплеменныхъ, не боятся сосѣдей: что̀ намъ Прусія, и что̀ мы Прусіи? Отчего намъ въ голову даже не приходитъ, чтобъ англійское золото могло составить у насъ враждебную нашему государству партію, или, чтобъ французская пропаганда могла поколебать въ насъ любовь къ Россіи? А взгляните на поля-

ковъ въ Галичинѣ, на Австрію, на Турцію — тамъ только то и кричатъ, что недовольство тамошнихъ славянъ ихъ правительствами производится нашими эмисарами и нашими полуимперіалами. Это вопіющая ложь — ни наше правительство, ни наша читающая публика не имѣютъ даже достаточнаго понятія о славянахъ, чтобъ *съумѣть* сыпать имъ деньги; даже не знаютъ, на что служить имъ могли бы деньги. Но мы допустимъ, что деньги и эмисары дѣйствительно льются отъ насъ въ Австрію и въ Турцію ніагарскимъ водопадомъ; допустимъ, что наше правительство и общество дѣйствительно подкупаютъ славянъ — спрашивается тогда, что жъ это за государства, существованіе которыхъ зависитъ отъ золота ихъ сосѣда? Отчего же иностранное золото не потрясаетъ ни Швеціи, ни Италіи, ни Германіи, ни даже какой-нибудь Испаніи или Румыніи? Боязнь иностранныхъ агентовъ и иностранныхъ подкуповъ — знакъ, что государство не увѣрено въ возможности своего существованія, знакъ, что оно само чувствуетъ приближеніе своей смерти. Умерла Польша, какъ политическая особь, умираетъ Турція, Австрія и Венгрія — умираетъ міръ государствъ безъ опредѣленной народности, государствъ, существованіе которыхъ опирается только на трактатахъ, на историческихъ воспоминаніяхъ, на правѣ давности...

За что львовскій сеймъ и Голуховскій такъ неутомимо преслѣдуютъ русское духовенство? — за его привязанность ко всему русскому; а эта привязанность мѣшаетъ ополячиванью малорусовъ, ополяченье которыхъ необходимо для великой справы возсозданія Польскаго Государства. Вотъ что̀ писалъ въ «Словѣ» священникъ отецъ Иванъ Наумовичъ въ отвѣтъ «Газетѣ Народовой», которая требовала съ него отречься «отъ всякой wspolności z Moskwą i z szyzmą», если онъ хочетъ получить хорошій приходъ. Отецъ Наумовичъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ галицкихъ дѣятелей, отличный ораторъ на сеймѣ, ловкій діалектикъ, и потому поляки страшно ненавидятъ его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ замѣтилъ, что имъ *кнута* нужно, чтобъ заставить ихъ понять свои отношенія къ малорусамъ.

«Такъ вотъ стало, говоритъ онъ («Слово», 1866 г., № 83), ультиматумъ; wyparcie się wszelkiej wspolności z Moskwą i z szyzmą! А извѣстно, что подъ *Москвою* «Газета Народовая» разумѣетъ не городъ Москву, какъ весь свѣтъ, ни *русское пра-*

вительство, имѣть съ которымъ какія-нибудь незаконныя связи для меня, австрійскаго подданнаго, было бы дѣло преступное; оно разумѣетъ народъ русскій, живущій въ Имперіи Россійской. Не стану ей тутъ толковать, что *народа московскаго* на свѣтѣ нѣтъ, что на всѣхъ картахъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ стоитъ только: Россія, Rossya, Russko, Russland, Russie — Русскіе, Russove, Russes, Russians и пр., а нигдѣ не попадается карты *Москвы*, какъ края или державы. Для «Газеты Народовой» исторія, филологія, этнографія, которая не совпадаетъ съ фантазіями Духинскаго et Comp., все zfałszowane — такъ и всѣ эти карты zfałszowane. Но я принимаю выраженіе «Москва» въ ея смыслѣ, и осмѣливаюсь, апелируя къ здравому разуму всѣхъ поляковъ, спросить, правда ли, что Rusin i Moskal — два совершенно чуждые другъ другу народа, и возможно ли мнѣ, человѣку уже, безспорно, русскому, отречься отъ Москвы и раскола (схизмы) за какой бы тамъ ни было приходъ?

«Что бы тамъ ни было, но нельзя же отрицать, что въ Москвѣ, хоть бы и въ самой такъ-называемой *матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной*, живутъ *люди*. Какъ человѣкъ, я не могу отречься ни отъ одной естественной связи съ *людьми*.

«Какъ христіанинъ, да еще, сверхъ того, проповѣдникъ ученія христова, не могу я не видѣть въ Москвѣ моихъ ближнихъ, *братій*, не могу ихъ не любить, или меньше любить, чѣмъ люблю ближнихъ и во Христѣ братій въ Краковѣ, въ Варшавѣ, въ Познани.

«Какъ славянинъ, не могу въ Москвѣ не видѣть славянъ.

«Какъ русскій человѣкъ, не могу въ Москвѣ не видѣть русскихъ людей. А хоть я малорусинъ, а тамъ живутъ великорусы, хоть у меня выговоръ малорусскій, у нихъ великорусскій — такъ такой и я русскій, и они русскіе, какъ мазуры и великополяне и, такъ-называемые, васерполяки имѣютъ свои особенности, свой выговоръ, свою простонародную литературу, но всѣ сходятся въ томъ, что всѣ они поляки и у всѣхъ одна общая книжная литература, общій книжный литературный языкъ... «Газета Народовая», утверждая, что Rusin и Moskal — два совершенно чуждые другъ другу народа, поставила парадоксъ подъ которымъ подписаться не позволяетъ мнѣ древній лѣтописецъ Руси, и противъ котораго протестуютъ всѣ величайшіе славянскіе авторитеты; Шафарикъ зналъ одну mluvu rusku и нарѣчія

velko, malo и bjelo-русскія. Что касается выработки нашего малорусскаго языка въ книжный языкъ, то нельзя отрицать, что народъ въ 15,000,000, (т. е. вдвое, сколько всѣхъ поляковъ на свѣтѣ), могъ бы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, образовать свою собственную, независимую отъ великорусской, литературу; а слилась бы она или не слилась съ существующимъ уже книжнымъ русскимъ языкомъ, было бы вопросомъ будущаго. Но если этого не сдѣлалось, то кто же въ томъ виноватъ, какъ ни сами поляки, подъ владѣніемъ которыхъ столько вѣковъ жилъ малорусскій народъ и подъ властью которыхъ (большинства въ сеймѣ) живетъ здѣсь и понынѣ? Великорусы лучше умѣли пользоваться обстоятельствами. Они къ своему родному великорусскому нарѣчію примѣшали классическое церковнославянское и живое малорусское и изо всего этого, при помощи ученыхъ велико-мало-и бѣлорусовъ, образовали *общій русскій книжный языкъ*, который всѣмъ русскимъ племенамъ равно доступенъ и равно далекъ отъ простонароднаго говора великорусскаго, какъ и отъ мало-и бѣлорусскаго. Для выработки же малорусскаго нарѣчія оставалось было еще *одно поле*, т. е. Галичина, гдѣ по истинѣ благопріятствовало ему не очень распространенное знаніе книжнаго русскаго языка, роскошно обработаннаго въ Россіи, и великорусскаго произношенія. Я самъ былъ подвижникомъ на этомъ поприщѣ и думалъ, даже до конца послѣдняго засѣданія галицкаго сейма, что поляки, братья славяне, имѣющіе на сеймѣ преимущество составлять большинство, приложатъ всевозможныя усилія, чтобъ, поданіемъ нашимъ народнымъ школамъ и другимъ учрежденіямъ братской помощи, поставить насъ въ возможность выработать наше малорусское нарѣчіе въ независимое отъ великорусскаго. Голосъ мой, при предложеніи посла (депутата) Лавровскаго о глупыхъ 3,000 ренскихъ гульденовъ для нашего, ультрамалорусскаго театра, былъ лебединою пѣснью, съ которою упала послѣдняя надежда на братство сосѣдей поляковъ и самый исключительный малорусскій патріотизмъ, котораго первые поборники за кордономъ (т. е. въ Россіи), потерявъ послѣднюю опору на галицкомъ сеймѣ, перешли прямо въ великорусскій станъ, потому что ясно стало, что если малорусъ не хочетъ сдѣлаться полякомъ, то у него только одно прибѣжище — выработанная, готовая, богатая книжная *русская* литература. А кто въ этомъ хоть и малѣйшее имѣетъ сомнѣніе, пусть только внима-

тельно читаетъ «Газету Народовую», и пойметъ онъ, какъ нельзя ясно, для чего въ Галицкой Руси поисчезли всѣ народныя партіи и стало одно общее мнѣніе, котораго вѣрнымъ выраженіемъ служитъ наше львовское «Слово».

«Пойдемъ дальше. Возможно ли мнѣ отречься wszelkiej wspolności z Moskwą i z szyzmą? Я греческаго обряда, и этого же обряда Москва держится. Какъ уніата, меня съ римской церковью связываютъ *три* догмата: о главенствѣ папы, о происхожденіи св. Духа и о чистилищѣ, а съ Москвою все остальное: тотъ же самый Богъ, единый въ Троицѣ, тѣ же самыя св. тайны, та же самая библія, буква въ букву, тѣ же самые святые отцы, та же самая, отъ тѣхъ же вселенскихъ учителей происходящая, литургія, тѣ же самыя боговдохновенныя молитвы и пѣснопѣнія, тѣ же самые праздники, тотъ самый языкъ церковнославянскій, то же самое лѣтосчисленіе. У насъ рождество — въ Москвѣ рождество; у насъ богоявленье — въ Москвѣ богоявленье; у насъ мясопустъ — въ Москвѣ мясопустъ; у насъ поклоны — въ Москвѣ поклоны; у насъ «Христосъ воскресе» — въ Москвѣ «Христосъ воскресе» и пр. Съ Москвою, несмотря на унію и на обрядовыя аномаліи уніи, меня Господь Іисусъ Христосъ и общеніе святыхъ вяжетъ, потому что я молюся о всей *о Христѣ* братіи нашей, а мои праотцы, записанные въ помянникахъ нѣсколько вѣковъ назадъ, одни были уніаты, а другіе православные. Такъ ужъ если отречься wzelkiej wspolności z Moskwą, то значитъ: перестать быть русскимъ, христіаниномъ, славяниномъ, отречься греческой церкви, греческаго богослуженія, лѣтосчисленія, праотцовъ своихъ и сдѣлаться — чѣмъ? Если ужъ не язычникомъ, то Духинскимъ, предателемъ церкви отцовъ и дѣдовъ своихъ, отступникомъ Руси? Спрашиваю саму «Газету Народовую», можно мнѣ это сдѣлать?

Теперь разберемъ здраво, возможно ли мнѣ отречься wszelkiej wspolności z szyzmą?

«Никому, а подавно «Газетѣ Народовой», подъ вѣдомствомъ которой я, какъ священникъ, не состою, не принадлежитъ право сомнѣваться въ преданности моей уніи, пока я пребываю въ общеніи съ св. римскою церковью, исповѣдую *всѣ* ея догматы, почитаю видимаго главу церкви, папу римскаго, и за него всенародно молюся. Что касается обряда, я могу имѣть убѣжденіе, что онъ у насъ искаженъ и что нужно его очистить (т. е. отъ латинскихъ прибавокъ). Убѣжденіе это было и есть

не только мое, но и каждаго, кто хоть какое-нибудь понятіе имѣетъ о греческомъ обрядѣ, какъ то ясно выражено въ пастырскомъ посланіи къ перемышльской епархіи 28-го іюня 1862 г.: Hic ritus, jam propter suam vetustatem venerandus, quod vobiscum, dilectissimi fratres, *inter gemitus* palam profitemur, de primitiva sua puritate et eximio splendore tantum amisit, *ut vix orientalis dici queat*, et a ritu graeco, sicut et a latino aeque remotus est. Правды этой дѣвать некуда; но иное дѣло *убѣжденіе,* а иное дѣло *повиновеніе* власти. Какъ священникъ, я считаю своимъ долгомъ, и даже помимо убѣжденія, исполнять въ точности, чтò мнѣ велитъ церковная власть. Предпославши это, перехожу къ смѣшному требованію «Газеты Народовой», чтобъ я отрекся *всякой* связи съ схизмою, т. е. восточною церковью. А какъ же это сдѣлать? Какъ мнѣ теперь войти въ церковь? Вóльно еще мнѣ трижды перекреститься? Нѣтъ не вольно, потому что именно такъ крестится схизма, а я долженъ отречься отъ всякой общности съ нею. Начну съ богослуженія: «благословенъ Богъ нашъ»... Нѣтъ, нельзя — такъ начинаетъ вся схизма отъ Соловецкаго Монастыря на Бѣломъ Морѣ, вплоть до береговъ Далмаціи, а мнѣ поставленъ ультиматумъ: отречься *wszelkiej* wspolności z szyzmą. Да это еще что! Мнѣ даже войти нельзя въ мою церковь, хоть бы въ ту самую, которую я своимъ трудомъ, любовью братчиковъ и щедротами высокихъ благодѣтелей соорудилъ, потому что, знаете ли, на престолѣ этой церкви лежитъ — о, горе! — евангеліе, изданное за *благословеніемъ четырепрестольныхъ патріарховъ,* — стало уже рѣшительно *схизматическое!* Каждый здравомыслящій человѣкъ пойметъ, что для исполненія условій, подъ которыми «Газета Народова» можетъ рѣшиться ввѣрить мнѣ приходъ Глѣбовичъ — надо попросту отречься и обряда и народности, и сдѣлаться настоящимъ полякомъ. Счастье мое, что vanae sine viribus irae «Газеты Народовой».

«И удивляться теперь, что съ такими варварскими *засадами* (принципами) Полонія падаетъ! Развѣ это не естественно? Положимъ, что Польша воскресла, Польша въ старыхъ границахъ, въ которыхъ мѣстилось нѣсколько мильоновъ русскихъ схизматиковъ, что дѣлала бы съ ними *власть,* когда *безсиліе* нынѣ открыто исповѣдуется: Szyzmatycy są istotnie i sprawiedliwie prześladowani w Galicyi! Благословить слѣдуетъ намъ наше австрійское правительство, подъ гуманными законами котораго живутъ на Буковинѣ, живутъ спокойно и nie prześladowani са-

мые коренные moskale, русскіе старообрядцы, а живутъ спокойно потому, что тамъ еще не добралась до нихъ ни власть сеймоваго польскаго большинства, ни языческое бѣснованіе «Газеты Народовой»... «Газетѣ Народовой» хочется съ лица земли стереть Москву и схизму, и нести на Востокъ западную цивилизацію. Желаю ей въ этомъ успѣха, но мнѣ сдается, что осуществленіе этихъ дерзкихъ замысловъ не обойдется безъ большихъ затрудненій! Что же меня касается, я бы покорно просилъ «Народовую» выпустить меня изъ подъ своей опеки — я уже совершеннолѣтній и имѣю нѣкоторыя свои убѣжденія, оставить которыя могу только съ самою жизнью».

II.

Что о. Наумовичъ говоритъ, то говоритъ и каждый галицкій священникъ. Чѣмъ больше стараются ихъ ополячивать, чѣмъ больше мѣшаются въ русскія дѣла, тѣмъ шире и шире раздвигается бездна, отдѣляющая Русь отъ Польши. Неделикатность поляковъ и безтакность ихъ — поразительны; на нихъ точно проклятіе какое лежитъ, что они не понимаютъ своихъ собственныхъ интересовъ и, стремясь возстановить Польшу въ старыхъ границахъ, сами же возбуждаютъ ненависть къ себѣ большей половины населенія старой Польши. Они мѣшаются въ такія дѣла своихъ названныхъ братьевъ, малорусовъ, въ которыя именно *имъ-то* мѣшаться бы и не слѣдовало. Что за дѣло котоликамъ мѣшаться въ богослужебные обряды уніатовъ или православныхъ? Люди, которые употребляютъ латинскую абецеду, и потому незнакомы ни съ церковнымъ, ни съ древнерусскимъ языкомъ, развѣ могутъ имѣть право указывать своимъ братьямъ, употребляющимъ славянскія буквы и выросшимъ на старинныхъ славянскихъ и русскихъ книгахъ, какъ писать и какія слова употреблять и не употреблять? Неужели же справедливо было бы изгнать изъ малорусскаго правописанія *ѣ*, только потому, что ренегаты и потомки ренегатовъ не знаютъ, гдѣ ставить эту букву? И гдѣ жъ, наконецъ, смыслъ въ этомъ преслѣдованіи *московскаго* языка и *московской* литературы? почему не слѣдуетъ ничего читать пообщерусски, чтобъ быть dobrym polakiem?

Сдѣлаю еще выписку изъ того же нумера «Слова», который я взялъ на удачу — всѣ нумера «Слова» одинаковы, во всѣхъ одинъ и тотъ же протестъ противъ нападокъ «Газеты Народовой» на самостоятельность и самоправность Южной Руси. Священникъ о. Степанъ Григоришинъ, защищая «Слово» отъ обвиненья, будто оно занимается только возбужденіемъ ненависти къ полякамъ, а жизненныхъ вопросовъ края даже и не трогаетъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Если «Слово» часто затрогивало вопросъ о существованіи и о несуществованіи цѣлаго галицко-русскаго народа, то оно вынуждено было на это, — потому что того требовало общественное мнѣніе народа, а еслибъ мы видѣли, что «Слово» не затрогиваетъ жезненнѣйшаго нашего вопроса, т. е. не поддерживаетъ нашей народности, то мы на него не подписывались бы. Чтò толку человѣку во всемъ его благосостояніи, если ему грозитъ смертъ? Поэтому и существованіе народа имѣетъ такое значеніе, передъ которымъ всѣ другіе вопросы отступаютъ на задній планъ.

«Стремленіе «Газеты Народовой» et consortes клонится только къ тому, кàкъ бы русскій народъ лишить его народности. Стремленіе это очевидно. Сперва надо искоренить русскій языкъ, потомъ русское богослуженіе, и дѣло затѣмъ будетъ легкое.

«Идетъ дѣло о томъ, чтобъ изъ русскихъ выдѣлать поляковъ и на ихъ плечахъ поставить Польшу въ старыхъ границахъ. Какова будетъ эта Польша можно видѣть изъ того, что мазуры, уже самые коренные поляки, даже и знать о ней не хотятъ.

«Народовка» говоритъ: *уступка полякамъ страшное огорченіе «Слову»*. Какъ же она, бѣдная, ошибается! Ужъ если кто, то именно мы, русины, желаемъ полякамъ наибольшихъ наиобширнѣйшихъ, благъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Каждый день молимся: «Ненавидящія и обидящія насъ прости Господи»; а Narodów-кѣ «дай знаніе и опамятаніе!»

«Но любовь къ ближнему такъ далеко не заходитъ, чтобъ позволить скривдить себя въ томъ, что всего дороже; у насъ есть обязанности къ нашему народу, и то, чтò намъ передали цѣлымъ наши предки, мы должны цѣлымъ передать нашимъ наслѣдникамъ, а именно: вѣру нашу русскую, народность русскую, языкъ русскій, грамоту русскую и нашу русскую землю, со всѣми принадлежащими ей правами и преимуществами.

«Narodów-ка» пишетъ: «Slowo» narzeka na ucisk Rusi, jeżeli gmina bedzie mieć prawo o języku uchwalać» («Слово» жалуется на притѣсненіе Руси, если община будетъ имѣть право рѣшать вопросъ объ официальномъ языкѣ). И тутъ она ошибается. «Слово» и всѣ мы стоимъ на томъ, чтобъ это дѣлалось честно и добросовѣстно. Но, къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что польская опека такъ далеко распространилась на сельское населеніе, что оставила его въ величайшемъ невѣжествѣ, такъ далеко, что оно не можетъ даже обороняться противъ злоумышленныхъ происковъ, потому что его понятія о правѣ совершенно ребяческія.

«Забыла что ли «Narodówka», какъ говорилось: «ja niechcę aby chłop umiał czytać, aby mię nie procesował («*не хочу я, чтобъ хлопъ умѣлъ читать: онъ мнѣ еще процесы будетъ дѣлать*»)? Боится, что ли, правый человѣкъ процесовъ? А если, помимо того, выучивался хлопецъ у дьяка читать, то его мандаторы (управители имѣній, прикащики) за наказаніе въ рекруты сдавали. Отъ такой-то опеки глубокая темнота обняла народъ, а панове поляки, пользуясь ею, говорили хлопу: «*а якъ вы хцеце, бы до васъ писано? не правда, же такъ, якъ тэразъ до васъ мôвемы, а бы-сьце розумѣли? а може по нѣмецку?*» на что̀ темные люди, разумѣется, отвѣчали: «а та̀къ, та̀къ! мы не умѣемъ по-нѣмецки.

«Панове поляки не могли въ восемнадцать лѣтъ научиться русской азбукѣ, когда ребенокъ въ третьемъ классѣ гимназіи въ полчаса выучивается греческому алфавиту, а черезъ часъ уже и читаетъ...

«При такихъ заявленіяхъ отвращенія и злобы ко всему русскому, и при силѣ, которую имѣютъ панове ляхи, при темнотѣ простаго народа, въ какую его погрузили ляхи, можно развѣ разсчитывать, что русская община всегда такъ рѣшитъ, какъ того требуетъ сама природа, правда и разумъ? А когда *народолюбцы* глаза раскрываютъ общинѣ, что̀ говоритъ «Narodówka»? «świętojurcy-popi do niczego niech się nie mieszają, jeno do cerkwi» («святоюрцы-попы пусть ни во что не мѣшаются: ихъ дѣло только церковь»). Разумѣется, что это не касается księdzów...

«Разъ, что ли, бывало, что, какъ русскій человѣкъ заговоритъ съ паномъ полякомъ по-русски, такъ и услышитъ отъ него непріятности? Удивительно ли, что громадянинъ, не могучи еще освоиться съ конституціонными идеями и все еще труся

нагайки, мучится, коверкаетъ слова, чтобъ въ окружномъ правленіи говорить будто по-польски, тогда какъ дома, въ громадѣ и съ священникомъ, другого языка, кромѣ русскаго, и не употребляетъ.

«А не видѣли мы, что ли, какъ на сеймѣ наши послы (депутаты) хлопы отлично говорили по-русски и домогались русскаго языка въ громадахъ и въ школахъ? Нужно тутъ еще спрашивать русскія громады, какого онѣ себѣ языка хотятъ? А хочется вамъ, панове поляки, спрашивать — ладно; такъ спрашивайте, какъ мы уже сказали, у такихъ людей, которые пользуются довѣріемъ народа и не хотятъ баламутить его безчестными продѣлками. Само собою разумѣется, что *перекинчиковъ* мы къ русинамъ не причисляемъ. Здравый разумъ говоритъ, что громада иначе присудить не можетъ, какъ: гдѣ gmina polska, тамъ языкъ польскій, а гдѣ gmina ruska, тамъ языкъ былъ бы русскій, а гдѣ gmina mięszana, языкъ былъ бы и польскій и русскій. Но, чтобъ не поступалось такъ справедливо, уже теперь Narodówka начинаетъ теоризовать чиновниковъ, что удалены будутъ тѣ, которые непреклонны къ *исключительно* польскому элементу, въ чемъ «Narodówka» возлагаетъ надежду на графа Голуховскаго... Мы не знаемъ польскаго правительства, мы признаемъ только правительство его величества императора Австріи.

«Опека всегда въ тягость, и совѣтуемъ мы Narodówk'ѣ», чтобъ она ужъ разъ перестала опекунствовать надъ нами, русинами; мы въ ея опекѣ вовсе не нуждаемся и безъ нея обойдемся. Пусть лучше она опекунствуетъ надъ мазурами, которые не хотятъ признаваться, что они поляки, а насъ пусть въ покоѣ оставитъ.

«Zniesienie grażdanki nie jest tylko żądaniem polaków, ale oraz i rusinów, którym leży dobro i przyszłość narodu na sercu. *Отмѣна гражданской азбуки—желанье не только поляковъ (!) но вмѣстѣ и русскихъ* (перекинчиковъ), *у которыхъ лежитъ на сердцѣ благо и будущность народа* (т. е. Польши въ старыхъ границахъ, на русскихъ плечахъ).

«Вельможная пани Narodówka»! да развѣ форма буквъ можетъ создать dobro narodu?

«Кирилица — старинное церковное письмо, а гражданка — украшенная и закругленная кирилица. А какъ вы, панове по-

ляки, прежде писали и кàкъ теперь пишете *)? Есть у насъ подъ руками ваши старыя и новыя книги, могли бы мы вамъ показать...

«Вы выступаете противъ скорописи! Ваши бецирковые (волостные) полономаны хотѣли, чтобъ русины подавали правительству бумаги, писанныя кирилицею (т. е. уставомъ) — печатными буквами, а между тѣмъ, каждый народъ имѣетъ свою скоропись, даже турки, армяне и т. п., потому что, чтò за часъ напишетъ, долженъ бы былъ цѣлый день вырисовывать. Посмотрите же на нашу старинную галицко-русскую скоропись, которая сохранилась въ старыхъ метрикахъ и древнихъ, нѣсколько вѣковъ назадъ писанныхъ граматахъ, и никому не мѣшала эта скоропись во времена вашего królewstwa, а теперь вотъ и мѣшаетъ, да еще кому? латинскому духовенству!... А вѣдь съ 1848 года по настоящее время преподавалась скоропись въ школахъ. Не наша же вина, если вы не хотѣли ей учиться; но духовенство-то ваше знаетъ, что оно живетъ тутъ на испоконной русской землѣ и что ему необходимо научиться по-русски, тѣмъ болѣе, что русское духовенство научилось по-польски, хотя поляки тутъ не болѣе какъ пришельцы».

«Гнѣвается Narodówka», что мы признаемъ себя *русскими*. Чѣмъ народъ есть, тѣмъ себя и чувствуетъ, тѣмъ себя и признаетъ. А еслибъ мы сказали, что мы не русскіе, а французы или нѣмцы, *а що кому до того?..*

«Мазуры говорятъ, что они не поляки—кто жъ ихъ нудитъ быть поляками?

«Дальше вы говорите, что мы схизмы хотимъ, — а вы хотите положить въ галицкой Руси основаніе Польши *отъ моря и до моря*. Теперь вѣдь вольно каждому заявлять свое мнѣніе, какъ кто захочетъ. Ну, а захотѣли бы мы лютеранами подѣлаться, развѣ намъ не вольно это? Упрекаемъ мы, что ли, васъ, что у васъ есть лютеранскіе обряды? Вѣдь у васъ есть кресты, костёлы, органы, какъ и у нихъ. Упрекаемъ мы васъ въ этомъ? Ваши братья даже и на бусурманство попереходили, какъ Бёмъ, Чайковскій и много другихъ, а мы черезъ это не задѣваемъ польскій народъ; пусть же и насъ панство не задѣваетъ—вѣдь

*) Прежде поляки писали и печатали готическими буквами, какъ и до сихъ поръ въ Австрійской Силезіи. Готическія буквы совершенно также относятся къ латинскимъ, какъ наши церковныя къ гражданскимъ.

въ схизмѣ, все-таки, семь таинствъ, а въ бусурманствѣ ни одного нѣтъ.

«Что у насъ тотъ же обрядъ, что у нашихъ братьевъ, великорусиновъ, то совершенно естественно, потому что мы греческаго и они греческаго обряда, и мы хотимъ постоянно держаться этого обряда, тѣмъ болѣе, что, черезъ вкравшееся къ намъ латинство, сдѣлалось wszystko jedno—możecie chodzić do kościoła (все едино—можете въ костёлъ ходить). А въ церковь? Boże broń, to nie wszystko jedno (сохрани Господи — это не все равно)! И чрезъ эти-то махинаціи нѣкоторыхъ вашихъ ксёндзовъ, многіе попереходили на латинскій обрядъ, а съ обрядомъ и народность свою оставили и ополячились. Отсюда-то, панове, и зависть, что, черезъ очищеніе греческаго обряда отъ латинской примѣси, кладется рубежъ между вами и нами, и что не можно будетъ создать Польши на русскихъ плечахъ.

«Мы не контролируемъ вашихъ дѣлъ — чѣмъ же наши мѣшаютъ вамъ? А наши вамъ очень мѣшаютъ. Мы употребляемъ ту же письменность, какая у насъ вѣками употреблялась, и вы говорите нашему монарху: у галицкихъ русиновъ та же письменность, что и въ Россіи; стало быть, они опасны въ политическомъ отношеніи; душить ихъ нужно, польскую абецеду имъ навязать, чтобъ они ополячились и помогли возсоздать Польшу.

«А святому отцу, папѣ, говорите: у австрійскихъ русиновъ такіе же обряды, какіе и у *россіянъ* — душить ихъ нужно, чтобъ на схизму не перешли; иначе сказать, нужно ихъ облатынить и тѣмъ ополячить, чтобъ они помогли намъ возсоздать Польшу *отъ моря до моря*. А русины объ томъ и слышать не хотятъ. Inde irae, inde clamores!

«Знаете ли вы, что нашъ папа повелѣлъ намъ всецѣло сохранять обрядъ, преданный намъ отъ святыхъ отецъ, и ввѣрилъ намъ его цѣлость и правильность? А знаете ли вы, что значитъ слово, данное святымъ отцомъ?

«Мы не хотимъ ни ляхами быть, ни быть подъ ляшскимъ правительствомъ. Поэтому-то вы и интригуете, какъ бы подорвать довѣріе къ намъ его величества цѣсаря и у папы, и тѣмъ погубить насъ. Но напрасны труды ваши! Вся образованная Европа хорошо это видитъ и знаетъ, и не дастъ такъ легко отвести себѣ глаза *).

*) Здѣсь отецъ Степанъ Григоришинъ, само собою разумѣется, ошибается и ошибается жестоко. Не только необразованная Европа ничего не видитъ и

«Газета Народовая» говоритъ тоже, że rusinizm w Moskwie prześladowany jest równo z polonizmem (малороссійское направленіе преслѣдуется въ Россіи наравнѣ съ польскимъ).

«Эхъ, братцы, что жъ вы толкуете! Кто преслѣдуетъ полонизмъ? Да вѣдь недавно еще, до 1831 года, у васъ было свое польское войско, свои польскіе финансы, своя администрація польская, свои костёлы польскіе. Вы были въ такомъ положеніи, въ какомъ насъ даже самая разгоряченная конституціонная фантазія не можетъ представить — а были вы этимъ довольны? Ни-чуть! Вы думали о томъ, какъ уничтожить Холмскую Русь, да бунты подымать, и гнѣваетесь, что Россія усмирила васъ силою оружія.

«А развѣ Австрія не была вынуждена поступить точно такъ же въ 1846 году?

«А что Россія велитъ вамъ учиться по-русски, такъ развѣ у насъ не велятъ учиться по нѣмецки? Есть въ этомъ что-нибудь необыковенное? Развѣ это не вынуждается государственнымъ единствомъ?

«Что у васъ позакрывали нѣкоторые монастыри — нѣтъ ничего удивительнаго. Пока монахи смиренно служили Господу, не упражнялись въ революціонерствѣ, такъ и сидѣли себѣ спокойно, а какъ стали они вредны правительству, такъ и закрыли монастыри. А развѣ другія державы, какъ въ новѣйшее время Италія, не уничтожили множество монастырей? Что у васъ вводятъ славянскую азбуку — что жъ диковиннаго? Самъ Шафарикъ говоритъ, что вы славяне! А не хотѣли вы, нѣсколько лѣтъ назадъ, да и теперь не хотите, что ли, навязать намъ чужую, латинскую азбуку?

«Говорите, że rusinizm prześladowany (что малорусское направленіе преслѣдуютъ). Слава тебѣ, Господи! Ужъ есть, есть, есть русины, гдѣ недавно еще слышали мы: nie ma Rusi! nie ma!

«Россія rusinizm тѣснитъ? *Кто въ тое вѣритъ, най здоровъ вѣруе!* Мы только то знаемъ, что паны-братья, что подписыва-

ничего не знаетъ, но даже образованная Европа ничего видѣть и знать не хочетъ и чрезвычайно легко даетъ отводить себѣ глаза. То, что происходитъ въ Галичинѣ, мистерія, которой и у насъ не понимаютъ. Мы стоимъ черезчуръ высоко для того, чтобъ понимать, что дѣлается въ подобныхъ краяхъ. Мы интересуемся высшими вопросами, обще-европейской цивилизаціей, но снизойти до Галичины мы, если бы и хотѣли, то не умѣемъ. Вопль галичанъ намъ не слышенъ и не понятенъ.

лись подъ «золотыми грамотами» и баламутили нѣсколько времени чистую воду Украйны, не одно лихо сдѣлали и правдивому малорусизму, но теперь дѣло пошло иначе. Настоящіе русины-украинцы теперь въ Россіи въ гору пошли, а своихъ перекинчиковъ и сами чураются.

«*Кто же хоче слухати, най слухае*».

«Наше послѣднее слово: — Мы ни подъ какимъ условіемъ не сдѣлаемся поляками. Будемъ русскими; русскаго языка, уніи *(но съ обрядомъ, первобытная чистота котораго обезпечена намъ папою)* и правительства австрійскаго хотимъ держаться. А съ недругами нашей народности, которые насъ обсыпаютъ подлыми, отвратительными клеветами, попираютъ народность нашу, языкъ нашъ, безчестятъ предводителей нашего народа — разрывъ на вѣки. Вѣковая исторія довольно насъ научила, что съ таковыми поносителями Руси компромисъ невозможенъ!»

Вотъ оно и выходитъ, что борода-то, въ самомъ дѣлѣ, ростетъ да ростетъ, и что платье далеко не дѣлаетъ человѣка. Подъ католическою сутаною бритаго уніатскаго священника, какъ подъ нѣмецкимъ мундиромъ бритаго русскаго солдата или канцеляриста, бьется сердце завѣтами отцовъ, преданіями и, пожалуй, предразсудками исторіи, ненавистью ко всему иноземному и страстью ко всему своему. Десятки, сотни лѣтъ проходятъ; надъ Галичиною пять вѣковъ рабства прокатило; кажется, что все старое забыто, что народность выродилась, она голосу не подаетъ, она чуть что не ругается надъ своими святынями — и вдругъ, нежданно-негаданно, оказывается, что бритва не только не уничтожила, но еще усилила и угустила бороду!

Государь Александръ Павловичъ, по воспитанію своему, былъ больше иностранецъ, чѣмъ русскій, а настали тяжелыя времена и пришла ему въ голову мысль запустить бороду, надѣть тулупъ и уйти съ народомъ въ Сибирь — и онъ не *постыдился* заявить это рѣшеніе, и народъ его понялъ.

Исторія валяетъ, повидимому, вкривь и вкось: то татарщиною пропечетъ, то самозванщиною протрясетъ; тамъ унія, здѣсь расколъ; тутъ нѣмцы на шею сѣли, тамъ поляки шпорятъ, на одномъ концѣ все пошло смѣсью французскаго съ нижегородскимъ, на другомъ — смѣсью нѣмецкаго съ хохлацкимъ; а вотъ, наступаетъ, у дверей стоитъ, время сліянія во единъ народъ и во едино царство всѣхъ племенъ русскихъ, и оказывается, что

никакія бритвы не уняли роста православныхъ бородъ. Это-то и приводитъ въ отчаяніе поляковъ и въ ужасъ Европу, которая, какими-то непонятными судьбами, сама, въ лицѣ Австріи и Турціи, толкаетъ даже нерусскихъ славянъ въ союзъ съ нами на правахъ Финляндіи (читатель, безъ сомнѣнія, знаетъ, что̀ теперь заговорили чехи, словаки, словинцы, войводинскіе сербы и прочіе славяне, благодаря дуализму барона Бейста). Исторія Россіи—исторія Иванушки-Дурачка: родная печь сама насъ везетъ, и Олёна-Прекрасная сама врѣзываетъ намъ въ лобъ самоцвѣтный камень. И при всемъ-то этомъ, мы такъ беззаботны, такъ нераспорядительны! Развѣ такъ поступали бы французы? Развѣ такъ нѣмцы и итальянцы дѣлаютъ? Большая половина публики даже не знаетъ, что Lemberg или Léopol то же самое, что *Львовъ,* что вмѣсто латинской *Галиціи* на дѣлѣ существуетъ русская *Галичина,* что Agram называется *Загребомъ,* Ragusa—*Дубровникомъ;* что польское Grodno—по-русски *Городно,* а Брестъ-Литовскій—*Берестъ-Литовскій.* Разумѣется, при такомъ обломовскомъ ротозѣйствѣ, да съ остзейскими очками на носу, далеко не уѣдемъ, какъ тоже далеко не уѣдемъ, ѣздя, неизвѣстно зачѣмъ, въ очень далекій Парижъ и, не заглядывая въ подъ носомъ лежащую у насъ Галичину, Румынію, Болгарію, Сербію, Хорватію, Словенско (Словацкій Край), путешествуя по Волгѣ и не удостоивая своимъ посѣщеніемъ верховьевъ Днѣпра и Западной Двины. Американцы и англичане пустыни Америки, Африки и Австраліи изслѣдываютъ, французы въ глубь Китая забираются, во имя науки, во имя знанія—а у насъ, со временъ Хабаровыхъ, Дежневыхъ, Шелеховыхъ, точно перевелось поколѣніе желѣзныхъ pioners, развѣдчиковъ невѣдомыхъ странъ, изслѣдователей неизвѣстныхъ племенъ и загадочныхъ человѣческихъ обществъ. Что съ нами такое? *Отчего у насъ, въ такое горячее время, такое поразительное отсутствіе предпріимчивыхъ личностей? Отчего у нашихъ редакцій такой вопіющій недостатокъ въ толковыхъ кореспондентахъ по дѣламъ славянскаго и православнаго міра?*

Что мы, не доросли или переросли?

Какъ почти нѣтъ хлопа въ Галичинѣ, который не ждалъ бы нашего прибытія, чтобъ избавиться отъ невозможныхъ податей и отъ еврейскаго гнета, такъ почти нѣтъ священника, который не думалъ бы одинаково съ отцами Наумовичемъ и Григоришинымъ. И напрасно было бы думать, что взгляды, высказанные ими въ приведенныхъ отрывкахъ, почерпнуты изъ

нашихъ книгъ или газетъ. Ничуть не бывало: въ Галичинѣ русскія книги рѣдкость, а газеты и подавно. Во Львовѣ получались въ мою бытность, т. е. въ сентябрѣ и въ октябрѣ 1866 года, только «Голосъ», «Русскій Инвалидъ», «Недѣля», «Современная Лѣтопись», «Московскія Вѣдомости», да еще, кажется, «Петербургскій Листокъ». Прочія редакціи не обмѣнивались тогда ни съ «Словомъ» Е. Дѣдицкаго, ни съ «Недѣлею» священника Попеля. Толстые журналы ужъ и вовсе не получаются въ Галичинѣ; о нихъ тамъ даже понятія не имѣютъ; даже самое существованіе ихъ мало кто подозрѣваетъ; и подписываться-то на нихъ у галичанъ капиталовъ не хватаетъ. Да еслибъ и получались по экземпляру каждаго изъ нашихъ повременныхъ изданій, то и тутъ не было бы большаго толку: на 8,000 читателей, все-таки, не хватило бы ни времени, ни возможности ознакомиться съ нашею литературою, съ языкомъ нашего образованнаго общества, съ нашими воззрѣніями и съ нашими стремленіями. Галицкіе русскіе развились и развиваются совершенно самостоятельно, безъ малѣйшей связи съ нами и безъ малѣйшей зависимости отъ насъ: они даже нашего общепринятаго языка не знаютъ, и чтò они пишутъ по-русски, то намъ болѣе чѣмъ трудно читать, по милости множества провинціализмовъ, полонизмовъ, да нѣмецко-латинскаго синтаксиса. Литература ихъ, поэтому, стоитъ совершенно особнякомъ — она и по духу своему, и по направленію, и по языку, равно чужда нашей, провинціальной, южнорусской и польской.

Галичина — маленькій русскій міръ, оторванный отъ общей русской жизни и ведущій пять вѣковъ свою особенную жизнь, жизнь борьбы и усилій къ сліянію воедино съ остальною, забывшею его, Русью. Поэтому-то, изученіе Галичины важно не только въ политическомъ значеніи, которое она начинаетъ теперь пріобрѣтать, становясь яблокомъ раздора между нами и Австріею, православіемъ и католичествомъ, ареною, на которой окончательно разрѣшится судьба бывшаго Польскаго Государства — Галичина имѣетъ еще другое важное значеніе, какъ наглядное, вопіющее доказательство необходимости единства русскихъ племенъ и какъ доводъ, что *собираніе Земли Русской* не интрига правительства и не ухищреніе дипломатовъ, а, просто на просто, инстинктъ Русскаго Народа. Все утратилъ этотъ маленькій край: его дворянство ополячилось, его мѣщане или поополячились или впали въ индеферентизмъ, его купечество не

выдержало конкуренціи евреевъ и исчезло безъ слѣда. Вся умственная жизнь и сознательное чувство народности осталось только въ попѣ, да въ поповичѣ, но и тѣ были уже вбиты нагайками въ унію... Изъязвленный, въ грязь затоптанный, одичалый народъ, народъ съ кругу спаиваемый евреями, казалось, существовать даже пересталъ. Никто о немъ и не вспоминалъ: ни нѣмцы, ни поляки, ни русскіе. *Львовъ* такъ радикально преобразился у насъ въ *Лембергъ,* что официальный языкъ нашъ знаетъ только *Лембергъ,* нѣмецкій городъ, такой нѣмецкій, до такой степени незаботящій насъ, что намъ даже надобности нѣтъ имѣть въ немъ своего консула...

Старое и среднее поколѣніе галичанъ еще видѣло русскихъ въ 1849 году, когда наши войска ходили спасать Австрію отъ мадьяровъ; но, само собою разумѣется, наши офицеры не могли, да и не умѣли сдѣлать что-нибудь для поддержки народнаго русскаго духа въ этомъ несчастномъ краѣ. Новое поколѣніе, особенно по селамъ и по маленькимъ городамъ, не слыхало ни одного слова на нашемъ общепринятомъ языкѣ. На меня смотрѣли, какъ на чудо-юдо морское, прислушивались къ моему произношенію, заставляли меня читать, писать, и были крайне довольны, что черезъ полчаса бесѣды со мною привыкли свободно понимать меня, и что разница между ихъ мѣстнымъ нарѣчіемъ и нашимъ книжнымъ языкомъ, съ его московскимъ *аканьемъ,* дѣйствительно, не мѣшаетъ взаимному пониманью. Жаль только, что, судя по моей худобѣ и болѣзненному виду, они невольно составили себѣ весьма невыгодное понятіе о великорусахъ, или *россіянахъ,* какъ они насъ называютъ съ книжнаго и прежняго официальнаго языка; но вина не моя, если я такимъ образомъ повредилъ репутаціи моихъ многоуважаемыхъ соплеменниковъ; пусть же забираются въ эту глушь люди кровь съ молокомъ, косая сажень въ плечахъ — я увѣряю ихъ, что никто тамъ не усомнится въ ихъ великорусскомъ происхожденіи, какъ сомнѣвались въ моемъ, по милости моего дон-кихотскаго сложенія. Отрѣзанные нелѣпыми трактатами отъ великой семьи русскихъ племенъ, герметически закупоренные въ свое захолустьѣ нашею паспортною системою и устройствомъ нашей границы (которое не столько спасаетъ насъ отъ еврейской контрабанды и отъ польской пропаганды, сколько охраняетъ Австрію отъ нашего вліянія на галичанъ, на угорскихъ русскихъ и вообще на славянъ), галичане страшно идеализируютъ Россію.

У насъ все хорошо, все верхъ совершенства. Наша политика, наша литература, наше общество, наши учрежденія, наши города, чистота нашихъ улицъ и нравовъ, самая физическая наружность каждаго изъ насъ — верхъ совершенства, по ихъ понятіямъ. Хотите обидѣть ихъ или навлечь на себя подозрѣніе, что вы *польскій шпіонъ*—а мнѣ и это случалось—разскажите имъ что-нибудь о темныхъ сторонахъ нашего быта, о сектахъ, напримѣръ, или о нашей прежней безтолковщинѣ въ иностранной политикѣ—и вы увидите, по выраженію лицъ ихъ и по перемѣнѣ обращенія съ вами, что вы ихъ насмерть оскорбили въ ихъ завѣтныхъ вѣрованіяхъ. За то, восторженныя, самыя утрированныя похвалы Россіи отворяютъ вамъ всѣ двери и всѣ сердца, и мнѣ не разъ случалось имѣть неделикатность давать совѣты моимъ тамошнимъ друзьямъ, чтобъ они были осторожнѣе на языкъ съ людьми, которые, какъ я, могутъ явиться безъ всякяхъ рекомендацій — я долженъ былъ въ Краковѣ уничтожить мои рекомендательныя письма, чтобъ никого не компрометировать, а шпіоны, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть подосланы вѣнскимъ Regierung или польскимъ Rządem...

— Откуда жъ, спроситъ меня домосѣдъ-читатель: — взялся у галичанъ такой русскій патріотизмъ?

Статья моя вышла черезчуръ длинна для фельетона. Черезъ нѣсколько дней я разскажу исторію пробужденія русской народности въ галицкомъ духовенствѣ.

III.

Пробужденіе русской народности въ Галичинѣ возникло само собою, безъ всякаго вліянія или толчка со стороны насъ, русскихъ, живущихъ въ Россіи. До сихъ поръ мы ровно ничего не сдѣлали для поддержки русскаго элемента въ этомъ, такъ мало извѣстномъ намъ краѣ Русской Земли, отрѣзанномъ ошибками прошлыхъ поколѣній отъ русскаго государства.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія связь между Галичиной и остальной Россіей была совершенно порвана. Какъ ни худо было въ Австріи, но все же тогда Ав-

стрія была просвѣщеннѣе Россіи; администрація была въ ней честнѣе, гражданскіе законы мягче, и если при Меттернихѣ политическая цензура была не слабѣе нашей, то все же людямъ, не мѣшавшимся въ политику, въ Австріи жилось легче, чѣмъ у насъ. То было время, когда славянскія массы спали непробуднымъ сномъ, и только въ головахъ нѣсколькихъ передовыхъ людей зарождалась и выростала идея о національностяхъ и о правахъ ихъ на самостоятельное политическое существованіе. Извѣстно, что чехи, а за ними хорваты и сербы, возрожденіемъ своихъ національностей обязаны были преимущественно филологамъ, лингвистамъ, историкамъ, антикваріямъ, которые, начавъ изъ любви къ наукѣ собирать данныя о прошедшемъ и настоящемъ бытѣ своихъ соплеменниковъ, полюбили ихъ, возгордились ими и бросили въ нихъ искру патріотизма. Вслѣдствіе изученія граматики необразованныхъ и неразвитыхъ нарѣчій, начались попытки писать на этихъ нарѣчіяхъ; стали придумывать новыя слова для выраженія предметовъ отвлеченныхъ и для замѣны иностранныхъ техническихъ терминовъ народными, стали являться газеты, повѣсти, сборники пѣсенъ, и зародилась мысль о взаимной солидарности всѣхъ славянскихъ племенъ, которая довела и доводитъ славянство до его глубокой любви къ Россіи, какъ къ единственному независимому и могущественному Славянскому Государству, кажущемуся имъ теперь спасителемъ ихъ отъ вѣковаго нѣмецкаго, итальянскаго и турецкаго рабства. Первые начали чехи — за ними хорваты и сербы. Между сербами явился въ то время извѣстный Волкъ (по сербскому произношенію Вукъ) Караджичъ, величайшій знатокъ сербскихъ пѣсенъ и сербскаго языка. Познакомившись съ Гриммомъ, Караджичъ, не получившій никакого научнаго образованія, совершенно подчинился вліянію великаго лингвиста и, по его совѣту, принялъ за правило *писать какъ слышится*, т. е. отбросилъ всякую традиціонную орѳографію буквы *ѣ, ъ, ь, ѳ* — и, во имя *чистоты* сербскаго языка, порвалъ связь его съ церковнымъ, общеславянскимъ языкомъ. Дѣйствительно, стиль, введенный Караджичемъ, представляетъ собою сербскій языкъ во всей его чистотѣ, въ той чистотѣ, въ которой мы видѣли бы нашъ языкъ, еслибъ стали писать и говорить слогомъ нашихъ пѣсенъ, былинъ и сказокъ, т. е. чисто по-великорусски. Это то, чтó хотѣли сдѣлать наши украйнофилы, тоже отвергающіе общеславянское правописаніе,

и ревниво изгоняющіе изъ южнорусскаго нарѣчія всѣ слова, внесенныя въ него церковью, поляками и великорусами. То же самое движеніе происходило — и до сихъ поръ происходитъ — у всѣхъ славянскихъ племенъ, за исключеніемъ развѣ болгаръ, которые не дерзаютъ такъ неблагоразумно обособляться и, во имя чистоты собственнаго языка, порывать связь свою съ остальнымъ славянствомъ *).

Движеніе двадцатыхъ годовъ принесло свою пользу, хотя вовсе не ту, какой ожидали его заводчики. Каждое племя сознало себя, стало учиться граматикѣ, стало гордиться своимъ языкомъ, своимъ прошедшимъ, какъ-бы темно и печально оно ни было, и познакомилось съ невѣдомымъ ему доселѣ чувствомъ народной гордости. Чѣмъ болѣе славяне обособлялись, тѣмъ болѣе они расходились между собою, и тѣмъ болѣе заводились между ними, незнакомыя имъ доселѣ, интриги и ссоры. Каждому хотѣлось преобладать, каждое племя надѣялось сдѣлать свой языкъ общеславянскимъ, и, въ концѣ концовъ, оказалось, что всѣ они безсильны, что ихъ комичныя ссоры и ихъ комичныя интриги для нихъ вредны, что̀ и привело ихъ въ послѣднее время къ убѣжденію въ необходимости принятія нашего литературнаго

*) За это замѣчаніе я получилъ печатный попрекъ; гг. мои рецензенты поняли, будто я издѣваюсь надъ южнорусами, и такъ поняли эту мою фразу люди, которыхъ я не только уважаю, но даже и люблю. Дѣло состоитъ все въ томъ, что нѣтъ народа чистой крови, и что великорусы точно такъ, какъ южнорусы — кровь, само собою разумѣется, мѣшаная. Если каждый изъ насъ, я ли, читатель ли мой, мой ли рецензентъ станетъ докапываться до прадѣда и прабабушки, мы, разумѣется, придемъ къ татарамъ, къ евреямъ, къ финнамъ или къ тому, къ чему пришелъ авторъ Гулливера, разбирая, откуда происходитъ аристократія. Замѣчаніе это сдѣлано было мнѣ въ отвѣтъ Духинскому и его послѣдователямъ, которые говорятъ, что только мы, великорусы, не имѣемъ въ нашихъ жилахъ арійской крови. Негодованіе на меня за то, что я объявилъ, будто Шевченко по своему типу креолъ, дошло до того, что мои этнографическія свѣдѣнія сравнили съ свѣдѣніями Духинскаго. На подобное заявленіе отвѣчать мнѣ рѣшительно нечего, но я только то могу сказать, что креолу ничего также не мѣшаетъ быть замѣчательнымъ поэтомъ, какъ еврею Гейне ничего не мѣшало быть однимъ изъ величайшихъ лириковъ нашего вѣка. Я не понимаю, умышленно меня не поняли или не умышленно. Въ нашъ вѣкъ происхожденіемъ своимъ никто не хвалится, и никто имъ не брезгаетъ. Мнѣ нужно было сказать полякамъ и южнорусамъ, для которыхъ отчасти я и писалъ, что въ нихъ самихъ водится всякая кровь, и найдя въ Шевченкѣ, котораго и тѣ и другіе одинаково уважаютъ, калмыцкія черты, привелъ его имя въ доказательство того, что не одни мы, великорусы, креолы. Меня не поняли, на меня обидѣлись...

языка и къ исканію помощи у насъ. Начавъ съ желанія обособиться, они невольно пришли къ потребности утонуть въ общеславянскомъ морѣ русской жизни.

Движеніе, охватившее славянство, не могло не отозваться на галичанахъ. Галичане тогда уже совершенно забывали русскій языкъ, т. е. не *литературный*, котораго они никогда не знали, а даже свое мѣстное — червоно-русское нарѣчіе. Польскій, нѣмецкій и латинскій языки казались имъ единственными языками, заслуживающими какого-нибудь уваженія, какъ языки, имѣющіе богатую литературу и способные выражать тѣ глубокія мысли и тѣ ученые предметы, для которыхъ въ червоно-русскомъ нарѣчіи даже и словъ не доставало. Православіе было почти забыто; въ унію вѣрилось искренно, хотя къ латинству относились враждебно, потому что оно отбивало у ихъ духовенства, т. е. у образованнѣйшаго галицкаго класса, лучшихъ прихожанъ и смотрѣло на него свысока, какъ на нѣчто терпимое, но неодобряемое. О Россіи они имѣли понятіе какъ о странѣ варварской, гдѣ, кромѣ кнута, Сибири, каторги, солдатчины, ровно ничего нѣтъ и гдѣ, вдобавокъ, унія тѣснится и даже преслѣдуется. Польскія школы и польское общество, единственный ихъ умственный руководитель, поддерживали это мнѣніе очень усердно, а узнать правду о Россіи отъ кого-нибудь, кромѣ поляковъ и нѣмцовъ, было не откуда. Все спало, все глохло; это была не жизнь, а какое-то прозябаніе, продолженіе пятивѣковаго сна народа, нѣкогда жившаго блистательною боярскою жизнью, кипѣвшаго своего рода цивилизаціей, опережавшаго всѣ другія русскія земли своимъ образованіемъ, но сломленнаго, забитаго и подавленнаго тяжелою пятою Казиміра Великаго и его преемниковъ. И вотъ, въ это-то затишье, вдругъ проникаетъ слухъ о славянской народности, объ уваженіи къ народностямъ, о красотѣ народной поэзіи, о важности собиранія народныхъ преданій, повѣрій, о необходимости записывать народные обычаи, изучать народный костюмъ, народную литературу — и Галичина стала пробуждаться. Бурсаки-семинаристы, эти гоголевскіе риторы, философы и богословы, стали ходить по деревнямъ и собирать пѣсни. Проникнувшись новымъ духомъ, они тоже стали гордиться своимъ червоно-русскимъ нарѣчіемъ и стали стараться говорить между собою *по-руськи*, а не по-польски, и вывели какъ-то, что Галичина есть настоящая, коренная, чистѣйшая Русь; вспомнили угнетенія и бѣдствія, которымъ она

подвергалась отъ поляковъ — и въ груди ихъ вспыхнула въ первый разъ *сознательная ненависть къ ихъ угнетателямъ.*

Въ числѣ этой молодежи былъ хорошо извѣстный теперь русскому обществу Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій. Тогда еще молодой студентъ, онъ пѣшкомъ исходилъ всю Галичину, забирался въ невѣдомыя ущелья Карпатъ, спускался въ долины Тисы, въ Угорскую Русь и изучалъ забытый Русью русскій народъ въ такихъ его захолустьяхъ, которыя даже въ географическихъ картахъ не показываются и въ географическихъ словаряхъ не упоминаются. Плодомъ этихъ трудовъ былъ «Сборникъ галицко-и угорско-русскихъ пѣсенъ», печатаемый имъ теперь въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей». Но тогда, въ 1836—1837 годахъ, когда Яковъ Ѳедоровичъ былъ еще студентомъ, ему и его товарищамъ, такимъ же собирателямъ, какъ онъ, хотѣлось издать что-нибудь изъ этой колекціи. Потребность въ этомъ они чувствовали самую настоятельную. Всѣ славянскія племена въ Австріи заявляли о своемъ существованіи хоть какими-нибудь альбомами, альманахами, сборниками, чѣмъ-нибудь печатнымъ: тогда каждая книга казалась огромнымъ пріобрѣтеніемъ для народной литературы, была заявленіемъ народности, протестомъ противъ навязываемаго иностраннаго языка; каждая брошюрка, какого бы она ни была содержанія, была ли это политическая статья или какая-нибудь сказка, какой-нибудь диѳирамбъ, написанный студентомъ професору, канцелярскимъ чиновникомъ своему начальнику, принималась съ восторгомъ и возбуждала народное чувство, народную гордость, народное самосознаніе. Каждая новая книга привѣтствовалась, какъ признакъ возрожденія, и считалась пріобрѣтеніемъ для литературы... Всѣ славянскіе народы ужъ имѣли такую *литературу;* у иныхъ было *даже по шести* (!) книгъ написано и напечатано на родномъ языкѣ, а у галицкихъ русскихъ не было ровно ничего. Нужно было заявить, что вотъ и мы существуемъ, и мы сами себя сознаемъ, и мы дорожимъ нашею народностью— и студенты составили «Русалку Днѣстровую».

«Русалка Днѣстровая» — книжечка весьма небольшая, въ малую осьмушку, въ палецъ толщины, напечатанная весьма разгонисто. Въ ней помѣщены историческія воспоминанія о Галичинѣ, кое-какія народныя пѣсни изъ временъ Хмельницкаго, перепечатана въ ней была одна древняя грамота; были въ ней переводы изъ Краледворской Рукописи; были переве-

дены въ ней сербскія пѣсни — содержаніе было самое невинное, и книжечка прошла бы у насъ совершенно незамѣтно, по бѣдности своего содержанія — но львовская цензура ея не пропустила, даже отказавъ въ дозволеніи исправить ее — до того содержаніе «Русалки Днѣстровой» показалось ей ужаснымъ и возмутительнымъ. Дѣло въ томъ, что въ книжечкѣ этой толковалось все о русскомъ народѣ, о его прошедшей славѣ, о его величіи, съ сочувствіемъ вспоминалось о временахъ Хмельницкаго; русскій народъ представлялся народомъ, отдѣльнымъ отъ поляковъ — самостоятельнымъ. О полякахъ въ книжечкѣ не было сказано ничего худаго, но она будто игнорировала самое ихъ существованіе, она какъ-то не подтверждала мысли, что Русь входитъ необходимымъ образомъ въ составъ Польши, что южнорусъ — видоизмѣненіе поляка; она недостаточно благоговѣла передъ поляками; признавала за русскими право на отдѣльное политическое существованіе. Это было сказано не прямо, но между строкъ такъ читалось. Ко всему этому, дерзкіе студенты собирались напечатать книгу гражданскимъ шрифтомъ, тогда какъ у нихъ есть свой національный русскій шрифтъ, въ отличіе отъ *московскаго* — церковный, на которомъ печатаются богослужебныя книги. Введеніе гражданскаго шрифта у галицкихъ русскихъ уже само по себѣ составляетъ *государственную измѣну,* потому что этимъ они сближаются съ *москалями,* измѣняютъ святой уніатской вѣрѣ, искажаютъ свой языкъ, уважаютъ Петра и Екатерину. Само собою разумѣется, что церковный шрифтъ неудобенъ, потому что церковный шрифтъ — какъ гражданскій — признакъ отсталости и дикости. Латинская азбука произошла отъ греческой; но кто же употребляетъ греческую? Всѣ просвѣщенные народы Запада, этого очага міровой цивилизаціи, пишутъ латинскими буквами. Если народы, пишущіе латинскими буквами, обогнали народы, пишущіе греко-славянскими буквами, стало быть, отъ введенія латинской азбуки, цивилизація рода человѣческаго сдѣлаетъ огромный прогрессъ. Еслибъ молодые люди, издающіе «Русалку Днѣстровую», были искренніе друзья своего собственнаго народа, они, разумѣется, стали бы вводить въ его языкъ не гражданскую азбуку, а латинскую, и именно съ польскимъ правописаніемъ, потому что тогда для невѣжественнаго русскаго народа сдѣлались бы доступнѣе языкъ и литература высоко образованнаго народа польскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ приблизился бы и къ общей европейской цивили-

заціи. Къ чему? какая цѣль? какой разсчетъ задерживать этотъ южнорусскій народъ при его *средневѣковомъ обрядѣ* богослуженія, при его плохо выработанномъ языкѣ и при его ретроградной азбукѣ. Впередъ во имя прогреса и науки!! Да сольется онъ воедино съ высоко развитымъ и великую будущность имѣющимъ народомъ польскимъ!..

Студенты носъ повѣсили. Къ москалямъ они никакой особенной симпатіи не имѣли, потому что все слышанное ими о москаляхъ отъ тѣхъ же поляковъ и нѣмцовъ вовсе не располагало ихъ въ нашу пользу, и у нихъ не было ни малѣйшаго желанія смоскалить. Они были украйнофилы и уніаты въ полномъ значеніи слова, и если о чемъ мечтали, то именно о возстановленіи независимой малороссійской народности со столицей въ Кіевѣ или во Львовѣ. Единоплеменности своей съ нами они не признавали; они даже готовы были на искреннѣйшій союзъ съ Польшей, съ тѣмъ только, чтобъ эта Польша соединилась съ ними, *какъ равный съ равнымъ,* а не *какъ панъ съ холопомъ,* съ тѣмъ, чтобъ Польша признала права ихъ языка, ихъ обряда, и чтобъ латинское духовенство не вторгалось въ дѣла русской (уніатской) церкви. Но поляки имѣли ловкость обидѣть молодую Галичину на первыхъ же шагахъ, и съ этого времени начинается разрывъ между польскимъ и русскимъ элементомъ въ Галичинѣ, дошедшій въ наше время до ожесточенной ненависти.

Обиженные неудачей во Львовѣ, молодые люди не упали духомъ, сколотили сотни три или четыре гульденовъ и напечатали книгу въ Пештѣ, гдѣ не было поляковъ, и гдѣ мѣстное правительство тогда нисколько не боялось ни русской пропаганды, ни какого-нибудь русскаго вліянія, гдѣ въ то время даже и понятія не имѣли о томъ, какое современемъ потрясающее движеніе будетъ имѣть на Угорщину самое слово *русскій.* Напечатанная въ Пештѣ, «Русалка Днѣстровая» пріѣхала во Львовъ — и была немедленно конфискована, какъ книга донельзя возмутительнаго содержанія. Студентовъ, ея издателей, которые всѣ были богословы, по нѣскольку лѣтъ не позволяли рукоположить во священники, какъ людей ненадежныхъ и уже заявившихъ свою неблагонамѣренность. Чего стóили имъ хлопоты по этому дѣлу, какимъ способомъ покрыли они расходы, употребленные на печатаніе, было бы слишкомъ долго разсказывать въ письмахъ, въ которыхъ мы всего болѣе боимся утом-

лять читателя излишними подробностями, для него неинтересными. Но результатъ вышелъ, все-таки, блистательный: конфискованная книга, которой почти никто не читалъ и никто не видалъ, показалась галичанамъ чѣмъ-то чрезвычайно смѣлымъ, невѣроятнымъ, какимъ-то откровеніемъ о судьбахъ галицкаго народа, и разговоры о ней засѣвали въ ихъ умы и сердца сознаніе, что *они не одинъ народъ съ поляками, и что они сами имѣютъ право на политическое существованіе*. Но все это было смутно, неясно: все это бродило, подготовлялось къ протесту, и все не могло осмыслить, что̀ такое будетъ, и какого рода можетъ быть этотъ протестъ и этотъ разрывъ съ польскимъ элементомъ. Между тѣмъ, примѣръ чеховъ и хорватовъ дѣйствовалъ все заразительнѣе и заразительнѣе на читающее меньшинство галичанъ. Слово *народность* электрической искрой прожигало всю Австрію; толки о народности все увеличивались да увеличивались, каждый мыслящій человѣкъ сосредоточивался въ самомъ себѣ, ломая голову надъ вопросомъ, кто онъ такой, просто ли человѣкъ, или австріецъ, или галичанинъ, или полякъ, или русскій? Вопросъ: кто я такой, кто мои предки, что мнѣ отъ нихъ завѣщано и какія мои обязанности къ окружающему меня народу, не давалъ спать галичанину. Слаще и слаще казались звуки родной рѣчи, мягче и гибче казался родной языкъ, дороже и милѣе становились народные обычаи, и рѣзче выступали передъ глазами недостаточныя и смѣшныя стороны господствующей и гнетущей національности. Вотъ въ это-то время и стали появляться такія свѣтлыя личности, какъ перемышльскій епископъ Снѣгурскій и, вслѣдъ за нимъ, митрополитъ Яхимовичъ, которые робко, нерѣшительно, краснѣя начали предписывать священникамъ, чтобъ они говорили проповѣди въ церквахъ не по-польски, а *по-русски;* стало являться поползновеніе писать *русскими* буквами, вымирать стало старое поколѣніе священниковъ, неумѣвшихъ даже читать по-церковному и потому писавшихъ въ богослужебныхъ книгахъ между строками польскими буквами, какъ какое слово выговаривается: церковной азбуки они не знали. Новое поколѣніе уже выростало въ сознаніи, что оно принадлежитъ не къ польской, а къ русской, (то есть, южнорусской) народности; великоруссовъ, *схизматиковъ, насильно* обратившихъ южнорусскій народъ изъ святой уніи въ схизму, они очень не любили за ихъ варварство, за ихъ отсталость; но точно также не любили и по-

ляковъ, отнимавшихъ у южнорусскаго народа всѣ его лучшія силы и обращавшихъ его изъ той же уніи въ латинство. Въ аудиторіяхъ, въ обществѣ, началъ замѣтно обнаруживаться расколъ, и чаще и чаще стали показываться разныя азбучки, катихизисы, напечатанныя церковными буквами.

Вдругъ грянулъ страшный 1848 годъ.

Вся Австрія всколыхнулась и затрепетала: Меттерниха не стало. Всѣ народности подняли голову и заговорили. Пошла та кутерьма, которая продолжается и до сихъ поръ; права національностей переплелись съ правами историческими — и вышелъ невообразимый хаосъ, опутавшій Австрію своей паутинной сѣтью, изъ которой она выбивается и едва ли выбьется. Первымъ дѣломъ галицкихъ поляковъ, уже испытавшихъ, каково къ нимъ расположены хлопы и русское духовенство, было провозгласить, что Польша не погибла. Во Львовѣ и по всѣмъ городамъ Галичины поднялись демонстраціи, и явились польскія рады (собранія, совѣты, думы); но русскіе ужъ такъ были настроены, что немедленно по всей Галичинѣ, къ величайшему изумленію поляковъ, никогда ничего не предвидящихъ и вѣчно ошибающихся въ своихъ разсчетахъ, открылись *русскія рады*. На польскихъ радахъ былъ поднятъ вопросъ объ освобожденіи Польши, на русскихъ — объ освобожденіи крестьянъ и о правахъ русской народности. Вѣтренные и легкомысленные поляки, въ увлеченіи минутнымъ успѣхомъ, низвергали существующую власть и произносили приговоры о низложеніи съ *польскаго* престола дома Габсбурговъ, Гогенцоллерновъ, — а русскіе объявили себя вѣрноподданнѣйшими изъ вѣрноподданныхъ цѣсаря и, въ благодарность за освобожденіе крестьянъ, заявляли готовность лечь на него костьми и усмирить всѣхъ бунтовщиковъ. Поляки приходили въ негодованіе отъ этой *измѣны* русскихъ *ихъ общей польской отчизнѣ* и нѣсколько разъ собирались разогнать русскія рады оружіемъ. Но около этихъ радъ, гдѣ засѣдали священники, учителя, кое-какіе чиновники, да хлопы поумнѣе — стояла толпа только-что освободившагося отъ польщины народа, съ цѣпами и съ ломами въ рукахъ, готовая въ клочья изорвать *ляховъ* при первой ихъ попыткѣ коснуться представителей русской народности и ея свободы. Само собою разумѣется, южнорусское хлопство, какъ и мазурское, рѣшительно не имѣетъ понятія о національности и чрезвычайно мало дорожитъ ею; но личную свободу оно понимаетъ какъ нельзя

лучше. Въ полякѣ оно видѣло тогда только пана, въ священникѣ — надежнаго защитника народности, толкователя манифестовъ, врага панства, которое, относясь съ презрѣніемъ ко всему хлопскому, никогда не умѣло почтительно обращаться съ уніей — съ этой хлопской вѣрой. Панство сдѣлало все возможное, чтобъ православный и уніатскій священники ненавидѣли его отъ глубины души; панство унижало священника передъ ксендзомъ. Вмѣсто того, чтобъ исправить церковь, валящуюся на бокъ отъ ветхости, оно воздвигало безъ всякой нужды великолѣпные костелы и перепутывало мирныя сельскія отношенія хлоповъ, вводя между ними религіозный расколъ.

Во Львовѣ, между тѣмъ, кипѣли демонстраціи, и все готовилось разрѣшиться революціей. Тогдашній львовскій губернаторъ, графъ Стадіонъ, человѣкъ либеральный, мягкій и, что̀ хуже всего, безхарактерный, допустилъ студентовъ и ремесленниковъ въ національную гвардію, позволилъ имъ взять изъ арсенала оружіе и уже раскаявался въ своемъ благодушіи, видя, что это оружіе послужитъ не для сохраненія хоть какого-нибудь порядка въ эти тяжелыя минуты, которыя тогда переживала имперія, но обратится на разрушеніе ея. Является къ нему депутація львовской русской рады, отъ имени *галицко-русскаго* народа объявляетъ, что правительству безпокоиться нѣчего, что даже безъ войска можно усмирить *поляковъ*, потому что *галицкіе русскіе* преданы душой и тѣломъ благополучно царствующему дому: «Пусть правительство положится на своихъ вѣрныхъ русскихъ; пусть дастъ намъ одинаковыя политическія права съ поляками, раздѣлитъ королевство Галицко-Волдимірское на двѣ части — на Мазурскую и Русскую, границей которымъ служитъ рѣка Сянъ, и оно найдетъ въ насъ не только вѣрныхъ подданныхъ, но и надежныхъ защитниковъ противъ всякихъ польскихъ поползновеній нарушить цѣлость имперіи».

— Хорошо, отвѣчалъ графъ Стадіонъ въ недоумѣніи: но правительство не можетъ положиться на васъ, потому что вы для него едва ли не опаснѣе самихъ поляковъ; вы *русскіе*, и вы, волей-неволей, тянете къ Россіи. У васъ съ русскими одинъ языкъ, одинъ обрядъ, одно имя. Россія имѣетъ огромный интересъ держать въ повиновеніи поляковъ, которые ее ненавидятъ, а на васъ, которые ее любите, она можетъ, не сегодня, такъ завтра предъявить свои права, и вы охотно броситесь въ ея объятія.

Графъ Стадіонъ былъ, разумѣется, правъ; но онъ имѣлъ дѣло не съ многоглаголивыми поляками, а съ тѣмъ, что̀ мы называемъ *хитрыми хохлами,* которые мало говорятъ, кажутся неуклюжи, лѣнивы, тяжелы на подъёмъ, а въ сущности крайне хитры, упрямы и настойчивы.

— Пусть правительство не безпокоится, отвѣчали они: мы, во-первыхъ, вовсе не *русскіе,* а мы *русины.* Wir sind Ruthenen! Wir sind treue Ruthenen.

— Но вѣдь вашъ языкъ русскій.

— Нашъ языкъ *рускій,* а не *русскій-россійскій;* мы *русины,* а въ Россіи *россіяне;* мы пишемъ слово *рускій* съ однимъ *с*, а россіяне пишутъ съ двумя *с;* мы принадлежимъ къ двумъ разнымъ племенамъ; россійскій языкъ для насъ непонятенъ, россійская церковь намъ чужая; мы вѣрные сыны престола св. Петра, мы преданнѣйшіе слуги австрійской монархіи, потому что въ ней только наше греко-каѳолическое исповѣданіе (унія) находитъ себѣ должную защиту и покровительство, тогда какъ въ Россіи насъ преслѣдуютъ. Чего намъ желать отъ Россіи, гдѣ царствуютъ кнутъ и административный произволъ, тогда какъ въ настоящее время наше отечество, Австрія, сдѣлалось въ нѣсколько недѣль однимъ изъ либеральнѣйшихъ государствъ Европы!? Пусть правительство дастъ намъ политическія права, и оно увидитъ, что не только Россія не будетъ ему страшна, но *оно* будетъ страшно для Россіи. Наши единоплеменники, живущіе на Подолѣ, на Волыни и на Украйнѣ, узнавъ, что хлопы освобождены въ Австріи, будутъ мечтать только о томъ, какъ бы и имъ подойти подъ благодѣтельный скипетръ благороднаго дома Габсбурговъ. Наши единоплеменники за границей лишены святой вѣры отцовъ нашихъ, уніи, россійскимъ насиліемъ. Пусть домъ Габсбурговъ дастъ намъ политическія права — все духовенство Украйны, Подола и Волыни пожелаетъ снова возвратиться въ унію, о которой оно теперь плачетъ. *Мы не россіяне, мы русины:* Wir sind Ruthenen! Wir sind treue Ruthenen, Excellenz!

Дѣло было сдѣлано. Австрійское правительство признало вѣрныхъ *рутеновъ,* и такимъ образомъ 1848 годъ, между прочими чудесами, которыя онъ произвелъ, открылъ въ Австріи совершенно новое славянское племя, до тѣхъ поръ невѣдомое міру: *русиновъ* или *рутеновъ,* да еще и *вѣрныхъ рутеновъ, treue Ruthenen;* и *die treue Ruthenen* получили нѣкоторыя политическія права.

Во-первыхъ, правительство признало, что они составляютъ отдѣльную національность отъ поляковъ. Это былъ выигрышъ огромный, вслѣдствіе котораго ихъ языкъ былъ признанъ языкомъ *краевымъ* и *державнымъ*, т. е., что на ихъ языкѣ было разрѣшено вести канцелярскую переписку и принимать прошенія, даже въ Вѣнѣ. Всякіе правительственные манифесты, объявленія, должны были печататься для Галичины какъ по-нѣмецки, по-польски, такъ и по-русски (ruthenisch, russinisch), а изъ этого вытекало, что они могли заводить свои собственные журналы. Первымъ журналомъ галичанъ была небольшая газета «Зоря Галицкая», издававшаяся первое время г. Павенскимъ. Это былъ небольшой листокъ, печатавшійся на языкѣ, смѣшанномъ изъ малороссійскаго съ церковнымъ, но все еще церковными буквами. Гражданскую азбуку тогда еще мало кто зналъ въ Галичинѣ. «Зоря Галицкая» была органомъ львовской и русской рады и такъ-называемой партіи святоюрцовъ. Св. Юръ, т. е. св. Георгій — монастырь и митрополичья каѳедра во Львовѣ. Тогдашній митрополитъ Яхимовичъ и его клирошане были главными двигателями русской борьбы противъ поляковъ; а такъ такъ русская агитація сосредоточивалась въ монастырѣ св. Юра и изъ него исходила, то поляки прозвали всѣхъ галицко-русскихъ патріотовъ *святоюрцами* и *клерикальной партіей*, названіе, которое до сихъ поръ такъ за ними и остается. Органъ святоюрцовъ, «Зоря Галицкая», производилъ потрясающее впечатлѣніе на своихъ читателей. Въ первый разъ послѣ пятивѣковаго гробоваго молчанія, русскіе услышали смѣлое и откровенное заявленіе, что они *русскіе,* что поляки гнетутъ ихъ, стараются ихъ обезнародить, въ первый разъ вспомнили о прошедшей славѣ и величіи Галицкаго Королевства, и волей-неволей, одинъ за другимъ, стали покидать полонизмъ и гордиться своимъ происхожденіемъ. Переворотъ произошелъ замѣчательно круто. Во многихъ приходахъ разсматривалъ я метрическія книги: до 1848 года въ этихъ книгахъ все писано или по-латыни, или по-польски, и, что всего забавнѣе, видно, какъ первое время священники не умѣли совладать съ нашей скорописью: одинъ писалъ уставомъ, другой перемѣшивалъ русскія буквы съ латинскими, третій выдумывалъ даже свое собственное правописаніе... Словъ имъ не хватало для того, чтобъ озаглавить книгу. На ярлыкахъ читаете то *записываніе,* то *записка,* то *вычисленіе родячимся, умираючимъ, хрещаемымъ* и *слюбы беручимъ*.

Языкъ вышелъ до невѣроятности фантастическій, и даже теперь, когда ужъ двадцать лѣтъ прошло, какъ русскіе обрусѣли, они все еще никакъ не могутъ справиться съ языкомъ, потому что, сознавая вполнѣ неразвитость и недостаточность малорусскаго нарѣчія и не имѣя возможности не только слышать общерусскій литературный языкъ, но даже и читать чтò-либо на немъ, они постоянно находятся въ затрудненіи, какъ употребить какое-нибудь слово или какъ справиться съ какимъ-нибудь терминомъ. Для нихъ, напримѣръ, существенный вопросъ составляетъ, какъ писать: *Ирландія* или *Ирляндія* и какъ сдѣлать прилагательное: *ирландскій, ирляндскій* или *ирскій?* Вмѣсто человѣкъ, они говорятъ *мужъ*, и чествуютъ другъ друга этимъ названіемъ. Вмѣсто гонимый — *гоненный*, никогда — *николи*, на чужой сторонѣ — *въ чужихъ*, смотрѣть — *глядати*, выгодный — *корыстный*, и хотя «они *улягаютъ* печальной судьбѣ за свое нелицемѣрное ревнованіе по дѣламъ народности», но, все-таки, при всемъ желаніи, никакъ не могутъ до сихъ поръ пріучиться хорошо говорить и писать по-литературному — до такой степени міръ ихъ замкнутъ и отрѣзанъ отъ общаго русла русской жизни.

Въ прошломъ вѣкѣ, въ домахъ галицкаго духовенства еще господствовалъ русскій языкъ, разумѣется, на червоно-русскомъ нарѣчіи, но съ начала нынѣшняго до 1848 года, русскій языкъ былъ совершенно изгнанъ изъ употребленія въ каждомъ маломальски порядочномъ русскомъ домѣ. Его замѣнилъ польскій, такъ что большинство дѣятелей русскихъ радъ 1848 года выросло на польскомъ языкѣ и знало по-русски на столько, на сколько нужно было для объясненія съ простонародьемъ. Изгнаніе польскаго языка сопровождалось непреодолимыми трудностями: во-первыхъ, по-русски говорить было смѣшно, — такъ смѣшно, какъ для насъ кажется дикимъ и нелѣпымъ одѣваться по-русски, или говорить съ какимъ-нибудь хохлацкимъ или владимірскимъ акцентомъ. Женскій полъ, попадьи и попадьянки, первыя пришли въ ужасъ и негодованіе отъ поползновенія своихъ благовѣрныхъ отцовъ-іереевъ ввести въ дома *хлопскую* рѣчь и заставить ихъ играть на фортепьяно народныя *нешляхетныя* мелодіи. Но движеніе было такъ сильно, поворотъ былъ такъ крутъ, что теперь въ Галичинѣ въ весьма немногихъ домахъ сохранился польскій языкъ, и то только у священниковъ, которые, вслѣдствіе ли какихъ обстоятельствъ, или по бѣдности прихо-

довъ, находятся постоянно въ зависимости отъ помѣщиковъ, льстя имъ и угождая. Этотъ классъ духовенства пользуется тамъ великимъ презрѣніемъ отъ русскихъ и огромнымъ уваженіемъ поляковъ, которые называютъ его porzadnym (порядочнымъ). Поляки выставляютъ этихъ *порядочныхъ* либералами, прогресистами и плачутся, будто святоюрцы тѣснятъ ихъ, будто святоюрцы хотятъ ввести москву и схизму.

Дѣло было сдѣлано. Галицкое возстаніе 1848 г. ограничилось однимъ Львовомъ; по селамъ ни одинъ полякъ не шелохнулся, потому что хлопство въ клочья разорвало бы каждаго, кто только осмѣлился бы подняться на цѣсаря, его освободителя. Наши войска прошли Галичиной въ Угорщину, смута утихла, и настала для Австріи новая эпоха — эпоха тяжелаго сна и отдыха подъ централизаціонною системой Баха. Для галицкихъ русскихъ управленіе Баха было чрезвычайно выгодно: Бахъ не давалъ ни одной народности перевѣса надъ другой. Если онъ тѣснилъ, то тѣснилъ русскихъ наравнѣ съ поляками, и не давалъ полякамъ ни права, ни возможности давить русскихъ. Въ его управленіе литература галицкая стала развиваться довольно быстро, т. е. на столько, на сколько это возможно при трехмиліонномъ населеніи края и при десяти тысячахъ грамотныхъ людей, въ странѣ, гдѣ книга печатается не болѣе какъ въ 500 экземплярахъ, которые раскупаются развѣ лѣтъ въ двадцать. Журналы стали заводиться, кромѣ «Зори Галицкой», которая въ 1850 году перешла въ собственность ставропигійской лавры. Движеніе, поднявшееся въ Галичинѣ, отозвалось и на Угорской Руси, ободрило словаковъ, языкъ которыхъ такъ близокъ къ русскимъ нарѣчіямъ, и пробудило въ нихъ охоту къ изученію русскаго языка; но симпатіи и уваженія къ Россіи въ пятидесятыхъ годахъ было еще очень мало, какъ у галичанъ, такъ и у прочихъ австрійскихъ славянъ. Во-первыхъ, въ Австріи было уже уничтожено крѣпостное право, а въ Россіи оно цвѣло во всемъ своемъ блескѣ; во-вторыхъ, австрійская печать была, все-таки, свободнѣе русской; въ Австріи не было тѣлеснаго наказанія, срокъ солдатской службы былъ короче, и, вообще говоря, Австрія, все-таки, имѣла, по крайней мѣрѣ, внѣшность образованнаго европейскаго государства, тогда какъ Россія представлялась какою-то варварскою страной произвола, кнута и цензуры. Обаяніе

русской силы, могущества нашихъ штыковъ и удали нашихъ казаковъ пало подъ стѣнами Севастополя: мы казались побѣжденными, униженными, а ничто такъ не возбуждаетъ вражды слабыхъ, какъ видъ падшаго богатыря. Славяне увидѣли, что Европа насъ не боится, и потому, не видя въ насъ проку, перестали любить насъ, а обратили всѣ свои помыслы къ тому, чтобъ пересоздать Австрію въ *Славянское Государство*, направивъ ея силы на Востокъ — т. е. на Сербію, Болгарію и такъ-называемую Румынію, а если можно, то оттягать отъ насъ Польшу и Малороссію. Такое настроеніе умовъ было совершенно естественно и неизбѣжно, потому что другого исхода славянамъ тогда рѣшительно не представлялось. Броситься въ наши объятія значило бы взять на себя всѣ наши тяготы, все наше неустройство, все наше плохое законодательство, утратить свою національность и политически погибнуть ни за̀ что, ни про̀ что. Къ этому же времени, при подобномъ ихъ настроеніи, явилась польская пропаганда, которая въ 1859, 1860, 1861 годахъ дѣлала въ Австріи громадный успѣхъ. Вопросъ народностей передъ тѣмъ сдѣлалъ огромный шагъ на поляхъ Сольферино и Мадженты подъ знаменами Гарибальди. Каждый славянинъ, даже дравшійся противъ итальянцевъ въ австрійскихъ войскахъ, все-таки смотрѣлъ на̀ нихъ съ завистью, мечтая о томъ, ка̀къ хорошо было бы какимъ-нибудь чехамъ, хорватамъ, словакамъ, полякамъ удрать съ Австріей такую же штуку, какая удавалась итальянцамъ! Примѣръ итальянцевъ и революціонное настроеніе умовъ въ Россіи вскружили голову польской молодёжи, которая, вполнѣ разсчитывая на поддержку нашихъ революціонеровъ, рѣшилась начать нелѣпыя демонстраціи для заявленія передъ лицемъ Европы и славянства о нашемъ гнётѣ и нашемъ варварствѣ. Славяне вѣрили на̀ слово полякамъ, глубоко сочувствовали имъ и всю злобу на свое униженное положеніе, которая накипѣла у нихъ въ душѣ вслѣдствіе нѣмецкаго, итальянскаго и мадьярскаго владычества, опрокинули на насъ. О реформахъ, совершавшихся у насъ, о такомъ громадномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, они, разумѣется, плохо знали, да и знать не могли, потому что для нихъ Россія тоже великая загадка, и потому что для пониманія того, что̀ у насъ происходитъ, надо близко знать насъ, наши нравы, наше правительство, наши порядки и пріемы.

Россія отличается отъ всѣхъ другихъ государствъ тѣмъ, что ее изъ книгъ никакъ нельзя изучить. Въ такое-то критическое для насъ время пало министерство Баха, Австрія превратилась въ либеральное конституціонное государство, и началась та перемѣна конституцій, дождь хартій, патентовъ, перемежевокъ государства, федерализма, дуализма, централизма, сепаратизма, мадьяризма, славянизма, германизма, патріотизма и еще Богъ знаетъ какого изма, который продолжается до сихъ поръ, и который кончится развѣ съ самой Австріей.

Поляки, ожидавшіе, не сегодня, такъ завтра, возстановленія Королевства Польскаго, выхлопотали въ Вѣнѣ, чтобъ Галичина оставалась, попрежнему, единой и нераздѣльной, т. е. чтобъ галицкій сеймъ былъ одинъ какъ для западной мазурской, такъ и для восточной русской Галичины, потому что земли короны Ягеллоновъ не должны быть раздѣлены въ административномъ отношеніи. Затѣмъ, весьма ловкимъ маневромъ они подвели, чтобъ въ этомъ сеймѣ большинство членовъ было непремѣнно поляки, и стали трудиться надъ введеніемъ въ уніатскую церковь новыхъ латинскихъ обрядовъ, надъ изгнаніемъ русской церковной и гражданской азбуки, надъ введеніемъ въ народныя школы польскаго языка и надъ пропагандою польскаго патріотизма въ средѣ какъ образованнаго, такъ и необразованнаго класса галичанъ. Это снова разбудило засыпавшій-было патріотизмъ галицкаго духовенства. Въ отвѣтъ на это, оно выкинуло изъ себя огромную партію *обрядовцевъ,* которые поставили себѣ задачею очистить уніатскую церковь отъ всего латинскаго, т. е. отъ оргȃновъ, отъ звонка при выносѣ честны̕хъ даровъ и т. п. *Обрядовцы* стали затворять царскія двери во время богослуженія (у уніатовъ царскія двери никогда не затворяются) отпустили волосы по плечамъ, усы, бороды, понадѣвали рясы и камилавки; но поляки сдѣлали на нихъ доносъ въ Римъ, и изъ Рима было предписано держаться латинизма. Графъ Голуховскій, бывшій и тогда намѣстникомъ Галичины, отдалъ русское духовенство подъ надзоръ полиціи, и полицейскіе агенты бунтовали хлоповъ противъ священниковъ, внушая народу, что попамъ ничего не слѣдуетъ платить за требы. Жандармъ стоялъ на паперти церкви и наблюдалъ, звонятъ ли колокольчики, играетъ ли оргȃнъ, не затворяются ли царскія двери, не стоя ли причащаются. Хлопство, несмотря на свой глубокій

индиферентизмъ въ дѣлѣ обряда, все-таки, смотрѣло и смотритъ на священниковъ, какъ на единственныхъ своихъ руководителей и своихъ безкорыстныхъ друзей. Несмотря на запрещеніе платить за требы, хлопы тайкомъ носили священникамъ хлѣба̀, медъ, поло̀тна, водку, такъ же какъ носили отцы ихъ; полиція не могла перемѣнить народныхъ обычаевъ; но вмѣшательство поляковъ въ дѣло вѣры, въ языкъ, ихъ стремленія ополячить русскихъ удесятерили ненависть къ нимъ всего, что̀ было лучшаго въ Галичинѣ. Въ 1848 году не каждый русскій былъ святоюрцемъ; теперь нѣтъ русскаго, который не былъ бы святоюрцемъ, за исключеніемъ разнаго рода личностей, которыя ополячились до того, что и въ домахъ говорятъ не иначе, какъ по-польски. Къ числу ихъ принадлежатъ, между прочимъ, издатели газеты «Народовой» г. Добрянскій, или, какъ онъ себя называетъ по-польски, *Добржанскій*, и г. Костецкій, или, какъ онъ себя называетъ по-польски, *Косцецькій*. Подобные господа даже и не вращаются въ русскомъ обществѣ: они сдѣлались совершенными поляками и живутъ исключительно польскою жизнью, въ полномъ отчужденіи отъ тамошняго русскаго народа. Въ то же время освобожденіе крестьянъ въ Россіи благодѣтельно отозвалось на прилегающей къ ней Галичинѣ. Хлопство увидѣло, что въ Россіи крестьянамъ дано больше земли, чѣмъ въ Австріи, что лѣса и пастбища не составляютъ въ Россіи исключительной собственности помѣщиковъ, что судъ мировыхъ посредниковъ справедливѣе суда австрійскихъ комисаровъ, что въ Россіи подати легче, живется вольнѣе, и въ первый разъ потянуло на нашу сторону. Прежде, говорятъ галицкіе хлопы, русскіе крестьяне (т. е. подольскіе и волынскіе) завидовали намъ и говорили намъ: «Отдали бы вы намъ вашихъ поповъ: ваши попы помогли вамъ отъ пановъ освободиться, а наши попы ничего не дѣлаютъ, и насъ не освобождаютъ». А теперь мы завидуемъ волынскимъ и подольскимъ хлопамъ и говоримъ имъ: «У васъ царь лучше и добрѣе, много земли вамъ далъ и мало податей съ васъ беретъ, не такъ, какъ у насъ, берутъ третью часть всего валоваго дохода... Скажите вашему царю, чтобъ онъ насъ къ себѣ взялъ».

Освобожденіе крестьянъ, усмиреніе польскаго возстанія, льготы, дарованныя холмскому уніатскому духовенству, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, успѣхи наши въ дипломатіи, на Кав-

казѣ, въ Средней Азіи — все это дѣйствовало чрезвычайно сильно на настроеніе умовъ галицкихъ русскихъ и постоянно наводило ихъ на мысль, что мы, великорусы, имъ не чужіе, что у насъ съ ними одинъ общій врагъ — поляки, что если они рознятся отъ насъ по вѣрѣ, то въ этомъ не ихъ вина, а вина историческихъ обстоятельствъ. И стали они додумываться, что, будь ихъ воля, они разомъ стряхнули бы съ себя не только примѣсь латинскихъ обрядовъ, но и самую связь съ Римомъ, и возвратились бы къ восточной церкви, а во время возстанія, въ галичанахъ все сильнѣй и сильнѣй, все горячѣй и горячѣй начала развиваться глубокая, страстная любовь къ Россіи и ко всему русскому.

На подмогу явились украинофилы.

Въ то время, когда галичане съ такимъ жаромъ и рвеніемъ отстаивали русскую азбуку и русское правописаніе противъ поляковъ, которые изъ кожи лѣзли, чтобъ порвать ихъ литературную связь съ остальнымъ русскимъ міромъ, вдругъ изъ Россіи явилась партія украинофиловъ, которая вводила въ южнорусскій языкъ новое, не-историческое правописаніе, основанное исключительно только на фонетическихъ началахъ, правописаніе, порывавшее всякую связь Южной Руси съ ея прошедшимъ, съ ея церковью и съ нами. Поляки, какъ извѣстно, очень сочувственно отнеслись къ такъ-называемой *кулишовкѣ:* во-первыхъ, она отдѣляла южнорусовъ отъ великорусовъ — чтȯ было для нихъ огромнымъ выигрышемъ; во-вторыхъ, она избавляла ихъ отъ труда изучать граматику, и давала возможность каждому безграмотному человѣку писать, ничему не учась, всякую чепуху, какая ему придетъ въ голову. Ополяченные южнорусы, некончившіе курсъ студенты и всякаго рода школьники ухватились за фонетическое правописаніе, какъ за якорь спасенія, и сочли себя пророками пятнадцатимиліонной южнорусской національности, которая, по ихъ понятію, должна жить и развиваться по образу казачества, пѣть думы, сидѣть на курганахъ и гарцовать въ степи съ нагайкой въ рукѣ. Поляки съ радостью ухватились за это изобрѣтеніе; «ужъ если малоросы, разсчитывали они, не достанутся намъ, такъ пусть же они не достанутся и москалямъ», и Галичина сдѣлалась театромъ ожесточенной борьбы между святоюрцами, стоявшими за этимологическое правописаніе, и украинофилами, стоявшими за фоне-

тическое. Святоюрцы были и есть люди серьёзные, учившіеся много и основательно, кончившіе курсы въ разныхъ академіяхъ и университетахъ и издававшіе журналы, которые читались съ уваженіемъ всѣми серьёзными и умными людьми. Партію украинофиловъ въ бараньихъ шапкахъ, въ шараварахъ съ Черное Море, въ красныхъ кушакахъ составляли разные юноши, которые, по избытку народной даровитости, считали ненужнымъ учиться и предразсудкомъ кончать курсъ, а рѣшились прямо, съ прорѣзыванія усовъ, просвѣтить своихъ соплеменниковъ насчетъ ихъ исторіи и политическаго значенія. Они торжественно объявили, цѣликомъ со словъ Духинскаго, что въ москаляхъ нѣтъ ни капли славянской крови, что великорусскій гнётъ терзаетъ Малороссію, что малороссійскій народъ принадлежитъ къ иному племени, чѣмъ великорусскій, и представляетъ собою чистѣйшій славянскій типъ (хотя они забывали, что типъ многихъ изъ малороссовъ до невѣроятности калмыцкій или киргизскій, что̀ весьма естественно, потому что у нынѣшнихъ южнорусовъ чрезвычайно много всякой половецкой, печенѣжской, торкской, косожской, хазарской и т. п. туранской крови)...

Поляки настаивали въ Вѣнѣ, чтобъ правительство признало фонетическое правописаніе офиціальнымъ, то-есть, чтобъ всѣ офиціальные документы писались *кулишовкой*, но опозиція образованныхъ людей въ Галичинѣ была такъ сильна, что въ Вѣнѣ на это не рѣшились. Борьба идетъ до сихъ поръ, и мы не знаемъ, когда она уляжется — развѣ съ присоединеніемъ Галичины къ Россіи. Но чтобъ читатель понялъ характеръ и взаимныя отношенія партій, мы заключимъ эту главу слѣдующимъ, совершенно истиннымъ анекдотомъ:

Юный редакторъ одного крохотнаго журнальца, печатавшагося во Львовѣ *кулишовкой* на чистомъ червоно-русскомъ нарѣчіи, приходитъ къ священнику и предлагаетъ ему подписаться на его изданьице.

— Что̀ вы тамъ будете писать? спрашиваетъ священникъ.

— Политическія статьи, повѣсти, ученыя изслѣдованія, говоритъ редакторъ.

— А гдѣ вы учились? спрашиваетъ священникъ.

— Я пробылъ два года въ университетѣ, но счелъ лишнимъ продолжать занятія, найдя, что тамъ, кромѣ схоластики и отсталой, черствой науки, ничего нѣтъ. Изъ книгъ, изъ чтенія, изъ жизни можно гораздо болѣе развиться.

— Ну, такъ вотъ что̀, сказалъ священникъ: — я прошелъ эту черствую схоластическую науку; я вамъ покажу мои дипломы и, если хотите, дамъ вамъ прочитать писанныя мною, когда я былъ еще въ вашихъ лѣтахъ, дисертаціи, заслужившія почетные отзывы. Жилъ я больше васъ, знаю больше васъ, такъ не лучше ли намъ помѣняться ролями? Вмѣсто того, чтобъ *я* вамъ сталъ *платить* за то, что буду читать ваши ученическія упражненія, заплатите *вы* мнѣ за то, что я стану ихъ читать.

IV.

Много свѣтлыхъ и хорошихъ личностей вызвало воскресенье русской народности въ 1848 г. Къ сожалѣнію, говорить объ нихъ печатно не совсѣмъ удобно, потому что это было бы выдачею ихъ полякамъ. Для характеристики галичанъ я возьму только нѣсколько человѣкъ, которые уже перебрались сюда изъ Австріи или перебираются.

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій, такъ коротко намъ теперь извѣстный, долженъ былъ не только покинуть край, гдѣ онъ былъ полезнѣе, чѣмъ у насъ, но даже каѳедру и почти отказаться отъ дѣла, которому посвятилъ всю свою жизнь. Переселившись теперь въ Вильну и сдѣлавшись тамъ предсѣдателемъ археограгической комисіи, Яковъ Ѳедоровичъ можетъ быть полезенъ только какъ ученый, тогда какъ въ Галичинѣ онъ былъ и кабинетнымъ ученымъ, и собирателемъ пѣсенъ изъ устъ простаго народа, и политическимъ дѣятелемъ. Мягкій, уступчивый, уклончивый, о. Головацкій заслужилъ у поляковъ названіе переметчика, потому что нѣсколько разъ онъ дѣйствительно держалъ ихъ руку и нѣсколько разъ становился на русскую сторону. Онъ писалъ свое имя польскими буквами: иногда *Głowacki,* иногда *Hołowacki,* а наконецъ *Gołowacki;* надъ нимъ за это много издѣвалась и издѣвается «Газета Народовая», а это дѣлаетъ величайшую честь новому русскому подданному. Это покажется, можетъ быть, парадоксомъ, а въ сущности это такъ, потому что не даромъ же честный и талантливый человѣкъ можетъ, родясь въ бывшихъ владѣніяхъ Рѣчи-Посполитой и въ австрійскомъ государствѣ, морально порвать съ ними. Только

пустые люди сразу приходятъ къ рѣшительному убѣжденію,—для людей мысли и дѣла нужны года, чтобъ на чемъ-нибудь остановиться. Я выше разсказывалъ, какъ о. Головацкаго преслѣдовали за то, что онъ издалъ въ Пештѣ «Русалку Днѣстровую» гражданскимъ шрифтомъ и съ малороссійскими тенденціями; какъ нѣсколько лѣтъ онъ не могъ добиться рукоположенія въ священники, къ чему съ дѣтства готовился, какъ потомъ безъ копейки денегъ, онъ съумѣлъ, несмотря на всѣ враждебныя условія, обойти пѣшкомъ каждую деревушку, если не каждую хатку въ Галичинѣ и въ Угорской Руси, собрать пѣсни, преданія; порыться во всѣхъ церковныхъ архивахъ, написать массу историческихъ сочиненій и все это будучи простымъ деревенскимъ священникомъ, имѣющимъ тотъ ничтожный доходъ, о которомъ я упомянулъ выше. Настойчивостью, желѣзной волей о. Головацкій добился того, что попалъ на каѳедру львовскаго университета профессоромъ русскаго языка и словесности, гдѣ ему приходилось съ бою отстаивать передъ поляками преподаваемый имъ предметъ. Поляки хотѣли чуть не двадцать лѣтъ сряду, во что бы то ни стало, чтобъ онъ преподавалъ студентамъ рускій языкъ, а не русскій (т. е. не россійскій, не московскій). Они требовали, чтобъ онъ содѣйствовалъ имъ уходить насмерть традиціонное правописаніе; они требовали, чтобъ онъ изгонялъ изъ галицкаго литературнаго языка всѣ обще-русскія выраженія и замѣнялъ ихъ польскими, говорилъ бы напр. *стосунокъ* вмѣсто *отношеніе, станъ* вмѣсто *положеніе, товариство* вмѣсто *общество* и т. д. и т. д., т. е. запуталъ бы мѣстный языкъ полонизмами и провинціонализмами до такой степени, чтобъ всякій возвратъ къ обще-русскому языку или къ его родному брату, церковному, сдѣлался бы невозможенъ. Ужъ какъ ни ухаживали за о. Головацкимъ поляки, какихъ пружинъ они ни пускали въ ходъ, чтобъ склонить его на свою сторону — онъ, колеблясь, уступая въ частностяхъ, въ общемъ выигралъ; его имя стало символомъ русской народности въ Галичинѣ, его примѣръ — завѣщаніе галицкому люду. Самъ онъ началъ съ правописанія фонетическаго, какъ и напечатана — «Русалка Днѣстровая» одна изъ безчисленныхъ попытокъ сдѣлать изъ южнорусскаго не простонародное, а литературное нарѣчіе. Сочувствовать намъ, особенно въ 40-хъ годахъ и даже, сказать правду, въ 50-хъ, было не за что — плеть, цензура, крѣпостное право, кулачная расправа никого не могли прельстить, и люди, искренно

желавшіе добра южнорусскому народу, не разъ задумывались, а не порвать ли съ великорусами? или не столковаться-ли какъ-нибудь съ поляками? Все, какъ ни была плоха Рѣчь-Посполитая, но при Стефанѣ Баторіи русскому народу жилось хорошо, да и не совсѣмъ плохо жилось при Ягеллонахъ. Что дѣйствительно тогда начиналось порабощеніе простонародья панствомъ и еврейскимъ элементомъ, то въ этомъ виноваты были, кажется, не столько поляки, у которыхъ въ Краковѣ тогда не только литературы не было, но даже придворнымъ языкомъ былъ русскій, а Краковъ весь былъ покрытъ православными церквами—виноваты сами русскіе. Само боярство Бѣлой, Малой и Червонной Руси поработило народъ, бросило свой языкъ, свои обычаи, само добровольно полѣзло въ польскій кузовъ. Его плѣнилъ блескъ латинской цивилизаціи, и оно, какъ Исавъ, продало свое первенство за чашку похлебки, да и то не изъ какихъ-нибудь трюфель, а изъ самой простой чечевицы. Такъ мудрено ли, что южное и западное русское племя, растративъ въ лицѣ своихъ представителей, тогдашнихъ боярства и отчасти мѣщанства, до сихъ поръ не можетъ выбиться изъ-подъ гнета польской народности, и что каждому западному русскому тяжелымъ процессомъ мышленія дается возможность воротиться въ общее русло русской жизни. Одинъ колеблется надъ выборомъ между Варшавой и Москвой, другой вздыхаетъ о Кіевѣ, третій о Сѣчи, четвертый утонулъ въ уніи, а пятый даже въ католицизмѣ. Борьба для нихъ стала легче, благодаря задаткамъ, положеннымъ въ нынѣшнее царствованіе, но десять лѣтъ тому назадъ эти задатки существовали только въ видѣ плана, а никакъ не въ видѣ фактовъ. Тяжелымъ искусомъ нужно было пройти, чтобъ изъ Głowackiego превратиться, въ своихъ собственныхъ глазахъ, въ Головацкого (Hołowackoho), а изъ этого наконецъ дойти до Головацкаго.

Товарищъ, пріятель и дѣятельный помощникъ о. Головацкаго, ратай за русское дѣло, замѣчательный администраторъ, распорядитель, это — клирошанинъ Куземскій, недавно рукоположенный въ холмскіе уніатскіе епископы, человѣкъ, отъ котораго мы имѣемъ полное право ждать, что онъ выручитъ нашу холмскую уніатскую епархію отъ власти поляковъ. Куземскій былъ въ послѣднее время душой Народнаго Дома, строителемъ всякихъ церквей, основателемъ русскихъ школъ и сдѣлалъ чудеса, служа блюстителемъ школъ при покойномъ митро-

политѣ Яхимовичѣ. Когда онъ вступилъ въ управленіе приходскими училищами, ихъ было не болѣе тридцати. Черезъ десять лѣтъ ихъ стало тысяча тридцать — цыфра, которая говоритъ сама за себя. Ненависть поляковъ къ Куземскому одинакова съ ихъ ненавистью къ Головацкому, и если римская курія согласилась намъ отдать Куземскаго, то далеко за причиной подобной любезности ходить не слѣдуетъ. Теряя съ каждымъ днемъ почву въ Россіи, католицизмъ и польщизна хотятъ укрѣпиться въ Австріи и поэтому стараются легальнымъ образомъ сбыть съ рукъ всѣхъ столповъ галицкой Руси. Оо. Головацкій и Куземскій были у нихъ бѣльмомъ на глазу. Если бы они могли избавиться еще отъ трехъ, четырехъ подобныхъ личностей, которыхъ я не назову, ихъ дѣло было бы выиграно.

— Знаете что, говорилъ мнѣ одинъ изъ тамошнихъ русскихъ дѣятелей — насъ такъ мало, мы такъ слабы, что потеря одного *доброго* ру́сина *) для насъ страшное несчастіе. Отъ добраго сердца русское правительство недавно предложило нашей молодежи пріѣзжать въ Россію и поступать въ коронную службу учителями и чиновниками. Съ лучшими рекомендаціями мы послали къ вамъ двадцать человѣкъ молодыхъ людей, которые уже выучились, на которыхъ правительство можетъ смѣло положиться, но мы уступили ихъ вамъ скрѣпя сердце, потому что вы въ нихъ нуждались, а мы готовы всѣмъ жертвовать для русскаго дѣла. У насъ лишній русскій чиновникъ, лишній русскій учитель имѣетъ колосальное значеніе; у васъ они потонутъ въ массѣ и, чего добраго, не принесутъ столько пользы русскому дѣлу, сколько бы намъ хотѣлось. Берите у насъ молодыхъ священниковъ, берите старыхъ священниковъ, вы намъ сдѣлаете этимъ услугу, потому что духовное званіе для насъ самое вѣрное и надежное средство существованія, а сверхъ того величайшее орудіе бороться противъ польщизны. Вмѣсто русскихъ чиновниковъ, учителей, посадятъ у насъ поляковъ или нѣмцевъ, тогда какъ на мѣсто меня, священника, ксендза посадить нельзя, а я на мѣстѣ ксендза состоять могу. Требникъ латинскій коротокъ, хитростей онъ никакихъ не представляетъ, посижу я за нимъ недѣльку, вотъ я и ксендзъ, въ особенности если же я дѣвственникъ или вдовецъ; латинскому же ксендзу въ священники

*) Ру́синъ, забылъ я сказать, произносится съ удареніемъ на первомъ, а не на послѣднемъ слогѣ.

попасть мудрено. Народъ они вообще неразвитый, потому что какому же молодому человѣку охота идти въ ксендзы, когда первое условіе его сана быть дѣвственникомъ, и вотъ въ ксендзы идутъ люди, которымъ дѣваться болѣе некуда. Способности быть юристомъ у него нѣтъ, механикомъ тоже нѣтъ; а курсъ латинскаго богословія проходится въ ихъ семинаріяхъ (духовныхъ академіяхъ) спустя рукава, и даже тѣ, которые идутъ въ ксендзы изъ политическихъ цѣлей, изучаютъ богословіе далеко не такъ серьезно, какъ мы. Мы знаемъ и латынь, мы знаемъ и по-гречески лучше ихъ, да, сверхъ того, мы знаемъ и по-церковному. Чтобы быть священникомъ, надо знать Уставъ, а Уставъ нашей восточной церкви выучить довольно не легко: надо знать наизусть всю литургію Василія Великаго, да сверхъ того литургію Іоанна Златоуста, вдобавокъ, всякія всенощныя, вечерни, утрени, полунощницы, великопостныя службы, а отъ этого отшарахнется съ ужасомъ любой ксендзъ. Потомъ, русскій священникъ волей-неволей долженъ хорошо знать русскій языкъ, а на мѣсто польскаго ксендза Іосифъ II, чтобъ онѣмечить поляковъ, сажалъ имъ не только чеховъ да хорватовъ въ ксендзы, а даже просто нѣмцевъ! Священникъ съ народомъ живетъ, а ксендзъ можетъ съ народомъ и не жить. Поэтому мы, русскіе священники, не можемъ быть нерусскими по происхожденію. Такъ берите же вы, господа россіяне, въ вашу холмскую епархію насъ священниковъ, и берите сколько вашей душѣ угодно. Мы вамъ будемъ за это безконечно благодарны; чѣмъ больше будете брать, тѣмъ больше вакансій будетъ открываться на приходы, тѣмъ будетъ и для васъ лучше, да и для насъ тоже— только не отнимайте у насъ чиновниковъ и учителей. Священниковъ намъ выгодно посылать въ Польшу: въ Польшѣ живетъ много уніатовъ. Уніаты, изъ недоразумѣнія, пугаясь бороды православнаго священника и считая православіе схизмой, идутъ охотнѣе въ костелъ, чѣмъ въ православную церковь, и этимъ, разумѣется, полячатся. Если онъ женатъ на католичкѣ, то въ Польшѣ онъ долженъ крестить своихъ дѣтей у ксендза, т. е. записывать ихъ въ католики. Отсутствіе уніатскихъ церквей во всѣхъ городахъ Польши — зло страшное для насъ, зло тѣмъ болѣе исправимое, что какъ въ уніатской церкви католическое епархіальное начальство можетъ исходатайствовать себѣ право поставить католическій алтарь, такъ точно и наше уніатское епархіальное начальство, гдѣ-нибудь въ Польшѣ, могло бы почти

ко всѣмъ костеламъ подѣлать русскіе придѣлы. Посмотрѣли бы мы, галицкіе священники, долго ли бы тогда продержался католицизмъ въ Польшѣ! Унія, какая ни на есть, все-таки вѣра русская, и вся разница между православіемъ и ею состоитъ покуда въ бородѣ, въ органѣ, въ незакрываніи царскихъ вратъ во всю службу, да въ двухъ, въ трехъ мелочахъ. Уніатскій священникъ не можетъ не привлечь на свою сторону мазуровъ, а мазуры, разставшись съ своей польской вѣрой, католицизмомъ, разстанутся окончательно съ польской народностью.

Признаться сказать, этотъ проектъ галицкаго агитатора показался мнѣ нѣсколько страннымъ. Я усомнился въ его практичности.

— Хотите, сказалъ онъ мнѣ — я вамъ докажу, что даже при всемъ нашемъ стѣсненномъ положеніи, мы производимъ эту операцію надъ здѣшними мазурами? Я вамъ покажу священника, который въ семь лѣтъ управленія однимъ львовскимъ подгороднымъ приходомъ присоединилъ къ русской церкви двѣсти восемьсотъ мазуровъ и присоединилъ ихъ отъ сосѣдняго ксендза, считающагося однимъ изъ талантливѣйшихъ и умнѣйшихъ католическихъ богослововъ и человѣкомъ очень способнымъ и очень честнымъ?

Курьёзъ меня взялъ большой. Я познакомился съ этимъ священникомъ и получилъ отъ него приглашеніе пріѣхать къ нему на нѣсколько дней въ его село, гдѣ я и прогостилъ что-то дней съ десять, такъ что имѣлъ полную возможность видѣть домашній бытъ галицко-русскаго духовенства и, узнать многое, толкуя съ моимъ гостепріимнымъ хозяиномъ съ утра до вечера о польскихъ дѣлахъ и о средствахъ распространенія русской народности.

V.

Мой хозяинъ, о. Р... человѣкъ еще очень молодой, находится въ настоящее время уже въ Россіи приходскимъ священникомъ около Сѣдлецъ и навѣрное не погнѣвается, если я передамъ часть его разсказовъ. Завѣтная его мечта, выбрать себѣ широкое поле дѣятельности, теперь осуществилась, и навѣрное онъ ужъ открыто можетъ прилагать свою систему къ окрестному католическому населенію. Систе-

ма эта весьма несложна. Священникъ бѣденъ, потому что получаетъ всего триста гульденовъ, имѣетъ семью, дѣтей, тратитъ послѣдніе гроши на русское дѣло, на поддержку театра, на поддержку литературы и дорожитъ каждымъ даяніемъ своихъ прихожанъ. Онъ за требы торговаться не станетъ,—ему, бѣднягѣ, жить нечѣмъ. Дадутъ ему двугривеный — онъ и двугривеный возьметъ, дадутъ ему гривеникъ — онъ и отъ гривеника не откажется. Что дѣлать? Бѣда, нужда, ѣсть нечего. И народъ имъ не брезгаетъ; не брезгаетъ имъ потому, что священникъ надъ нимъ не ломается и ночью пойдетъ исповѣдать больнаго, и съ похоронъ не слишкомъ много сдеретъ, да и наконецъ всегда его можно застать дома, запросто, въ его сапогахъ по колѣно и въ длинномъ черномъ сюртукѣ, потому что онъ ни съ кѣмъ и незнакомъ, кромѣ сосѣднихъ священниковъ. Придутъ ночью, постучатъ, покряхтитъ попъ, надѣнетъ длинные сапоги, долгополый сюртукъ, шляпу на свою гладко выбритую и подъ гребенку остриженную голову, возьметъ палочку, запасные дары и пойдетъ. Ксендзу этого дѣлать некогда. Онъ аристократъ, онъ баринъ, онъ съ панами знается, и ему нѣтъ никакой охоты залѣзать въ эти курныя хаты, въ эти кануры и трущобы, гдѣ въ вѣковомъ снѣ почіетъ забитое простонародье бывшихъ владѣній Рѣчи-Посполитой. Наконецъ, у него гости, обѣдъ, ужинъ, сосѣдній помѣщикъ пріѣхалъ къ нему переночевать; тутъ политика, соображеніе о томъ, какое участье можетъ принять Турція въ случаѣ новаго возстанія въ Польшѣ, тутъ Наполеонъ; интересы папы волнуютъ его душу; идетъ вопросъ о томъ, насколько Кёнигсбергъ и Одесса польскіе города; планъ о наполненіи нашего Новороссійскаго края польскими чиновниками; вопросъ о Drang-nach-Osten-Verein'ѣ разработывается!! Что ему до этихъ слѣпыхъ мазуровъ, которые родились подъ темною звѣздою, и что ему въ ихъ крейцерахъ, когда у сосѣдняго пана онъ за каждыя крестины получаетъ двадцать гульденовъ по меньшей мѣрѣ? Костелъ у него блестящій, поставленный иногда даже на русскомъ церковномъ погостѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ развалившейся церкви, воздвигнутой лѣтъ двѣсти тому назадъ прадѣдами этого самаго пана, отецъ котораго, сдѣлался, при помощи проѣзжаго іезуита, искреннѣйшимъ католикомъ. Ксендзъ привыкъ служить въ костелѣ приличномъ, а не въ лачужкѣ, гдѣ иконостасъ покривился, полы пляшутъ, гдѣ утварь чуть-что не оловяная, ризы въ

заплатахъ, и куда, кромѣ самого помѣщика да его дворни, почти никто изъ села не ходитъ, такъ какъ мазуръ бываетъ въ костелѣ только тогда, когда родится и когда умираетъ, потому что ему тамъ съ латинской мессой дѣлать нечего, да еще потому, что чего жъ свою дырявую сукню показывать ясновельможнымъ, а въ русской церкви изъ высшихъ сословій могутъ быть только бѣдные чиновники, которыхъ, какъ у меня выше было высчитано, весьма немного, учителя, да еще два офицера австрійской арміи, изъ которыхъ одинъ и проживаетъ постостоянно въ Вѣнѣ... Наконецъ, мазуръ не идетъ въ костелъ еще потому, что латыни не обучался, а ксендзу лѣнь серьезно заняться устройствомъ для него школъ, хотя бы даже польскихъ. Ксендзъ зависитъ не отъ хлоповъ и потому не имѣетъ особаго интереса развивать ихъ. У насъ католицизмъ все еще понимается довольно смутно; у насъ не видятъ его вопіющихъ слабыхъ сторонъ. Католицизмъ оборвался на латинскомъ языкѣ. Все духовенство, посылавшееся миссіонерствовать въ Германію, въ Галію, въ Британію, состояло преимущественно изъ итальянцевъ, римлянъ, не знавшихъ ничего на свѣтѣ, кромѣ латинскаго языка и считавшихъ варварскіе языки даже недостойными для проповѣди слова Божія, такъ какъ надпись на крестѣ ни на одномъ варварскомъ языкѣ сдѣлана не была. Сверхъ того варварскимъ языкамъ нужно было тоже учиться, а какъ же римляне могли унизиться до чего-либо подобнаго? Они несли къ варварамъ цивилизацію римской церкви, но несли ее совсѣмъ готовую, со всѣми ея формами, съ ея языкомъ, съ ея молитвенникомъ, костюмомъ; они дѣлали то, что дѣлаютъ теперь американскіе негры въ Либеріи, которые просвѣщаютъ Африку при помощи англійскаго языка, костюма, по формамъ правительства Соединенныхъ Штатовъ и съ протестантскими катехизисами въ рукахъ. Въ Либерію забираются разные дикари Ашанти, Дагомей, Мандинго, дѣти людоѣдовъ и мусульманъ приходятъ туда учиться, выучиваются и, возвращаясь домой, строятъ у себя европейскіе каменные дома, чрезвычайно полезные подъ экваторомъ, носятъ сюртуки, жилеты, крахмальныя рубашки, одѣваютъ своихъ женъ и дочерей въ кринолины и употребляютъ въ домашнемъ быту не родной, а англійскій языкъ—то же самое значеніе для средневѣковой Европы имѣлъ языкъ латинскій. Римская имперія пала, но Римъ Римомъ и остался. Какъ теперь для африканскихъ негровъ англійскій

языкъ сдѣлался языкомъ цивилизаціи, такъ тогда языкомъ цивилизаціи дѣлался языкъ римскій и, разумѣется, какъ въ протестантскихъ киркахъ въ Африкѣ проповѣдь идетъ по-англійски, такъ въ тѣ времена въ церквахъ гальскихъ, британскихъ, новообращенные варвары слушали Евангеліе по-латыни и зѣвали за непонятной имъ латинской литургіей блаженнаго Іеронима или Амвросія Медіоланскаго. Варварская аристократія, разумѣется, понимала, о чемъ идетъ дѣло, но масса понимать не могла и ходила въ церковь со страха или — отъ нечего дѣлать, людей посмотрѣть, себя показать. Священникъ тоже не всегда понималъ, что онъ такое читаетъ, а если и понималъ, то священнодѣйствовалъ неохотно,—слушатели ему не сочувствовали. Мало-по-малу явилась потребность сокращать богослуженіе, и потребность эта была вызвана именно непонятностью священнаго языка. Чѣмъ дальше шло, тѣмъ короче становилось богослуженіе, тѣмъ небрежнѣе дѣлалось латинское духовенство, и тѣмъ болѣе стало оно заботиться о томъ, чтобъ какъ-нибудь позанимательнѣе сдѣлать богослуженіе, чтобъ молящіеся не всегда засыпали. Стройное нотное пѣніе явилось подспорьемъ непонятному тексту, краснорѣчивая проповѣдь загремѣла съ высокой каѳедры, и наконецъ явился органъ. Цѣлость западной церкви была соблюдена, благодаря единству ея языка. Высшіе классы отъ этой цѣлости выиграли все, низшіе все потеряли. Искусство вѣкъ отъ вѣка становилось все болѣе и болѣе настоятельной потребностью, а здравый смыслъ массы сталъ болѣе и болѣе утрачиваться. Месса свелась на возможно короткую болтовню; духовенство, чуждое массѣ, принуждено было оторваться отъ нея окончательно и примкнуть къ высшимъ сословіямъ. Рыцарская жизнь закипѣла, дамы писали латинскіе стихи, богатые пріоры чуть не на турнирахъ красовались, папа и епископы командовали войсками, цвѣтъ аристократіи наполнилъ монастыри, а масса была такъ забита, какъ никогда ни у одного православнаго племени она не была забита. Гдѣ прошла тяжелая рука латинизаціи, тамъ явились полудикіе лазарони, тупоумный французскій paysan, раболѣпный тиролецъ, смѣшной швабъ; Испанія задохлась въ ея объятіяхъ и задушила въ нихъ южную Америку съ Мексикой. Смѣлыя попытки Гуса и Лютера, при всѣхъ ихъ ошибкахъ, расчистили эту удушливую атмосферу и дали нисшимъ классамъ право разбирать, во что имъ слѣдуетъ вѣрить. Но ка-

толицизмъ—поверхностный, блестящій,—остался и по наше время тѣмъ же католицизмомъ. Православіе въ этомъ отношеніи несравненно выше его и слѣдовательно сильнѣе. То, чего добиваются теперь либеральные католики, т. е. употребленія понятнаго языка при богослуженіи, женатаго духовенства, нѣкоторой свободы изслѣдованія въ православіи все это есть. Православіе вездѣ церковь національная и любимая своими послѣдователями. Католицизмъ проклинаетъ все лучшее, что есть во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи, въ южной Америкѣ. Православіе никогда серьезно не входило въ борьбу съ государствомъ; католицизмъ вездѣ знамя реакціи отстаиваетъ, онъ всюду status in statu, всюду, врагъ прогресса. Православіе столько для науки и для искусства, даже для цивилизаціи не сдѣлало, сколько сдѣлалъ католицизмъ; но оно дало своимъ послѣдователямъ крѣпкія силы и великіе залоги на будущее: оно дало имъ свободу мысли. Это странно, но это вѣрно. Церковь латинская — достояніе каноников, спеціальныхъ богослововъ, и догматы ея разрѣшаются на соборахъ спеціалистами по богословію, ея интересы охраняются конкордатами, враги ея казнятся инквизиціями, личность у нея непочемъ и непричемъ, міряне лишены права разсуждать о догматахъ. Въ восточной церкви все иначе: нѣтъ патріарха и нѣтъ собора, который могъ бы хоть что-нибудь измѣнить. Мелкія перемѣны въ обрядахъ вызвали въ православіи бурю расколовъ. У православія вѣра въ народѣ, у католиковъ въ спеціалистахъ и въ умственной и родовой аристократіи. Въ каждомъ русскомъ селѣ стоитъ церковь, иногда бѣдная, чахлая, но въ воскресенье эта церковь полна народа. Въ католическомъ селѣ народу въ церкви дѣлать нечего, и, сравнительно, костелъ всегда пустѣе церкви. Народъ ходитъ въ костелъ потому, что нельзя жъ не идти куда-нибудь въ воскресенье. Вѣка ввели это въ потребность, въ привычку, но католикъ въ костелѣ вовсе не то, что православный въ церкви. У католиковъ тысячу разъ мѣнялись обряды, и постоянно измышлялись новые договоры, у православныхъ все стоитъ постарому, потому что на сторонѣ православія большинство, на сторонѣ же католицизма — меньшинство.

Вотъ и приходитъ къ ксендзу хлопъ съ просьбой вѣнчать его, крестить его дѣтей, пріобщать умирающихъ, хоронить покойниковъ, — словомъ за требами. Ксендзу скучно возиться съ чернью, и онъ самъ посылаетъ его къ русскому священнику.

— Мнѣ некогда, говоритъ онъ, — я занятъ. Пойди ты къ русскому добродѣю.

— Да какъ же, отвѣчаетъ ему мазуръ, — пойду я къ русскому добродѣю, я вѣдь не его обряда?

— Ты, хлопъ, дурень, о чемъ ты со мной говоришь? Едина церковь, едина вѣра, едино спасенье, единъ святой отецъ у насъ въ Римѣ.

И хлопъ идетъ къ русскому священнику и говоритъ, что ксендзъ послалъ его справить свою требу къ нему, что ксендзу некогда, что у ксендза гости. Русскій священникъ ни чуть не прочь: едина церковь, едино спасенье, единъ святой отецъ въ Римѣ, вѣра одна и та же, онъ совершаетъ требу, приласкиваетъ хлопа, обходится съ нимъ по-человѣчески и вписываетъ его имя въ церковныя росписи. Выходитъ такъ, что хлопъ, другой, третій разъ оттолкнутый ксендзомъ, опять обращается къ священнику и опять попадается въ росписи, а изъ этого истекаетъ прямымъ послѣдствіемъ, что онъ начинаетъ заглядывать въ церковь, и что дѣти его крещены по русскому обряду, стало быть, дѣлаются на всю свою жизнь русскими, и что когда составляются списки, кто въ селѣ какого обряда, то оказывается, къ великому удивленію ксендза, что многіе мазуры подѣлались русинами. Дѣло идетъ въ Римъ, если ксендзъ осмѣливается довести это до Рима, откуда его, разумѣется, за оплошность не похвалятъ. Во всякомъ случаѣ, оказывается такая путаница, а мазуры до такой степени обрусѣли, что, послѣ долгой переписки, ихъ оставляютъ въ покоѣ.

Въ селѣ Рудномъ подобныя происшествія доходили даже до дѣловъ некрасивыхъ. Мазуры начинали колотить своихъ женъ за то, что тѣ не ходятъ въ русскую церковь, и вотъ изъ множества разсказовъ о. Р. одинъ, который у меня остался въ памяти:

Избитая баба побѣжала жаловаться къ ксендзу. Ксендзъ отправился къ о. Р. за объясненіемъ.

— Вы поймите, отвѣчалъ о. Максимиліанъ, — что я ужъ никакъ не стану наущать этого хлопа бить жену. Потолкуйте съ ней и дайте мнѣ съ ней потолковать;—что и было сдѣлано.

Слушай, сказалъ ей о. Максимиліанъ,—мужъ твой дѣлаетъ глупость, что онъ тебя бьетъ; и этой глупостью онъ оскорбляетъ вѣру. Христосъ никого силой къ себѣ не привлекаетъ, и если мужъ твой будетъ вести себя съ тобой такъ дурно и

такъ не по-христіански, то я постараюсь, чтобъ онъ ко мнѣ въ церковь не ходилъ: подобной паствы мнѣ ненужно. Между костеломъ и православной церковью разницы нѣтъ никакой, разница развѣ только въ томъ, что въ костелъ ходятъ паны, а ко мнѣ ходитъ только простой народъ. Разница въ томъ еще, что я даю вамъ причастіе подъ двумя видами, а въ костелѣ дается вамъ подъ однимъ видомъ. Русская церковь — вѣра простаго народа. Причащаю я васъ не пальцами, не въ перчаткахъ, не вынимаю въ перчаткахъ изъ чаши тѣла Господня, а просто смѣшиваю его съ кровью, даю вамъ каждому по ложечкѣ, не взирая на то, что у инаго ротъ нечистъ или губы больны, а потомъ все, что отъ васъ остается, самъ выпиваю. Въ костелѣ дѣлается иначе: костелъ простаго народа не любитъ. Хочешь ты молиться тамъ вмѣстѣ съ панствомъ — молись, вѣра одна; а мужъ твой тебя бить не посмѣетъ, потому что иначе я наложу на него такую эпитимью, что онъ спасибо не скажетъ.

Это было въ суботу. Съ воскресенья баба стала ходить исключительно въ церковь въ силу убѣжденія.

Противъ подобной системы можно возразить, что она не лишена нѣкоторой доли іезуитизма. Да, но не такъ ли ксендзы поступали и поступаютъ съ уніатами? И не такими ли же самыми мѣрами они оттягали отъ нихъ все русское дворянство? Не такими ли мѣрами они лишили ихъ вѣры, языка, убили въ нихъ патріотизмъ, извратили ихъ пониманіе, и не они ли довели уніатское духовенство до того, что оно должно было прибѣгнуть къ подобной системѣ? A la guerre, comme à la guerre. Не поступать такъ, значитъ сдѣлаться поляками. Хлопы пойдутъ за дворней, какъ дворня пошла за панами. Поляки встали было противъ насъ во имя своей національности и встали въ то время, когда мы сочувствовали Гарибальди, а послѣ своего повстанія борятся съ нами въ то время, когда мы такъ громко заявляемъ свое сочувствіе славянскимъ національностямъ. Разбирая безпристрастно, мы не имѣли ни малѣйшаго права ихъ усмирять, а должны были уступить имъ и Одессу, и Смоленскъ, и Кіевъ, да и, пожалуй, по теоріи Духинскаго, Псковъ и Новгородъ; по теоріи же Чайковскаго — Донъ, Волгу, Уралъ и, пожалуй, Томскъ, потому что тамъ населеніе составилось отчасти изъ казаковъ, потомковъ, по его словамъ, польской шляхты и новгородскаго купечества. Къ этому мы должны были-бы пристегнуть Киргизкую степь, такъ какъ въ Киргизкой степи со-

хранился до сихъ поръ рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ, и такъ какъ Киргизкая степь выработала аристократію, такъ называемую *бѣлую кость.* По теоріи Чайковскаго, намъ слѣдовало бы отказаться и отъ Кавказа, и не держать его въ рукахъ, потому что черкесы народъ тоже рыцарскій, а на правомъ флангѣ даже и аристократическій. Ташкентъ, Хива, Бухара, имѣютъ право развивать свою татарскую національность; національность зырянская и якутская тоже, можетъ быть, что-нибудь принесетъ въ сокровище рода человѣческаго и т. д. и т. д... Съ ихъ точки зрѣнія, мы, разумѣется, неправы, мы варвары, о чемъ намъ чуть не ежедневно заявляютъ иностранныя газеты, въ чемъ намъ съ ними спорить, само собою разумѣется, не приходится. Но намъ предстоитъ выборъ или поступиться нашимъ государствомъ во имя принциповъ, или поступиться принципами во имя государства. Средняго нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не видно,—стало быть, приходится по одежкѣ протягивать ножки,—не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велѣлъ. Очень жалко, что противъ поляковъ приходится употреблять такія крутыя мѣры; очень жалко, что надо русить дикія племена во что бы то ни стало; при всей гуманности и при всемъ отвращеніи къ кровопролитію, запасаться игольчатыми ружьями и нарѣзными пушками,—но плетью обуха не перешибешь, а солому только сила ломитъ. Некрасивы дѣйствія такихъ поборниковъ русской церкви, какъ Р. но не можемъ же мы не сказать имъ спасибо, и, какъ бы то ни было, мы обязаны имъ содѣйствовать, хотя бы изъ эгоизма. Наши братья временъ Дмитрія Донскаго, Василія Темнаго, Семіона Гордаго и Иванъ Гордый были люди, по всей вѣроятности крайне несимпатичные, но не будь ихъ, мы до сихъ поръ были бы холопами татаръ, или точно также подпали бы подъ костелъ, какъ эти галицкіе хлопы. Отъ политическихъ дѣятелей, какъ и отъ дѣятелей мысли изящества не требуется,—никто въ вину не поставитъ Бисмарку его личныхъ недостатковъ... Кому какое дѣло до нихъ?

Благо есть возможность покончить польскій вопросъ, то—и да будетъ онъ конченъ. Намъ меньше хлопотъ, да и полякамъ меньше мученія. Система священника Р. приложима къ дѣлу, а коли приложима, то, значитъ, и годится, то, значитъ, и надо ею пользоваться,—во всякомъ-же случаѣ, переселеніемъ его въ

Россію мы пріобрѣли великаго дѣятеля и великаго пропагатора русской народности.

Говорить о священникѣ Лавровскомъ, Ливчакѣ, братѣ издателя «Страхопуда», мы не станемъ; послѣдній тоже въ Россіи и тоже усердно трудится въ пользу русскаго дѣла; вообще мы скажемъ, что хотя не знаемъ, кому мы этимъ обязаны, что подборъ духовенства, перешедшаго къ намъ, вообще какъ нельзя болѣе удаченъ и такъ удаченъ, что возбудилъ ненависть мѣстнаго нашего духовенства, которое подняло противъ пришельцевъ вопль опозиціи и негодованія. Наше уніатское духовенство, пріѣзжавшее лѣтомъ 1866 г. во Львовъ за рукоположеніемъ, изумило духовенство галицкое своею полуграмотностью, своимъ отсутствіемъ патріотизма, польскостью и отвращеніемъ ко всему русскому. Введеніе въ нашу уніатскую епархію галицкихъ священниковъ произвело негодованіе въ средѣ священниковъ холмскихъ и сѣдлецкихъ. Всѣ ихъ польскія стремленія были оскорблены, поруганы, и противъ нихъ возстала русская сила, возстала въ нихъ собственная среда, ворвалась въ ихъ жизнь, въ ихъ бытъ, разрушила всѣ ихъ вѣрованія въ превосходство западной цивилизаціи передъ восточной. Новоприбывшихъ окружили интригами, угостили доносами, но каленные галицкіе дѣятели не смутились, не выдали русскаго дѣла. Честь имъ и слава!

VI.

Что меня больше всего удивляло въ Галичинѣ, это — домашній бытъ священниковъ. Я опять-таки долженъ напомнить читателю, что тамъ, кромѣ священниковъ, образованныхъ русскихъ почти нѣтъ. Для сыновей ихъ есть гимназіи и семинаріи (духовныя академіи), для дочерей нѣтъ ровно ничего. Отдавать ихъ въ польскіе пансіоны священники съ 1848 г. не рѣшаются потому, что польское учебное заведеніе, во-первыхъ, внушитъ дѣвочкѣ отвращеніе къ родному обряду — а обрядъ тамъ есть народность — къ родному языку, къ роднымъ преданіямъ и отучитъ ее ото всего, что дорого родителямъ, такъ что дочери получаютъ воспитаніе только дома, — воспитаніе, ограничивающееся знаніемъ русскаго, нѣмецкаго и

польскаго языковъ и игрой на фортепіано. Если къ этому прибавить первоначальныя свѣдѣнія въ ариѳметикѣ, въ географіи, въ исторіи, то дальше и требовать будетъ нечего, т. е. ни одна изъ нихъ многаго не читала, не знаетъ ни по-французски, ни по-англійски, ни одна изъ нихъ не въ состояніи поддержать серьезнаго разговора, и вообще ни одна изъ нихъ, по развитію своему, не равняется своему будущему мужу. Мнѣ случалось даже видѣть попадьянокъ, т. е. дочерей поповъ, не умѣвшихъ писать. Вообще на женское воспитаніе галичане обратили чрезвычайно мало вниманія, но винить ихъ въ этомъ нельзя. Они положили всѣ свои силы, они кладутъ всѣ свои послѣднія деньги на образованіе дѣятелей. Дѣятельницъ у нихъ нѣтъ, потому что, кромѣ польскихъ школъ, у нихъ ничего нѣтъ. Отцы сами не могутъ заниматься съ дочерьми, потому что и самъ отецъ прошелъ только тяжелой семинарской наукой и потому, что учить своихъ дочерей по-латыни и по-гречески, богословію, философіи, хотя бы и не мѣшало, но, во-первыхъ, не принято, а во-вторыхъ, времени даже не хватаетъ. Вообще, развитіе галицкихъ русскихъ дамъ, за весьма немногими исключеніями — безъ исключеній правила нѣтъ — не превосходитъ развитія нашихъ дѣвушекъ духовнаго и чиновничьяго званія средняго класса, хотя я видѣлъ между попадьями и попадьянками женщинъ очень умныхъ, которыя меня закидывали вопросами о Турціи, о Молдавіи, западной Европѣ. Средствъ достигнуть развитія нашихъ свѣтскихъ дамъ у нихъ не было. Вина въ этомъ не ихъ, но надо имъ отдать колосальную честь, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ хлопочутъ о воспитаніи своихъ дочерей, и что онѣ сами оказались хорошими товарищами своимъ мужьямъ. Въ 1866 г., когда я съ ними познакомился, онѣ всѣ были въ великомъ негодованіи на насъ. Только-что передъ тѣмъ, помнится, въ Холмѣ была открыта женская уніатская гимназія; было не то извѣщено, не то слухъ прошелъ, будто въ эту гимназію будутъ принимать *безплатно* ихъ дочерей. Человѣкъ съ шестьдесятъ священниковъ, собравши послѣдніе гульдены и запрягши собственныхъ лошадокъ въ свои допотопныя брики, двинулись въ городъ и воротились съ носомъ; имъ сказали, что комплектъ наполненъ, вакансій нѣтъ и нѣтъ особаго предписанія принимать учепицъ изъ-за границы. Попадьи и попадьянки негодовали и винили въ этомъ опять-таки не наше правительство, а приписывали всю эту продѣлку какой-

то польской интригѣ, агитаціи знаменитой графини Кобагъ, которая, по ихъ словамъ, нарочно для этого ѣздила въ Варшаву и, пользуясь своими тамошними связями съ католическимъ духовенствомъ и мѣстной аристократіей, разстроила все дѣло. Разсказывали мнѣ, что эта старая графиня — знаменитый пропагандаторъ польской національности въ Галичинѣ; она завела тамъ институтъ *служебничекъ,* т. е. служанокъ: забираетъ польскихъ и русскихъ дѣвушекъ къ себѣ, учитъ ихъ католическому катехизису, водитъ ихъ въ костелъ и, пользуясь своимъ вліяніемъ, заставляетъ ихъ переходить изъ русской вѣры въ латинскую, а урожденныхъ католичекъ фанатизируетъ, доставляетъ имъ мѣста въ частныхъ домахъ, гдѣ онѣ, подъ видомъ прислуги, проповѣдуютъ католическую вѣру и польскую народность іезуитскимъ манеромъ.

Галицкія попадьи — народъ хорошій и веселый. Былъ я въ одномъ галицкомъ селѣ на имянинахъ у священника. Имянины священника тамъ справляются всѣми его сосѣдями верстъ на двадцать въ окрестности. Имянинникъ былъ человѣкъ молодой, мѣсяцевъ шесть тому назадъ занявшій приходъ, а мѣсяцевъ восемь тому назадъ женившійся. Молоденькая его попадья, можетъ быть, всего лѣтъ шестнадцати, семнадцати, очень хорошенькая собой, сидѣла за фортепіано и играла польки, вальсы, смѣнялась своей еще болѣе юной сестренкой, сама танцовала, танцовали учителя, танцовали чиновники, и когда послѣ ужина венгерское вино, которое тамъ очень дешево, такъ что каждый бѣдный чиновникъ можетъ поставить его нѣсколько бутылокъ, зашумѣло въ головахъ, то и сами ученые отцы-духовники и наставники русскаго народа, въ своихъ длинныхъ сюртукахъ и въ сапогахъ по колѣно, пріударили въ мазурку и въ мазура. Въ первый разъ, долженъ я признаться, видѣлъ я эти два танца, и въ первый разъ понялъ я, какъ они хороши! Наша обыкновенная бальная мазурка—карикатура на то, что я видѣлъ, а о мазурѣ у насъ даже и понятія не имѣютъ. Это танецъ чрезвычайно живой, напоминающій собой французскій кадриль, но, разумѣется, безъ всякаго канкана. Одна пара держится за руки, другая ныряетъ подъ эти руки, становится за нею, ныряетъ третья подъ вторую, выходитъ невѣроятная цѣпь, подъ которой мелькаетъ то попъ съ попадьей, учитель съ учительницей, чиновникъ съ чиновницей, дьячекъ съ дьячихой, студентъ съ попадьянкой, затѣмъ все сплетается, перекрещивается, разбѣ-

гается по разнымъ комнатамъ, опять переплетается, мѣняется дамами, падаетъ на колѣни, и все это такъ весело, такъ честно и благопристойно весело, то, что у французовъ встрѣчается не особенно часто. И странно мнѣ было стоять у дверей, съ однимъ старымъ, сѣдымъ какъ лунь клирошаниномъ (каноникомъ).

— Да развѣ у васъ, ваше высокопреподобіе, спросилъ я его, — примѣняясь къ мѣстному способу выраженія — разрѣшается духовенству танцовать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ — по Уставу не можно. То добре знаемо. А що жъ? суть молодіи люди!

Хорошій народъ эти попадьи. Наши дамы въ гостиной уходятъ въ свой собственный кружокъ, отдѣляясь отъ мужчинъ, точь-въ-точь какъ галичанки. Но наши дамы, на сколько я ихъ знаю, гораздо менѣе сочувствуютъ народному дѣлу. То, что у нашихъ дамъ французскій языкъ, то самое у попадей и попадьянокъ былъ языкъ польскій. За этотъ языкъ ихъ принимали въ высшее польское общество, за этотъ языкъ ихъ всюду принимали или, пожалуй, *терпѣли;* съ этимъ языкомъ и съ готовностью идти въ католицизмъ онѣ могли выходить замужъ даже за пановъ. Насталъ 1848 г... Воскресла Галицкая Русь, и попадьи съ попадьянками заговорили дома по-русски, а это, при мѣстныхъ нравахъ, былъ подвигъ немалый.

— Глядить, говорила мнѣ одна молоденькая попадья, вышедшая ко мнѣ съ полуторагодовымъ ребенкомъ на рукахъ — глядить, що міи Ясю вамъ буде ôтповѣдати (отвѣчать). Запытайть го (спросите его), кто онъ такіи е?

— Добре, сказалъ я — запытаю. Ясю, міи коханый, кто ты такіи есь?

— Юсинъ, (т. е. русинъ) отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Нѣ, Ясю, отвѣчала мать — ты есь ляхъ.

— Нѣ, мама, я емъ юсинъ! чуть чуть не заплакалъ Яся.

А это была женщина молодая, красивая, и если бы ея Яся не былъ русиномъ, она была бы допущена во множество сосѣднихъ панскихъ домовъ; изъ патріотизма она отреклась отъ общества.

Пріѣхалъ я къ другому священнику. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, страстный охотникъ до всякихъ птицъ, съ которыми онъ прежде всего счелъ долгомъ меня познакомить, что, впрочемъ не мѣшало ему быть очень умнымъ человѣкомъ вообще и весьма дѣятельнымъ русскимъ въ особенности. Какъ всѣ га-

лицкіе священники, онъ очень переконфузился моимъ появленіемъ въ его домѣ, во-первыхъ потому, что я былъ православный, стало быть, человѣкъ, котораго принять къ себѣ и безъ того преступленіе; а во-вторыхъ, россіянинъ, турецкій подданный. Отрекомендовавъ меня своимъ птицамъ, онъ юркнулъ въ другую комнату и вышелъ ко мнѣ съ извиненіемъ, что его жена больна и лежитъ въ постели; но такъ какъ она отъ роду не видала россіянина, а тѣмъ болѣе россіянина изъ Турціи, то проситъ меня извинить ее, что приметъ меня въ постели, и онъ провелъ меня къ ней. Мы вошли къ ней. Она извинилась по-малороссійски — по-книжному она не знала, — что принимаетъ меня лежа.

— Но, сказала она — я не хочу упустить случая познакомиться съ путешественникомъ. Послушайте, вы въ Россіи говорите на нашемъ языкѣ?

Я придвинулъ стулъ къ кровати. Мужъ и семнадцатилѣтній сынъ ея, семинаристъ, сѣли подлѣ. Я не помню хорошенько, что мы именно говорили съ ней, но помню, что однимъ изъ первыхъ словъ было сожалѣніе, что Галичина до сихъ поръ не принадлежитъ Россіи, что ни она, ни ея мужъ, ни ея сынъ не умѣютъ говорить обще-русскимъ языкомъ, и что русская народность такъ загнана. Что-то очень умное и теплое слышалось мнѣ изъ устъ этой больной женщины. Подали кофе. Придвинули столъ, чтобъ поставить на немъ чашки.

— Знаете, господинъ, я слышала, что вы будете писать объ нашей Галичинѣ, и если вы меня хорошо понимаете — а я худо говорилъ по-малороссійски — будьте вы добры, помяните въ вашей книгѣ объ насъ, объ галицкихъ женщинахъ. У насъ нѣтъ средствъ къ образованію; мы далеко не то, чѣмъ могли бы быть, мы далеко не такіе товарищи нашимъ мужьямъ, какими бы намъ быть слѣдовало. Учиться нѣтъ средствъ, мы бѣдны. Слава Богу, что у меня нѣтъ дочерей. Я сама не получила серьезнаго образованія что я бренчу на фортепіано, что я знаю по-польски и по-нѣмецки, еще ровно ничего не значитъ. Намъ, галицкимъ женщинамъ, даже книгъ нельзя достать, чтобъ развиться. Только мужья наши, наши попы отстаиваютъ русскую народность, мы имъ помогать не можемъ. Пожалуйста, помяните въ вашей книгѣ объ насъ, бѣдныхъ. Пусть бы нашихъ дочерей воспитывали въ Холмѣ. Мы здѣсь гибнемъ, мы здѣсь задыхаемся и бороться не можемъ съ

польками, которыя, получивъ свѣтское образованіе, оттѣсняютъ насъ отъ общества; мы передъ ними конфузимся, мы не владѣемъ съ тѣхъ поръ, какъ порвали все съ поляками, свѣтскостью. Господинъ, не забудьте насъ, попадей, въ вашей книгѣ.

Въ одномъ селѣ помѣщикъ нарочно поставилъ каменный костелъ саженяхъ въ трехъ отъ старой русской покривившейся церкви, да каменный домъ ксендзу, саженяхъ въ трехъ отъ деревяннаго домика русскаго священника. Былъ какой-то католическій праздникъ. Къ ксендзу съѣхалось окрестное панство, потому что ксендзъ хоть и много получаетъ, но долженъ, по обычаю, давать вечера и въ одинъ приходскій праздникъ принять у себя мѣстную аристократію. Былъ ужинъ. Поляки пили и, какъ всѣ поляки на свѣтѣ, заговорили о политикѣ. Разговоръ оборвался знаменитой пѣснею, затянутой однимъ изъ гостей:

Jeszcze Polska nie zginięła,
Pokie my żyjemy,
Co nam obca moc wyderła
Mocą odberzemy *)

Попадья, женщина очень простая и не хитрая, — въ эту минуту спокойно хлопотала около дѣтей и на кухнѣ, но звуки польскаго марша наконецъ надоѣли ей до того, что отъ нихъ никуда не могла дѣться. Дѣло было лѣтомъ. Прямо противъ оконъ ксендза проходилась ея гостиная, въ которой стояло фортепіано. Она присѣла, ударила по клавишамъ и запѣла извѣстную пародію этой самой пѣсни, сложившуюся въ Галичинѣ, разумѣется, на тотъ же мотивъ:

Jeszcze Polska nie zginięła,
Ale zginąć musi!
Czego niemec nie wydusił,
Moskal to dodsi! **)

. .

*) Еще Польша не сгинула,
Покуда мы живы,
Что у насъ силой отняли,
Силой воротимъ.

**) Еще Польша не сгинула,
Но згинуть должна,
Чего нѣмецъ не выдушилъ,
То москаль додушитъ.

ІЕРЕИ И ЕВРЕИ.

II.

ЕВРЕИ *).

I.

Въ галицкомъ селѣ, сказалъ я, начиная этотъ отдѣлъ моихъ записокъ, среди бревенчатыхъ, выбѣленныхъ известкою хатъ, стоятъ два каменныя зданія: церковь и корчма — первая, впрочемъ, сплошь и рядомъ деревянная, но корчма почти всегда каменная. Между бѣлыхъ хлоповъ два черные человѣка: это священникъ и корчмарь, служитель нравственности и служитель разврата. Оба они, своими понятіями, своимъ образомъ жизни, своими стремленіями, рѣзко отличаются отъ окружающихъ ихъ хлоповъ, насчетъ которыхъ они живутъ и которые безъ нихъ обойтись не могутъ. О значеніи іерея въ Галичинѣ мы разсказывали — переходимъ теперь къ еврею.

Много было писано въ послѣднее время pro и contra этого страннаго племени, гонимаго, презираемаго и такъ жестоко мстящаго своимъ гонителямъ. Едва ли есть на землѣ какой другой народъ или секта, до такой степени непроизводительная, какъ эти люди, считающіе себя потомками Авраама, Исаака и Іакова. Страны, въ которыхъ они поселились, ровно ничего не выиграли отъ гостепріимства, оказаннаго ими евреямъ;

*) Слѣдующія мои письма объ евреяхъ возбудили негодованіе людей, которыхъ я не имѣю причины не уважать. Нѣкоторые изъ этихъ людей писали мнѣ объ этомъ письма, дѣлали мнѣ упреки, обозвали меня ретроградомъ и консерваторомъ. Осмѣливаясь печатать снова мои жесткіе отзывы, я долженъ сдѣлать оговорку, что между евреями у меня есть не только близкіе пріятели, но и лучшіе друзья, и что нѣтъ правила безъ исключенія. На эти мои письма объ евреяхъ я прочиталъ много возраженій; но всѣ эти возраженія не убѣдили меня въ томъ, чтобъ евреи были бы народъ дѣйствительно производительный, хозяйственный, полезный для государства и могущій быть патріотами. Я, можетъ быть, ошибаюсь, но лучше ошибки я себѣ ровно ничего не желаю. Пусть то, что я разсказываю теперь объ нихъ, окажется клеветой. Никто такъ опроверженію этой клеветы радоваться не будетъ, какъ я самъ.

земли бывшаго Королевства Польскаго до сихъ поръ не отличились ни фабриками, ни мануфактурами, ни ученостью, ни особеннымъ благосостоянiемъ. Еврей — промышленникъ, но промышленность его ни на шагъ не подвинула народнаго богатства края, въ которомъ онъ поселился, а, напротивъ, разорила его и довела массу населенiя до той степени умственнаго паденiя, которое поляки такъ вѣрно характеризуютъ, называя хлоповъ *быдломъ*. Перебирая старыя архивныя дѣла, старые законы и литературу Бѣлой, Малой и Червонной Руси, мы постоянно находимъ, что тамъ до нашествiя евреевъ существовалъ огромный и зажиточный классъ мѣстнаго христiанскаго купечества, которое было такъ сильно и значительно, что для него требовались особыя привилегiи, особые уставы, суды, пониженiе въ пошлинахъ; а въ настоящее время мы не только не видимъ купца южнорусскаго или бѣлорусскаго, но даже себѣ представить не можемъ, какiе купцы могли бы выйти изъ этихъ двухъ отраслей великаго русскаго племени. Хлопъ всегда можетъ представить себѣ, что у него будетъ не пара воловъ или лошадей, а десять паръ, что у него будетъ не простая бревенчатая хата, а каменный домъ, что у него будетъ не двадцать морговъ земли, а двѣсти; но не представитъ себѣ, что онъ заведетъ лавочку или корчму — это выше его умственныхъ понятiй, это для него также невозможно, какъ нашему мужику невозможно мечтать о томъ, что онъ сдѣлается негромъ. Евреи совершенно убили всякую нацiональную промышленность, духъ предпрiимчивости въ западномъ русскомъ народѣ и прiучили его нуждаться въ чемъ бы то ни было. Стоитъ переѣхать прежнюю границу Королевства Польскаго, чтобъ замѣтить огромную разницу между нашимъ бытомъ и бытомъ, сложившимся въ этомъ несчастномъ государствѣ. У насъ, на станцiи желѣзной дороги, въ гостиницѣ, никто не осаждаетъ путешественника навязчивымъ предложенiемъ услугъ, предложенiемъ купить что̀-нибудь, продать, отыскать; у насъ каждый долженъ думать самъ о себѣ и самъ за себя стараться, вслѣдствiе чего нацiональный нашъ *) характеръ представляетъ несравненно болѣе самостоя-

*) Я говорю, разумѣется, не о высшихъ классахъ; вслѣдствiе особыхъ политическихъ условiй, они въ западныхъ губернiяхъ распорядительнѣе, чѣмъ у насъ. Привычка смотрѣть на правительство и на мѣстную власть, какъ на личныхъ враговъ, дала имъ закалъ совершенно особаго рода — изворотливость и ловкость во всякаго рода дѣлахъ.

тельности и дѣловитости, чѣмъ характеръ уроженцевъ Западнаго Края или Царства Польскаго. Мы привыкли дѣлать все сами, несмотря на то, что полтораста лѣтъ не-русскаго воспитанія и барства сдѣлали насъ, даже въ помѣщичьемъ сельскомъ хозяйствѣ, людьми крайне непрактичными; но несмотря на то, что у насъ такъ легко лопаются всякія торговыя предпріятія и акціонерныя общества, въ массѣ нашего народа, въ нашемъ купечествѣ есть бездна практическаго смысла, умѣнья дѣла обдѣлывать. Еслибъ наше законодательство прежнихъ временъ не стало на каждомъ шагу стѣснять нашу промышленность разными узаконеніями о припискѣ и увольненіи отъ обществъ, о цехахъ, еслибъ политическія обстоятельства не заставляли насъ до сихъ поръ строго придерживаться паспортной системы — словомъ, еслибъ намъ въ нашемъ развитіи не сопутствовало, какъ выражается графъ А. Толстой: «горе прежнихъ временъ» то, мы не сомнѣваемся, что у насъ былъ бы и торговый флотъ, и промышленность, и избавились бы мы отъ рукъ иностранцевъ, отбивающихъ у русскихъ и кусокъ хлѣба, и охоту предпринимать чтò-нибудь серьёзное. Въ земляхъ бывшаго Королевства Польскаго все шло иначе: хлопъ ничего не покупалъ у пана, панъ ничего не покупалъ у хлопа, потому что оба, благодаря еврейскому элементу, совершенно потеряли всякую способность торговать. Еврей ни фабрикъ не заводилъ, ни за ремесло не брался, ни земли не пахалъ, а былъ и есть посредникомъ между производителемъ и потребителемъ, на счетъ которыхъ жилъ и живетъ, благоденствуя, впрочемъ, весьма незавиднымъ образомъ.

На это можно сказать, и говорятъ обыкновенно: кто же мѣшаетъ христіанамъ конкурировать съ евреями? Вѣдь христіане пользовались всегда особыми преимуществами передъ сынами Израиля? Христіане были дóма; чтò же заставило ихъ закрыть лавки, оставить ремесла и свести свою жизнь или на нѣгу панства или на тяжелую земледѣльческую работу хлопства? Въ чемъ состоитъ тайная сила, которая отдала бывшее Королевство Польское въ руки этихъ пришельцевъ?

По тому, сколько я изучалъ еврейскій вопросъ въ Галичинѣ, а потомъ въ Молдавіи, мнѣ кажется, что загадка разъясняется особою манерою евреевъ вести дѣла и особеннымъ характеромъ, унаслѣдованнымъ ими если не отъ сыновъ Израиля, то, по крайней мѣрѣ, отъ ихъ братьевъ по крови и по языку,

финикіянъ. Во-первыхъ, христіанинъ-торговецъ сидитъ въ своей лавкѣ и дѣлаетъ всевозможные обороты съ полнымъ уваженіемъ къ своему званію и къ самому себѣ. Кто не знаетъ, какъ русскій или нѣмецкій купецъ, или ремесленникъ гордъ своимъ занятіемъ? Русскій мальчикъ, котораго отдаютъ въ ученье портняжному дѣлу, учится ему съ серьёзной цѣлью сдѣлаться портнымъ, и хвастается своимъ умѣньемъ сшить жилетъ или пальто. На ремесло свое онъ смотритъ какъ на своего кормильца; онъ собирается быть портнымъ во всю свою жизнь и нисколько не думаетъ о томъ, что выгоднѣе было бы сдѣлаться часовымъ мастеромъ, музыкантомъ или контрабандистомъ. Исключенія, разумѣется, бываютъ, но христіанинъ-портной, которому достались какими-нибудь судьбами рублей сто, обыкновенно пуститъ ихъ въ оборотъ по своему портняжному ремеслу — цѣль его, задача его жизни, его pium desiderium быть не подмастерьемъ, а хозяиномъ, открыть магазинъ гдѣ-нибудь не въ Устьсысольскѣ, а въ Петербургѣ, и въ Петербургѣ не въ Коломнѣ, а на самомъ Невскомъ. Онъ серьезно относится къ своему ремеслу, онъ имъ доволенъ, оно его слава, его гордость, его честь, и внѣ его онъ ничего знать не хочетъ и ничего не уважаетъ. Поэтому, ремесленники-христіане — будутъ ли то англичане, французы, нѣмцы или русскіе — всегда бываютъ ремесленниками дѣльными и серьёзными. У насъ, у русскихъ, разумѣется, серьёзный ремесленникъ представляетъ еще большую рѣдкость, потому что наши потребности слишкомъ еще чужды для насъ и не успѣли создать правильнаго класса производителей. Но если мы затрудняемся сплошь и рядомъ обратиться съ заказомъ къ ремесленнику русскому, предпочитая ему иностранца, то не забудемъ же, что все, что̀ потребляетъ народъ нашъ въ одеждѣ, въ домашней утвари, въ богослуженіи и въ развлеченіяхъ, все производится имъ же самимъ, и производится весьма не плохо.

Совершенно другой типъ представляетъ еврей. Трудно отыскать еврея-ремесленника, который не зналъ бы еще какого-нибудь ремесла сверхъ того, какимъ онъ занимается въ настоящую минуту. Еврей-столяръ въ то же время и слесарь, и сапожникъ, и парикмахеръ и, сверхъ всего этого, непремѣнно корчмарь, не говоря уже, что онъ, неизбѣжнымъ образомъ, факторъ. Сто̀итъ зайти въ любую еврейскую мастерскую, чтобъ видѣть, ка̀къ они *не работаютъ*. *Они* занимаются не столько работой,

сколько разговоромъ и разсказами о томъ, ка̀къ Ицекъ изъ рубля сдѣлалъ десять рублей, и ка̀къ Шмуль оборвался и потерялъ свои, невѣроятною бѣготней нажитые сто рублей.

Нѣтъ натуры подвижнѣе еврейской: еврей вѣчно въ хлопотахъ, вѣчно въ занятіяхъ. Вы заказываете ему столъ, онъ прежде всего заламываетъ, какъ и русскій, невѣроятную цѣну, торгуется, разъ двадцать уходитъ, разъ двадцать возвращается и, наконецъ, соглашается на предложеніе, которое кажется безобиднымъ и для васъ и для него. Затѣмъ, онъ отправляется въ свою мастерскую; но по дорогѣ онъ видитъ трехъ пріятелей на улицѣ, которые размахиваютъ руками, кричатъ, спорятъ и разсуждаютъ о томъ, кто ка̀къ нажился и кто ка̀къ разорился. Живая натура еврея-столяра не выдерживаетъ. Онъ вступаетъ въ разговоръ и узнаетъ, что въ такомъ-то домѣ продается очень выгодно, за четверть цѣны, старый жилетъ, который, если его только почистить и въ двухъ мѣстахъ позаштопать, то можно будетъ продать съ барышомъ въ 500%. Сейчасъ же въ головѣ у него начинаетъ мелькать разсчетъ, что изъ денегъ, которыя онъ получитъ отъ васъ за столъ, онъ можетъ сдѣлать оборотъ, и онъ принимается за работу не съ любовью къ ней, а съ отвращеніемъ: она стыдитъ его, она ему въ тягость, потому что у него въ головѣ завязла мысль, ка̀къ выгодно торговать подержаннымъ платьемъ, и отъ этой мысли онъ освободиться не въ силахъ. Столъ дѣлается вамъ скверно: если онъ хорошо выструганъ, то дурно склеенъ, если онъ хорошо склеенъ, то дурно собранъ, если хорошо склеенъ и собранъ, то навѣрно доски сырыя. Этотъ почтенный столяръ-еврей вовсе не разсчитываетъ оставаться столяромъ всю свою жизнь: у него не то на умѣ. Онъ столярничаетъ потому, что надобно же чѣмъ-нибудь перебиваться, покуда какой-нибудь ловкій оборотъ или какая-нибудь комисія не дадутъ ему возможности распрощаться съ столярнымъ ремесломъ, завести лавку и торговать хоть бакалейными товара̀ми. И вотъ этотъ столяръ, послѣ разныхъ невѣроятныхъ оборотовъ, послѣ отчаянной бѣготни, крику, завелъ лавку, завелъ капиталецъ— кажется, разжился; кажется, ка̀къ бы тутъ не успокоиться ему, какъ успокоивается христіанинъ, способный всю свою жизнь просидѣть въ мастерской, или въ той же бакалейной лавочкѣ и мечтать о томъ, что свое ремесло, или свое занятіе, свой кусокъ хлѣба передастъ по наслѣдству своимъ дѣтямъ? Юр-

кость натуры еврея томитъ его за прилавкомъ. Онъ недоволенъ своей лавкой: оборотъ идетъ слишкомъ медленно, доходъ слишкомъ малъ; ему не десятки рублей въ день хочется выработывать, а сотни — ему хочется разомъ составить себѣ ротшильдовское состояніе, и чтобъ добиться этого, онъ не столько закупаетъ товару, сколько пускаетъ въ оборотъ всю свою выручку, на разныя отчаянныя предпріятія, за невѣроятные проценты. Вывезетъ ему — онъ дѣлается банкиромъ, не вывезетъ — онъ дѣлается опять столяромъ. Но и въ банкирской конторѣ и уже съ боронскимъ титуломъ, окруженный почетомъ и уваженіемъ, имѣя вліяніе на биржѣ и огромный кредитъ во всевозможныхъ комерческихъ домахъ и банкахъ, онъ, все-таки, не можетъ угомониться: его все томитъ та же жажда дѣлать невѣроятные обороты, и онъ также легко и смѣло пускается на все отчаянное, и дѣйствительно, или получаетъ барышъ въ 100% на капиталъ, весь пущенный въ оборотъ на мѣсяцъ, или опять дѣлается столяромъ, которому даже и пилы купить нѐ на что. Христіанинъ трудится для того, чтобъ нажиться, еврей потому, что его подвижная натура требуетъ дѣятельности и не даетъ ему покоя. Даже ученый еврей, уже невѣрующій не только въ талмудъ, но въ самую библію, потерявшій вѣру, не уклоняется отъ своего національнаго типа. Медиковъ-евреевъ — пропасть: они охотно идутъ на медицину, потому что она даетъ вѣрный кусокъ хлѣба, т. е. возможность быстро стать на ноги и опереться; но ка̀къ, сравнительно, мало изъ нихъ знаменитыхъ врачей и ученыхъ! Иначе и быть не можетъ: они смотрятъ на свое занятіе какъ на нѣчто унизительное для нихъ и бросаютъ его при первой возможности. Гейне, Мейерберъ, Спиноза то и дѣло приводятся намъ въ примѣръ даровитости еврейской расы; но отчего же такъ мало производитъ она подобныхъ личностей? Kein geschäft!

Существуетъ мнѣніе, что евреи трусы и оттого такъ неохотно идутъ въ солдаты. Отчасти это правда. Еврейки-матери не позволяютъ своимъ дѣтямъ лазить по крышамъ, по деревьямъ, драться, буянить, считая это унизительнымъ для еврейскихъ мальчиковъ, будущность которыхъ должна состоять въ такъ-называемомъ geschäft, а не въ тяжелой работѣ христіанъ. Матерямъ-еврейкамъ кажется, что если дѣти ихъ будутъ слишкомъ смѣлы, будутъ слишкомъ развивать свои физическія силы, то ихъ умственная способность отъ этого постра-

даетъ sie werden, keine geschickten Juden werden. Отъ этого еврей ростетъ трусомъ и всю свою дѣтскую шаловливость ограничиваетъ бросаньемъ въ прохожихъ камешками и грязью изъ-за угла, особенно въ праздникъ, когда деревенскія бабы и дѣвки, разряженныя въ ленты и вышивныя сорочки, идутъ въ церковь или изъ церкви. Другой забавы и другой игры у еврейскихъ дѣтей, сколько я ни присматривался, къ сожалѣнію, не видалъ. Но я не думаю, чтобъ въ самомъ дѣлѣ трусость побуждала евреевъ избѣгать военной службы. Они далеко не трусы и далеко не такъ боятся пули и сабли, какъ думаютъ. Въ любомъ еврейскомъ мѣстечкѣ вы услышите пропасть разсказовъ объ ихъ смѣлости въ защитѣ отъ разбойниковъ, или даже въ нападеніи на нихъ, а особенно въ контробандномъ дѣлѣ, гдѣ, вооруженные ножами и дубинами, они схватываются съ нашею пограничною стражей, съ объѣздчиками и казаками, не столько защищаясь отъ нихъ, сколько спасая отъ нихъ возы съ контробанднымъ товаромъ, и идутъ первые въ атаку; вся наша граница съ Прусіей, съ Австріей и съ Молдавіей переполнена разсказами о подобныхъ подвигахъ. Не трусость заставляетъ ихъ избѣгать военной службы, а скука, безцѣльность солдатской жизни. Какой Geschäft можетъ сдѣлать солдатъ, стоя на караулѣ, или на ученьи? Еврею скучно безъ оборотовъ, какъ бѣлкѣ безъ колеса: его живая натура задыхается отъ бездѣйствія, и ее томитъ эта солдатская шинель. Солдатъ-христіанинъ, идя въ полку по улицѣ, любуется на магазины, на разнощиковъ, на извощиковъ, на прохожихъ: еврей съ неудовольствіемъ тащитъ ружье и ранецъ. Вотъ и я сталъ бы съ лоткомъ, думаетъ онъ: вотъ и я могъ бы перекупать эти глиняные горшки и чашки; вотъ этому человѣку, который ищетъ какой-то домъ, я предложилъ бы свои услуги и заработалъ бы съ него хоть пятакъ.

Часто въ дорогѣ, гдѣ-нибудь въ корчмѣ, или иногда нарочно забравшись въ какой-нибудь еврейскій домъ, по цѣлымъ часамъ наблюдалъ я, какъ они молятся, и меня поражало сходство ихъ молитвенныхъ обрядовъ съ ихъ народнымъ характеромъ. Должно быть, и въ древнія времена еврей былъ сильно развлеченъ заботами о насущномъ хлѣбѣ, что законъ предписывалъ ему навязывать разные узлы на руки и на лобъ, носить тесемочки на ризахъ и соблюдать безчисленное множество обрядовъ, омовеній и т. п., чтобъ не забывать Бога отцовъ

его. Весь законъ и весь талмудъ направлены именно къ тому, чтобъ еврей не слишкомъ увлекался суетою мірскою. Христіанство, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, никогда такъ настойчиво не связывало личность безчисленнымъ множествомъ обрядовъ, какъ іудейство. Христіанинъ или мусульманинъ молятся спокойно, кладутъ земные поклоны или поютъ, и считаютъ грѣхомъ отвлечься безъ крайней необходимости отъ молитвы. Нѣтъ ничего невѣжливѣе у насъ, какъ перебить человѣка молящагося, разговаривать въ церкви считается почти святотатствомъ. Въ молитвѣ христіанина все дышетъ спокойствіемъ, сосредоточеніемъ, безъ всякихъ искуственныхъ возбужденій личности къ благочестивому настроенію и безъ всякихъ усилій забыть о мірѣ. Молитва еврея представляетъ нѣчто совершенно особенное. Чтобъ вспомнить о Богѣ и забыть о geschäft'ѣ — онъ надѣваетъ на лобъ и на руку ремешки, становится лицомъ въ уголъ, закрываетъ глаза, беретъ свой молитвенникъ (га-сидéръ) и начинаетъ читать молитвы, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ. Спросите его, къ чему эта странная ужимка, къ чему этотъ безобразный костюмъ, эта смѣшная кубическая шишка на лбу? и онъ вамъ скажетъ, что всѣ эти повязки служатъ для того, чтобъ онъ помнилъ о Богѣ; что онъ качаетъ головой для того, чтобъ вытрясти изъ головы всякое помышленіе мірское. Онъ изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобъ думать о Богѣ, чтобъ стряхнуть съ себя помыслы житейскіе — и никакъ съ собою не справится. Чуть дочиталъ онъ одну молитву, какъ ни въ чемъ не бывало, подходитъ онъ къ вамъ, гостю, покалякать, или выбѣжитъ въ лавку налить стаканъ водки покупателю (въ Молдавіи я не знаю почти ни одной еврейской лавки, чѣмъ бы ни торговали, хотя бы матеріями, въ которой, въ то же время, не продавалась бы водка и ромъ, то-есть, которая не была бы въ то же время кабакомъ), побраниться съ женой или сдѣлать распоряженіе по хозяйству, и потомъ снова затрясется, закачается, и снова затянетъ молитву изъ своего га-сидéра.

Однажды пошелъ я на шáбашъ — въ пятницу вечеромъ — къ одному еврею, молодому человѣку, учившемуся, если не ошибаюсь, въ житомірской гимназіи, и говорившему довольно бойко по-французски и по-англійски. Это былъ господинъ безъ пейсовъ, съ большими претензіями на образованность, человѣкъ прогресивный и либеральный. Супруга его играла на фор-

тепьяно, читала «Les Misérables», «The Pickwick's Papers»; стало быть, это были люди если не высокаго образованія, то, во всякомъ случаѣ, по развитію своему, стояли не ниже нашихъ чиновниковъ, нѣмецкихъ бюргеровъ и французскихъ буржуа. Во время ужина хозяинъ долженъ былъ, по еврейскому обычаю, читать извѣстныя молитвы. Мой monsieur Samuel (попросту Шмуль) надѣлъ фуражку — потому что молиться съ открытой головой не позволяется — и расхаживая по комнатѣ, напѣвалъ изъ га-сидера. Я тѣмъ временемъ говорилъ съ его женою о новостяхъ французской литературы. Monsieur Samuel нѣсколько разъ прерывалъ молитву, подходилъ къ намъ и, поддерживая нашъ разговоръ, дѣлалъ два-три замѣчанія, затѣмъ бралъ книгу и снова расхаживалъ по комнатѣ, распѣвая что слѣдовало. Эта операція произошла разъ шесть. Мнѣ стало странно.

— Послушайте, сказалъ я ему: — я вамъ сдѣлаю нескромный вопросъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы человѣкъ вѣрующій?

— Да, я вѣрю...

— Какъ же вы можете въ торжественный пятничный вечеръ въ одно время молиться и разговаривать о литературѣ?

— Что же васъ въ этомъ удивляетъ? Я разговариваю съ вами, когда кончаю молитву. Въ антрактѣ между двумя молитвами я имѣю полное право остановиться и заняться мірскими дѣлами — законъ еврейскій въ этомъ отношеніи гуманенъ. Нельзя же молиться слишкомъ долго — человѣкъ устанетъ. Богъ милосердъ: онъ требуетъ отъ насъ молитвъ, но въ то же время не отрываетъ насъ отъ житейскаго. Посвятить себя одному житейскому — было бы великій грѣхъ и великая неблагодарность, а посвятить себя исключительно молитвѣ мы не можемъ, потому что мы оторвались бы тогда отъ дѣлъ и могли бы съ голоду умереть.

— Да, это я понимаю; такъ и у насъ, у христіанъ; у насъ есть тоже утрени, обѣдни, вечерни, всенощныя; но когда мы молимся, мы не прерываемъ моленья, по крайней мѣрѣ, по часу, и, выходя изъ церкви, или вставая съ молитвы, не можемъ такъ легко заговорить о чемъ-нибудь житейскомъ, особенно когда нѣтъ крайней надобности. При гостяхъ, или если когда какое дѣло есть, мы лучше совсѣмъ не начинаемъ молиться, боясь

осквернить высокое чувство молитвеннаго настроенія и нарушить рядъ мыслей о Богѣ чѣмъ-либо житейскимъ, будничнымъ. Мы молимся искренно и *искренно не молимся*, но Христа съ Веліаромъ не смѣшиваемъ. Меня поражаетъ рѣзкій переходъ вашего лица отъ торжественнаго молитвеннаго выраженія въ выраженіе салонное, и переходъ вашихъ мыслей отъ го-сидѐра къ «Les Travailleurs de Mer».

Я не помню, что̀ мнѣ отвѣчалъ на это мой monsieur Samuel, но помню, что у скольких евреевъ я ни добивался разрѣшенія этой загадки, никто изъ нихъ не умѣлъ мнѣ ее объяснить и никто не хотѣлъ сознаться, что еврейскій умъ до невѣроятности мірской и суетный, такъ что только строгость закона моисеева и талмуда могутъ заставить ихъ молиться.

То же самое, когда вы войдете въ синагогу. Первое, что васъ поразитъ, — это страшный безпорядокъ и отсутствіе гармоніи между молящимися: одни сидятъ, другіе стоятъ, одни повернулись направо, другіе налѣво, кто лицемъ къ каѳедрѣ, кто спиной, кто стоитъ, кто расхаживаетъ. Въ сѣняхъ и на дворѣ пропасть евреевъ въ ризахъ и съ повязками, которые вышли потолковать между собою о geschäft. Впечатлѣніе производитъ это чрезвычайно тяжелое; вы чувствуете себя не между молящимися, а точно между актерами, которые, порыдавъ на сценѣ, выходятъ за кулисы и болтаютъ тамъ между собою обо всякомъ вздорѣ, въ костюмѣ, готовые каждую минуту опять выйдти и придать своему лицу требуемое трагическое или комическое выраженіе. Даже въ синагогахъ, устроенныхъ на новый ладъ и такъ рѣзко напоминающихъ протестантскія кирки, васъ невольно поражаетъ эта нелѣпость и безалаберщина; половина сидитъ лицемъ къ кантору и къ ковчегу со свитками закона, а другая половина, ни съ того, ни съ сего, повертывается спиной къ этимъ свиткамъ и смотритъ на двери, на входящихъ и на выходящихъ. Отъ жизни еврей отрѣшиться не можетъ, а жизнь онъ понимаетъ тяжелою суетой и заботой о хлѣбѣ насущномъ, не тою заботой, которая бываетъ и у христіанина, а заботой изъ любви къ этой заботѣ — суетливостью.

И между тѣмъ, при всей этой неспѣтости еврейскихъ общинъ, нельзя не удивляться ихъ невѣроятному умѣнью держаться другъ за друга. Вездѣ онѣ селятся отдѣльными кварталами, вездѣ занимаютъ отдѣльные рынки и вездѣ крѣпко и ожесточенно стоятъ другъ за друга. Сто̀итъ христіанину подраться съ евреемъ на

улицѣ, какъ откуда ни возьмется цѣлая толпа евреевъ, которые, не разбирая дѣла, бросятся на христіанина не съ кулаками — евреи до кулаковъ не охотники — а со щипками; они защиплютъ, вырвутъ волосы, разорвутъ платье, заплюютъ, закидаютъ грязью, и если дать имъ волю, то замучатъ до смерти, но прямо, сразу никогда не убьютъ. Между собою они постоянно въ ссорѣ, другъ про друга разсказываютъ исторіи, отъ которыхъ волосъ дыбомъ на головѣ становится, презираютъ и ненавидятъ другъ друга до невозможности; но чуть дѣло коснется ихъ національности и ихъ исповѣданія, чуть вопросъ зайдетъ о правахъ евреевъ, они всѣ встаютъ какъ одинъ человѣкъ. Любовь ихъ къ своимъ у нихъ сильнѣе, чѣмъ у христіанъ: у христіанъ любовь раздѣляется между своей народностью и своей родиной, а у еврея родины нѣтъ — ему ubi bene ibi patria, и мы не имѣемъ никакого повода вѣрить, когда они клянутся намъ въ любви и преданности русскому дѣлу, точно такъ же, какъ поляки не имѣютъ повода вѣрить имъ, когда они выдаютъ имъ себя за поляковъ моисеева исповѣданія (za polaków mojżeszowego wyznania).

II.

Годъ назадъ, въ Яссахъ, зашелъ я къ одному моему старому знакомому, польскому эмигранту, бывшему довódцѣ какого-то отряда Люблинской Губерніи. Мы сидѣли и припоминали старыхъ знакомыхъ въ Константинополѣ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Отворилась дверь; вошелъ старый еврей, чрезвычайно почтенной наружности, съ пейсами, въ ермолкѣ, въ долгополомъ сюртукѣ, въ туфляхъ и въ чулкахъ. Я остановилъ разговоръ, думая, что старикъ явился къ моему поляку по какому-нибудь geschäft'у. Но онъ вошолъ, пожалъ руку и сѣлъ на диванъ, съ видомъ пріятеля и друга дома.

— Вы еще незнакомы съ нашимъ Шмулемъ? спросилъ меня полковникъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я въ недоумѣніи.

— Въ такомъ случаѣ, познакомьтесь: это очень почтенный господинъ и нашъ польскій эмигрантъ.

Я поклонился польскому эмигранту.

— То-есть, кàкъ, политическій? спросилъ я въ недоумѣніи.

— Да, политическій.

— По какому же дѣлу?

Мнѣ становилось странно, при взглядѣ на эту почтенную сѣдую бороду.

— А какъ же! отвѣчалъ полковникъ: — нашъ Шмуль ужъ давно долженъ былъ эмигрировать. Онъ еще въ крымскую войну доставлялъ союзникамъ провіантъ, а полякамъ на Украинѣ, на Волыни и на Подолѣ письма отъ эмигрантовъ, бывшихъ въ союзномъ лагерѣ — онъ тогда содержалъ почты, былъ богатый человѣкъ, и потому сообщеніе между Крымомъ и нашими губерніями было въ его рукахъ. Дà, нашъ Шмуль патріотъ, настоящій полякъ и очень порядочный человѣкъ — prawdziwy polak i bardzo porządny człowiek!

Настоящій полякъ и очень порядочный человѣкъ улыбался и покуривалъ трубку.

— Дà, заговорилъ онъ по-русски, съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ: — я за Польшу много потерялъ: все свое состояніе, и вотъ я теперь бѣдный эмигрантъ, безъ денегъ, безъ семьи; жениться не могу; а у насъ, по нашему закону, каждый вдовецъ долженъ жениться, потому что грѣхъ не жениться, потому что грѣхъ одному жить, и вотъ я дѣлаю грѣхъ — и вотъ я одинъ, и вотъ я безъ денегъ и все за Польшу, все за польское дѣло, и деньги, которыя у меня были, всѣ теперь въ рукахъ поляковъ. Честные люди, которые хотятъ заплатить, не могутъ, потому что они сами безъ денегъ, а нечестные люди не платятъ, хоть и есть деньги. И вотъ я теперь здѣсь, на чужой сторонѣ, не женатъ — и безъ дѣла; а поляковъ я, все-таки, люблю, потому что я родился въ Польшѣ, въ Житомирѣ; потому что я выросъ на польской землѣ, польскимъ хлѣбомъ кормился, и я долженъ помогать имъ — и каждый долженъ помогать имъ; и грѣхъ и неправда будетъ, если евреи не будутъ помогать полякамъ, потому что мы живемъ на одной землѣ; мы, стало быть, братья.

Полковникъ расхаживалъ по комнатѣ, торжественно улыбаясь.

— Дà, говорилъ онъ: — вотъ вы не вѣрите въ жизненныя силы Польши. Побывайте какъ-нибудь у насъ на Волыни, на Подолѣ, или на Украинѣ, и увидите вы тамъ, не говорю нашихъ поляковъ, т. е. католиковъ, которые готовы каждый лечь за наше святое дѣло, но вамъ хлопы скажутъ то же самое; и жид-

ки скажутъ то же самое. Вы вотъ удивляетесь на Шмуля, а я вамъ сотни... нѣтъ, тысячи Шмулей могу показать; каждый изъ нихъ въ душѣ искренній полякъ, каждый изъ нихъ со вздохомъ припоминаетъ времена польскихъ королей. Вотъ теперь хоть этотъ Шмуль — развѣ ему позволятъ въ Россіи носить его пейсы и его долгополый кафтанъ, и его ермолку? А въ Польшѣ ему было свободно. Евреи наша сила, евреи наши братья, и, если у насъ еще не умѣли воспользоваться ими и двинуть ихъ, то это, признаюсь, не дѣлаетъ чести намъ самимъ; но мы еще сами не освободились отъ средневѣковыхъ предразсудковъ. А кто намъ доставлялъ оружіе? кто у насъ былъ лазутчиками? откуда мы провіантъ брали? Все отъ еврѳвъ. Зайдите въ любую корчму, въ любую лавку и спросите любого еврея: желаетъ ли онъ Польши и любитъ ли онъ васъ, русскихъ, и онъ вамъ скажетъ всю правду.

Я возражалъ то, что̀ возражается при подобныхъ случаяхъ, но полковникъ и Шмуль стояли на своемъ и увѣряли меня къ еврейско-польскомъ патріотизмѣ. Споръ, какъ и всѣ подобные споры, разумѣется, ничѣмъ не кончился, и, посидѣвъ еще съ часикъ, я всталъ и отправился домой. Шмуль вышелъ вмѣстѣ со мною.

— И какіе же дураки поляки — и ахъ, какіе же дураки поляки! Вы видѣли, какіе они дураки! Они говорятъ, и сами не знаютъ, что̀ говорятъ. Что̀ они говорятъ про евреевъ? Я бѣдный еврей, а былъ я богатый еврей, и держалъ я почты — и вотъ я теперь разорился и все разорился отъ поляковъ. Я все думалъ, что это умные люди, и что все это дѣльные люди, а они дураки; и какая имъ Польша? и зачѣмъ имъ Польша? Что̀ они сдѣлаютъ со своей Польшей? Они съ Польшей справиться не съумѣютъ, они никакихъ дѣлъ сдѣлать не съумѣютъ!

— Зачѣмъ же вы, спросилъ я: — помогали имъ? Что̀-жъ васъ побуждало къ этому?

— А какъ же мнѣ было не помогать? Я держалъ почты — у меня все дѣло было съ панами, все съ большими панами — всѣ паны ко мнѣ, я панамъ и вино доставалъ, я панамъ и лошадей доставалъ, я панамъ и собакъ доставалъ — что̀ нужно панамъ, такъ сейчасъ: «Шмуль достань», безъ Шмуля и жить не могутъ. Это было дѣло мое — каждый человѣкъ хочетъ нажиться — а поляки ничего не могутъ дѣлать: безъ еврея полякъ ничего сдѣлать не можетъ; еврей все достаетъ, но достаетъ, ра-

зумѣется, не даромъ — еврей беретъ очень маленькій процентъ; еврей всегда беретъ маленькій процентъ, за многимъ еврей не гонится — еврей малымъ доволенъ, но, все-таки, ему надо жить и ему нельзя отказать въ чемъ-нибудь, въ какой-нибудь услугѣ. Сегодня скажутъ: «Шмуль, достань мнѣ собаку!» завтра скажутъ: «Шмуль, достань мнѣ лошадь!» а послѣ завтра скажутъ: «Шмуль, отвези письмо!» а тамъ черезъ недѣлю скажутъ: «Шмуль, отвези ящикъ съ ружьями!» а черезъ мѣсяцъ скажутъ: «Шмуль, спрячь ружья!» Какъ же Шмуль откажетъ? Развѣ Шмуль можетъ отказать? Если Шмуль откажетъ въ одномъ, со Шмулемъ не будутъ имѣть дѣла въ другомъ, а у Шмуля жена, у Шмуля дѣти, Шмуль бѣдный человѣкъ — ну, Шмуль и дѣлаетъ все.

— Однакожъ, вы удивительный человѣкъ, Шмуль! сказалъ я: — вы ихъ такъ не уважаете, такъ браните, а съ ними, все-таки, ладите и льстите имъ такъ безсовѣстно.

— А какъ же? А развѣ иначе можно? У нихъ всѣ мои деньги. Да и какъ же я буду съ ними ссориться? Они, какъ дѣти, какъ маленькія дѣти, сами не знаютъ, что дѣлаютъ, сами не знаютъ, что̀ говорятъ. Развѣ съ ними можно спорить и развѣ ихъ можно переспорить? И пускай себѣ думаютъ, что̀ хотятъ, и пусть воюютъ, и пусть теряютъ голову, — никакой Польши они не сдѣлаютъ, только сами пропадутъ. Ужъ и теперь они всѣ разорились, и все, что̀ у нихъ есть, перешло въ руки евреевъ. Евреи никакихъ полковъ не собирали, никакихъ бунтовъ не дѣлали, а Польшу всю завоевали!

Знакомство съ Шмулемъ, который полякамъ ругалъ русскихъ, а мнѣ, русскому, ругалъ поляковъ, живо напоминаетъ мнѣ одну встрѣчу на варшавской желѣзной дорогѣ въ началѣ 1862 года, т. е. въ самый разгаръ демонстрацій. Я ѣхалъ изъ Динабурга въ Петербургъ въ вагонѣ третьяго класса. Подлѣ меня сидѣли полька и старикъ еврей съ бѣлой какъ снѣгъ бородой; противъ меня помѣстились двое какихъ-то должно быть, канцелярскихъ чиновниковъ, молодыхъ, золотушныхъ и находившихся въ томъ пріятномъ состояніи, которое называется бытіемъ на первомъ взводѣ. Свое веселое расположеніе духа и остроуміе они обратили на польку и на еврея. Полька краснѣла, хотя была ужъ не молодыхъ лѣтъ, еврей хмурился и отмалчивался. Мнѣ стало досадно. Я вступился за моихъ сосѣдей и заставилъ молчать остроумцовъ. Это меня подружило съ евреемъ и съ полькой.

— Вы откуда? спрашивалъ меня еврей.

— Я долго за границей былъ, отвѣчалъ я: — и вотъ возвращаюсь въ Россію, и совершенно не знаю, какъ ее найду послѣ четырехъ лѣтъ отсутствія. Все перемѣнилось: крестьяне освобождены, всѣмъ стало легче, и поляки освобождаются, а ваши евреи, слышалъ я за границей, добиваются тоже какихъ-то правъ, братаются съ поляками и признаютъ себя гражданами Польши.

— Это за границей говорятъ? перебилъ меня старикъ.

— Дà, отвѣчалъ я: — вотъ незадолго до моего отъѣзда я былъ въ Лондонѣ на одномъ польскомъ митингѣ, гдѣ слышалъ, между прочимъ, оратора еврея, уроженца Виленской Губерніи. Зачѣмъ онъ попалъ въ Англію, я не знаю; но этотъ господинъ изволилъ говорить, что евреи такіе же граждане земли польской, какъ сами поляки, и что еслибъ поляки не унижали и не оскорбляли ихъ, а откровенно и искренно признали бы ихъ своими братьями, то еврейская молодёжь точно также взяла бы ружья и косы и отправилась бы избивать и изгонять русскихъ, *угнетающихъ* польскую народность.

— И это онъ говорилъ?

— Онъ говорилъ еще, что теперь въ Варшавѣ поляки догадались о томъ, какую нравственную и матеріальную поддержку они могутъ найти въ евреяхъ, начали съ ними брататься, и я самъ читалъ въ иностранныхъ газетахъ, что евреи участвуютъ въ демонстраціяхъ.

— И это онъ говорилъ? и никто не сказалъ, что онъ дуракъ?

— Дà, говорилъ.

— И никто не сказалъ, что онъ дуракъ?

— Да позвольте, чтòжъ такое? Развѣ не правда, что евреи участвуютъ въ Варшавѣ въ демонстраціяхъ?

— Ну да, участвуютъ, и отчего жъ имъ не участвовать?

— Ну, если участвуютъ, стало быть, они стоятъ за поляковъ.

— И вы этого не понимаете? И кàкъ же вы этого не понимаете?

— Я понимаю, что они хотятъ Польши.

— И зачѣмъ же намъ Польша? И для чего намъ Польша? Для чего евреямъ Польша? Скажите, для чего евреямъ Польша?

— Сколько я понимаю, отвѣчалъ я (а я тогда вѣрилъ въ Польшу) евреямъ при польскомъ правительствѣ будетъ вѣроятно легче, чѣмъ при нашемъ.

— Отчего такъ?

— Да просто оттого, что у васъ въ Рѣжицахъ есть лавка?..

— Ну и есть.

— Вотъ вы должны давать взятки полиціи, платить всякіе тяжелые налоги, барашковъ въ бумажкѣ подносить каждому, кто можетъ васъ притѣснить, потому что, при русскихъ порядкахъ, только лѣнивый не грабитъ, а въ Польшѣ, судя потому, какъ поляки думаютъ устроиться, будетъ больше справедливости и законъ будетъ наблюдаться строже. Согласитесь сами, вѣдь тяжело и разорительно давать взятки.

Старикъ быстро повернулся ко мнѣ и уставился въ меня глазами.

— При Польшѣ, вы говорите, будетъ лучше? а это неправда: мы, евреи, всегда будемъ стоять за Россію и всегда будемъ стоять за русское правительство!

— Да вѣдь васъ грабятъ!

— И пускай грабятъ; чтȯ-жъ такое, что грабятъ? За то я цѣлъ, и жена моя цѣла, и дѣти мои цѣлы, и зятья мои цѣлы, и снохи мои цѣлы, и у каждаго голова на плечахъ. Вотъ у меня голова на плечахъ — вы видите, она у меня на плечахъ...

Старикъ при каждомъ словѣ *голова* стучалъ себя двумя пальцами въ голову, и такъ усердно, что сосѣди наши всѣ невольно оглянулись на него, пораженные этимъ страннымъ звукомъ; я никогда не слыхалъ, чтобъ кто-нибудь такъ громко стучалъ себя въ голову.

— Т. е. какъ же цѣла?

— А такъ цѣла, что съ меня взятки берутъ, а голову мою берегутъ, жены моей голову берегутъ, и дѣтей моихъ берегутъ, и всѣхъ родныхъ моихъ головы берегутъ.

— Но при полякахъ развѣ не то же самое будетъ?

— Нѣтъ, при полякахъ не то самое. У поляковъ первое дѣло — жидъ, а жида нужно повѣсить, жидовку надо повѣсить, жиденятъ надо повѣсить, и побить жида нужно, и жидовку побить нужно. Русскіе взятки берутъ, а жидовъ не обижаютъ, а которые и обижаютъ жида, тѣ отъ поляковъ научились, и нехорошему научились, и нехорошему ихъ поляки научили. Вотъ, когда они, тридцать лѣтъ назадъ, бунтовали, мало ли они въ Виленской Губерніи перевѣшали жидовъ! И за чтȯ вѣшали? И сами не знаютъ, за чтȯ вѣшали. Евреи ни въ чемъ не были виноваты, а ихъ вѣшали, и дѣтей вѣшали. Еврей ни во что

не мѣшается, еврей знаетъ свои дѣла, ни о чемъ не говоритъ, ни во что̀ не суется — еврей смирный человѣкъ; за что вѣшать бѣднаго еврея?

— Ну, тогда ужъ я совсѣмъ ничего не понимаю. Зачѣмъ же вы говорите, что не хотите ни поляковъ, ни Польши, и сами же говорите, что въ Варшавѣ ваши участвуютъ въ демонстраціяхъ?

— Я же васъ и спрашиваю, ка̀къ вы этого не понимаете? Развѣ за границей не знаютъ, ка̀къ это было?

— По крайней мѣрѣ, я ничего не знаю. Разскажите, пожалуйста.

— Я и разскажу. Поляки начали демонстрацію; приходятъ къ нашимъ и говорятъ: «Мы поляки, а вы жиды, поэтому, мы братья и друзья, и будемъ вмѣстѣ бунтовать противъ русскихъ; а не будете вы съ нами бунтовать такъ бѣда вамъ будетъ». Наши и сказали, старики сказали, умные старики — въ Варшавѣ много умныхъ людей — наши старики и говорятъ: «Дайте подумать». Подумали, подумали и пошли къ князю Горчакову; пошли къ князю Горчакову и говорятъ ему: «Ваше сіятельство, позвольте намъ бунтовать, говорятъ». А князь Горчаковъ, дюже умный человѣкъ, и говоритъ: «Зачѣмъ же вамъ бунтовать?» А они говорятъ: «Намъ, ваше сіятельство, нельзя не бунтовать: насъ поляки вѣшать будутъ, если мы не будемъ бунтовать. Позвольте намъ бунтовать съ поляками. Мы бѣдные, смирные люди, мы добрые люди, худаго Государю ничего не хотимъ, а если мы не станемъ бунтовать, такъ насъ поляки вѣшать станутъ. Позвольте намъ бунтовать съ поляками — мы вреда никакого не сдѣлаемъ. Побунтуемъ, да и останемся такими, какими были». Ну, а князь Горчаковъ умный человѣкъ, очень умный человѣкъ, онъ имъ сказалъ: «Ну хорошо, ну и пойдите, ну и бунтуйте, я на васъ сердиться не буду». Вотъ наши и бунтуютъ въ Варшавѣ. Теперь вы понимаете?

— Понимаю, отвѣчалъ я пораженный невѣроятнымъ разсказомъ моего старика.

Патріотизмъ евреевъ — дѣло болѣе чѣмъ подверженное сомнѣнію. Намъ кажется просто, что его вовсе нѣтъ; кланяются они тому, у кого сила въ рукахъ, и если они что̀-нибудь уважаютъ, то это силу. Покуда въ Западномъ Краѣ и въ Царствѣ Польскомъ сила въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ они наши; приди туда французы, поляки, китайцы — они, не задумываясь,

принесутъ имъ присягу въ вѣрноподданствѣ, а что̀ самое грустное — это то, что, по духу своей цивилизаціи, они если къ кому-нибудь льнутъ, то это къ нѣмцамъ. Фамиліи ихъ нѣмецкія, языкъ ихъ смѣсь средневѣковаго нѣмецкаго съ еврейскимъ, славянскимъ и еще Богъ знаетъ какимъ, и этотъ языкъ имъ такъ дорогъ, что они до сихъ поръ не съумѣли забыть его въ Польшѣ, въ Молдавіи и даже въ Турціи, гдѣ, сплошь и рядомъ, можно видѣть цѣлые кварталы евреевъ, говорящихъ на этомъ jüdische Sprache, подлѣ кварталовъ евреевъ-выходцовъ изъ Испаніи, которые называютъ себя эспаньйолами и говорятъ на ломаномъ испанскомъ языкѣ. Рѣдко бываетъ, что еврей сдѣлается православнымъ: его тянетъ въ нѣмцы, и если онъ стыдится своего еврейскаго происхожденія, то навѣрно изъ кожи будетъ вонъ лѣзть, чтобъ выдать себя за нѣмца. Быть нѣмцомъ — это его завѣтная мечта; ему пріятнѣе говорить по-нѣмецки, чѣмъ по-русски, и даже въ самой Россіи мы, сплошь и рядомъ, встрѣчаемъ весьма образованныхъ евреевъ-медиковъ, купцовъ, маклеровъ и тому подобныхъ людей, русскихъ подданныхъ, родившихся гдѣ-нибудь въ Вильнѣ, или въ Витебскѣ, которые въ семьяхъ своихъ говорятъ не иначе какъ по-нѣмецки. Ихъ презрѣніе ко всему славянскому то же, что у нѣмцовъ, и если есть у насъ въ Западномъ краѣ какіе-нибудь піонеры германизаціи, то, само собою разумѣется, это евреи.

Сплошь и рядомъ, приходилось мнѣ слышать отъ евреевъ увѣренія, что они любятъ страну, въ которой родились. Галицкіе, волынскіе, подольскіе и литовскіе евреи очень часто увѣряли меня, что ихъ душитъ тоска по родинѣ, что они любятъ родину, и что ея интересы для нихъ близки. Сначала я имъ совершенно не вѣрилъ, но потомъ понялъ, что они дѣйствительно любятъ родину, но только по-своему. Еврей можетъ любить Житомиръ, но отъ любви къ Житомиру до любви къ Россіи еще далеко, и въ Житомирѣ онъ любитъ извѣстный кварталъ, извѣстныя личности, извѣстныя улицы и извѣстный способъ веденія geschäft. До какой степени это справедливо, доказывается тѣмъ, что при первомъ невыгодномъ для нихъ правительственномъ распоряженіи они обращаются съ жалобою къ иностранному правительству, т. е. прибѣгаютъ къ государственной измѣнѣ.

III.

Къ великому нашему сожалѣнію, намъ кажутся праздными и ровно ни на чемъ неоснованными всѣ возгласы образованныхъ евреевъ и филантроповъ изъ христіанъ о томъ, что евреи съумѣютъ быть когда-нибудь гражданами того государства, въ которомъ они живутъ. Два такіе гражданина во Франціи, два-три подобные въ Англіи, десятокъ въ Австріи и Пруссіи представляютъ исключенія, которыя ровно ничего не доказываютъ. Говорятъ, что они этого достигнутъ только образованіемъ. Гдѣ жъ мы видимъ или, лучше сказать, много ли мы видимъ евреевъ гражданъ земли русской, и на сколько положительно можно сказать, что есть евреи искренніе французы, или искренніе американцы?

Первое условіе, которое вмѣняется въ долгъ гражданину, не только закономъ, но просто естественнымъ чувствомъ — это правило, что свои собаки грызутся, чужая не приставай. Гражданское чувство клеймитъ позоромъ эмигрантовъ, которые изъ-за домашнихъ ссоръ, положимъ даже, изъ-за самыхъ возвышенныхъ политическихъ убѣжденій, старались подчинить свою родину иностранному вліянію, дрались противъ нея въ рядахъ иностранныхъ войскъ и ставили свои убѣжденія выше ея чести и ея независимости. Прошедшее наше, великорусовъ, извѣстно, чрезвычайно незавидно; стоитъ просмотрѣть наши старыя грамоты, архивныя дѣла или прочесть иностранныхъ путешественниковъ, о насъ писавшихъ, — волосъ дыбомъ стоитъ отъ этого безсчетнаго количества отрубленныхъ головъ, рваныхъ ноздрей, обрѣзанныхъ ушей, спинъ, исполосанныхъ кнутомъ или батожьемъ за пустяки, по прихоти всякихъ воеводъ, приказныхъ и даже простыхъ земскихъ ярыжекъ. До послѣдняго времени, кто изъ насъ не помнитъ того положенія, изъ котораго нынѣшнее царствованіе начало извлекать Россію? Но — замѣчательный фактъ въ нашей исторіи — эмигранты, которые обращались бы за помощью къ иностранцамъ, представляютъ чрезвычайно ничтожныя исключенія, и именно этимъ обстоятельствомъ они сдѣлались извѣстны, какъ явленія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, какъ явленія, крайне несочувственныя нашему народному духу. Курбскій и Котошихинъ стоятъ для насъ отдѣльными загадочными личностями. Игнатъ Некраса,

примкнувшій къ татарамъ, не можетъ назваться государственнымъ измѣнникомъ въ полномъ значеніи этого слова, потому что онъ могъ не признавать права Москвы надъ Дономъ, такъ какъ казаки смотрѣли на себя въ тогдашнее время не какъ на подданныхъ русскаго государства, а какъ-бы на его васаловъ, служащихъ ему за то, что онъ даетъ имъ извѣстныя права и вольности. Петръ Великій не признавалъ этихъ вольностей; стало быть, по мнѣнію Булавина и братіи, онъ какъ-бы порвалъ контрактъ и будто-бы развязалъ имъ руки дѣлать что угодно. Какъ ни натянуто будетъ подобное объясненіе, но другаго, все-таки, не найдется въ нашей исторіи исключительному происхожденію некрасовцевъ. Затѣмъ, у насъ есть огромное число выходцовъ, которые пользовались гостепріимствомъ иностранныхъ правительствъ, вели изъ-за границы религіозную или политическую пропаганду въ Россіи, какъ наши бѣглые сектанты въ Австріи, Молдавіи и Турціи. Но нѣтъ ни одного примѣра, по крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, чтобъ они старались добиться чего-нибудь въ Россіи при помощи иностранныхъ правительствъ, развѣ примѣръ некрасовца Осипа Семеновича Гончара, хлопотавшаго въ послѣднее время у державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ 1856 г., о возвращеніи въ Турцію двухъ старообрядческихъ архіереевъ, арестованныхъ и увезенныхъ въ Россію изъ Тульчи, когда она была занята нашими войсками въ крымскую войну. Оставляя въ сторонѣ примѣръ постоянной такой дѣятельности курляндцовъ и ливонцовъ, то и дѣло интриговавшихъ противъ тѣхъ державъ, которымъ ихъ подчиняла ихъ слабость, потому что тутъ, можетъ быть, найдется то же натянутое оправданіе, что и некрасовцамъ, обратимся къ другому государству, нѣкогда сильному, которое убило наповалъ самого себя, постоянно, по доброй волѣ, путая иностранцовъ въ свои дѣла: польскіе магнаты и польская шляхта своими руками убили на смерть свое отечество. Тарговицкая конфедерація поддерживалась неоспоримо нашими деньгами, такъ, какъ барская поддерживалась французскими; но отчего жъ въ нашей исторіи нѣтъ ни одного примѣра, чтобъ иностранцы могли заводить смуты въ нашемъ государствѣ? Самые самозванцы созданы нами самими — едва поляки, вызванные ими, задумали управлять нами, какъ явился Кузьма召Мининъ. У насъ, какъ въ цѣлой Европѣ, иностранныя правительства могли иногда даже подкупать министровъ, но извѣстно, что Петръ подкупалъ

англійскихъ, и что подкупы подобнаго рода прошли совершенно незамѣтно, не произведя ни одного серьёзнаго потрясенія въ государственномъ бытѣ, тогда какъ польскіе магнаты постоянно обивали пороги у иностранныхъ пословъ съ просьбой о деньгахъ и съ предложеніемъ услугъ, вліянія на сеймъ и т. п.; а это началось не въ прошломъ вѣкѣ, и не въ XVII, а по мѣньшей мѣрѣ, въ XVI. Понятно, отчего искренніе поляки и честные люди тѣхъ временъ съ такимъ негодованіемъ смотрѣли на шляхту и на магнатерію и почему они могли предвидѣть, что подобная манера мѣшать иностранцовъ, даже порой и не за подкупъ, въ государственныя дѣла, должна привести государство къ погибели *).

Отсюда понятна ненависть къ евреямъ у тѣхъ народовъ, между которыми они живутъ. Ихъ ненавидятъ не за вѣру — на изувѣрство сваливается много грѣховъ, тогда какъ изувѣрство никогда не было сильно до такой степени, чтобъ совершать государственные перевороты; экономическія и патріотическія причины дѣлали больше, чѣмъ фанатизмъ. Простой народъ въ Европѣ, даже въ западной, до сихъ поръ такой же фанатикъ, какимъ былъ и въ средніе вѣка, но онъ фанатикъ про-себя. Считая иновѣрца поганымъ, онъ уживется съ нимъ легко, покуда этотъ иновѣрецъ не задѣнетъ его по карману, и если есть сильныя антипатіи въ наше время, какъ напримѣръ, грековъ къ туркамъ, славянъ и итальянцовъ къ нѣмцамъ, то онѣ основываются не на догматахъ, а просто на житейскомъ разсчетѣ. Словаки и мадьяры точно также католики, какъ итальянцы и хорваты; латыши и нѣмцы одинаково лютеране, а ненависть между ними пышетъ до того, что даже примиреніе становится невозможнымъ. Самый патріотизмъ польской шляхты завтра бы потухъ, еслибъ ее не только возстановили во всѣхъ ея средневѣковыхъ правахъ, но еще прибавили бы новыхъ. Теперь спрашивается, можетъ ли еврей быть истиннымъ патріотомъ?

Еврей разоряетъ край, въ которомъ поселился, и за что

*) На это мнѣ возражали, что неужели тотъ, кого душатъ, не имѣетъ права крикнуть о помощи? Имѣетъ право, само собою разумѣется, если ему дороже его личность, чѣмъ его домъ; если ему дороже интересы партіи или секты, чѣмъ самостоятельность государства. De gustibus non est disputandum. Но скопецъ или хлыстъ болѣе дорожитъ интересами государства, чѣмъ еврей, а стало быть, съ точки зрѣнія государственнаго эгоизма, они полезнѣе евреевъ.

пріобрѣлъ онъ себѣ репутацію такого великаго промышленника, торговца и производителя — про то онъ и самъ не знаетъ. Во-первыхъ, какъ мы сказали выше, еврей не фабрикантъ, не мастеровой и вовсе не хитрый купецъ, а если даже и хитрый, то крайне невыгодный для покупателя.

Пріѣзжаетъ онъ въ село покупать хлѣбъ. Онъ не торгуется, какъ русскій, а просто называетъ хлоповъ дураками оттого, что они люди простые и темные, ничего не знаютъ; сжалится надъ ними, сунетъ имъ водки, и прежде чѣмъ они успѣютъ опомниться, онъ ужъ ввернетъ имъ въ руки задатокъ, какой самъ положитъ, и всю эту продѣлку совершитъ въ какіе-нибудь два часа. Не только съ простолюдиномъ, но и съ образованнымъ человѣкомъ, который или не приноровился или не умѣетъ приноровиться къ его методѣ, онъ сдѣлаетъ то же самое. Нужна ему отъ васъ какая-нибудь вещь, положимъ, старый сюртукъ: онъ къ вамъ приходитъ, снимаетъ шапку, кланяется.

— Я слышалъ, что у васъ есть сюртукъ, а я торгую подержаными вещами; я и хотѣлъ бы его купить.

— Чтожъ! можешь посмотрѣть.

— И чтоже! и сюртукъ совсѣмъ старый, и вотъ здѣсь потерлось, и тутъ пятнышко. И много ли вы за него хотите?

— Семь рублей, говорите вы.

— Ой, вай-миръ! и какъ же это можно! И какой вы веселый! и зачѣмъ вамъ такъ шутить?

— Ну, сколько же?

— И послѣ того, какъ вы шутили, я съ вами торговаться не буду, потому что я тоже веселый человѣкъ. Я расшучусь и дѣла не сдѣлаю. И вотъ вамъ два рубля.

Вы опомниться не успѣли, какъ два рубля у васъ въ рукѣ, сюртукъ взятъ, свернутъ и унесенъ.

Смѣлость, проворство, изворотливость еврея границъ не знаютъ. Каково же послѣ этого жить въ краѣ, гдѣ ничего нельзя ни купить, ни продать, ни заказать, какъ у того же еврея? А еврей иначе и поступать не можетъ, потому что онъ ровно ни къ чему неспособенъ и ничего сдѣлать не умѣетъ, кромѣ geschäft. Но онъ не могъ бы существовать, еслибъ не привыкъ жить до невѣроятности тѣсно, грязно и неряшливо. О комфортѣ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія и даже потребности въ немъ не сознаетъ. Города еврейскіе, какъ извѣстно, славятся своимъ неряшествомъ; еврейскія колоніи, заведенныя у насъ

въ Западномъ краѣ, тоску наводятъ на проѣзжающаго своею наготой и пустынностью. Кормится еврей только лукомъ, чеснокомъ, рыбой, и рыбой-то развѣ по особо торжественнымъ днямъ. Войдите въ домъ богатаго еврея, даже и образованнаго, васъ непремѣнно поразитъ какая-нибудь тряпка на бархатныхъ креслахъ, какіе-нибудь сапоги, сброшенные въ гостиной, вѣшалка съ платьями его жены, зачѣмъ-то залѣзшая въ залу, и куча его ребятишекъ, расположившихся на коврѣ его кабинета со всѣми прелестями, которыя такъ удобно заводятъ около себя невинные грудные младенцы. Онъ невзыскателенъ къ домашнему быту, и это освобождаетъ его отъ тысячи неудобствъ, которыя всю жизнь преслѣдуютъ христіанина. Онъ можетъ работать и продавать все дешевле, чѣмъ христіанинъ, вѣчно желающій жить порядочно, мечтающій обстроиться, обзавестись экипажами, поставить церковь, отлично воспитать своихъ дѣтей, набраться титуловъ и т. п. И еврею, разумѣется, того же хочется, но для еврея это не составляетъ существенной потребности; для него роскошь — положительная прихоть. Изъ этого и выходитъ, что страны, гдѣ нѣтъ евреевъ, богаче всякихъ Галичинъ, Молдавій, нашихъ западныхъ губерній. Теперь, само собою разумѣется, что ненависть къ евреямъ какихъ-нибудь галичанъ и молдаванъ, безсильныхъ съ ними бороться, доводитъ ихъ, отъ времени до времени, до изступленія, и періодически невольно возникаетъ у нихъ мечта, исполненная только въ Испаніи, объ изгнаніи евреевъ изъ края, что, разумѣется, въ нашъ вѣкъ, совершенно неосуществимо.

Молдаване, которыхъ, въ послѣднія тридцать лѣтъ, затопила эмиграція бѣглыхъ евреевъ изъ Россіи и изъ Австріи до такой степени, что край замѣтнымъ образомъ обѣднѣлъ, города сдѣлались какими-то клоаками холеры, тифа и еще Богъ знаетъ чего, рѣшились прибѣгнуть къ двумъ мѣрамъ: во-первыхъ — къ высылкѣ вонъ изъ края всѣхъ людей, неимѣющихъ опредѣленнаго образа жизни (такъ называемыхъ праздношатающихся), какого бы вѣроисповѣданія они ни были; къ недопущенію евреевъ жить и селиться гдѣ бы то ни было безъ согласія самихъ общинъ, даннаго каждому особенно; и во-вторыхъ — къ запрещенію евреямъ торговать нѣкоторыми жизненными припасами. Обѣ эти мѣры были, правда, въ высшей степени благоразумны, такъ какъ избавляли край отъ огромной массы тунеядцовъ, а сельское населеніе и вообще бѣдный классъ на-

рода отъ разоренія и отъ необходимости питаться такою дрянью, которою торговать могутъ едва ли не одни евреи.

Дрянные съѣстные припасы продаются вездѣ, но вездѣ мясникъ бываетъ настоящимъ мясникомъ, хлѣбникъ настоящимъ хлѣбникомъ. У евреевъ помощниками хахама (кашернаго мясника) бываютъ часовые мастера, портные и прочіе артисты. Ка̀къ нарѣзано мясо, ка̀къ оно сохраняется — это превосходитъ всякое вѣроятіе. Все куплено дешево, и все продается дешево, а грабежъ потребителей совершается безъ малѣйшей пользы для кого бы то ни было, потому что вся масса евреевъ живетъ изо дня въ день, пускаясь въ вѣчную спекуляцію, вѣчно раззоряясь, за все принимаясь и ничего не держась. Да и нельзя требовать, говоря по правдѣ, чтобъ они продавали съѣстные припасы путные: изъ-за чего и для чего станетъ заботиться о моей пищѣ человѣкъ, которому все равно, что онъ самъ ѣстъ?

Разскажу пустой, но довольно характерный случай.

Пригласилъ я однажды къ себѣ нѣсколько изъ евреевъ потолковѣе и пообтесаннѣе. Гостямъ нужно подать какую-нибудь закуску. Мяса нашего они не ѣдятъ, изъ посуды нашей тоже; стало быть, пришлось поставить на столъ что-то отъ плодовъ земныхъ, сыру подать и рыбы. Изъ рыбы я выбралъ сардинки. Гости мои собрались; это были люди зажиточные, атѣ изъ нихъ, которые ужъ успѣли обанкрутится, были, по крайней мѣрѣ, въ свое время зажиточными, и, къ величайшему моему удивленію, объявили мнѣ, что сардинокъ они еще не видали и не ѣдали, но что онѣ имъ чрезвычайно нравятся. Хозяину лестно, когда гости хвалятъ его столъ. Приглашая ихъ въ другой разъ на толки, и снова споря съ ними о томъ: дѣйствительно ли они промышленники или вовсе не промышленники, а такъ себѣ schacher-macher'ы (срывщики) я опять велѣлъ подать сардинокъ. Другой, третій, четвертый разъ, какъ я ни мѣнялъ состава закуски, но сардинки сдѣлались у меня необходимой принадлежностью, чуть являлся какой-нибудь Лейба Горнштейнъ, Шуль По́лякъ, Хаимъ Эстрейхеръ или Мойше Гиршъ. Признаться сказать, все я съ ними перетолковалъ, что мнѣ хотѣлось, и придя къ убѣжденію, что я правъ, и что ихъ ни въ чемъ не убѣдишь, я началъ приглашать ихъ рѣже. Между тѣмъ, я ли имъ понравился, или потому, что какіе-то праздники подступали, одинъ за другимъ пристали они ко мнѣ съ ножомъ къ горлу, чтобъ я побывалъ у нихъ. Къ которому изъ

нихъ я ни являюсь, на столѣ сардинки и сардинки, которыя мой хозяинъ ѣстъ съ восхищеніемъ, а я и въ ротъ взять не могу, потому что, достопочтенные мои знакомцы-евреи все покупаютъ послучаю или гдѣ-нибудь крайне дешево залежалый товаръ. Какъ они это ухитрялись, я не понимаю, но этотъ пустой случай, рѣзко и наглядно показалъ мнѣ разницу между ними и нами. Извозничество забрали они въ свои руки такъ, что если и есть христіане-извощики, то это или по найму отъ нихъ, или просто ихъ батраки. Въ Яссахъ и въ Бухарештѣ конкуренцію городской ѣзды съ ними выдерживаютъ только лишь наши *божьи люди,* и опять-таки замѣчательный фактъ: коляска скопца всегда и въ порядкѣ содержится, и красива, и вымыта, а у еврея, что бы онъ за нее ни заплатилъ, и какъ бы мало онъ на ней ни ѣздилъ, она удивительно грязна. Еврею противно заботиться о своей коляскѣ, потому что, сидя на козлахъ, онъ мечтаетъ о цѣнѣ хлѣба и о томъ: какъ бы онъ разбогатѣлъ, еслибъ вдругъ, откуда-нибудь онъ досталъ, тысячъ десять червонцовъ. Извозный промыселъ евреи совершенно убили. Взгляните на эти страшныя фуры, въ которыя впрягаютъ чуть-ли не осьмерикъ лошадей и въ ко торыя вваливается человѣкъ до двѣнадцати. Введеніе подобныхъ фуръ, въ сущности, не представляло бы зла, еслибъ онѣ были устроены такъ, какъ устроиваются вездѣ дилижансы, въ которые усаживается опредѣленное число пассажировъ и которые ходятъ за опредѣленную плату. Сдѣлай это еврей и содержи эти экипажи чисто, каждый сказалъ бы ему за это спасибо. Но что они сдѣлали? Исторія умалчиваетъ, съ которыхъ поръ завелись эти телеги-левіаѳаны, но, кажется, есть полная возможность предполагать, что именно на нихъ евреи перебрались изъ Германіи въ Польшу. Нѣтъ народа консервативнѣе евреевъ. Они вѣчно въ дорогѣ, въ мѣховой шапкѣ, въ длинной шубѣ, въ легкой обуви и съ палочками въ рукахъ — такъ и видите въ нихъ путешественниковъ. Самое существованіе этихъ фуръ, несокрушимо крѣпкихъ и неотмываемо грязныхъ, доказываетъ, на сколько евреи традиціонны въ своей промышленности и на сколько незаботливы даже о своемъ бѣдственномъ комфортѣ, потому что больше всего они же сами изволятъ вояжировать въ подобныхъ удушливыхъ экипажахъ. А не будь этихъ экипажей безъ сидѣній, тѣ же самые молдаване или русскіе могли бы завести что-нибудь путное; но чуть христіанинъ вздумаетъ что-нибудь завести, какъ еврей возмечтаетъ, что тутъ можно

нажить полтора милліона въ полтора года и отобьётъ, а не то сниметъ на аренду и испортитъ. Стало быть, вопросъ, поставленный въ Румыніи, былъ, если и жестокъ къ евреямъ, то во многомъ отношеніи вызванъ настоятельнѣйшими потребностямм мѣстнаго населенія, и совершенно стоитъ вопросомъ жизни и смерти.

Раздраженіе по поводу этого вопроса съ обѣихъ сторонъ разрослось до-нѐльзя. Евреи кричали, шумѣли, махали руками и, разумѣется, все на улицахъ, потому что дома не услышишь ни о какомъ geschäft'ѣ. Нодымали цѣну на товары, спускали ее опять, толковали о своей полезности для края, указывали на то, какія подати они платятъ правительству, и что безъ ихъ промышленности и само правительство не могло бы существовать, предполагая искренно, что христіане безъ нихъ чуть бы съ голоду не поумирали.

Народъ злился, съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда начнется это изгнаніе, а правительство не знало, что дѣлать и кому пожертвовать: принципу ли, свободѣ личности или прямо національной выгодѣ? Между тѣмъ, чтобъ успокоить массу, сдѣлали облаву въ Яссахъ, набрали какихъ-то сорокъ человѣкъ несчастныхъ-оборванцовъ изъ евреевъ, посадили ихъ въ тюрьму, съ тѣмъ, чтобъ подвергнуть ихъ вѣчному изгнанію за границу, т. е. или въ Россію, или въ Австрію. Что все это сдѣлано было и грубо и безтолково, понятно само собою — нѣтъ ничего неспособнѣе и продажнѣе, а въ то же время и жесточе румынскихъ властей. Еслибъ поискали толкомъ, такъ въ Яссахъ нашлось бы не сорокъ, а по мѐньшей мѣрѣ, четыреста, если не четыре тысячи, безпаспортныхъ, бездомныхъ и ровно ничѣмъ не занимающихся евреевъ, бѣжавшихъ отъ рекрутчины, за контрабанду, и кто ихъ знаетъ еще за что, въ Молдавію и тамъ не принимающихся ни за какое дѣло. Стоятъ себѣ на улицѣ, смотря на прохожихъ и измышляя средства, какъ бы вдругъ сдѣлать такой geschäft, чтобъ обзавестись капиталомъ въ сорокъ тысячъ для давно задуманнаго оборота, долженствующаго принести четыреста тысячъ и баронство въ три мѣсяца. (Извѣстно, что никто на свѣтѣ не имѣетъ такой слабости дѣлаться баронами, какъ евреи. Это у нихъ доходитъ до пункта помѣшательства).

Арестъ былъ произведенъ, поднялся шумъ, гамъ, вопль, плачъ и рыданіе великое. Богачи сдѣлали складчины для вы-

купа этихъ несчастныхъ; складчинъ ихъ, однако, не приняли, да и принять было нельзя въ виду раздраженія молдаванъ, и выпроводили ихъ за границу, давъ имъ по хлѣбу на дорогу.

Я видѣлъ эту страшную, раздирающую сцену, стоя подлѣ магистрата, въ арестантской котораго сидѣли изгоняемые. Ихъ жены и дѣти плакали. Нельзя себѣ представить еврея безъ жены и дѣтей: евреи, по закону, обязаны быть всю жизнь женаты — жены и дѣти валялись по мостовой въ той истерикѣ, до которой доходить могутъ только евреи и еврейки по ихъ крайней впечатлительности. Они плакали и просились, чтобъ и ихъ изгнали, «потому что, кричали они, намъ жить нéчѣмъ безъ нашихъ отцовъ, братьевъ, сыновей», а молдавскія власти, неизвѣстно почему, къ общему удивленію, не отпускали ихъ. Евреи метались, съ испугомъ оглядывались, на насъ, христіанъ, стоявшихъ въ ихъ толпѣ, съ какимъ-то молчаливымъ упрекомъ людей, привыкшихъ къ гоненію и къ несправедливости. Подлѣ меня стоялъ какой-то молдаванъ съ длинными сѣдыми усами и съ очень умнымъ лицомъ, одѣтый по-европейски. Онъ тоже глядѣлъ невесело, да, впрочемъ, весело никому не было, за исключеніемъ солдатъ, которые прикладами отгоняли отъ арестантской любопытныхъ и ликовали, что могутъ показать свою власть. Молдаванъ вообще смиренъ, а образованный человѣкъ даже и безукоризненно вѣжливъ; но солдатчина, трусливая и бѣжавшая даже отъ горсти повстанцовъ Милковскаго, бросая не только ружья, но даже ранцы, кушаки и кепи, и крича другъ другу: fugi, fugi, frate! (бѣги, бѣги, братецъ!) — это было единственное сраженіе, данное румынскимъ войскомъ — солдатчина до безчеловѣчности зла и нахальна, чуть только можетъ показать свою силу.

Усатый молдованъ стоялъ, и, видимо, ему приходилось не по себѣ.

— Вѣдь вотъ проклятые, сказалъ онъ, обращаясь почему-то ко мнѣ: — смотрѣть на нихъ жалко, а оставлять ихъ здѣсь, все-таки, нельзя. Вы иностранецъ? спросилъ онъ меня неожиданно.

— Русскій, отвѣчалъ я.

— Вотъ видите, васъ, иностранцевъ, здѣсь много. Богъ васъ знаетъ, зачѣмъ вы сюда ѣдете къ намъ, всякіе нѣмцы, французы, поляки, англичане и американцы? Что васъ сюда къ намъ гонитъ?

— Я путешественникъ, отвѣчалъ я: — мое дѣло другое; я здѣсь проѣздомъ: пріѣхалъ только посмотрѣть на вашу сторону.

— Да я не къ тому говорю, возразилъ онъ съ досадой: — пускай ѣдетъ къ намъ кто хочетъ, пусть селится; но, по крайней мѣрѣ, толкъ есть отъ васъ, отъ иностранцевъ: тотъ фабрику заведетъ, другой хорошую лавку откроетъ, хорошій домъ построитъ, обживется у насъ. Ну, вотъ поселитесь у насъ вы, русскій, дѣти ваши будутъ русскіе, а ужъ внуки ваши будутъ, все-таки, молдаване. А эти что, жиды-то? Я бы по тысячѣ ихъ отдалъ за одного нѣмца.

— У нѣмцовъ вѣра другая, — скромно замѣтилъ я.

— Пускай другая будетъ! Пускай всякій, какую хочетъ вѣру держитъ, да все онъ, хоть и другой вѣры, а молдаваномъ станетъ и все какую-нибудь намъ пользу принесетъ, хоть что-нибудь покажетъ, чему-нибудь научитъ. А эти только кровь изъ насъ сосутъ, а пользы отъ нихъ никакой не видимъ. Сердце болитъ смотрѣть, какъ они плачутъ, а нельзя не порадоваться— совсѣмъ насъ задушили, всю кровь выпили. Развѣ такой городъ были Яссы?

— Будто ужъ вы такъ радуетесь наплыву къ вамъ иностранцевъ? усомнился я.

Молдаванъ задергалъ усами.

— Да нѣтъ же, вовсе не радуемся. И иностранцы у насъ отбиваютъ кусокъ хлѣба, да по крайней мѣрѣ съ толкомъ, толкъ отъ нихъ хоть какой-нибудь есть, а отъ этихъ и толку нѣтъ! Иностранецъ все молдаваномъ станетъ, а этотъ никогда, рѣшительно никогда ничего путнаго не сдѣлаетъ, только у христіанина хлѣбъ отобьетъ. Иностранецъ берется за промыслы, которыхъ у насъ еще не было — а еврей дѣлаетъ то же самое что и мы, да только хуже насъ, хоть и дешевле.

Странно было смотрѣть, что дѣлалось въ этотъ вечеръ на улицахъ еврейскаго квартала. Все еврейское населеніе кричало, рыдало, старухи колотились головой о камни мостовой. Ко мнѣ пристали какіе-то два студента ясскаго лицея, подобно мнѣ недоумѣвавшіе, для чего изгоняютъ праздношатающихся не семьями, а одиночкой, и именно тогда, когда семьи сами просятся слѣдовать за изгнанниками.

Австрійское и прусское консульство были окружены евреями. У воротъ и у подъѣздовъ было совершенно черно отъ этихъ

долгополыхъ кафтановъ, препоясанныхъ бедръ и вьющихся передъ ушами пейсовъ. Это евреи подавали жалобы и телеграфировали *иностраннымъ* правительствамъ, Ротшильду, Монтефьёре, съ просьбой о защитѣ. Вотъ тутъ-то меня поразила та разница, о которой я говорилъ выше, между *настоящими гражданами государства* и *евреями*.

Еслибъ изгоняли молдаванъ, какихъ-нибудь праздношатающихся, дѣло было-бы совершенно домашнее и никакъ не отдавалось бы на судъ иностранцевъ. Еврейскій же вопросъ вѣчно принимаетъ обще-европейскій и интернаціональный характеръ. Послѣдствія извѣстны. Сколько шуму произошло въ европейской печати по поводу семи человѣкъ евреевъ, утонувшихъ въ Дунаѣ по милости турецкой и молдавской пограничной стражи, а въ сущности, въ этомъ происшествіи не было ничего, что̀ бы не повторялось каждый день въ тѣхъ краяхъ. Турецкія власти даютъ *сюргюнъ* въ Молдавію всѣмъ безпаспортнымъ, которыхъ почему-либо захватятъ: молдавскіе отвѣчаютъ тѣмъ же. *Сюргюнъ* — это изгнаніе, экспатріація людей неопредѣленнаго характера, почему-либо подозрительныхъ или считающихся вредными; оно совершается на берегахъ Дуная почти ежедневно: молдавскихъ бродягъ выгоняютъ въ Турцію, турецкихъ въ Молдавію. Потопленіе, правда, не происходитъ, или если оно и происходитъ, то, по крайней мѣрѣ, объ немъ ничего не слышно, а жалобъ не бываетъ частью на томъ основаніи, что каждый, забредшій въ Турцію или Молдавію, считаетъ себя какъ бы обязаннымъ заплатить за гостепріимство полною покорностью мѣстнымъ законамъ. Еврей, напротивъ, почему-то считая себя привилегированной расой, указываетъ на Ротшильда, на Монтефьёре, прибѣгаетъ къ защитѣ англійскаго парламента, и съ нимъ рѣшительно ничего нельзя подѣлать. Если въ Молдавіи дѣйствительно совершится изгнаніе евреевъ, то эта страна навѣки будетъ наказана ихъ финансовыми величествами, а подобное наказаніе хуже всякихъ папскихъ отлученій отъ церкви! Папа не можетъ серьёзнымъ образомъ вступиться за католиковъ, конклавъ безсиленъ; но не безсиленъ l'Alliance Universelle Israélite, пріобрѣтающій съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе силы и становящійся во главѣ евреевъ чѣмъ-то въ родѣ ихъ конклава и государственнаго совѣта, присвоившаго себѣ право писать ноты. Въ скоромъ времени можно ожидать, что при каждомъ дворѣ онъ будетъ имѣть своихъ акредитованныхъ представителей, и

тогда мы посмотримъ, какъ станутъ распоряжаться Россія, Румынія, Австрія и Пруссія со своими *образованными* гражданами, пользующимися всякими политическими правами, гражданами, у которыхъ, кромѣ мѣстнаго правительства есть еще свое, сидящее на сундукахъ съ золотомъ и владѣющее финансами цѣлой Европы. Передъ поляками можно не блѣднѣть, потому что за поляковъ бьютъ только нотами; за евреевъ же будутъ бить по карману — а это ударъ самый тяжелый.

Молдаване рѣшительно не знаютъ, какъ быть и какъ поступать въ этомъ жизненномъ для нихъ вопросѣ, который имѣетъ для нихъ значеніе борьбы за самое свое существованіе. Оставить дѣла такъ, какъ они идутъ теперь, значитъ исчезнуть и политически, и національно, значитъ, благодаря вліянію Alliance Universelle Israélite, перессориться со всѣми державами, навлечь на себя упреки въ отсталости и въ варварствѣ. Словомъ, драма, разыгрывающаяся въ настоящее время въ Соединенныхъ Княжествахъ, представляетъ не только глубокій интересъ для изученія, но и великій урокъ для всѣхъ народностей, подавленныхъ евреями. Чѣмъ она разыграется, сказать трудно, но относительно возбужденія страстей приведу только одинъ примѣръ.

Послѣ трехъ или четырехъ облавъ и изгнаній, подобныхъ видѣнному мной, разнесся въ Яссахъ слухъ, будто Ротшильдъ, Монтефьёре и баронъ Оппенгеймъ настояли у румынскаго правительства, чтобъ евреевъ возстановили во всѣхъ ихъ прежнихъ правахъ. Зашелъ ко мнѣ одинъ старикъ, молдавскій священникъ, съ препочтенной сѣдой бородой, искренній христіанинъ и большой молдавскій патріотъ, ворчавшій на всякія нововведенія, на упадокъ нравственности, на соединеніе княжествъ и т. п. Мы съ нимъ толковали о еврейскомъ вопросѣ.

— Не можетъ быть, чтобъ ихъ не выгнали, говорилъ старикъ: — нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ, великія державы рѣшились отдать нашъ бѣдный народъ на явную гибель! Евреи насъ съ кругу споятъ: въ каждомъ домѣ по кабаку завели, а черезъ каждый третій домъ по увеселительному заведенію. Народъ разоряется, храмы божіи пустѣютъ, свадебъ годъ отъ году играютъ меньше, годъ отъ году дѣтей меньше родится, а это ужъ совсѣмъ плохой признакъ, когда дѣтей мало родится! И прежде у насъ не Богъ знаетъ какая была нравственность, но все не доходило до того, что теперь. Выдьте вы на улицу, по-

смотрите, много ли ребятишекъ играетъ, а лѣтъ сорокъ назадъ — улицы наши ими кишѣли.

— Да нельзя же всѣхъ евреевъ выгнать, замѣтилъ я: — ну, какъ вы это сдѣлаете? куда вы ихъ всѣхъ выгоните?

— Всѣхъ не всѣхъ, а девять десятыхъ, все-таки, надо, возразилъ старикъ.

— Хорошо, девять десятыхъ; но какъ же вы это сдѣлаете? Все у нихъ здѣсь кое-какіе пожитки есть. Куда они пойдутъ?

— А намъ что за дѣло, куда пойдутъ? Жалко, разумѣется, и по христіанству, и по человѣчеству жалко, да самихъ-то себя, все-таки, жальче.

— Я совершенно не понимаю, какимъ манеромъ можно совершить это изгнаніе? Еслибъ можно было препроводить ихъ назадъ въ Святую Землю, такъ еще куда не шло; а то вѣдь и того рѣшительно нельзя, потому что тамъ имъ жить нечѣмъ будетъ. Еслибъ они были дѣловые люди,—пахари, ремесленники, фабриканты, а то вѣдь ничего, ровно ничего! Что имъ тамъ дѣлать въ Святой Землѣ?

— Ну, пускай ихъ отвезутъ куда-нибудь въ Америку, что ли — намъ все равно.

— Опять-таки, отче честной, и въ Америку нѣтъ возможности переправить десятки тысячъ людей съ женами и съ дѣтьми — вѣдь на это нуженъ цѣлый флотъ; да еслибъ такой флотъ и нашелся, то нельзя же опять выпустить ихъ на пустой берегъ, гдѣ имъ придется переѣсть другъ друга съ голоду. Народъ они не дѣловой, мастеровые плохіе.

— Не знаю, какъ будетъ и какъ это сдѣлать, говорилъ старикъ, треся головой: — не моего ума это дѣло. Жалко мнѣ ихъ, по человѣчеству жалко — все-таки, люди, а не скоты безсловесные, но лучше пусть ихъ отъ насъ вышлютъ: они доведутъ до того, что даже я, старикъ, возьму въ одну руку крестъ, а въ другую ножъ и поведу за собой христіанъ!

— Что вы, батюшка! Неужели вы можете до этого дойти?

— А что станешь дѣлать, коли въ Бухарештѣ ничего не рѣшатъ, а будутъ тянуть, да затягивать! Пожалуй, волей-неволей, до этого дойдетъ.

И это говорилъ человѣкъ далеко не злой и не глупый; а говорилъ онъ то, что было мнѣніемъ массы, которую онъ, представлялъ собой.

Я разговорился о еврейскомъ вопросѣ въ Молдавіи именно потому, что тамъ имѣлъ я возможность всего ближе ознакомиться съ нимъ. Теперь, надѣюсь, изъ того, что разсказано мной, станетъ понятенъ ужасъ, который испытываетъ несчастная Галичина отъ этого, несчастнаго племени евреевъ.

IV.

Въ селѣ, среди бревенчатыхъ хатъ, какъ я уже указывалъ выше, есть два каменныя зданія: корчма и церковь. Изъ кожи вонъ лѣзетъ несчастный священникъ, чтобъ какъ-нибудь отвратить народъ отъ пьянства, поглощающаго всѣ его тяжелые заработки и отдающаго его въ рабство евреямъ. Воскресенье за воскресеньемъ громитъ онъ прихожанъ проповѣдью — а галицкіе священники вообще мастера проповѣдывать. Наконецъ, старики начинаютъ колебаться, начинаютъ понимать, что егомость говоритъ правду, что водка губитъ народъ и что въ ней корень всему злу, и рѣшаются основать общество трезвости. Со слезами на глазахъ — а извѣстно, какъ южнорусъ способенъ растроиться и расплакаться— выходятъ сельчане изъ дома священника и, понуря голову, проходятъ мимо корчмы.

— А ну! и что вы? и что вы не зайдете?

— Нехочемо, отвѣчаютъ старики.

— И дурни! — и хлопы всегда дурни! — хлопъ дурнемъ родится. Кто что хлопу скажетъ, тому хлопъ и вѣритъ. Егомость скажетъ, чтобъ вы не пили; потому что егомости за это деньги даютъ; кому что выгодно, тотъ то и говоритъ. Не будете въ корчму носить деньги, будете егомостю носить, и егомость будетъ богатый человѣкъ, и еямость купитъ себѣ коляску и пару лошадей, будетъ первая пани; а я съ женой и съ дѣтьми отсюда уѣду; а вы хлопы будете всегда дурнями, и всегда на васъ кто-нибудь будетъ ѣздить,—потому что вы хлопы; а хлопъ всегда дурнемъ родится,— а изъ хама не выйдетъ пана.

И задумываются старики, и находятъ, что Янкель правъ, потому что вѣдь все равно: изъ хлопа дальше хлопа ничего не выйдетъ! Вѣдь не можетъ же хлопъ торговать: развѣ это его

ума дѣло? Развѣ видѣлъ кто-нибудь на свѣтѣ, чтобъ изъ хлопа вышелъ купецъ? Скорѣе панъ выйдетъ, а купцомъ хлопъ быть не можетъ, какъ не можетъ быть корчмаремъ. На то есть еврей, чтобъ торговать, а развѣ есть на свѣтѣ такой край, гдѣбъ торговалъ не еврей или не нѣмецъ? Еще панъ можетъ купцомъ сдѣлаться, а хлопъ какъ же купцомъ станетъ? Хлопъ считать не умѣетъ, купить не умѣетъ, и онъ самъ знаетъ, что не умѣетъ купить, потому что онъ продать не умѣетъ.

Страшно глядѣть, въ самомъ дѣлѣ, на положеніе этихъ несчастныхъ хлоповъ. Положеніе нашего мужика было во многомъ отношеніи лучше и завиднѣе хлопскаго даже въ разгаръ крѣпостнаго права: нашему мужику предстояла, все-таки, карьера сдѣлаться хоть разнощикомъ, не говоря ужъ о томъ, что онъ могъ достичь до положенія лабазника или мелочнаго лавочника. Нашъ мужикъ могъ быть плотникомъ, слесаремъ, сапожникомъ, и всегда сознавалъ, что міръ для него не замкнутъ въ тѣсныя рамки земледѣльческой жизни. У галицкаго, какъ и у нашего южнорусскаго или бѣлорусскаго хлопа, ровно ничего нѣтъ въ виду, кромѣ его клочка земли. Скажите ему, что онъ можетъ сдѣлаться маляромъ, онъ васъ сочтетъ съумашедшимъ: торговля и ремесло положительно отняты у него евреями. До какой степени это справедливо, испытывалъ на себѣ каждый, въѣзжавшій въ Россію изъ западныхъ губерній *); послѣ того, какъ вы пообживетесь въ еврейскомъ краѣ, вамъ странно покажется по пріѣздѣ въ Великорусскія губерніи, что стекла вставляетъ русскій, печь чинитъ русскій, сапоги шьетъ русскій, что слесарь, столяръ, часовщикъ и даже брильянтщикъ люди свои, а не евреи, и что все это дѣлается порядочно.

Въ русскихъ земляхъ Рѣчи-Посполитой—иначе. Всѣ свѣдѣнія, все умѣнье хлопа ограничиваются земледѣліемъ. Выходитъ изъ него иногда мельникъ и винокуръ; но какъ бы хорошъ ни былъ этотъ мельникъ и винокуръ, онъ, все-таки, никогда не сдѣлается хозяиномъ мельницы или винокурни, потому что у него даже въ убѣжденіе вошло, что хозяиномъ долженъ быть непремѣнно еврей. Это такъ вошло въ убѣжденіе, какъ у насъ то,

*) Со мной объ этомъ спорятъ — я обращаюсь къ знатокамъ западнаго края и привислянскихъ губерній съ покорнѣйшей просьбой заявить печатно, правду я говорю или неправду? Если я говорю неправду, если я ошибаюсь, я буду первый чрезвычайно радъ.

что аптекаремъ, провизоромъ и гезелемъ непремѣнно долженъ быть нѣмецъ. Привычка — дѣло великое. Въ Галичинѣ, чтобъ купить что-нибудь, хоть бы той же муки или сѣна, вы непремѣнно станете отыскивать еврея, хотя, можетъ быть, у того самаго крестьянина, у котораго вы спрашиваете, гдѣ бы найти еврея, есть огромный запасъ и муки и сѣна. Вы даже и не купите у него, если онъ покажетъ вамъ свой запасъ, потому что вы такъ привыкли обращаться во всемъ къ еврею, что вамъ кажется, будто у еврея и мука добротнѣй, и выборъ побольше, и уступитъ онъ вамъ подешевле.

Говорятъ про евреевъ, и они сами намъ хвастаютъ, что женщина у нихъ эманципированнѣе, чѣмъ у любого изъ христіанскихъ исповѣданій. Что еврейская женщина пользуется нѣсколько бо̀льшими правами, чѣмъ у насъ — это вѣрно, особенно, если принять въ разсчетъ, что разводъ у евреевъ довольно легокъ и освященъ талмудическими законами. Дѣйствительно, нашей христіанской женщинѣ далеко до еврейки: еврейка, хотя и обязана выдти замужъ въ пятнадцать, шестнадцать лѣтъ, все-таки, пользуется такой свободою, какой мы въ нашемъ быту и не видимъ. Ревность у евреевъ почти неизвѣстна; мужа никогда не бываетъ дома; жена остается одна, въ квартирѣ ли, въ лавкѣ ли, торгуетъ и кричитъ сколько ей угодно, принимаетъ кого ей заблагоразсудится: она полная хозяйка дома, неограниченный властелинъ надъ своими дѣтьми, кассиръ своего мужа, его руководитель; надъ ней нѣтъ власти — она вольна дѣлать все, что ей угодно, вѣчно занята разными *гешефтами* мужа или своими; по цѣлымъ днямъ, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ хозяйничаетъ безъ мужа. Всѣмъ скуднымъ и грязнымъ еврейскимъ хозяйствомъ завѣдываетъ жена, и завѣдываетъ полновластно. По развитію своему, еврейская женщина, безъ сомнѣнія, стоитъ выше христіанки. Еврейкѣ извѣстны всякія кагальныя и политическія дѣла на столько, на сколько слухи о политическихъ событіяхъ доходятъ до кагала; голосъ ея имѣетъ вліяніе на кагальное общество если не по праву, то по обычаю, по его громкости и визгливости.

Что еврейка стоитъ выше еврея, что она нравственнѣе его, лучше его, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и надо сказать правду, что лучшее, что̀ есть въ кагалѣ, все, что онъ выработалъ и могъ выработать — это, внѣ всякаго сомнѣнія: еврейская женщина, развитая, самостоятельная, серь-

езная опора своему мужу, его правая рука, отличная жена и отличная мать. Но, къ несчастію, среда, въ которой вращается эта женщина, до такой степени удушлива и гибельна, что выработывается изъ нея нѣчто для насъ, привыкшихъ къ нашему христіанскому быту какого бы то ни было исповѣданія, весьма странное и антипатичное. Съ развязностью ея можно помириться, какъ можно помириться съ тѣмъ, что жена, въ силу религіозныхъ предписаній, обязана брить голову. Голова, изволите видѣть, брѣется на томъ основаніи, что двѣ недѣли въ теченіи мѣсяца, до и послѣ извѣстнаго періода въ женской жизни, еврейка считается нечистою и обязана омываться, а талмудъ, предписываетъ совершать омовенія купаньемъ, и именно погруженіемъ въ воду съ головой. Если у нея на головѣ отпущены волосы, то, во всякомъ случаѣ, она, при погруженіи въ воду, останется нечистой, и вотъ, во имя чистоты, голова обривается. Благочестивая еврейка, поэтому, постоянно носитъ парикъ и живетъ супружескою жизнью только четырнадцать дней каждый мѣсяцъ. Чтобъ не обнажать наготы, она обязана, какъ бы ни была бѣдна, носить чулки и башмаки. Разумѣется, у образованныхъ евреевъ многіе изъ обычаевъ ихъ соплеменниковъ уже не соблюдаются. Затѣмъ, посѣщеніе синагоги обязательно для еврейки только на половину. Законъ заботится о ней мало и предоставляетъ ей жизнь хозяйки, сплетницы, крикуньи, торговки, чѣмъ она, волей-неволей, и пользуется. Нравственность ея, вообще говоря, стоитъ довольно высоко, уже потому, что каждый еврей женатъ. Если онъ овдовѣлъ или развелся, то онъ *обязанъ жениться*, такъ какъ одинокая жизнь и отсутствіе дѣтей считается не только грѣхомъ, но даже проклятіемъ. Христіанинъ, не обрѣзанный *гой,* противенъ еврейкѣ, и рѣдко бываетъ, чтобъ еврейка сошлась съ христіаниномъ. Гулять, ходить, расхаживать ей дозволяется сколько душѣ угодно, и вотъ она, мало по малу, принимаетъ тотъ характеръ, который для насъ кажется страннымъ.

Выше я говорилъ о моемъ пріятелѣ, довольно образованномъ евреѣ, monsieur Samuel, съ которымъ я очень коротко сблизился въ Яссахъ. Monsieur Samuel (по просту Шмуль) постоянно звалъ меня къ себѣ, и наконецъ, заставилъ меня явиться къ нему на шабашъ, т. е. въ пятницу вечеромъ. Это былъ мой первый ему визитъ. Я зашелъ къ нему въ лавочку, гдѣ онъ торговалъ табакомъ (и въ то же время мыломъ и туфлями) и от-

правился къ нему на вечеръ въ полной вѣрѣ, que je verrai quelque chose de comme il faut, que je passerai ma soirée dans la sociétè d'israélites bien élevés.

— Ce soir vous verrez, monsieur, nous ne sont pas comme cette canaille. Ma femme et tous mes convives sont des gens bien élevés, et vous ne vous repentirez pas d'avoir passé la soirée avec nous.

Monsieur Samuel былъ уроженецъ Каменецъ-Подольска, по какимъ-то особеннымъ дѣламъ, кто его знаетъ, хорошимъ или нехорошимъ, поселившійся въ Яссахъ и женившійся на дочери одного изъ тамошнихъ еврейскихъ тузовъ. Жилъ онъ въ домѣ своего тестя, человѣка очень богатаго и, какъ меня предупреждали, жилъ очень хорошо. По-ясски домъ этотъ былъ не изъ послѣднихъ: онъ былъ довольно великъ, украшенъ какими-то барельефами, и чугунное крылечко, на которое мы поднялись, было весьма недурно не только для Яссъ, но для любого европейскаго столичнаго города. Monsieur Samuel отворилъ изъ сѣней обитую клеенкой дверь и вошелъ; я за нимъ и на порогѣ остолбенѣлъ: раздался женскій визгъ, и госпожа въ совершенномъ дезобильѐ, декольте до невозможности, набросила полотенце на голую шею и шмыгнула въ дверь противъ той, въ которую мы вошли.

— C'est ma femme, сказалъ мнѣ monsieur Samuel, пожимая плечами: — она готовилась къ шабашу и мылась, не ожидая, что мы придемъ такъ рано.

— Mais enfin, не ужели у васъ уборная прямо изъ сѣней, и дверь не замыкается?

— Да вотъ видите, это очень маленькая комнатка и выходитъ прямо въ сѣни; это неудобно, и мы сдѣлали изъ нея уборную, столовую и спальню.

— Вѣдь это неудобно, замѣтилъ я, нѣсколько смущенный конфузомъ madame Хайка.

— Ничего, отвѣчалъ мнѣ monsieur Samuel: — vous comprenez bien,—мы, образованные люди, стоимъ выше всякихъ предразсудковъ — и онъ провелъ меня въ гостиную, которая слѣдовала немедленно за этой передней, превращенной въ спальню.

Гостиной была комната окна въ три; полъ убранъ великолѣпнѣйшимъ ковромъ; бархатная мебель стояла по стѣнамъ, закрытая бѣлыми чехлами. Мы усѣлись на диванъ, и покуда monsieur Samuel доставалъ мнѣ папиросы, я успѣлъ замѣтить, что на столикѣ передъ диваномъ, на серебряныхъ

канделябрахъ висѣли ярлычки съ нумерами и съ какимито именами: такъ и пахнуло на меня квартирой ростовщика. Но, къ довершенію всего, при этомъ, все-таки, великолѣпномъ убранствѣ гостиной, у самыхъ дверей стояла на трехъ ногахъ высокая краснаго дерева вѣшалка, на которой красовались только что выглаженныя и накрахмаленныя юбки, кофты, блузы и прочія принадлежности туалета de madame Хайка, si bien élevée et si délicate.

Удивительное дѣло, какъ подумаешь, это глубокое отсутствіе чувства изящнаго, которое такъ присуще этому странному племени! Не только еврей, держащійся моисеева или, пожалуй, талмудическаго исповѣданія, до такой степени не умѣетъ благопристойно устроить своей собственной квартиры, но даже еврей-выкрестъ, если онъ, само-собой разумѣется выросъ въ еврейской средѣ, непремѣнно отличается тѣмъ же самымъ отсутствіемъ изящества въ своей обстановкѣ и въ своихъ манерахъ. Есть у меня пріятель въ Тульчѣ, нѣкто Ф., человѣкъ весьма образованный, бывшій австрійскимъ и турецкимъ офицеромъ, кончившій курсъ не то въ пражскомъ, не то въ вѣнскомъ университетѣ, стоящій выше всякихъ предразсудковъ и, въ то же время, еврей до конца ногтей по наслѣдству. Отецъ его былъ выкрестъ. Ф., кончивъ курсъ въ университетѣ, сдѣлался не то поручикомъ, не то штабсъ-капитаномъ, и *для карьеры* эмигрировалъ въ Турцію, потурчился, перенесъ операцію обрѣзанія, которая весьма не легко дается совершеннолѣтнему человѣку, то есть, требуетъ цѣлаго мѣсяца страшной боли и лежанія въ постели; затѣмъ, бросилъ и турецкую службу и мусульманство, открылъ кофейную въ Константинополѣ, за кофейной — булочную, за булочной отель; наконецъ поселился въ Тульчѣ и сталъ поставлять камни для работъ, производившихся европейской международной комисіей по очищенію дунайскихъ гирлъ; затѣмъ, мостилъ улицы въ Галацѣ и т. д. Этотъ человѣкъ большого ума и колосальныхъ способностей, былъ болѣе чѣмъ хорошимъ отцомъ семейства и, совершенно по-еврейски, не осмѣливался держать въ домѣ острыхъ столовыхъ ножей изъ боязни, чтобъ какъ-нибудь не обрѣзались его дѣти. Пускаясь въ разнаго рода невѣроятныя спекуляціи, Ф. никогда не задумывался о десяткахъ червонцевъ и вѣчно дрожалъ надъ грошами; а это былъ человѣкъ, по уму и образованію стоявшій не только выше всякаго еврейства, но выше

всякихъ предразсудковъ, и человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова умный, развитой и необыкновенно доброй души. Кровь — вещь въ высшей степени загадочная, и нѣтъ сомнѣнія, что она отзывается на второмъ и на третьемъ поколѣніи.

Шабашъ у monsieur Samuel оказался весьма цивилизованнымъ, безъ традиціонной, чѣмъ-то начиненной щуки, безъ чесноку, но съ сардинками, употребленіе которыхъ monsieur Samuel отъ меня же позаимствовалъ. Въ срединѣ нашего пира отворилась та же дверь изъ сѣней въ спальню, а мы въ спальнѣ-то и сидѣли, и вошло нѣсколько дамъ.

— Ma cousine, рекомендовалъ мнѣ monsieur Samuel: — l'amie de ma femme, l'amie de ma cousine.

Я раскланялся.

Двѣ традиціонныя свѣчки — у monsieur Samuel еще не было дѣтей — освѣщали комнату. Вошедшія дамы усѣлись у окна довольно далеко отъ меня, въ полусвѣтѣ. Разговоръ свернулъ на литературу, толковали что-то такое о Барбье, о Гюго, о Дрезденѣ, куда уѣзжала одна изъ гостей, и мнѣ сказано было нѣсколько любезностей за то, что я кореспондентъ, стало быть, литераторъ; литераторовъ же эти дамы въ Дрезденѣ не видали, а въ Яссахъ и видѣть не могли, потому что въ Яссахъ еще кое-какіе публицисты молдавскіе водятся, а литераторовъ совсѣмъ нѣтъ. Ужинъ кончился. Въ разговорѣ я подвинулся поближе къ дамамъ, которыя то и дѣло заявляли мнѣ свою образованность, цивилизацію и отсутствіе всякихъ предразсудковъ. Признаться я, грѣшный человѣкъ, нѣсколько увлекся и увѣровалъ искренно, что эти госпожи, толковавшія со мной о литературѣ, о музыкѣ, о цивилизаціи, о прогресѣ, были то же самое, что наши образованныя женщины, и вдругъ, сѣвши къ нимъ поближе, я въ глубинѣ души своей ахнулъ во все горло: это были Хайки, Малки и Мирки. Ни на одной изъ нихъ не было платья!.. Бѣлый костюмъ, который я принялъ было за блузы или пеньюары, оказался просто юбками и кофтами, и на ногахъ у этихъ барынь, весьма достаточныхъ, были совершенно стоптанныя туфли! Мнѣ вдругъ все стало ясно. Эти барыни, считающія себя, и не безъ основанія, образованными, явились въ гости sans façon, такъ, запросто, какъ онѣ сейчасъ выскочили бы на улицу потолковать о городскихъ еврейскихъ сплетняхъ, покричать *вай-миръ,* поплакать и купить дешево какой-нибудь браслетъ, который и надѣлся бы въ шабашъ не потому,

чтобъ онъ былъ очень хорошъ, не потому, чтобъ онъ заслуживалъ вниманія по своей цѣнѣ или по отдѣлкѣ, а просто потому, что имъ можно похвастаться, какъ доказательствомъ своей ловкости и изворотливости въ умѣньѣ торговаться и покупать. Да,—эти госпожи читаютъ Гюго, можетъ быть, даже Паскаля и Шекспира, можетъ быть, великолѣпно играютъ на фортепьяно, но въ жизни ихъ, въ ихъ домашнемъ быту, господствуетъ та вопіющая *проза, которая такъ страшна въ женщинахъ*. Можетъ быть, это предразсудокъ, но мы, люди XIX вѣка, требуя отъ женщины извѣстной доли практичности, все-таки, возмущаемся, когда эта практичность доходитъ до степени торговки, — а еврейка этого не минуетъ.

Да, странная вещь въ евреяхъ — отсутствіе изящества. Любого изъ нихъ возьмите, посидите съ нимъ полчаса, и его глубокая прозаичность такъ и станетъ вамъ рѣзать ухо, какъ лопнувшая струна въ роялѣ *). Говорятъ, что гоненіе все это надѣлало. Очень можетъ быть; но невозможно-же, чтобъ гнали евреевъ только за пхъ исповѣданіе, только за то, что они не христіане?

*) Недавно въ одной польской брошюрѣ было сдѣлано замѣчаніе, что никто не видалъ еврея, нюхающаго цвѣтовъ. Еврей — прозаикъ до невозможности. Какъ бы то ни было однако, я прошу моихъ читателей, а особенно читателей евреевъ понять, что если я нападаю на евреевъ какъ на касту, то вовсе не отрицаю, что отдѣльныя изъ нихъ личности превосходны и знаютъ толкъ въ цвѣтахъ, какъ есть евреи храбрые и даровитые; есть изъ евреевъ поэты, музыканты, мыслители, замѣчательные профессора и ученые; но опять таки, повторяю, я говорю не объ *исключеніяхъ*, а объ общихъ свойствахъ непроизводительной массы евреевъ.

АРЕСТЪ.

I.

Вотъ, ваше высокоблагородіе, якіи топорики уживаютъ наши гуцулы, сказалъ мнѣ кто-то въ Львовѣ, показывая на палку, съ ручкой въ видѣ топора.

Ручка эта была мѣдная. Подобныя палки не рѣдкость; ихъ фабрикуютъ такъ же, какъ палки съ разными лисьими мордами, съ оленями, съ ножками серны, молотками и тому подобными украшеніями.

Палки съ рукоятками въ видѣ топоровъ продаются обыкновенно желѣзныя, и форма этихъ топоровъ съ рукояткой бываетъ обыкновенно фантастическая. Но гуцульскія палки, такъназываемые топорики, поразили меня чѣмъ-то чрезвычайно знакомымъ, будто я гдѣ-то видѣлъ эту форму, чѣмъ-то древнимъ пахнуло на меня, и вдругъ я вспомнилъ, что точь-въ-точь такіе топорики дѣлались во времена бронзоваго періода, и что стиль и форма этихъ топориковъ такъ и напоминаютъ египетское оружіе XVII и XV в. до Р. X.

— Всегда дѣлаются мѣдныя? спрашивалъ я.

— Всегда. Купитъ гуцулъ подсвѣчникъ или какой-нибудь мѣдный ломъ, перельетъ его въ такой топорецъ, насадитъ на палку и расхаживаетъ съ нимъ. Ни одинъ гуцулъ-франтъ не выйдетъ въ праздникъ безъ топорца; но такъ какъ мѣдь, всетаки дорога, то въ послѣднее время стали они дѣлать эти топорцы просто деревянные, а только насаживаютъ на нихъ лезвіе мѣдное; по дереву же стали набивать мѣдные гвоздики или пробивать его мѣдной проволокой, тѣмъ же самымъ узоромъ.

Въ Москвѣ, въ этнографическомъ музеѣ, читатель можетъ видѣть эти самые топорцы. Сходство формы и чекана гуцульскихъ топоровъ съ топорцами бронзоваго періода было до того поразительно, что било въ глаза. Правда, на гуцульскихъ

топорцахъ сохранился только одинъ рисунокъ бронзоваго времени, именно углами — спирали я никогда не видалъ; но та же самая малость объема, та же самая пригодность для весьма маленькой руки, и, наконецъ, то же исключительное употребленіе мѣдныхъ сплавовъ, не могли не бросаться въ глаза.

— Для чего же употребляютъ они эти топорики? только для прогулки?

— А нѣтъ, отвѣчали мнѣ: — они когда пляшутъ, такъ подбрасываютъ ихъ кверху и ловятъ въ руку, и до такой степени мастера кидать ими, что саженъ за пять бросятъ его въ указанную точку и топоръ въ нее вонзится. Перепьются иногда, и какую-нибудь нелюбимую опозоренную дѣвку, которую надо *развѣнчать*, потому что она лишилась невинности, привяжутъ за косу къ столбу и отсѣкутъ ей косу, метая въ нее этими топорцами.

Подобное употребленіе топорцовъ, какъ метательнаго оружія, опять-таки, ясно указываетъ, что происхожденіе ихъ относится къ бронзовымъ временамъ. Маленькіе бронзовые топорцы, которые мы находимъ въ землѣ, не годились, разумѣется ни для рубки дровъ, ни для какого-нибудь хозяйственнаго употребленія, развѣ для столярныхъ подѣлокъ, а значеніе ихъ, какъ оружія метательнаго, необходимо выходитъ изъ ихъ малой величины, что̀ и указывается гуцулами.

Мысль о гуцулахъ засѣла у меня въ головѣ, а съ нею вмѣстѣ охота съѣздить къ нимъ и осмотрѣть на мѣстѣ, это за загадочное племя, засѣвшее въ Карпатахъ. По всѣмъ разспросамъ оказалось, что они большіе мастера во всякихъ мѣдныхъ подѣлкахъ, что всѣ ихъ украшенія мѣдныя и т. п. Отыскать слѣды бронзоваго періода въ XIX вѣкѣ было лестно, но еще лестнѣе было отыскать ихъ у русскихъ, и какъ ни отсовѣтывали мнѣ мои львовскіе друзья поѣздку въ Карпаты, я не могъ воздержаться, несмотря на весьма позднюю пору — это было въ концѣ октября.

Оставивъ во Львовѣ разныя хрупкія вещи изъ своей колекціи, въ одно прекрасное утро отправился я на желѣзную дорогу и очутился въ Коломыѣ, городкѣ, лежащемъ въ гуцульской сторонѣ и замѣчательномъ развѣ тѣмъ, что слово Коломыя до сихъ поръ не объяснено ни однимъ ученымъ, и что ему придаютъ значеніе римской colonia. Единственная достопримѣчательность Коломыи — директоръ тамошней гимназіи, Ѳе-

доръ Бѣлоусъ, изъ-за котораго въ послѣднее время произошло столько шума въ Галичинѣ. Это дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ.

Крестьянскій сынъ, онъ началъ свою житейскую карьеру съ того, что пасъ свиней. Сельскій священникъ обучалъ его грамотѣ и далъ мальчику средства попасть не только въ уѣздное училище, но пробиться въ гимназію. Голодая тамъ, пройдя всѣми ужасами сиротства и нищенства, Бѣлоусъ кончилъ курсъ, попалъ въ университетъ, выдержалъ тамъ блестящій экзаменъ, сдѣлался учителемъ и, сверхъ того, замѣчательнымъ педагогомъ. Этотъ маленькій бѣлокурый человѣкъ обладаетъ глубоко страстной и любящей душой, той натурой, которая не умѣетъ дѣлать дѣло на половину, а отдается ему цѣликомъ, несмотря ни на какія препятствія, не боясь никакихъ жертвъ. Онъ добился того, что сдѣлался директоромъ гимназіи, что̀ дало ему тысячу двѣсти гульденовъ жалованья (т. е., по-нашему, семьсотъ двадцать рублей серебромъ) въ годъ, но, такъ какъ гульденъ тамъ почти равняется практически нашему рублю, то можно считать, что онъ имѣлъ тысячу двѣсти рублей въ годъ — сумму, на которую, извѣстно, извернуться весьма нелегко даже одинокому человѣку. Этой суммой Бѣлоусъ распоряжался такъ, что не нанималъ себѣ даже квартиры, а ставилъ кровать въ гимназической библіотекѣ, сводилъ свой столъ на хлѣбъ и на воду, гардеробъ свой на самое необходимое и усчитывалъ каждый крейцеръ, каждую копейку на вспомоществованіе бѣднымъ ученикамъ. Для себя онъ не дѣлалъ ровно ничего — все для русскихъ, все для русскаго дѣла. По праздникамъ, бѣдныхъ учениковъ разсылалъ онъ по селамъ съ письмами къ священникамъ съ просьбами о помощи. Священники, какъ я уже говорилъ, народъ крайне небогатый, но, заражаясь патріотизмомъ Бѣлоуса и его любовью къ дѣтямъ одинъ изъ нихъ давалъ гульденъ, другой книгу, четвертый дести три бумаги; попадьи давали имъ крупы, муки̂, хлѣба; и ученики, пѣшкомъ, босикомъ, съ мѣшками на плечахъ, тащились въ устроенную имъ бурсу и перебивались опять до слѣдующаго праздника. Въ церковные праздники, онъ ихъ отправлялъ пѣть на клиросѣ въ селѣ. Хлопы и жёнки отваливали имъ тоже всякаго провіанта по мѣрѣ силъ своихъ, иногда даже и не провіанта, а *холста!* священники и дьяки кое-что изъ поношеннаго платья; и молодежь, опять-таки, существовала при помощи своего ди-

ректора, который, въ случаѣ крайности, дѣлился съ ними послѣдней копейкой. Сверхъ всего этого, Бѣлоусъ находилъ самъ время путешествовать пѣшкомъ по Галичинѣ, забрался даже въ Угорщину, гдѣ его приняли не то за политическаго агента, не то за бродягу, посадили въ тюрьму, несмотря на то, что онъ, все-таки, директоръ гимназіи, и, все-таки, ваше высокоблагородіе, и съ надлежащимъ почетомъ выпроводили изъ Угорщины. Захотѣлось ему, для пользы гимназіи, побывать на лондонской выставкѣ и осмотрѣть Западную Европу. Путешествіе это совершилъ онъ на *триста гульденовъ, т. е. меньше чѣмъ на двѣсти рублей;* что̀-то дней шесть пробылъ въ Лондонѣ, неизвѣстно, чѣмъ кормясь, но пѣшкомъ обошедши весь этотъ городъ, чуть ли не отъ Сиденгэма до Уиндзора, и побывалъ во всѣхъ музеяхъ; затѣмъ побывалъ онъ въ Парижѣ и воротился въ свою Коломыю, какъ онъ разсказывалъ мнѣ, съ пузырями на ногахъ, потому что онъ ѣздилъ только по желѣзнымъ дорогамъ, разумѣется, вездѣ въ вагонѣ третьяго, а если возможно, и четвертаго класса, останавливался въ самыхъ убогихъ тавернахъ и ни разу не прокатился въ фіакрѣ. На какія-то невѣроятныя средства, на разныя подписки, на разныя урывки изъ своего жалованья, Бѣлоусъ завелъ физическій, естественный и химическій кабинеты при своей гимназіи, пополнилъ библіотеку и ко всему этому озаботился о созданіи въ Галичинѣ національнаго русскаго купечества. Въ Галичинѣ есть всего одинъ русскій купецъ, хотя сильно ополяченный, г. Диметъ, во Львовѣ, торгующій галантерейными товарами; остальное купечество — евреи, нѣмцы и поляки. Русскіе состоятъ только изъ двухъ классовъ, какъ я уже говорилъ: попъ и хлопъ; горсть учителей и чиновниковъ не можетъ даже въ счетъ идти.

Чтобъ создать торговый классъ, Бѣлоусъ какого-то ученика своего, русскаго, съумѣлъ отдать, уже не помню, къ нѣмцу или къ поляку, въ лавку; затѣмъ какимъ-то неудобопонятнымъ способомъ открылъ для него свою собственную лавку и велѣлъ написать надъ ней «русская торговля» и написать это русскими буквами. Мало того, Бѣлоусъ завелъ въ Коломыѣ типографію, въ которую посадилъ своего брата, завелъ тамъ журналъ, сталъ печатать разныя брошюрки. Типографія шла плохо, заказовъ не было, на журналъ его даже подписчиковъ не было, потому что галицкіе читатели народъ бѣдный; всѣ довольствуются чтеніемъ «Слова», единственной серьёзной и един-

ственной полезной галицкой газетой. Львовская и перемышльская типографія съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ Галицкой Руси; но нужно было заявить, что эта Галицкая Русь имѣетъ потребность въ увеличеніи числа своихъ óргановъ и своихъ типографій, нужно, чтобъ замѣтили, что *мы существуемъ,* что *мы* не фантазія, не призракъ — первый шагъ нужно сдѣлать, чтобъ дѣло пошло. Пусть лѣтъ десять коломыйская типографія нейдетъ, но пойдетъ-таки, наконецъ, — потому что съ каждымъ годомъ читается все больше и больше. Бѣлоусъ и братъ его съ семействомъ чуть-чуть съ голоду не умирали отъ своихъ предпріятій, но не отступали ни на шагъ отъ дѣла. Типографія шла, и гимназія положительно процвѣтала. Каждый хлопъ въ коломыйскомъ округѣ знаетъ и благословляетъ всегда Бѣлоуса; даже поляки, такъ ненавидѣвшіе его за его смѣлую поддержку русскаго дѣла, относились съ глубокимъ уваженіемъ къ этой великой личности. Но онъ такъ намозолилъ глаза имъ, что его перемѣстили въ Галицію, т. е. къ мазурамъ, съ которыми ему, какъ русскому, нéчего было дѣлать. Его, такого замѣчательнаго педагога, нельзя было при новомъ совѣтѣ училищъ (школьная рада) оставить безъ дѣла. Поэтому, его *только* перемѣстили, и перемѣщеніе это надѣлало много горя бѣднымъ русскимъ. На мѣсто его посадили какую-то личность, совершенно неизвѣстную, которая уже никакимъ образомъ не замѣнитъ этого великаго дѣятеля.

Я переночевалъ въ Коломыѣ и отправился въ село Печенѣжино, въ которомъ долженъ былъ пріѣхать прямо къ декану, (т. е. благочинному), отцу Михаилу Петрушевичу, брату знаменитаго львовскаго клирошанина и историка. Благочинный, маленькій, худенькій, какъ лунь сѣденькій старичекъ, принялъ меня, прочтя письмо изъ Львова, такъ дружески и такъ задушевно, какъ только ожидать было можно, — съ тѣмъ, что̀ називается, стариннымъ гостепріимствомъ, и обѣщалъ немедленно доставить мнѣ возможность пробраться въ Карпаты, въ село Жабію, гдѣ, по его словамъ, были лучшіе мастера всякихъ мѣдныхъ издѣлій. Самъ онъ былъ большой ученый и сорокъ лѣтъ работалъ надъ составленіемъ корнеслова русскаго языка.

Я не знаю судьбы плачевнѣе доставшейся въ удѣлъ этимъ бѣднымъ труженикамъ русскаго дѣла и науки, заброшеннымъ сюда въ этотъ уголъ, куда ни одинъ русскій воронъ костей не

заноситъ. Лишенный практическаго знанія нашего книжнаго языка, лишенный книгъ, матеріаловъ, всякихъ лѣтописей, актовъ, пословицъ, лингвистъ Петрушевичъ сорокъ лѣтъ просидѣлъ, собирая тѣ слова, которыя только ему доставались, и это въ какомъ-то Печенѣжинѣ, даже и не Львовѣ; при всемъ желаніи сдѣлать для науки чтò-нибудь путное, галицкій ученый ничего не можетъ сдѣлать, потому что у него источниковъ нѣтъ, потому что онъ совершенно незнакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями, которыми такъ богата становится наша литература, потому что русская историческая наука остановилась для него на Карамзинѣ, а много-много на Соловьевѣ или Погодинѣ; русское языкознаніе осѣклось для него на Гречѣ и на Востоковѣ. При всемъ почетѣ, которымъ должны пользоваться въ нашей наукѣ эти имена, ни для кого не тайна, что послѣ нихъ, проложившихъ первые пути, сдѣлано столько новаго, что, не зная этого новаго, ничего знать нельзя. Огромный трудъ Петрушевича, первые два листа котораго были изданы Бѣлоусомъ, представляетъ именно такое усиліе сдѣлать все, чтò можно сдѣлать безъ источниковъ, — трудъ, на сколько я могу быть судьей въ подобнаго рода дѣлахъ, во всякомъ случаѣ, крайне замѣчательный; но онъ наводитъ на меня невольное раздумье. Чтò, еслибъ подобному работнику да достался матеріалъ? онъ оказалъ бы такую же заслугу русскому языку, какъ Даль.

— Сегодня не поѣзжайте, говорилъ онъ мнѣ, потому что уже нѣсколько поздно; надо завтра выѣхать какъ можно раньше. Въ горахъ скоро стемнѣетъ; тамъ снѣгà, всюду ручьи шумятъ, дороги испортились, а наши горы — вещь такая, что и здѣшній житель въ ночную пору не отважится въ нихъ забраться. Переночуйте у меня и завтра пораньше съ Богомъ отправляйтесь въ Жабію, куда я вамъ дамъ письма. Тамъ вы будете имѣть возможность познакомиться съ гуцулами, съ топориками и съ прочими ихъ издѣліями.

Совѣтъ былъ дѣльный; я послушался — весь день мы протолковали объ ученыхъ предметахъ. Показывалъ онъ мнѣ свою выписку изъ краледворской рукописи, изъ «Славянской народописи» Шафарика, изъ «Слова о полку Игоревѣ» — словомъ, весь свой книжный запасъ, какой онъ могъ только скопить въ этой глухой, невѣдомой сторонѣ.

Не помню, на столѣ, не помню, на фортепьяно, лежалъ какой-от листъ, исписанный красными чернилами — очевидно, стихами.

— Чтò это такое? спросилъ я.

— А, это любопытная вещь, сказалъ священникъ: — это кто-то по почтѣ прислалъ, безъ подписи; какъ видите, это стихи на пріѣздъ къ намъ въ Галичину графа Голуховскаго.

Стихи были по-польски. Это была пародія на ту странную пѣсню, которую на святкахъ распѣваетъ хлопство:

Ѣде, ѣде Жельманъ,
Ѣде, ѣде его братъ,
Вся родина жельманова и т. д.

Въ сборникѣ Головацкаго пѣсня эта помѣщена въ нѣсколькихъ варіантахъ. Преданіе говоритъ, что въ тѣ блаженныя времена, когда сынамъ Израиля отдавались на аренду церкви христіанскія, хлопство, собравшись къ свѣтлохристовой заутрени, приходило въ восторгъ, видя появленіе какого-нибудь Ицека Жельмана, который, какъ и все племя израилево, въ одиночку не ѣздитъ, а всегда съ братомъ, съ сестрой, съ отцомъ, съ матерью, съ пріятелемъ, съ пріятелями пріятеля и т. д. На сколько это вѣрно, судить трудно; всѣ подобныя народныя пѣсни имѣютъ основаніемъ своимъ времена несравненно болѣе далекія и, по большей части, входятъ въ язычество; но если ужъ хлопство примѣнило эту пѣсню къ тѣмъ временамъ и передѣлало слова такъ, что дѣйствительно они напоминаютъ эпоху гоненій за унію, то такъ и надо признавать ее отголоскомъ древней ненависти къ евреямъ и отчаянія подъ ихъ владычествомъ. Изъ этой пѣсни:

Ѣде, ѣде Жельманъ,
Ѣде, ѣде его братъ,
Вся родина жельманова,

какой-то русскій по-польски передалъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго:

Jedzie, jedzie Gołuchowski
Jedzie, jedzie jego brat... и т. д.,

чтò, разумѣется, было пасквилемъ на его сіятельство намѣстника, будто его пріѣздъ для русскихъ галичанъ имѣлъ значеніе пріѣзда какого-нибудь Ицека Жельмана. По нашимъ законамъ, даже нахожденіе такой бумаги въ чьемъ-нибудь домѣ могло доставить обладателю ея весьма не пріятныя хлопоты, но по австрійскимъ законамъ это ровно ничего не значило, потому что Австрія, при всѣхъ, до сихъ поръ существующихъ въ ней цензурныхъ стѣсненіяхъ, все-таки, добилась той свободы печати, до которой намъ дойти едва ли скоро удастся. Подобное

стихотворенie въ Австріи не только написать было не преступно, но даже и напечатать было бы можно.

— Вотъ бы штука отличная, сказалъ я, еслибъ вы мнѣ дали копію этихъ стиховъ! Быть можетъ они пригодились бы мнѣ для характеристики вашей Галичины.

— Пожалуй, берите! сказалъ священникъ, и велѣлъ своему сыну немедленно переписать для меня этого Жельмана-Голуховскаго.

Я пріѣхалъ въ Печенѣжино, 24-го октября 1866 года, прямо на Всескорбящую, которая въ томъ году пришлась на воскресенье, такъ что праздникъ былъ двойной. Хлопство, поэтому совершало надлежащее жертвоприношеніе у жрецовъ Бахуса: Ицека, Янкеля, Шмуля, Хайма и Лейбы, предварительно, впроемъ, присутствовавъ при принесеніи жертвы безкровной жрецомъ христовымъ, сѣденькимъ Петрушевичемъ. Поэтому, въ понедѣльникъ утромъ все было въ нѣсколько мрачномъ настроеніи духа, и извощика мнѣ отыскать оказалось рѣшительно невозможнымъ. Кто опохмѣлялся, кто хандрилъ и отрицалъ всякія житейскія выгоды — словомъ, шло все какъ слѣдуетъ. Наконецъ, отыскался какой-то Янъ, сынъ одного изъ самыхъ богатыхъ хлоповъ, который согласился свезти меня въ горы, и я ужъ совсѣмъ готовъ былъ встать и поблагодарить моихъ хозяевъ за хлѣбъ за̀ соль, какъ возникло новое затрудненіе: нельзя же гостя отпускать на тощій желудокъ, а это затянуло дѣло часовъ до десяти, несмотря на всѣ мои отнѣкиванія. Когда же мы позавтракали, оказалось, что не то Янъ куда-то ушелъ, не то лошадей нужно подковать, и дѣло кончилось тѣмъ, что пришлось остаться до обѣда.

— Э! сказалъ я, бѣда не велика, поѣду я въ горы; если не доѣду до Жабіи, переночую гдѣ-нибудь въ корчмѣ; штука нехитрая.

— Да нѣтъ, поспѣете, поспѣете; лошади отличныя, духомъ домчатъ.

Мы и помчались.

Печенѣжино стоитъ у самой подошвы Карпатовъ; верстахъ въ пяти отъ него начинаются ущелья.

Я совершенно понимаю, почему воображеніе горцевъ населяетъ горы разными духами: то карликами, то великанами, царями, заснувшими въ глубокихъ пещерахъ, невѣдомыми властителями черныхъ рощъ, утесовъ, ручьевъ. Въ горахъ вы

чувствуете себя неловко: что̀-то таинственное открывается передъ вами. Лѣсъ тоже имѣетъ свою таинственность, но вы знаете, что за деревомъ будетъ дерево, за кустомъ кустъ, и хотя кругозоръ вашъ съуженъ, хотя дальше пяти саженъ вы ничего не видите передъ собою, но все-таки вы знаете, что передъ вами кустъ да дерево, дерево да кустъ, да валежникъ, да гніющая колода. Въ горахъ совсѣмъ другое: по мѣрѣ того, какъ вы подымаетесь выше да выше, каждый утесъ, каждый ручей скрываетъ за собою новую загадку. Что̀ тамъ будетъ? можетъ быть, пропасть, можетъ быть, водопадъ. Что-то шумитъ впереди, а что̀ тамъ шумитъ, лѣсъ-ли, водопадъ-ли, ручей-ли, — разобрать нельзя. Камни прыгаютъ откуда-то, точно ихъ бросаютъ какія-то невидимыя руки; тутъ молодое, крѣпкое дерево держится на краю обрыва, а подлѣ него почему-то повалилось и повисло въ пропасть другое, такое же молодое и такое-же крѣпкое дерево, какъ оно. Ни съ того, ни съ сего, огромный камень лежитъ на скатѣ; какъ онъ сюда попалъ? какая сила его бросила? почему онъ дальше не катится, если онъ скатился откуда-то съ невѣдомыхъ вершинъ? а потоки журчатъ да журчатъ, катя съ собой груды булыжника; дорога размыта, коегдѣ деревушки — но деревушки уже не тѣ, которыя на *полѣ*, какъ выражается гуцулъ о равнинѣ: тамъ группы хатъ въ двѣсти, подчасъ въ триста, а не то въ тысячу дворовъ. Здѣсь помѣститься было негдѣ, здѣсь человѣкъ рубилъ себѣ хату тамъ, гдѣ могъ завести огородецъ и отыскать какую-нибудь ложбинку для поля. Хата направо, хата налѣво, хата впереди, хата назади; ничего общаго, ничего связнаго нѣтъ; каждый живетъ самъ по себѣ. До сосѣда не во всякую пору можно добраться, потому что ночью и горецъ можетъ заблудиться, потому что сильный вѣтеръ можетъ сорвать на него груду камней или свалить на него дерево, и человѣкъ поневолѣ дѣлается мистикомъ и опришкой. Опришки въ Карпатахъ были нѣчто въ родѣ абрековъ на Кавказѣ. Это были не то разбойники, не то бандиты, не то удалы добры мо́лодцы, не изъ жажды разбоя, не изъ жажды наживы, а такъ, отъ нечего дѣлать, со скуки. Еще недавно, лѣтъ тридцать назадъ, гуцулъ считалъ постыднымъ дѣломъ ходить безъ ружья, и только силой австрійское правительство отобрало у нихъ ружья. Разбой и убійство въ горахъ были дѣломъ до того обыкновеннымъ, что даже въ счетъ не ставились. Теперь ихъ почти нѣтъ, а были времена вотъ какія: ѣхали два

священника въ горы на какой-то храмовой праздникъ. Встрѣченный прохожій говоритъ имъ, что нѣсколько опришковъ пріютились прямо имъ по дорогѣ. Молодой священникъ струхнулъ и отказался продолжать поѣздку; старенькій сказалъ, что ему уже и такъ немного вѣку осталось, — сегодня умирать, завтра умирать, — все равно — поѣду. Его остановили.

— Ты попъ?

— Попъ.

— Доброе дѣло, что попъ къ намъ пріѣхалъ. Молись, батька; молись, добродѣй.

Старичекъ помолился.

— Исповѣдуй насъ и причасти.

Старичекъ подумалъ: чтò же, хоть они и опришки, да всѣ нашей русской вѣры. Не говѣли: чѣмъ же говѣть имъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, кромѣ молока, творогу, да овечьяго сыра, ничего достать нельзя? что не ходили въ церковь — имъ и въ церковь показаться нельзя! Вынулъ дары, исповѣдалъ и причастилъ.

— Снимай, добродѣй, шапку.

Старикъ снялъ, и повалилось ему въ шапку золото.

— Вотъ кабы твой товарищъ молодой, что съ тобой ѣхалъ, не побоялся насъ, добрыхъ людей, такъ не достались бы тебѣ *его* гроши. Поѣзжай, добродѣй, съ Богомъ...

Ни польское, ни молдавское правительства никогда серьёзно не владѣли этими горами; одна Австрія съумѣла, безъ шуму, безъ войны, покорить ихъ, и вышли изъ нихъ люди тихіе и смирные, такіе, что если когда-нибудь эти горы достанутся во власть Россіи то составятъ гуцулы такой оплотъ для нашего государства, лучшаго какого и желать нельзя *).

Выше, выше везетъ меня мой Янъ, четырнадцатилѣтній мальчикъ, съ черными какъ смоль волосами, распущенными по плечамъ, съ маленькими черными глазами, смугловатый, коренастый и очень бойкій. Янъ слѣдитъ за всѣми общественными дѣлами Печенѣжина, радъ потолковать о политикѣ и радъ со-

*) У насъ хлопочутъ о заселеніи Кавказа русскими—Гуцулы съ голоду мрутъ отъ тяжкихъ налоговъ и мечутся на дешевые заработки въ Австрію. Ихъ спеціальность—горное овцеводство и сыроваренье. Не дорого бы стоило вызвать изъ Карпатовъ нѣсколько тысячъ ихъ на правый флангъ—а про вѣру свою они только то и знаютъ, что ихъ вѣра *русская*.

общить проѣзжему чужеземцу обо всемъ, что̀ творится въ ихъ мірѣ. На немъ гуцульская сукня (короткій кафтанъ, не длиннѣе сюртука) и клапаня (гуцульская ушатая шапка), и будь онъ бѣлокурый, а не смуглый, и не будь полы его сукни обрѣзаны у колѣнъ, какъ у горца, которому неудобно ходить долгополымъ, я принялъ бы его, по его костюму, за чухонца, какъ не будь на галицкихъ *польныхъ* и *горныхъ* церквахъ осьмиконечныхъ крестовъ, а воткни на нихъ пѣтуховъ, я принялъ бы эти церкви за финскія, шведскія и норвежскія кирки. Странное дѣло, я не знаю ни одного племени, которое, своимъ костюмомъ, своей архитектурой, такъ напоминало бы скандинавовъ, какъ галичане. Варяги-ли сюда занесли этотъ строй, или сами они принесли его въ Скандинавію съ Руси, но сходство между Скандинавіей, а особенно Финляндіи съ Галичиной въ глаза бьетъ. Въ галицкихъ рѣкахъ вымываются тѣ же кресты, которые датскіе ученые считаютъ исключительно скандинавскими; кольчуги точно такія-же; тѣ же крыши на церквахъ, напоминающія тарелку блиновъ, по выраженію Гоголя; тѣ же клапани, тѣ же сукни... Я не беру на себя смѣлости дать объясненіе, но что связь существуетъ, пусть невѣрующій отправится и убѣдится.

Выше, выше въ горы везетъ меня Янъ, толкуя мнѣ о печенѣжскихъ дѣлахъ, о бѣдствіи хлоповъ, о голодѣ, о наборѣ, о неурожаѣ, о несправедливостяхъ полиціи, о томъ, что *горали* (горцы) относятся съ презрѣніемъ къ *полянамъ* (жителямъ равнины) — а утесъ смѣняется утесомъ, сосна сосной, ручьи не только пересѣкаютъ, но взрываютъ дорогу, снѣгъ прячется въ тѣни уступовъ и таетъ на солнцѣ, сороки и вороны перепархиваютъ съ мѣста на мѣсто и точно также подпрыгиваютъ обѣими ногами или чинно выступаютъ, пошевеливая хвостомъ, какъ будто живутъ онѣ не въ Карпатскихъ Горахъ, а гдѣ-нибудь въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Лиственныя деревья уже совсѣмъ раздѣлись на зиму, какъ-будто разсердясь, что наступаютъ такіе холода, что солнце начинаетъ ходить та̀къ низко, и что травка пожелтѣла, птицы улетѣли, такъ что даже можно остаться и за̀-просто, — покрасоваться не передъ кѣмъ; однѣ задумчивыя сосны и ели сохраняютъ свой неизмѣнный нарядъ: увлеченныя своей думой, однѣ воздѣли руки къ небу съ молитвой, другія опустили ихъ къ землѣ, обезсиленныя горемъ и думой; а солнце между тѣмъ уже зашло за Карпаты, и зашло именно

за ту сторону, которая передъ нами. На угорской сторонѣ еще свѣтло, на галицкой уже темно, и Янъ начинаетъ озираться чаще и чаще, не сбились-ли мы съ дороги.

— Треба ночувати, сказалъ онъ мнѣ.

— Що жъ, Яне? ночуймо, говорю я.

— Ѣдемо до попадьи, она вдова и насъ пріиме.

— Не можно, Яне? отвѣчаю я.

— Чого жъ не можно?

— Она мене не знае. Я-емъ ту чоловѣкъ чужій, не буде грѣчно (вѣжливо).

— Якъ хочете, рѣшаетъ онъ послѣ долгихъ убѣжденій — остановимся въ корчмѣ.

Поѣхать къ попадьѣ и попросить у нея ночлега, было бы дѣломъ самымъ разумнымъ, и еслибъ я къ ней поѣхалъ, то не наткнулся бы ни на какія непріятности. Но мнѣ казалось неловко ѣхать къ незнакомой женщинѣ въ такую глухую пору съ просьбой о ночлегѣ, не будучи галичаниномъ. Деликатность эта меня и погубила.

Было уже совершенно темно. Ѣхать дальше между этими обрывами, дѣйствительно, не было возможности. Впереди, надъ головой, мерцали огоньки.

— Корчма, сказалъ Янъ: — тутъ переночуемъ.

И мы дотащились до этой корчмы.

II.

Корчма въ горахъ точно такая же еврейская, какъ и въ полѣ — разницы нѣтъ ни малѣйшей. Тотъ же еврей съ пейсами, въ долгополомъ пальто, та же стойка, то же хлопство, провождающее свой вечеръ въ этомъ клубѣ. Я вошелъ и сказалъ, что желалъ бы переночевать.

— Unmöglich, kein Platz, затараторилъ мнѣ жидъ: — ganz unmöglich, gar kein Platz.

— Wo werde ich denn, lieber Freund, schlafen?

— Kein Platz.

— Aber ich werde bezahlen.

— Aber es ist unmöglich—ganz unmöglich.

Послѣ долгихъ переговоровъ я выигралъ только то, что нашелся хлопъ, который сказалъ, что переночевать можно у него, но съ тѣмъ, что онъ, все-таки, долженъ доложить объ этомъ пану вôйту.

— Докладывайте, сказалъ я: — у меня паспортъ есть, я не боюсь.

— Коли пашпортъ, пане, маете, то ходить.

И онъ пошелъ впередъ, указывая дорогу по какимъ-то крутизнамъ, обрывамъ, подъ шумъ не то ручьевъ, не то потоковъ, не то лѣса.

Ночь—загадка вездѣ и всюду, даже въ спокойной комнатѣ; тѣни ночи исполнены тѣхъ странныхъ и загадочныхъ образовъ, для которыхъ воображенiе не находитъ формы, а языкъ не находитъ словъ. Но ночь въ горахъ подъ вершинами Карпатовъ еще страннѣе; утесъ кажется какимъ-то чернымъ, громаднымъ привидѣнiемъ, сосны — потухшимъ канделябромъ, ель — мертвецомъ, рвущимся изъ могилы; а ручьи гремятъ, шумятъ; а полоска снѣга сiяетъ, а звѣзды съ неба сходятъ и сходятъ такъ близко къ вамъ, что, кажется, не будь этихъ скалъ, не шуми эти ручьи, не сiяй эти красножелтые огоньки въ хижинахъ и не будь я самъ прикованъ къ землѣ, тàкъ бы и рванулся къ нимъ, — къ этому темному осеннему небу.

Мы вошли въ хату.

Хата была довольно просторная; налѣво отъ дверей, какъ и слѣдуетъ, русская печь; кругомъ лавки; на стѣнѣ противъ дверей какiе-то образà — не наши русскiе образà съ темнымъ ликомъ въ вычурныхъ кивотахъ, а тамошнiя бѣдныя гравюрки, какiя-то малеванья масляными красками; безъ лампадки; чтò-то бѣдное, печальное, закоптѣлое. Столъ стоитъ тоже не въ переднемъ углу, какъ у насъ, а прямо противъ двери, налѣво подлѣ печки кроватъ; лучина пылаетъ. Мой хозяинъ, рѣшившiйся меня принять, Иванъ, оказался урлопникомъ (urlaub), то-есть, безсрочно-отпускнымъ.

Солдатъ въ Австрiи совсѣмъ не то, чтò у насъ. У насъ безсрочно-отпускной обязуется волосы стричь, бороду брить, по мiру не ходить; въ Австрiи ничего подобнаго нѣтъ: чуть ему дали отпускъ, и воротился онъ въ свое село въ какiя-нибудь Акрешоры, какъ запускаетъ онъ волосы, надѣваетъ хлопскую рубаху и хлопскiя порты, и дѣлается такимъ же хлопомъ, какимъ былъ. Разница между нимъ и настоящимъ хлопомъ толь-

ко въ томъ, что сельскія власти надъ нимъ не имѣютъ силы, что за всѣ его провинности онъ не можетъ быть судимъ мѣстными властями, а долженъ быть доставленъ въ полкъ. Путаница изъ этого выходитъ, разумѣется, страшная. Урлопникъ шалитъ, сколько душѣ его угодно, мошенничаетъ, разбойничаетъ, и покуда мѣстныя власти соберутся препроводить его въ полкъ, набалуется онъ столько, что надъ нимъ почти и управы ужъ нѣтъ. Онъ считаетъ себя въ родномъ селѣ лицомъ привилегированнымъ, а всякія безобразія происходятъ именно отъ него.

Мой хозяинъ Иванъ хотя и былъ урлопникъ, но серьёзно брался за плугъ, былъ хорошимъ хозяиномъ въ домѣ и, какъ кажется, добрымъ братомъ дѣвушки, его сестры, которая, едва мы вошли въ хату, тутъ же захлопотала около печки, ка̀къ бы угостить случайнаго проѣзжаго. Вѣжливость требовала переночевать не даромъ, тѣмъ болѣе, что со мной вовсе не торговались, что̀ будетъ стоить мое ночеванье. Примѣнившись довольно достаточно къ хлопству, я счелъ за должное прежде всего поставить моимъ хозяевамъ бутылку водки, на что̀ немедленно и раскошелился, а себѣ заказалъ изжарить кусокъ мяса, который, къ удивленію моему, въ Акрешорахъ и отыскался. Пока хозяева усиживали эту водку и пока босая ихъ сестра, въ понявѣ, въ бѣлой сорочкѣ, расшитой черными, алыми и желтыми нитками, возилась около печки, въ хату, мало по малу, стали набираться гуцулы съ ихъ длинными волосами, въ красныхъ штанахъ, смуглые, сѣроглазые, съ жесткими чертами лицами, въ широкихъ кожаныхъ поясахъ, украшенныхъ мѣдными пуговицами.

— Кто вы-сте, пане?

— Русскій, изъ Туречины. А вы кто такіе?

— Мы гуцулы, руснаки.

— А я понимаю вашъ языкъ.

— Нашъ языкъ русскій, и вѣра у насъ русская.

— Такъ языкъ у насъ будетъ одинъ, стало быть?

— Оно точно похоже. Вы, пане, говорите почти тѣмъ же самымъ языкомъ, что и мы, и вѣра у насъ, кажется, одна. Какъ начинается у васъ служба божія (обѣдня)?

— «Благословенъ Богъ нашъ».

— Ну, вотъ и у насъ служба божія начинается такъ: «благословенъ Богъ нашъ».

— А «Вѣрую» вы знаете?

— Знаемо, пане.

— Говорите.

— «Вѣрую во единаго Бога Отца, отвѣчаетъ гуцулъ: — и въ Духа Святаго, иже отъ Отца *и отъ Сына* исходящаго».

— У васъ всѣ говорятъ «и отъ Сына»?

— Всѣ, пане. А у васъ какъ говорятъ?

— У насъ говорятъ только: «иже отъ Отца исходящаго».

— Все равно, пане, вѣра русская — одна вѣра: что̀ ваша вѣра, что̀ наша вѣра.

— Нѣтъ, добрые люди, вѣра не одна у насъ съ вами: у насъ попы бороды носятъ, въ церкви нѣтъ звонка и не *клякаемъ* (не становимся на колѣни) при причастіи, при словахъ: «Святъ, святъ, святъ Господь Богъ нашъ, иже бѣ, сый и грядый».

— Все равно, пане, у васъ обычай такой, у насъ другой, вы съ бородой, а мы безъ бороды, мы бороду брѣемъ, а по тому, что̀ вы говорите, видно, что и у васъ въ вашей Туречинѣ нашъ самый русскій языкъ; мы одинъ народъ и одна вѣра.

Я съѣлъ кусокъ мяса, которое мнѣ приготовила сестра урлопника, и улегся на лавкѣ.

Лучина трещитъ, меча во всѣ стороны искры, то озаряя избу оранжевымъ цвѣтомъ, то погружая ее во мракъ; на ней наростаетъ, какъ ноготь, черный, длинный уголь, въ рединѣ огонька рдѣетъ раскаленное догорающее дерево, капля за каплей падаютъ эти огарки лучины въ глиняную чашу. Я лежу подъ окномъ, мнѣ не спится, а гуцулы, въ красныхъ штанахъ, съ длинными усами и съ волосами по плечи, сидятъ у противоположныхъ стѣнъ и тихо между собой бесѣдуютъ.

— Дятелъ, говоритъ одинъ — стучалъ вчера ко мнѣ въ стѣну; не знаю, къ чему это.

— Это не хорошо, говоритъ старикъ гуцулъ, опираясь на свой топорецъ, это не къ добру. Когда голубь сядетъ на крышу и начнетъ ворковать, это̀ хорошо, а дятелъ — это не къ добру.

— А вотъ у Петра, говоритъ другой: — песъ передъ самыми воротами легъ и воетъ, — передъ самыми воротами легъ и воетъ, — передъ самой срединой воротъ.

— Нехорошо, говоритъ старый гуцулъ. — Теперь два года, какъ все у насъ идетъ не къ добру; птицы такъ кричатъ, звѣ-

ри воютъ, собаки вотъ этакимъ манеромъ визжатъ,— все дожди, потоки у насъ въ горахъ сильные стали, въ *полѣ* рѣки разлились, неурожай, наборъ, война... Къ чему все это?

— Не знаю, говоритъ Иванъ урлопникъ: — вонъ и лучина какъ-то стала вспыхивать.

— Не къ добру, рѣшаетъ старикъ.

— А что̀, добрые люди, подымаюсь я на лавкѣ: — правда ли, что у васъ *людки* водятся?

— У насъ, въ горахъ? спрашиваетъ старикъ.

— Да̀, у васъ, въ горахъ, отвѣчаю я: — мнѣ въ *полѣ* говорили, что у васъ людки водятся. Правда ли это?

— А какъ же, пане, неправда? я самъ видѣлъ. На ярмарку приходятъ они иногда; ростомъ, пане, не выше моего сапога, и красная шапочка на головѣ. Умный они народъ, хитрый народъ, въ землѣ живутъ — они живутъ здѣсь у насъ, въ Карпатахъ, вотъ, въ здѣшнихъ самыхъ горахъ, пане, и стерегутъ золото; у насъ, пане, въ горахъ золота много, только найти его трудно — вотъ эти самые людки его и стерегутъ.

— И вы сами ихъ видали? спрашиваю я.

— А какъ же, пане, не видать? видѣлъ. Я жъ говорю, что на ярмарку приходятъ покупать, хорошія деньги платятъ.

— И вы сами съ ними торговали? спрашиваю я.

— Я жъ говорю, пане, что приходятъ на ярмарку въ красныхъ шапочкахъ, и я съ ними торговалъ. Да кто же не знаетъ изъ насъ, изъ гуцуловъ, что въ горахъ людки водятся.

И Иванъ урлопникъ, и Петръ, и всѣ они увѣряютъ меня, что видали этихъ людковъ, и всѣ такъ вѣрятъ въ ихъ существованіе, что вовсе не лгутъ, увѣряя будто ихъ видали. Увѣренность въ людкахъ сдѣлала то, что гуцулы дѣйствительно ихъ видѣли и дѣйствительно съ ними разговаривали и видѣли ихъ красныя шапочки.

Да̀, есть на свѣтѣ горный хребетъ, Карпаты, населенный русскимъ народомъ, дикимъ, сохранившимъ всѣ языческія повѣрья нашей старины и искренно вѣрующимъ, что есть людки, что есть великаны, что есть горные духи, что не къ добру стрекочетъ сорока, и что не даромъ чорная корова идетъ впереди стада. Ни одинъ миѳологъ не забирался въ эту трущобу; наши изслѣдователи все люди кабинетные, которымъ тяжела дорога, которымъ авторитеты и справочныя книги дороже живого матеріала, которые къ мужику подойти не умѣютъ;

у нихъ нѣтъ отваги пуститься въ эти глухія села и деревни, переночевать въ душной избѣ и послушать, какъ какіе-нибудь гуцулы въ красныхъ штанахъ толкуютъ о своихъ людкахъ; они ссылки любятъ, подстрочныя примѣчанія; запыленныя, полусгнившія архивныя дѣла для нихъ дороже всего, а живой матеріалъ для нихъ буква нѣмая, потому что сослаться на свое собственное наблюденіе они считаютъ чуть не смертнымъ грѣхомъ. У нихъ нѣтъ храбрости подкрѣпить свое изслѣдованіе личными наблюденіями; все то, чтὸ не записано и не напечатано, для нихъ не существуетъ, и оттого не цвѣтетъ наша бѣдная русская наука, оттого загадка для насъ всѣхъ наша миѳологія, и оттого сказка наша до сихъ поръ объясняется нашими отшельниками науки только при помощи индійскихъ и персидскихъ сказаній, а никто не видитъ и никто не слышитъ, какимъ живымъ, жизни исполненнымъ ключомъ, бьетъ у насъ, на нашемъ востокѣ Европы, арійская старина, и кὰкъ цѣло у насъ все, чтὸ утрачено западными народами.

Мы вышли во дворъ. Потоки шумятъ, ели и сосны дремлютъ, а съ неба горятъ яркія звѣзды; внизу, подъ нами, въ долинахъ не то туманъ, не то пологъ какой-то бѣлый, не то что-то неопредѣленное,—да и кто знаетъ въ темнотѣ ночи, чтὸ подъ нимъ, чтὸ надъ нимъ, и чтὸ вокругъ него?

— Какія это звѣзды? спрашиваю я ихъ, указывая на сѣверную медвѣдицу.

— А вы, пане, въ зὸрницахъ разумѣете? отвѣчаютъ они мнѣ лукаво.

— Приколъ-звѣзду знаю, говорю я, указывая на полярную.

— Зачѣмъ же, пане, ее знать?

— А затѣмъ, добрые люди, что по приколъ-звѣздѣ въ ночь я такъ найду дорогу, какъ въ день найду по солнцу. Приколъ-звѣзда, добрые люди, полночь мнѣ показываетъ; если я знаю, гдѣ полночь, не собьюсь я съ дороги.

— А знаете ли, пане, какъ эта звѣзда называется? и ихъ закорузлые, грубые пальцы тычутъ мнѣ въ большую медвѣдицу.

— Кὰкъ по-вашему это называется, не знаю, добрые люди, а по-нашему, по-книжному, это называется большой медвѣдицей.

— У насъ, пане, называется это Возъ; оттого возъ, что на немъ въ день солнце ѣздитъ, а ночью, когда ему не нужно своего воза, привязываетъ его къ приколъ-звѣздѣ, возъ этотъ и

ходитъ около нея съ другими звѣздами. Такъ старики говорятъ, мы не знаемъ, правда ли это, пане.

— Это правда, добрые люди.

— Видите, пане, отъ этого воза, какъ у насъ въ горахъ говорятъ, дышло пошло изъ-трехъ звѣздъ; за это самое дышло возъ къ приколъ-звѣздѣ и привязанъ.

— Вижу.

— Пришелъ одинъ хлопъ домой пьяный, и говоритъ своей женкѣ: «Положи меня хорошенько». Положила она его. «Неловко», говоритъ онъ, и побилъ ее. Положила она его на печь; онъ говоритъ: «Обожгусь», и побилъ ее; во дворъ она его повела, а онъ видитъ надъ собой возъ, побилъ ее и говоритъ: «Колеса свалятся или возъ отъ приколъ-звѣзды оторвется. Ты недоброе дѣло со мной, женка, придумала», и побилъ ее. Такъ у насъ, пане, старики говорятъ.

И рдѣютъ звѣзды, и догораетъ лучина за лучиной, и узнаю я много новаго, чего не зналъ до тѣхъ поръ; узнаю я, что если дѣвушка напьется воды изъ того мѣста, въ которое упиралась радуга, то сдѣлается она «дѣвчуромъ» или «мѣсячникомъ»: одинъ мѣсяцъ будетъ она дѣвкой, другой парнемъ; и узнаю я, что радуга называется «веселицей»; узнаю, что на мѣсяцѣ живутъ два брата, одинъ другаго зарѣзалъ, и оттого попали они на мѣсяцъ, чтобъ люди не забывали, что братъ на брата или сынъ на отца руку подымать не долженъ; узнаю я, что когда идетъ градъ, то лѣвой рукой надо вбить въ порогъ сѣкиру и бросать на дворъ метлы и вѣники, и что лучшее средство противъ градобитія состоитъ въ томъ, чтобъ простоволосыя бабы ходили по двору, растегивали воротъ сорочекъ и отметали градъ лопатой.

Но на дворѣ темно, лучины догораютъ, долгоусый гуцулъ, опираясь на свой топорецъ, уходитъ куда-то, потолковавъ со мной, съ дорожнымъ человѣкомъ, обо всемъ, что бываетъ на свѣтѣ, и довольный тѣмъ, что во мнѣ, въ дорожномъ человѣкѣ, нашелъ онъ не насмѣшника, а человѣка интересующагося всѣми этими любопытными для него вопросами мірозданія. Засыпаетъ сестра урлопника, засыпаетъ братъ ея, засыпаетъ и онъ самъ, — засыпаю, наконецъ, и я на моей жесткой лавкѣ...

Въ узенькія окна брѣзжетъ свѣтъ, всѣ проснулись; молчаливая сестра опять возится около печки, готовя для меня какую-

то яичницу; урлопникъ и братъ его умываются за дверьми, протирая глаза послѣ вчерашняго моего угощенія. Я поправляю свой костюмъ, измятый за ночь, потому что спалъ я, какъ водится на подобныхъ ночлегахъ, не раздѣваясь.

— Безъ пана вôйта, говорятъ они: — мы васъ отпустить не можемъ: такой у насъ законъ вышелъ, а панъ вôйтъ придетъ сейчасъ.

И опять набираются гуцулы посмотрѣть человѣка изъ Туречины, который говоритъ ихъ языкомъ, не совсѣмъ такъ, какъ они, а очень похоже. Я сижу и закусываю.

— Панъ вôйтъ иде, объявляетъ мнѣ урлопникъ. Дверь распахивается, входитъ высокая фигура съ строгимъ, умнымъ лицомъ, съ широкими плечами, по которымъ разсыпаются черные волосы, съ узенькими сѣрыми глазами, съ широкими скулами — фигура строгая, рожденная для того, чтобъ властвовать.

— День добрый.

— День добрый, отвѣчаю я.

— Куда вы, пане, ѣдете?

— Въ Жабію ѣду.

— Къ кому вы въ Жабію ѣдете?

— Къ такому-то, говорю я.

— А паспортъ, пане, у васъ есть? спрашиваетъ онъ меня весьма хитро и лукаво, какъ настоящій администраторъ и властитель этихъ карпатскихъ трущобъ.

— Есть, панъ вôйтъ.

— Покажите.

— Глядите, и я вынимаю ему свой паспортъ.

Онъ перевертываетъ его направо, перевертываетъ вверхъ ногами, перевертываетъ налѣво, перевертываетъ налѣво вверхъ ногами.

— Печатки нѣтъ, пане. Вы откуда?

— Изъ Туречины.

— Зачѣмъ же вы, пане, пріѣхали въ наши горы?

— Захотѣлъ посмотрѣть васъ.

— Какъ же это, пане, вы нарочно изъ Туречины пріѣхали къ намъ въ горы?

И глаза его принимаютъ какое-то инквизиторское выраженіе.

— Изъ Туречины прямо я пріѣхалъ, но былъ въ Вѣднѣ (Вѣнѣ), былъ въ Краковѣ, былъ во Львовѣ, былъ въ Коломыѣ, по дорогѣ объ васъ услышалъ, захотѣлось васъ посмотрѣть.

— Зачѣмъ же, пане, захотѣли вы насъ посмотрѣть? Что̀ вамъ до насъ, до гуцуловъ за дѣло?

— Любопытно стало; много о васъ разсказывали — захотѣлось мнѣ васъ посмотрѣть, а пуще всего захотѣлось мнѣ посмотрѣть ваши топорцы.

— Такъ, пане, вы для нашихъ топорцевъ изъ Туречины прямо къ намъ пріѣхали!

— Не нарочно изъ Туречины за вашими топорцами ѣхалъ, а по дорогѣ заѣхалъ васъ посмотрѣть; много о васъ любопытнаго слышалъ.

— Такъ вѣдь это, пане вамъ гро̀шей стоило.

— Ну, и стоило, панъ во̀йтъ.

— Такъ вы гро̀ши на то и бросили, чтобъ насъ посмотрѣть?

— Ну, и бросилъ.

— Бѣда моя, пане, что я грамотѣ не умѣю и не знаю, что̀ у васъ въ паспортѣ написано; только печатки у васъ нѣтъ.

— Печатки мнѣ, панъ во̀йтъ, и не нужно: паспортъ у меня въ порядкѣ.

— А вотъ вы, пане, здѣсь посидите — и онъ мигаетъ Ивану-урлопнику и его брату, чтобъ они меня не выпускали, потому что панъ во̀йтъ отличиться хочетъ своей прозорливостью, что не даромъ ему досталось такое высокое званіе въ этихъ горахъ, что не даромъ онъ облеченъ довѣріемъ правительства.

— Я, пане, читать не умѣю, меня не учили, а я пойду къ здѣшнему професору (школьному учителю): онъ вашъ паспортъ прочтетъ и скажетъ, что̀ тамъ написано.

— Не ходите къ нему, панъ во̀йтъ; паспортъ мой написанъ по-французски: онъ по-французски не знаетъ.

— Э, нѣтъ, онъ ученый человѣкъ, отвѣчаетъ мнѣ панъ во̀йтъ Илько Сорохманлюкъ и отправляется къ пану професору.

Гуцуловъ набралась цѣлая изба. Они смотрятъ на меня очень подозрительно. А я, между тѣмъ, начинаю разсматривать ихъ трубки; странное дѣло, хоть у насъ и есть остатки скиѳскихъ рубокъ, изъ которыхъ курили, по всей вѣроятности, коноплю, но вообще наука рѣшительно ничего не знаетъ о трубкахъ бронзоваго періода. У гуцуловъ я видѣлъ мѣдныя трубки, сдѣланныя совершенно въ бронзовомъ стилѣ: тотъ самый пошибъ, тотъ самый чеканъ. Еслибъ какой-нибудь ученый археологъ нашелъ подобную трубку въ землѣ, онъ присягнулъ бы, что она принадлежитъ бронзовому вѣку.

Илько Сорохманлюкъ возвращается.

— Что̀ жъ, пане, дѣлать? Професоръ говоритъ, что онъ вашего паспорта не разумѣетъ. Я ужъ не знаю, пустить васъ или не пускать?

— Я тоже, панъ вȯйтъ, не знаю, что̀ вамъ тутъ дѣлать. Я не думаю, чтобъ въ горахъ нашелся кто-нибудь, кто бы уразумѣлъ мой паспортъ, а задерживать меня вы, все-таки, права не имѣете. Чтобъ не ссориться съ вами, изъ простой любезности къ вамъ, панъ вȯйтъ, я остаюсь здѣсь часа на два, на три, потому что мнѣ съ добрыми людьми поговорить весьма пріятно, но человѣка, который бы съумѣлъ прочесть мой паспортъ, вы, все-таки, не найдете.

Илько Сорохманлюкъ конфузится.

— А что̀ жъ, пане, говоритъ онъ: — я до попадьи пойду.

— Зачѣмъ вы, пане вȯйтъ, пойдете до попадьи?

— Она ученая женщина.

— А все по-французски не знаетъ.

— Нѣтъ, она всякіе языки знаетъ; она женщина у насъ ученая.

(Этотъ разговоръ шелъ о той самой попадьѣ, у которой я имѣлъ любезность не остановиться переночевать).

— Пойдите, панъ вȯйтъ, я васъ не держу, время у меня терпитъ; разговоръ у меня идетъ пріятный; только оставьте мнѣ вашъ топорецъ разсмотрѣть. Но я васъ увѣряю, что попадья точно такъ же не рѣшитъ, какой у меня паспортъ.

И, дѣйствительно, паспортъ у меня былъ совершенно исправный; ни пана вȯйта, ни попадьи мнѣ нечего было бояться, все было въ порядкѣ: я турецкій подданный Василій Ивановъ, и кончено; обличить меня въ противоположномъ никто не могъ.

Панъ вȯйтъ, засунувъ паспортъ мой за пазуху и оставивъ мнѣ свой топорецъ, раздвинулъ ноги въ пурпурныхъ штанахъ, поправилъ свой кожаный кушакъ съ мѣдными пуговицами, и отправился къ попадьѣ.

Между тѣмъ, въ селѣ Акрешорахъ пронесся обо мнѣ слухъ удивительный — что, молъ, пріѣхалъ человѣкъ изъ Туречины смотрѣть наши топорцы, повидать насъ гуцуловъ, и который по звѣздамъ умѣетъ дорогу находить ночью — словомъ, магъ и волшебникъ.

Я сидѣлъ и бесѣдовалъ съ хлопами; панъ вȯйтъ воротился.

— Вы-сте пане, казали, що вы-сте съ Туречины, а попадья каже, що вы-сте хранцузъ!..

— Какъ же это, панъ вôйтъ, попадья говоритъ, что я французъ, когда у меня турецкій паспортъ?

— Э нѣтъ, пане, попадья у насъ ученая, она всякіе языки знаетъ, и паспортъ вашъ она прочесть умѣла; нашей австріяцкой печатки нѣтъ, а паспортъ вашъ не турецкій, а хранцузскій. Не могу я васъ, пане, пустить.

— Тогда, панъ вôйтъ, дѣлайте что хотите, только попадья ваша моего паспорта не разобрала.

— Да и я, пане, думаю, что она не разобрала, а только у насъ, опять-таки, было, что прусскіе шпіоны къ намъ ѣздили; въ цейтунгахъ написано, что всѣ наши горы осмотрѣли, планы сняли — можетъ быть, и вы прусскій шпіонъ! Самъ я грамотѣ не знаю, а вотъ здѣсь въ селѣ теперь два жандарма есть: они читать умѣютъ — пусть они васъ осмотрятъ, какой вы человѣкъ, и зачѣмъ вы пріѣхали въ наши горы. Вы говорите, что вы изъ Туречины пріѣхали посмотрѣть наши топорцы и что вамъ это нужно. Такъ, пане, посидите вы здѣсь, а я пойду за жандармами.

Лицо Ильки Сорахманлюка въ эту минуту торжествовало. Онъ чувствовалъ, что передъ своимъ цѣсаремъ онъ сдѣлалъ великую заслугу: поймалъ какого-то невѣроятнаго звѣря, врага австрійскаго государства, и что за это, если его не произведутъ въ графы или князья, то ужъ навѣрное пожалуютъ какимъ-нибудь торжественнымъ знакомъ отличія и богатой наградой.

Прошло, можетъ быть, полтора часа, какъ вдругъ дверь хаты распахнулась настежъ, и рѣшительнымъ, такъ-называемымъ офиціальнымъ шагомъ вошли два жандарма съ весьма блестящими штыками. Меня передернуло, и жандармы это подмѣтили.

— Что, задрожали? сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ по-польски: кто вы такой? Откуда вы?

— Мой паспортъ у васъ въ рукахъ.

— Чего жъ вы вздрогнули?

— Вздрогнулъ потому, что дверь такъ распахнулась, и что вдругъ, когда я сидѣлъ здѣсь съ добрыми людьми, вы сюда ворвались.

— Вздрогнули — стало быть, вы мошенникъ (złodziej).

— Слушайте, сказалъ я приподнимаясь со скамьи: — «если я, въ самомъ дѣлѣ, мошенникъ, то пока надо мной приговоръ суда

не произнесенъ, никто меня мошенникомъ не имѣетъ права обзывать. Вы только полицейская власть, а не судъ, поэтому, покорнѣйше васъ прошу или молчать, или если хотите со мной говорить, то говорить такъ же вѣжливо, какъ я самъ съ вами буду говорить».

Жандармы осѣли.

— Да панъ кто-жъ такой?

— По паспорту видите.

— Да у пана паспортъ нигдѣ не помѣченъ.

— А развѣ внизу паспорта не подписано «Вѣна»?

— Да мы, пане, по-французски не знаемъ.

— Что вы по-французски не знаете, я въ этомъ не виноватъ — я не школьный учитель.

— Однако, странное дѣло! зачѣмъ вы прiѣхали сюда въ Карпаты?

— Если я сюда прiѣхалъ, стало быть, мнѣ нужно было.

— По долгу службы мы должны пана обыскать.

— Обыскивайте, сдѣлайте одолженiе.

Со мной былъ фотографическiй апаратъ и чемоданъ. Фотографическiй апаратъ помѣщался въ ящикѣ въ аршинъ длиной, въ поларшина шириной и поларшина вышиной. Я немедленно раскрылъ его самъ. Чтобъ апаратъ мой не трясся въ дорогѣ, я обложилъ всѣ банки и стклянки моими письменными принадлежностями. Чего только у меня не было въ этомъ ящикѣ! Были мои замѣтки, записки, всякiе принадлежности дорожной канцелярiи: чернильница, перья, ножикъ, стопа бумаги, табакъ, бинокль, нѣсколько книгъ и прочая мелочь, которую каждый пишущiй человѣкъ непремѣнно съ собой возитъ.

Жандармы были люди невысокаго роста; одинъ изъ нихъ былъ полякъ, по фамилiи, если не ошибаюсь, не то Феръ, не то Фричъ; другой былъ просто-на̀-просто чешскiй нѣмецъ, то, что̀ называютъ «бэмеръ» (ein Böhme), который, служа въ Галичинѣ, гдѣ никто по-нѣмецки не знаетъ, больше составлялъ публику, чѣмъ принималъ какое-нибудь дѣятельное участiе въ этомъ обыскѣ. Фричъ (по крайней мѣрѣ, я такъ называть его буду) невысокiй, бѣлокурый, въ синемъ кепи, въ сѣрой шинели, дѣятельно принялся за разсматриванiе содержанiя моего несчастнаго ящика. Угрюмые и черномазые гуцулы блѣднѣли и строго смотрѣли то на меня, то на ящикъ своими сѣрыми глазами.

— Зачѣмъ, пане, у васъ столько бумаги?

— Затѣмъ, что много пишу. Покупать бумагу по листамъ — дорого, а разомъ купить — дешевле станетъ, отвѣчаю я.

И качаютъ гуцулы головами.

— Чтò жъ, вы, пане, пишете? Зачѣмъ вамъ столько бумаги?

Было страшно мнѣ, но было, въ то же время, и странно: въ самомъ дѣлѣ, эти гуцулы могутъ прожить каждый до ста лѣтъ и всего развѣ листкахъ въ двухъ бумаги понуждаться, чтобъ написать письмо какому-нибудь родственнику, сданному съ солдаты. Для нихъ вопросъ этотъ былъ совершенно естественъ.

Чернильница является на сцену; отворить ее не умѣютъ и приходятъ въ смущеніе, чтò это такое.

Я говорю что это *атрáментъ* (чернила). Мнѣ не вѣрятъ. Я говорю, что дайте, я отворю и покажу. Гуцулы переглядываются между собой; жандармъ Фричъ задумывается и предполагаетъ, что, можетъ, быть, это нѣчто въ родѣ орсиніевской бомбы, которая мигомъ казнитъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Но я гляжу на нихъ такъ насмѣшливо и такъ довѣрчиво, что мнѣ отдается чернильница; я снимаю съ нея крышку, каждый въ нее заглядываетъ, передаетъ другъ другу въ руки, и всѣ убѣждаются, что, дѣйствительно, кромѣ *атрамéнту* никакихъ бомбъ нѣтъ.

Достаются перья — цѣлая коробка перьевъ, столько, сколько въ Карпатахъ не видывали съ тѣхъ поръ, какъ какая-то подземная сила выдвинула къ небу эти горы.

— Зачѣмъ, пане, перья?

Карандаши, ножики для разрѣзыванія книгъ, самыя книги выступаютъ на сцену; книга за книгой переходитъ въ руки отъ жандарма къ жандарму и отъ нихъ къ гуцуламъ. Каждый смотритъ и каждый говоритъ, что не понимаетъ, чтò тамъ такое написано. Рукописи вытаскиваются, изъ рукъ въ руки переходятъ, и каждый говоритъ:

— Пане, я не разумѣю. Что, вы, пане, читаете? чтò вы пишите?

Дошла очередь до фотографическаго апарата. Первое дѣло — стклянки.

— Чтò, пане, у васъ въ этихъ стклянкахъ?

— Да вѣдь вы видите, что это фотографія.

— Мы, пане, не разумѣемъ что̀ такое «фотографія»; и начинаютъ толпой запускать пальцы въ ящикъ та̀къ деликатно, что я привсталъ и сказалъ:

— Пожалуйста, дайте, — я самъ выну и покажу, а то вы у меня переломаете такъ, что я послѣ на васъ подамъ жалобу въ судъ; всѣ эти вещи сто̀ятъ очень дорого.

— Вынимайте, пане, сами, и показывайте.

Каждую стклянку, каждую мелочь фотографическаго апарата я ставилъ передъ ними на столъ и просилъ ихъ только не трогать. Сложа руки за спину, подходило гуцульство съ жандармами, смотрѣло и — не понимало. Какая-то дорогая и цѣнная машина, что̀-то непонятное и загадочное видѣлось имъ, что̀-то отдѣланное такъ чисто и такъ изящно, что даже пугало ихъ.

Панъ во̀йтъ вдругъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и щелкнулъ себя въ лобъ.

— Добрыё люди, объявилъ онъ: — то̀ я разумѣю: онъ инженеръ! Я самъ видѣлъ, ка̀къ инженеры дѣлаютъ. Онъ съ нашихъ горъ планъ снимаетъ — это инструментъ инженерскій.

Я попробовалъ объяснить, что это не инженерскій инструментъ, а просто фотографія, но осѣкся, потому, очевидно было, что объяснять тутъ нечего, и потащилъ дальше. Нашлась у меня колекція крестовъ, какіе носятъ уніаты и поляки, скупленныхъ мною у львовскихъ торговокъ. За это меня похвалили, что я ѣзжу, все-таки, съ образками. Дальше пошли еще разныя бумажки, и отыскался уже на самомъ днѣ ящика планъ Вѣны. Его развернули.

— Наши горы! крикнулъ панъ во̀йтъ: — наши горы! Пане, вы инженеръ! Вы пріѣхали сюда снимать наши горы; это французы васъ, пане, послали: у васъ паспортъ французскій, — и лицо его еще болѣе поблѣднѣло.

Я расхохатался.

— Послушайте, сказалъ я Фричу и его товарищу: — вы люди, кажется, знающіе грамотѣ. Прочтите, что̀ написано, и переведите имъ.

Онъ прочелъ, что было написано: «Plan der Kaiserstadt Wien mit den Vorstädten».

— Ну? что̀ жъ сказалъ я жандармамъ: — теперь потрудитесь объяснить пану во̀йту — горы это или Вѣна.

Жандармы объясняли, но пожимая плечами и сами не довѣряя, дѣйствительно ли это планъ славнаго города Вѣны или горы.

Я такъ и прочелъ на лицахъ ихъ, что, «можетъ быть, врешь ты, братецъ; положиться на тебя нельзя — Вѣна это или горы? Ты ужъ больно опасный человѣкъ, слишкомъ много паперу, атраменту и перьевъ за тобой водится».

Подобное, хотя недовѣрчивое заявленіе жандармовъ нѣсколько сконфузило вôйта, и онъ за то, что его ошибка скомпрометировала его, возъимѣлъ ко мнѣ уже личную ненависть.

Вынутъ листъ исписанной бумаги; писана она была по-французски карандашемъ, было много перечеркнуто крестъ-нà-крестъ, много было наставлено разныхъ подстрочныхъ примѣчаній, перенесенныхъ изъ одной половины листа на другую, и бумага пошла ходить по рукамъ.

— Чтò жъ, пане, можетъ быть, то и былъ планъ Вѣны — мы люди не грамотные. Смотрите, добрые люди, вѣдь это наши улицы.

— Васъ, пане, повѣсятъ!

— Повѣсятъ васъ, пане! подтвердилъ другой гуцулъ.

— Ой, ой, пане, повѣсятъ васъ! вы-сте инженеръ! хочете списати наши горы, кажете, что съ Турціи пріѣхали. Кто, пане, съ Турціи пріѣдетъ списувати наши горы?

Одно оставалось, во избѣжаніе бѣды.

— Добрые, люди, смотрите всѣ мои вещи, какъ хотите, но если я и въ самомъ дѣлѣ такой злодѣй, то не вамъ меня судить и не вамъ меня вѣшать, а пускай самъ цѣсарь вѣшаетъ; поэтому, сдайте меня на руки въ бециркъ.

Нѣтъ, пане, прежде мы васъ осмотримъ.

— Да чего меня осматривать? Бумагъ моихъ вы прочесть не можете, книгъ моихъ вы не понимаете, машина моя для васъ вещь диковинная; въ бецирке же есть люди ученые, которые все это понимаютъ; какъ они поймутъ, такъ они меня и повѣсятъ. Только вы-то сами всѣ говорите, что вы люди безграмотные, стало быть, вы мнѣ не судьи.

— Чтò правда, добрые люди, тò правда, говоритъ панъ вôйтъ: Мы тутъ ничего не понимаемъ, а пошлемъ его съ жандармами въ бециркъ. Жандармы народъ хорошій, который его не пуститъ и туда доставитъ.

И говоритъ это панъ вôйтъ съ такимъ лицомъ, какъ будто онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Карпатахъ слона поймалъ, подарилъ его цѣсарю Францу-Іосифу и за это ожидаетъ себѣ ордена золотаго руна и имѣнія во сто тысячъ годоваго дохода.

— Не ваше дѣло, добрые люди — говорю я — объискивать меня; а вôйтъ заставилъ меня ужъ повытаскать все, что̀ у меня было въ карманахъ, отобралъ у меня каждый писанный клокъ бумаги, пересмотрѣлъ каждый, ничего не понялъ, но любопытство свое удовлетворилъ.

Дошло дѣло до чемодана. Въ чемоданѣ были тоже книги, обыкновенное платье, бѣлье и тому подобная общечемоданная начинка. Переборка этого чемодана доставила тоже колосальное удовольствіе присутствовавшимъ. Они удивлялись, что у меня много носовыхъ платковъ, подробно разсматривали мое бѣлье, покрой его, и все толковали, что я вожу съ собой цѣлое хозяйство. Но жандармы относились къ дѣлу нѣсколько серьезнѣе. Ихъ больше всего интересовали мои носки. Они развертывали ихъ, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь запрятаннаго, секретнаго. Все это было хотя и смѣшно, но, все-таки, скучно, потому что операція осмотра продолжалась, по крайней мѣрѣ, часа три.

— Васъ надобно въ бециркъ, рѣшили они.

— Да я и самъ прошусь въ бециркъ, отвѣчаю я.

— Поѣдемте.

— Поѣдемте.

День былъ солнечный; ручьи журчали. Мы скакали, изворачиваясь въ ущельяхъ все ниже да ниже, среди камней, кустовъ, полосъ тающаго снѣга въ тѣни, а поле внизу было подернуто какимъ-то сѣро-зеленымъ туманомъ, въ которомъ, еле-еле, виднѣлись домики Печенѣжина.

Съ жандармами я не замедлилъ разговориться, потому что, несмотря ни на что, я, все-таки, не могъ не видѣть въ нихъ своихъ спасителей. Вздумай панъ вôйтъ сдѣлать мнѣ обыскъ безъ нихъ, гуцульство распорядилось бы со мной *иначе*.

Жандармы въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, выбираются изъ отставныхъ солдатъ, отличившихся на службѣ примѣрнымъ поведеніемъ, а въ отставкѣ пользующихся добрымъ мнѣніемъ своихъ сосѣдей. Фричъ и его товарищъ были именно посланы въ горы, чтобъ освѣдомиться о какомъ-то отставномъ гуцулѣ, желавшемъ поступить въ жандармы. Они ходили по корчмамъ, по знакомымъ и собирали свѣдѣнія о нравственности просителя. Въ каждой волости есть такъ-называемый комендантъ жандармовъ, какой-то не то поручикъ, не то прапорщикъ, а подъ его командой бываетъ человѣкъ до пяти рядовыхъ. Онъ съ ни-

ми знаетъ весь край, знаетъ почти каждаго жителя въ лицо и блюдетъ за общей тишиной и спокойствіемъ своего округа. Жандармы при немъ рѣдко бываютъ: они вѣчно разгуливаютъ по округу, составляя мѣстную вооруженную полицію.

Мы все ѣхали. Солнце сіяло на штыкахъ, встрѣчное хлопство низко скидало передъ нами шапки, принимая меня не за арестанта, не за человѣка unter aufsicht, то-есть, состоящаго подъ надзоромъ полиціи, а за какого-нибудь начальника, ѣдущаго совершать разныя дѣла при помощи вооруженной силы. Имъ все казалось, что арестованъ не я, а что я ѣду самъ кого-нибудь арестовать или совершать какую-нибудь экзекуцію.

III.

Печенѣжинскій комендантъ жандармовъ, къ которому меня привезли, оказался, прежде всего, весьма обыкновеннымъ полицейскимъ поручикомъ. Онъ расхаживалъ по комнатѣ, въ военной шинели, съ трубкой въ зубахъ и говорилъ по-нѣмецки лучше, чѣмъ по-польски или по-русски, хотя судьба какимъ-то манеромъ занесла его не то въ польскую, не то въ русскую сторону. Выслушавъ рапортъ моихъ солдатиковъ, онъ, не выпуская трубки изъ зубовъ, сказалъ, что я долженъ отправиться въ станъ, гдѣ разберутъ мое дѣло, а что онъ возьметъ изъ стана квитанцію въ томъ, что я доставленъ туда цѣлымъ и невредимымъ. Я покатилъ со своими жандармама въ станъ и очутился тамъ передъ помощникомъ становаго пристава, г. Етмаромъ. Г. Етмаръ, человѣкъ довольно высокаго роста, сѣдой, строгой наружности, былъ чрезвычайно непріятно пораженъ моимъ появленіемъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ.

— Ach, lieber Gott, ich wollte eben essen geh'n (Ахъ, Боже мой, а я только что собирался идти обѣдать), сказалъ онъ, увидѣвъ меня, — и потому немедленно возымѣлъ ко мнѣ нѣчто въ родѣ личной вражды.

Г. Етмаръ имѣлъ право на меня разсердиться: онъ былъ нѣмецъ, состоящій на коронной службѣ въ Галичинѣ въ то время, когда туда только что явился намѣстникомъ графъ Голуховскій, который и сталъ все вертѣть на польскій манеръ. Етмаръ въ старые годы кончилъ курсъ въ одномъ изъ австрій-

скихъ университетовъ, женился, овдовѣлъ и на старости лѣтъ имѣлъ всего состоянія шесть взрослыхъ дочерей и шестьсотъ гульденовъ жалованья, такъ что мое появленіе къ нему съ жандармами не только задерживало его обѣдъ, но и заставляло его видѣть во мнѣ прежде всего зловреднаго и злокачественнаго человѣка, — и ему естественно захотѣлось отличиться передъ правительствомъ, которое, въ то время, чуть-чуть не заставляло каждаго своего чиновника носить чамарку и конфедератку. Вопросъ для него былъ не шуточный, и г. Етмаръ имѣлъ *интересъ* представить меня въ самомъ неблагопріятномъ видѣ, потому что шестьсотъ гульденовъ въ годъ и шесть дочерей на плечахъ могутъ сдѣлать звѣря изъ кротчайшаго человѣка.

Поохавши, что я лишилъ его возможности немедленно идти обѣдать, Етмаръ принялся за пересмотръ моихъ вещей. Опять повытянули тѣ же самыя книги, носки, рубашки, рукописи; точно такъ же выворачивались мои карманы, и отыскивался въ нихъ револьверъ, котораго никакимъ образомъ отыскать нельзя было, по той простой причинѣ, что при мнѣ его не было; точно такъ же пересматривались мои рукописи и книги, и бѣднякъ сталъ диктовать своему секретарю, Альбединскому, протоколъ, въ которомъ онъ изобразилъ, что у меня найдено пропасть книгъ и бумагъ, написанныхъ «московицкими» буквами (moskowiische Buchstaben), на всѣхъ славянскихъ языкахъ, и что вообще моя библіотека содержаніе имѣетъ преимущественно панславистское; что со мною фотографическій станокъ, при которомъ въ банкахъ находятся нѣкоторые ядовитые составы, а особенно азотно-кислая окись серебра (lapis infernalis); оружія, кромѣ складнаго ножа, не найдено; платье и бѣлье не превышаютъ обыкновеннаго количества, встрѣчающагося у путешественниковъ. Словомъ сказать, опись моихъ вещей была составлена весьма нелестнымъ для меня маneромъ, и все было направлено къ тому, что книги мои, хотя печатанныя во Львовѣ, по буквамъ своимъ напоминаютъ Москву, схизму и всякаго рода пропаганду. Одной подобной описи было достаточно, чтобъ погубить меня въ глазахъ львовскихъ польскихъ властей. Рукописей было у меня пропасть: это были разныя газетныя, неоконченныя статьи, замѣтки и, между прочимъ, довольно порядочная колекція разныхъ сатиръ на польское управленіе, писанныхъ по-русски. Порусски Етмаръ читать не умѣетъ. Но между моими бумагами,

которыя онъ пересматривалъ, вдругъ какимъ-то грѣшнымъ манеромъ попалась ему въ руки пародія на:

Jedzie, jedzie Želman,
Jedzie, jedzie jego brat и пр.

— Was ist das? спросилъ онъ, въ недоумѣніи останавливаясь на этихъ строкахъ и, какъ настоящій нѣмецъ, не зная ничего что̀ пишется, говорится и думается о его начальствѣ.

— Это сатира на намѣстника, объявилъ ему его секретарь, Альбединскій.

— Ка̀къ? на намѣстника?

— А вотъ прочтите дальше.

И Етмаръ, съ трудомъ разбирая по-польски, докопался до словъ.

Jedzie, jedzie, Gołuchowski.
Jedzie, zedzie jego brat.

— Откуда это у васъ? спросилъ меня Етмаръ.

— Досталъ гдѣ-то, отвѣчалъ я.

— Это здѣсь писано, раздалось за мною по-польски: — у священника.

— Я, прежде всего, чиновникъ, на службѣ его императорскаго величества Франца-Іосифа, сказалъ Етмаръ съ достоинствомъ, кланяясь мнѣ: — и какого бы мы съ вами ни были мнѣнія о его сіятельствѣ, графѣ намѣстникѣ, но подобное стихотвореніе я долженъ довести до свѣдѣнія начальства.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я: — австрійская цензура допускаетъ и не такія вещи.

Стихотвореніе отложено было въ сторону, а мнѣ возвращены были всѣ остальныя бумаги, писанныя русскими буквами, которыя Альбединскій прочесть полѣнился, а Етмаръ не съумѣлъ.

— Теперь позвольте спросить, кто вы такой?

— Мой паспортъ у васъ въ рукахъ — я турецкій подданный, Василій Ивановъ.

— Но къ какой національности принадлежите вы?

— По происхожденію, я русскій.

— Какъ же вы изъ Турціи?

— Да въ Турціи насъ русскихъ живетъ пятьдесятъ тысячъ.

— Гдѣ вы воспитывались?

— Я получилъ домашнее воспитаніе.

— Кто былъ вашъ отецъ?

— Былъ турецкій подданный, комисіонеръ тульскихъ торговцевъ самоварами и мѣдными рукомойниками, началъ я врать.

— Гдѣ же онъ жилъ?

— Онъ родился въ Турціи; мы были съ нимъ турецкіе подданные, и принадлежалъ онъ къ старой вѣрѣ.

— Was heisst das «старая вѣра»? Ist das griechisch nicht unirt?

— Нѣтъ; это-то, что называютъ *схизматики*, а я принадлежу къ нѣтовскому толку спасова согласія.

— А что̀ это такое? Какая эта вѣра?

— Я липованъ?

— Я не знаю, что̀ такое липованъ?

— Мы не принадлежимъ ни къ римской церкви, ни къ греческой церкви, а составляемъ особую секту, которую въ Россіи терпятъ только на половину; еще предки мои переселились въ Турцію, гдѣ устроились, обжились, и мой отецъ, будучи уже по происхожденію турецкимъ подданнымъ, строго держался правилъ нашего исповѣданія и торговалъ самоварами, рукомойниками и другимъ тульскимъ мѣднымъ товаромъ, почему и разъѣзжалъ постоянно по ярмаркамъ.

— Но развѣ возможно разъѣзжать по ярмаркамъ съ самоварами и рукомойниками?

— Нѣтъ, это было бы довольно трудно; онъ не разъѣзжалъ съ самоварами, а бывалъ на ярмаркахъ, какъ комисіонеръ, бралъ меня съ собой и пріучалъ къ своему дѣлу.

— И вы знаете эту торговлю?

— Нѣтъ, признаться сказать, не знаю; у меня именно никогда не хватало торговыхъ способностей.

— Гдѣ же вы учились?

— Отецъ постоянно бралъ для меня учителей.

— Какъ ихъ звали?

— Если хотите, я вамъ перечислю именъ съ пятнадцать. Это были разные семинаристы, студенты на ваканціяхъ; постояннаго учителя у меня не было ни одного.

— Ну, такъ ка̀къ же вы попали въ Турцію?

— Весьма естественно: когда настала крымская война, то подданные союзныхъ противъ Россіи державъ должны были или принимать русское подданство, или выѣзжать изъ Россіи. Для меня принять русское подданство равнялось почти сдачѣ въ солдаты; поэтому, я предпочелъ уѣхать за-границу, гдѣ и про-

былъ все время войны, не желая ни терять своего подданства, ни поступать въ солдаты.

— Куда вы поѣхали?

— Прежде всего изъ Петербурга я поѣхалъ въ Гельсингфорсъ, изъ Гельсингфорса въ Копенгагенъ.

— Почему именно въ Копенгагенъ?

— А потому, что когда отецъ мой умеръ въ Выборгѣ, и я остался восемнадцатилѣтнимъ мальчикомъ съ довольно большимъ состояніемъ, то финляндскій графъ Бьёркстенъ, такой же молодой, какъ я, предложилъ мнѣ, отъ нечего дѣлать, прогуляться съ нимъ въ Копенгагенъ, куда мы съ нимъ и поѣхали; пробыли въ Копенгагенѣ съ недѣлю и отправились, опять-таки, отъ нечего дѣлать, какъ молодые люди, людей посмотрѣть, себя показать, въ Гамбургъ.—Это былъ мой первый выѣздъ въ Европу.

— Долго вы оставались въ Гамбургѣ? спрашиваетъ Етмаръ.

— Всего дня три; оттуда я перебрался въ Англію, продолжалъ я врать безъ запинки.

— Почему именно въ Англію? допрашивалъ онъ.

— Потому въ Англію, что у графа Бьёркстена нашелся въ Гамбургѣ его пріятель, молодой англичанинъ, туристъ, Мичель, который предложилъ намъ прокатиться въ Ирландію, что мы и исполнили, потому что намъ обоимъ хотѣлось убить время, прогуляться и посмотрѣть на образованную Европу.

— Долго вы прожили въ Ирландіи? спрашиваетъ Етмаръ.

— Недолго, отвѣчаю я, недѣли двѣ. Оттуда я переѣхалъ въ Лондонъ.

— Что вы въ Лондонѣ дѣлали?

— Занялся археологіей, посѣщалъ британскій музей и переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ ходилъ преимущественно въ Лувръ и тоже занимался археологіей, къ которой я тогда искренно пристрастился.

— Изъ Парижа куда?

— Изъ Парижа въ Москву, гдѣ я и женился.

Теперь я не хорошо помню исторію, сочиненную мной спеціально для г. Етмара экспромтомъ. Опаснѣе всего было для меня сказаться эмигрантомъ и попасть въ Россію. Моя единственная забота состояла въ томъ, чтобъ выиграть время, запутать свое дѣло до невозможности и, затѣмъ, высмотрѣть для себя лазейку, изъ которой бы махнуть куда-нибудь въ Молдавію; а отъ Печенѣжина до Молдавіи разстоянія всего

четверо сутокъ. Я, подобно англійскому купцу, могъ въ то время сказать себѣ, что time is money, время можетъ меня спасти,—а тамъ наводите справки и докапывайтесь, самоварами-ли мой отецъ торговалъ, или былъ старшимъ помощникомъ пакгаузнаго чиновника санктпетербургской таможни. Кельсіевъ исчезъ; турецкій подданный, раскольникъ Ивановъ, ни въ чемъ непровинившійся, содержится; стало быть, слѣдъ сбитъ, и я на время спасенъ.

Кряхтя и охая, что я отнялъ у него время на обѣдъ и нарушилъ всѣ его акуратные нѣмецкіе порядки своимъ неожиданнымъ появленіемъ, Етмаръ битыхъ четыре часа диктовалъ мой протоколъ и выписывалъ мою біографію, разумѣется, опять-таки, представляя всѣ мои похожденія въ самомъ невыгодномъ для меня свѣтѣ, чтобъ выслужиться передъ своимъ ближайшимъ начальствомъ, которому онъ, какъ добрый ополячившійся нѣмецъ, изъ кожи вонъ лѣзъ изобразить меня въ самыхъ дурныхъ краскахъ. Исторія моя дошла до появленія моего въ Карпатахъ, куда, по моимъ словамъ, меня занесла страсть къ археологіи, что было единственнымъ правдивымъ показаніемъ въ моемъ разсказѣ.

— Но вы столько разъѣзжаете — вѣдь это чрезвычайно дорого стоитъ, сказалъ мнѣ, наконецъ, Етмаръ.

— Да̀, отвѣчалъ я,—недешево.

— Платитъ вамъ кто-нибудь за ваши разъѣзды?

— Никто не платитъ; я ѣзжу на свой счетъ.

— Но это чрезвычайно дорого сто̀итъ. На какія деньги вы ѣздите?

— Я же вамъ говорилъ, что мнѣ отецъ мой оставилъ маленькое состояніе.

— Но съ вами нѣтъ никакихъ денежныхъ документовъ.

— Само собою разумѣется, нѣтъ. Съ какой же стати сталъ бы я возить съ собою документы, когда первое несчастье въ дорогѣ можетъ меня лишить ихъ? Вагонъ соскочитъ и разобьется, украдутъ у меня изъ бумажника—мало ли что̀! Поэтому, я съ собой никогда никакихъ бумагъ не вожу.

— Ка̀къ же вы дѣлаете?

— А такъ: напишу записку въ Петербургъ, чтобъ мнѣ выслали деньги, и мнѣ будутъ высланы.

И тутъ я не лгалъ: я, дѣйствительно, писалъ записки, называемыя кореспонденціями, въ «Голосъ», и на гонорарій за

эти кореспонденціи жилъ и странствовалъ себѣ какъ лучше не надо.

— У васъ тамъ, стало быть, капиталъ?

— Дà, въ Петербургѣ, въ банкѣ, лежитъ капиталъ, доставшійся мнѣ по наслѣдству.

— Кому же вы пишите ваши записки?

— Бывшему прикащику моего отца, который немедленно по полученіи отъ меня такой записки, высылаетъ мнѣ рублей по сту, а иногда и двѣсти.

— Кто онъ такой?

— То же по самоварамъ и по рукомойникамъ занимался.

— Его имя и адресъ?

— Schreiben sie: Herr Андрей Краевскій, Литейная, № 38.

— И большой капиталъ у него хранится на ваше имя?

— Нельзя сказать, чтобъ очень большой, но рублей тысячъ сто моихъ у него лежитъ.

Я опять-таки въ сущности не лгалъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, кореспондентъ можетъ имѣть отъ редакціи газеты тысячъ до четырехъ въ годъ чистаго дохода; стало быть, получаетъ 4 % со 100,000.

Етмаръ только руками всплеснулъ — этотъ несчастный Етмаръ, имѣющій шестьсотъ гульденовъ въ годъ и шесть дочерей на шеѣ!

— Lieber Gott! Sie sind ja ein ganz reicher mann! *(Господи, вѣдь вы, какъ есть, богачъ!)*

Альбединскій выпустилъ изъ рукъ перо, чиновники переглянулись, сторожъ Янъ только лицо вытянулъ.

— Lieber Gott, lieber Gott! говорилъ Етмаръ: — зачѣмъ же вы прежде не говорили, что вы такой большой баринъ — dass sie ein so grosser herr sind? Еслибъ вы помѣтили паспортъ, пришли бы ко мнѣ и сказали ясно: «lieber herr Jetmar, я хочу сдѣлать экскурсію въ Карпаты, пропишите мой паспортъ въ полиціи» — я бы вамъ все сдѣлалъ, а теперь я остался безъ обѣда, а вамъ, lieber herr Vassily Ivanoff, столько непріятностей и хлопотъ! Теперь я долженъ посылать вашъ протоколъ во Львовъ, и мнѣ такъ непріятно, что я васъ стѣсняю. Lieber Gott, lieber Gott, hun-dert-tau-send rubel!! Hören sie, meine herrschaften, hunderttausend rubel! Dass ist ein herr! Hunderttausend rubel, und ich bekomme nur sechshundert gulden!

И почтенный помощникъ становаго, пораженный невѣроят-

ной цифрой моего мнимаго богатства, вертѣлся въ креслахъ и всплескивалъ руками надъ головой.

Послѣ тысячи извиненій, оправданій и сожалѣній о томъ, что священникъ, отецъ Михаилъ Петрушевичъ, не надоумилъ меня помѣтить мой паспортъ въ полиціи, Етмаръ запечатавъ мои протоколы, написанные въ угоду графу Голуховскому, въ огромный пакетъ, объявилъ, что завтра самъ отвезетъ ихъ въ Коломыю, и отдалъ меня *на сохраненіе* — не подъ арестъ, а подъ надзоръ, nicht unter arest, aber doch immer unter aufsicht — сторожу Яну, который былъ въ одно время, и сторожемъ при канцеляріи, и тюремщикомъ, и палачомъ, т. е., по предписанію начальства, сѣкъ хлоповъ, давая имъ отъ пяти до тридцати-пяти ударовъ розгами — порядокъ, въ просвѣщенной либеральной Австріи до сихъ поръ свято и нерушимо хранимый.

IV.

Сидя unter Aufsicht, я имѣлъ случай изучить гуцуловъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на вольныхъ вершинахъ горъ. Первое время жена Яна заботилась обо мнѣ, чтобъ я не сбѣжалъ, и подсылала арестантовъ за дверь присматривать за каждымъ моимъ шагомъ; но сомнѣнія ея разрѣшились весьма скоро. Она убѣдилась, что скорѣе она можетъ поручить мнѣ присматривать за моими товарищами, чѣмъ имъ за мной. Я сидѣлъ, ѣлъ, пилъ, спалъ, читалъ, успокоивалъ своихъ сторожей, ждалъ, что̀ придетъ изъ Львова, и намѣревался, въ случаѣ надобности, такъ провалиться сквозь землю, что развѣ остались бы отъ меня какіе-нибудь пожитки, фотографическій приборъ и тому подобныя вещи, но не осталось бы меня самого.

Къ чести печенѣжинскихъ властей, я долженъ заявить, что обошлись онѣ со мной до невѣроятности мило. Комендантъ жандармовъ приходилъ ко мнѣ покалякать часокъ; какой-то чиновникъ пришелъ напиться со мною чаю, поразспросить меня, — о Парижѣ, о Лондонѣ, о Цареградѣ. Мы съ нимъ напились чаю, и затѣмъ я, рѣшивъ, что покуда рѣшать еще не́чего, а что терпѣніемъ все превозмогается, спокойно легъ спать.

На другой день Янъ пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что г. Етмаръ поѣхалъ въ Коломыю съ своимъ колосальнымъ прото-

коломъ обо мнѣ, а ему разрѣшилъ ходить со мной по улицѣ. Я отправился прежде всего покупать себѣ мяса на бифстекъ, потому что то̀, чѣмъ меня кормили въ душной комнатѣ Яна, заваленной невѣроятнымъ количествомъ перинъ и подушекъ, было несовсѣмъ удобосъѣдомо. Рѣзники (мясники) въ Печенѣжинѣ оказались, какъ во всей Галичинѣ, евреи, которые приняли за правило *кошеръ* оставлять для себя, а *трефное* давать нашему брату. Мясо было какъ-то настругано, а не нарѣзано. Это были какіе-то клочья, крайне похожіе на то, что у насъ покупается для кошекъ.

— Какъ же это? спросилъ я, наконецъ: — неужели вы иначе мясо не рѣжете, или вы не умѣете рѣзать?

Еврей взглянулъ на меня, съ изумленіемъ.

— Да развѣ надобно *умѣть* рѣзать мясо?

Янъ, мой смотритель и охранитель, поглядѣлъ на меня тоже съ недоумѣніемъ.

— Да развѣ мясо гдѣ-нибудь иначе рѣжутъ? Да̀! — правда! — я помню, въ Вѣнѣ и въ Пештѣ, въ самомъ дѣлѣ, мясники приготовляются къ своему дѣлу годами.

Янъ былъ человѣкъ бывалый: онъ два раза былъ въ солдатахъ и носилъ ту форменную физіономію отставныхъ солдатъ, которая встрѣчается и у насъ — длинный сюртукъ, бритую бороду, коротко стриженые волосы и усы. Въ Италіи, при Радецкомъ, ему всадили пулю въ ногу; пулю эту вырѣзали; онъ выздоровѣлъ и, если не ошибаюсь, впослѣдствіи мадьяры, къ которымъ онъ попался въ плѣнъ, долго обсуждали, повѣсить его или не повѣсить за то, что онъ носилъ бѣлый австрійскій мундиръ. Затѣмъ онъ воротился на родину и сдѣлался мирнымъ гражданиномъ, поступивъ въ сторожа при присутственномъ мѣстѣ и взявъ на себя обязанность сѣчь провинившихся гуцуловъ. Я все допытывался у него, ка̀къ это ему самому не больно сѣчь другихъ; но онъ моего вопроса понять никакъ не могъ, а только твердилъ, что гуцулы народъ неотесанный, буянливый и безтолковый, и что безъ розогъ съ ними ничего не подѣлаешь. Женился Янъ на галицкой нѣмкѣ, которая наединѣ говорила съ нимъ по-русски (или по-малороссійски), а при гостяхъ забирала въ польскій языкъ. Нѣмецкаго языка Янъ не постигалъ кромѣ нѣсколькихъ фразъ въ родѣ: gebеn sie mir; wie viel kostet das; eins, zwei, drei; rechts, links. Но нѣмка эта, во имя цивилизаціи или во имя тѣхъ самыхъ мѣстныхъ прі-

мовъ, которые такъ характеризуютъ галицкую жизнь и такъ объясняютъ, почему русскій человѣкъ полячится, дѣтей своихъ велѣла Яну окрестить — одного въ Карла, другого въ Франца, дочурку въ Эмилію и т. д. Янъ, по своему добродушію и непониманію никакихъ политическихъ вопросовъ, хотя и былъ довольно строгій отецъ семейства, согласился на все, и самъ будучи уніатомъ, дѣтей своихъ сдѣлалъ не то нѣмцами, не то поляками. Операція эта самая вѣрная и производится тамъ совершенно безъ всякаго умысла, потому что народности не разбираются разными Янами и супругами ихъ. Но въ послѣднее время изъ-за именъ вышла въ Галичинѣ между русской и польской интелигенціей борьба не на-животъ, а нà смерть. Полякъ ни за что не назоветъ своего сына Александромъ, Иваномъ (Яномъ), Петромъ, а непремѣнно приклеитъ ему имя Болеслава, Станислава, Казиміра, Вячеслава; русскій же, борящійся противъ полонизаціи, точно также не назоветъ сына Александромъ, Иваномъ, Петромъ, а непремѣнно Владиміромъ, Борисомъ, Глѣбомъ. Дочери поляковъ крестятся неизбѣжно въ Ванды, дочери русскихъ неизбѣжно въ Ольги. Система эта распространяется по всему хребту Карпатовъ, и подъ самой Вѣной, въ домахъ словаковъ, чеховъ, вы непремѣнно станете натыкаться на Борисовъ, Глѣбовъ и Олегъ, не считая Владиміровъ, Наумовъ, Карповъ и т. п. Тутъ есть основаніе совершенно вѣрное. Еслибъ кровному русскому, при крещеніи дали имя Адольфа, то на каждомъ шагу его бы спрашивали: русскій онъ или не русскій, и въ его кровномъ русскомъ происхожденіи стали бы сильно сомнѣваться. Разъ подобный вопросъ ему поставленъ, другой разъ, третій, десятый — и онъ, наконецъ, потянулъ бы на сторону другихъ Адольфовъ.

Етмаръ, воротившись изъ Коломыи въ Печенѣжино, зашелъ ко мнѣ, тоесть, къ моему хозяину Яну, его женѣ и всѣмъ этимъ Карламъ, Францамъ, Адольфамъ, которыхъ было чтò-то человѣкъ шесть въ маленькой комнаткѣ, посреди перинъ, передъ плитой.

— Мнѣ за васъ, сказалъ онъ: — достался такой нагоняй, какого я еще никогда не получалъ.

— А чтò такое?

— Находятъ, что ваши показанія недостаточно обстоятельны. Въ Коломыѣ непремѣнно хотятъ видѣть въ васъ политическаго человѣка, агента, возмутителя, шпіона — все, чтò только ихъ душѣ угодно.

— Ну, и чтȯ жъ?

— А то, что протоколъ отправленъ во Львовъ къ графу-намѣстнику, съ приложеніемъ найденнаго у васъ на него пасквиля. Вечеромъ попрошу я васъ подвергнуться еще допросу.

Вечеромъ я былъ вызванъ въ канцелярію.

— Въ Коломыѣ требуютъ, сказалъ Етмаръ, принимая видъ судебнаго слѣдователя, — чтобъ вы опредѣлили, чтȯ такое значатъ въ вашемъ заявленіи слова «археологъ» и «этнографъ»? Можетъ быть, вы подъ словомъ «археологъ» понимаете что-нибудь въ родѣ того, что, какъ говорятъ панслависты, во времена Атиллы славянство было все соединено и докапываетесь археологіи политической? Этнографія тоже вещь, я долженъ вамъ сказать, весьма сомнительная. Описывается народъ для того, чтобъ осмотрѣть и вывѣдать всякіе закоулки. Объясните мнѣ, чтȯ такое археологъ?

— Археологъ, сказалъ я, совершенно смущенный, человѣкъ, который занимается древностями.

— Откуда взяли вы это выраженіе? Вы греческій языкъ знаете? спросилъ онъ меня.

— Не скажу, чтобъ былъ въ немъ силенъ, но кое-что проходилъ.

— Я сейчасъ васъ провѣрю. — И чтобъ испытать меня, помощникъ становаго пристава сказалъ мнѣ по-гречески первый стихъ евангелія отъ Іоанна. — Чтȯ это такое значитъ? спросилъ онъ.

Я ему перевелъ, совершенно недоумѣвая, какимъ образомъ идя на допросъ я попалъ на экзаменъ.

— Теперь, стало быть, объясните, что такое археологъ?

Меня взорвало. Я всталъ и сказалъ:

— Вы человѣкъ пожилой, но и я, хотя, вѣроятно, годами двадцатью васъ моложе, все-таки, не школьникъ. Если въ Коломыѣ требуютъ опредѣленія словъ «археологъ» и «этнографъ» и хотятъ видѣть въ этихъ словахъ что-нибудь предосудительное, то или позвольте мнѣ вовсе отказаться отъ опредѣленія ихъ, или пишите сами чтȯ хотите; я подпишусь и соглашусь на все.

Старикъ сконфузился. Ему стало совѣстно той комедіи, которую ему велѣно было со мной разыграть. Онъ нагнулся надъ листомъ бумаги и строкахъ въ двадцати начерталъ какое-то опредѣленіе и, затѣмъ, самъ написалъ, отъ какихъ греческихъ

словъ происходятъ слова̀, объясненія которыхъ отъ него требовали.

Я не замедлилъ подписаться.

Затѣмъ, еще былъ какой-то вопросъ, тоже что̀-то нехитрѣе этого. Г. Етмаръ говорилъ со мной ужъ не столько по-нѣмецки, сколько по-польски. Въ Коломыѣ онъ понялъ, должно быть, что нѣмецкій языкъ вышелъ изъ моды въ Галичинѣ.

На другой день, Янъ, побранившись весьма дружески со своими арестантами, которыхъ онъ, къ чести его скажу, никогда не обижалъ, а обращался съ ними какъ съ товарищами (я думаю онъ и сѣкъ ихъ какъ-нибудь по-пріятельски), пригласилъ меня идти на свадьбу къ какому-то гуцулу. Потомъ, побродивши по селу, да потолковавъ съ евреями, съ гуцулами, еще съ какой-то невѣроятно высокой и пожилой дѣвушкой, которая занималась хозяйствомъ и ходила по улицѣ съ трубкой въ рукѣ, длиной въ три четверти аршина, я вернулся къ своему посту. Янъ сообщилъ мнѣ, что изъ Львова получено предписаніе выслать меня въ Молдавію. Прежде всего это было чрезвычайно пріятно — благо не въ Россію. Впослѣдствіи, одинъ изъ членовъ нынѣшняго Rządа Narodowiego пріѣзжавшій по какому-то дѣлу въ Яссы, разсказывалъ мнѣ, что во Львовѣ къ моему протоколу отнеслись точно такъ же, какъ въ Коломыѣ, и убѣдились совершенно, что я русскій агентъ, — возмутитель. Убѣжденіе это такъ крѣпко засѣло въ головѣ у многихъ официіальныхъ и неофиціальныхъ правительственныхъ лицъ, что они вздумали меня покарать и, невѣсткѣ въ отместку, рѣшили выслать не въ Россію — потому что до Россіи слишкомъ близко, — а *на мой собственный счетъ* изгнать меня въ Молдавію, благо это дальше и въ томъ понятіи, что «русскій агентъ русскаго правительства въ наши горы дескать не забирайся». Заѣдетъ съ турецкимъ паспортомъ человѣкъ, подосланный отъ русскаго правительства, такъ пусть же онъ не прямо домой воротится, а крюку дастъ. Уличить меня нельзя ровно ни въ чемъ, но проучить слѣдуетъ, и вотъ, — по одному подозрѣнію, не изслѣдовавъ дѣла, меня погнали въ Молдавію.

Операція эта была совершена на другой же день и, признаюсь, къ величайшей моей радости. Впослѣдствіи одинъ галичанинъ, человѣкъ весьма вліятельный, дѣятельный и вдвое болѣе того знаменитый, который сдѣлался теперь гражданиномъ русскаго государства, загнанный и заѣденный въ Галичинѣ поля-

ками до того, что даже каѳедру долженъ былъ бросить и эмигрировать, разсказывалъ мнѣ, что во Львовѣ начальникъ полиціи только руками разводилъ при чтеніи моего протокола, составленнаго Етмаромъ.

— Das ist eine höchst mysteriöse Persönlichkeit (это въ высшей степени таинственная личность)! сказалъ онъ; и только за то, что я таинственная личность, я былъ выгнанъ. — Уѣзжая я не могъ не дивиться подозрительности поляковъ. Со страха и подозрѣнія, ничѣмъ не доказаннаго, эти люди способны спровадить человѣка на тотъ свѣтъ, и я знаю примѣры, какъ товарищъ закалывалъ товарища только на томъ основаніи, что вдругъ у того завелось нѣсколько лишнихъ денегъ. Откуда могъ онъ достать эти деньги? Само собою разумѣется, отъ полиціи, потому что третьяго дня его видѣли у дверей частнаго пристава.

Затѣмъ, газеты «Народовая» и «Часъ» почтили мою личность замѣтками, изъ которыхъ самъ я ровно ничего понять не могъ. Жаль, что у меня нѣтъ ихъ подъ рукой, и что всегда трудно найти нумера старыхъ газетъ. Въ Яссахъ я съ неимовѣрнымъ удивленіемъ прочелъ о себѣ, что я въ Карпатахъ возмущалъ гуцуловъ, пользуясь тѣмъ, что въ Австріи существуетъ табачный акцизъ и что налогъ на соль тамъ слишкомъ тяжелъ. А между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ я не зналъ, такъ и теперь не знаю, какой тамъ акцизъ на табакъ и налогъ на соль, и почему они хлопамъ такъ тягостны.

Въ Яссахъ же я вычиталъ въ «Газетѣ Народовой», что Василій Ивановъ, возбудившій такіе толки, оказывается «извѣстнымъ агентомъ» Герцена, по фамиліи Кирасевъ (!) — извѣстнымъ по своей безпутной жизни въ Галацѣ и открыто, нетолько запродавшимся русскому правительству, но даже торжественно заявляющимъ, что онъ живетъ на казенный счетъ и что только-только и ждетъ, чтобъ ему прислали паспортъ; а былъ онъ въ Галичинѣ съ цѣлью шпіонить и возмущать народъ. Писано было это изъ Яссъ, однимъ эмигрантомъ-ксёндзомъ. — Я, разумѣется, не возражалъ.

Чрезвычайно радъ и доволенъ былъ я, когда на другой день послѣ того, какъ Янъ мнѣ объявилъ, что меня высылаютъ на мой собственный счетъ, Етмаръ пригласилъ меня въ канцелярію. Онъ смотрѣлъ угрюмо, съ видомъ человѣка, котораго внѣшнія обстоятельства заставили поступить противъ совѣсти и ко-

торый сдѣлалъ непріятность другому для спасенія самого себя и своихъ шести дочерей.

— Васъ высылаютъ, сказалъ онъ мнѣ, пожимая плечами.

— Я буду протестовать противъ этого ничѣмъ незаслуженнаго изгнанія; но отсюда протеста дѣлать не стану, потому что вовсе не намѣренъ сидѣть здѣсь и задыхаться у Яна.

Протестъ этотъ сдѣлать изъ Молдавіи я, дѣйствительно, хотѣлъ, потому что былъ правъ, какъ нельзя болѣе, но впослѣдствіи обсудилъ, что, во-первыхъ, игра свѣчъ не стòитъ, и во-вторыхъ, неделикатно было бы съ моей стороны, вводить турецкое правительство въ какія-нибудь хлопоты.

— Какъ хотите, сказалъ несчастный Етмаръ: — я не могу и права не имѣю давать вамъ совѣты; я человѣкъ подчиненный и волю своего начальства прежде всего долженъ исполнять.

Онъ присѣлъ къ столу и на оборотѣ моего паспорта написалъ, что я «unter aufsicht» высылаюсь за предѣлы имперіи, потому что я человѣкъ разъѣзжающій «ohne zweck und ohne visa» (безъ цѣли и безъ визы).

Я еще не объяснилъ, кàкъ случилось, что мой паспортъ былъ дѣйствительно безъ всякой визы. Турецкій паспортъ съ которымъ я пріѣхалъ въ Австрію, былъ выданъ мнѣ въ Тульчѣ, въ апрѣлѣ 1865 года. Я прожилъ въ Галацѣ до марта 1866 года и очутился въ Вѣнѣ въ началѣ апрѣля этого же года, провелъ въ Вѣнѣ цѣлое лѣто съ паспортомъ просроченнымъ, потому что турецкіе паспорты даются, по какому-то обычаю, обыкновенно на годъ. Отправляясь въ Галичину въ августѣ, я пошелъ въ турецкое посольство и далъ швейцару перемѣнить паспортъ. Турецкое посольство выдало мнѣ паспортъ опять-таки на годъ; но сдѣлать на немъ визу австрійскаго консульства я, разумѣется, въ Австріи не могъ, потому что именно въ Австріи не водится австрійскихъ консульствъ. Я сходилъ въ полицію съ просьбою, чтобъ мнѣ прописали паспортъ или приложили къ нему какое-нибудь клеймо. Надо мною посмѣялись и сказали, что такъ какъ мой паспортъ выданъ мнѣ въ Вѣнѣ, то къ чему же виза? Въ Краковѣ я былъ снова въ полиціи, снова просилъ прописки, и снова мнѣ было отказано. Во Львовѣ я опять-таки обратился къ полиціи, и тамъ завѣрили меня, что никакихъ прописокъ не нужно. Хотя и въ Краковѣ и во Львовѣ, по австрійскому порядку, съ меня сняли протоколъ, какъ со

всякаго неизвѣстнаго человѣка, появляющагося въ такихъ заповѣдныхъ мѣстахъ, гдѣ есть партіи и гдѣ заподозрѣваютъ иностранное вліяніе: стало быть, еслибъ я былъ турецкій подданный по происхожденію, то могъ бы даже настоять у Порты, чтобъ дѣло это, возникшее по мнительности и недоброжелательству галицкихъ властей, было разобрано, а мнѣ протори и убытки уплачены до послѣдняго крейцера.

Затѣмъ, Етмаръ списалъ съ меня примѣты, причемъ съ нѣмецкой акуратностью ощупалъ мнѣ голову: въ парикѣ я или въ собственной шапкѣ и, сдалъ меня на попеченіе Яна.

Мы покатили съ Яномъ, весело калякая, въ Коломыю.

Повозка, также похожая на чухонскую легонькую тележку, какъ шапки, покрой свитъ, архитектура церквей и постройка хатъ у карпатскихъ русскихъ напоминаютъ Финляндію, остановилась у окружнаго правленія (Kreisamt). Я вошелъ въ большую, просторную канцелярію, и Янъ вручилъ начальству пакетъ съ моимъ паспортомъ и съ львовскимъ предписаніемъ о моемъ изгнаніи. Поляки-чиновники смотрѣли на меня крайне косо. Я молча сидѣлъ и смотрѣлъ на нихъ также косо. Вошелъ начальникъ уѣзда — «Kreis'a» — невысокаго роста, сорокалѣтній, плотный мужчина, съ нѣмецко-еврейской фамиліей, что-то въ родѣ Абрамсона. Мы раскланялись. Онъ смотрѣлъ на меня весьма гнѣвно.

— Сейчасъ, сейчасъ васъ отправятъ, заговорилъ *онъ:* — людей, подобныхъ вамъ, мы терпѣть у себя не можемъ, и повѣрьте, что мы вовсе не такіе простаки, чтобъ насъ можно было провести турецкими паспортами и этнографическими экскурсіями.

— Позвольте, сказалъ я: — во-первыхъ, я никого не проводилъ и проводить мнѣ незачѣмъ. Я попалъ въ Карпаты именно для того, чтобъ изслѣдовать бытъ народа.

— Ну, да, я и говорю, что намъ такихъ изслѣдователей ненужно. Мы понимаемъ очень хорошо, откуда берутся подобные вамъ изслѣдователи, и въ нихъ мы не нуждаемся.

— Въ какихъ же изслѣдователяхъ вы нуждаетесь?

— Въ тѣхъ, которые никѣмъ не подсылаются.

— Меня никто сюда не подсылалъ, и я не виноватъ, если львовскія власти сдѣлали ошибку на мой счетъ и совершенно несправедливо меня выгоняютъ.

— Нѣтъ, господа, будьте похитрѣе, отвѣчалъ онъ, поднимая голосъ: мы не дѣти — мы очень хорошо понимаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Я пристально на него посмотрѣлъ и, растягивая слова, произнесъ:

— Послушайте, г. Абрамсонъ! Съ вами спорить я не стану, потому что изъ спора моего съ вами толка никакого не выйдетъ. Вы сами человѣкъ подчиненный: ни помочь мнѣ вы не можете, ни ухудшить моей участи вы не въ силахъ. Вашимъ мнѣніемъ, извините меня, я не дорожу, и возражать вамъ на ваши подозрѣнія не стану. Потрудитесь поспѣшить изготовленіемъ моихъ бумагъ, дать мнѣ провожатаго и прекратимте нашъ разговоръ.

Абрамсонъ презрительно улыбнулся, пожалъ плечами и вышелъ въ другую комнату. Ко мнѣ подскочилъ какой-то изъ писцовъ, высокій, сухопарый, сутуловатый, съ бѣлокурыми волосами, росшими какими-то клочьями, и съ длинными жесткими усами.

— Чтò вы думаете, зашипѣлъ онъ, уставившись на меня — что мы не понимаемъ, ктò вы такой? Вы думаете, что насъ провести можно? И еще такъ дерзко говорите съ начальникомъ уѣзда! Былъ бы я начальникомъ уѣзда, я бы обошелся съ вами далеко не такъ. Вы думаете, мы не понимаемъ, чтò вы за человѣкъ? Нѣтъ, понимаемъ, и понимаемъ очень хорошо. Васъ надо бы въ тюрьму, къ допросу, къ подробнѣйшему допросу, а вы такъ дерзко отвѣчаете и не цѣните снисходительности графа-намѣстника, что онъ просто изгоняетъ васъ изъ края.

— Пани коханый (разговоръ происходилъ по-польски), отвѣчалъ я: — мнѣ съ паномъ нѣтъ ни малѣйшаго удовольствія, ни малѣйшей охоты толковать. Пусть панъ будетъ ласковый, сядетъ на свое мѣсто и займется своимъ дѣломъ, вмѣсто того, чтобъ разсуждать о томъ, кàкъ со мною во Львовѣ поступили и почему такъ поступили. Панъ не такой великій администраторъ и государственный человѣкъ, чтобъ быть судьею въ дѣлѣ, которому онъ самъ придаетъ необыкновенную политическую важность.

Лохматый юноша чтò-то такое проворчалъ въ родѣ того, что «psia krew! szelma moskal!» и тому подобныя любезности, которыхъ я не счелъ нужнымъ разслушать.

Черезъ нѣсколько минутъ бумаги были готовы, мы распростились съ Яномъ; дали мнѣ новаго сторожа — «amtsdiener»

Шмидта, тоже отставнаго солдата, ополяченнаго нѣмца. Мы отправились на желѣзную дорогу, и такъ какъ уже былъ вечеръ, то сѣли въ вокзалѣ дожидаться прихода поѣзда. Смѣшно мнѣ было видѣть, какъ самъ г. Абрамсонъ, лохматый писецъ и его товарищъ расхаживали по станціи, прячась отъ меня и выглядывая изъ-за угловъ и изъ-за колоннъ, точно карауля, какъ бы я не вздумалъ дать тягу или разговоромъ своимъ съ кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ не указалъ, кто у меня въ Коломыѣ знакомые. Слухъ о такой птицѣ, пойманной въ Карпатахъ, какъ я, въ маленькомъ городѣ Коломыѣ разнесся съ быстротою молніи. Публики смотрѣть собралось довольно, и все это ходило и смотрѣло враждебно и сочувственно: враждебно смотрѣли поляки, сочувственно смотрѣли русскіе. Поѣздъ пришелъ; мы сѣли въ вагонъ и часовъ въ десять вечера очутились въ Черновцахъ. Послѣ долгихъ поисковъ и стараній, Шмидтъ отыскалъ намъ ночлегъ въ грязной и душной еврейской корчмѣ, гдѣ нѣсколько огромныхъ залъ были-заняты сынами Израиля, спавшими въ-повалку на полу, на столахъ, на стульяхъ, подъ столами, въ той духотѣ и тѣснотѣ, до которой даже наше великорусское простонародье не доходитъ. Шагая черезъ нихъ и лавируя между ними, мы добрались до крохотной комнатки, расположились тамъ, напились чаю и заснули сномъ праведниковъ.

V.

На утро отправились мы въ полицію, куда Шмидтъ долженъ былъ меня сдать. Мнѣ чрезвычайно понравились крутыя улицы Черновцовъ, рясы православныхъ священниковъ — франтоватыхъ, съ подстриженными бородами; смѣсь церквей православныхъ, уніатскихъ, латинскихъ и великолѣпный видъ на Прутъ и на послѣдніе отроги Карпатовъ. Мало русскихъ городовъ красивѣе Черновцовъ, столицы русской провинціи Буковины, населенной тѣми же руснаками.

Полицейское управленіе, большое зданіе, стоитъ въ центрѣ города, на главной площади. Меня ввели къ какому-то, по всей вѣроятности, дѣлопроизводителю. Онъ распечаталъ пакетъ...

— Что вы тамъ, въ Галичинѣ, напроказили, спросилъ онъ

меня по-молдавски, грозно и сердито: — что васъ оттуда выпроваживаютъ? Зачѣмъ вы тамъ разъѣзжаете безъ правильнаго паспорта? Такъ и надо съ вашимъ братомъ поступать.

— Постойте, отвѣчалъ я ему, тоже по-молдавски: если администрація меня изгоняетъ, то положитесь на мое честное слово, что это случилось просто по недоразумѣнію и по подозрѣнію.

Онъ посмотрѣлъ на меня и подвинулъ мнѣ стулъ.

— Садитесь, сказалъ онъ мягко и чрезвычайно добрымъ голосомъ: — подождите немножко, покуда я отпущу вотъ этотъ народъ.

Дѣйствительно, передъ нимъ стояла кучка евреевъ, руснаковъ, молдаванъ, и между ними наша русская бородка, откуда нибудь изъ Бѣлой Криницы или изъ Климоуцевъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою претензію, каждый пришелъ съ жалобой, и чиновникъ судилъ и разбиралъ ихъ дѣла чрезвычайно внимательно и мягко; всѣ они благодарили его за рѣшеніе, кланялись и уходили, очевидно довольные приговоромъ. Съ каждымъ изъ нихъ онъ объяснялся на его собственномъ языкѣ. Бородка, пуще всего обратившая мое вниманіе, пришла за совѣтомъ.

— Привезъ я, ваше превосходительство — говорилъ онъ, льстя чиновнику для пущей важности: — возъ орѣховъ. Пришолъ жидъ, далъ мнѣ задатокъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ за орѣхами, да вотъ, батюшка, ваше превосходительство, разсуди самъ, третій день не приходитъ, а я стою съ возомъ и совсѣмъ прохарчился, а тутъ покупатели есть; третій день не приходитъ, денегъ не несетъ, а я другимъ не продаю.

Чиновникъ подумалъ секунду и ласково сказалъ по-русски съ сильно малороссійскимъ акцентомъ:

— Ничего, старикъ, иди и продай; а если что̀ выдетъ скажи, что я велѣлъ.

— Спасибо тебѣ, батюшка, ваше превосходительство, отвѣчалъ старикъ, кланяясь въ поясъ: — вѣкъ за тебя буду Бога молить, и вышелъ.

Въ скоромъ времени мы остались одни.

— За что̀ это васъ высылаютъ?

Я ему разсказалъ въ короткихъ словахъ, въ чемъ дѣло. Онъ пожалъ плечами и, перечитавъ отношенія изъ Коломыи о моемъ изгнаніи, вскочилъ со стула и обратился къ Шмидту, стоявшему тутъ же въ почтительной позѣ:

— Aber was ist denn das? Sind wir hottentotten? Чтò мы готентоты, чтò ли, что его высылаютъ, да заставляютъ еще ѣхать самому и возить конвой на свой собственный счетъ? Я спрашиваю: готентоты мы, чтò ли?

Шмидтъ, человѣкъ ровно ни въ чемъ невиноватый, молча поклонился, улыбнулся, и пожалъ плечами и, вѣроятно, согласился, что *мы*, дѣйствительно, готентоты.

— Этого нельзя позволить! Въ Галичинѣ они дѣйствуютъ по-варварски; мы здѣсь, слава Богу, въ Буковинѣ! Повѣрьте мнѣ, что вы ни копейки не заплатите за вашъ дальнѣйшій проѣздъ: я немедленно распоряжусь дать вамъ обывательскихъ, и ни за чтò не соглашусь, чтобъ вы сами платили за этотъ проѣздъ. Чтò это такое? Какіе варвары! Какіе невѣжды! Этакъ въ Галичинѣ всегда дѣлается. Я ни за чтò этого не позволю.

Онъ кликнулъ сторожа и велѣлъ ему безотлагательно доставить мнѣ телегу изъ обывательскихъ.

— А теперь, lieber herr, потрудитесь пройти въ караульню; другаго помѣщенія у меня для васъ нѣтъ, и подождите тамъ, покуда приведутъ лошадей.

Караульня помѣщалась въ томъ же домѣ внизу. Это была огромная комната, довольно чистая, довольно свѣтлая; кругомъ нары; посрединѣ огромный столъ; въ комнатѣ сидѣло человѣкъ съ десять или съ пятнадцать солдатъ. Они обошлись со мной чрезвычайно привѣтливо, не распрашивая, кто я, зачѣмъ я, откуда, за чтò меня высылаютъ и куда высылаютъ, и вообще вели себя съ любезностью и сдержанною привѣтливостью. Когда я вошелъ, обѣдъ у нихъ только-что кончился. Восьмилѣтній, тщедушный въ одной рубашенкѣ, мальчикъ, носившій въ себѣ, очевидно, всѣ задатки чахотки, взлѣзалъ на столъ, сбиралъ глиняныя плошки, подбѣгалъ къ коневкѣ и престарательно полоскалъ ихъ и ставилъ въ порядокъ. У этого замарашки, кромѣ рубашенки изъ грубаго холста, на всемъ жиденькомъ тѣльцѣ ровно ничего не было. Коневку онъ съ большимъ усиліемъ перетаскивалъ съ мѣста на мѣсто, наклонялъ, лилъ изъ нея воду въ тазъ, въ тазу полоскалъ плошки, за которыми опять взлѣзалъ на столъ; — и солдаты относились къ нему съ лаской. Одинъ изъ солдатъ подошелъ къ мальчику, потрепалъ его по взъерошеннымъ какъ смоль чернымъ волосамъ — а мальчикъ, долженъ я сказать, былъ красавецъ собою — и спросилъ его по-русски, т. е. на буковинскомъ говорѣ южнорусскаго нарѣчія:

— Ну, Ивасю, покажи-ка, какъ тебя дѣдушка училъ.

Мальчикъ бросилъ плошки и ложки, растопырилъ ученки, сжалъ кулачки и затопалъ ножкой по полу караульни.

— Ѣшь, бестія, ѣшь! говорилъ онъ строго: — чего, бестія, не ѣшь? Я тебя, бестія, кормлю, а ты не ѣшь!

— Ну, а ты ка́къ ему говорилъ? съ хохотомъ спрашивалъ солдатъ.

Вся караульня, хохотала.

— А я говорилъ: дѣдусю, я не хочу ѣсть; я дѣдусю, сытъ; я, дѣдусю, ей-богу, не могу ѣсть.

— А онъ что тебѣ говорилъ? опять спрашивалъ молодой солдатъ.

— А онъ говоритъ: ѣшь, бестія, ѣшь! а то послѣ жаловаться станешь, что тебя не кормлю! А я плакалъ и говорилъ: дѣдусю, я ѣсть не хочу, я сытъ.

— А онъ что̀ тебѣ говорилъ?

— А онъ говоритъ: я тебя убью, если ѣсть не станешь.

Сцена эта меня заинтересовала.

— Что̀ это такое? спросилъ я солдата.

— Да вотъ что̀: этотъ бѣдный мальчикъ пятый разъ ужъ попадается подъ арестъ, потому что сбѣгаетъ отъ своего дѣда. Ни отца, ни матери у него нѣтъ, круглый сирота; только у него на свѣтѣ старикъ, дѣдъ, который, волей-неволей, заставляетъ мальчика ѣсть, и отъ этого бѣдный мальчикъ отъ него сбѣгаетъ.

— Кто же онъ такой?

— Да дѣдъ его просто мужикъ, и теперь, когда здѣсь, какъ и во всей Галичинѣ, такой страшный голодъ, когда вымерли цѣлыя семьи съ голоду, старикъ боится, чтобъ и внукъ его не умеръ, потому что нынѣшнимъ годомъ умерли его отецъ, мать, братъ, сестра, и изо всей семьи вотъ этотъ самый Ивася остался одинъ. Дѣдъ, въ предохраненіе его отъ голодной смерти, заставляетъ его ѣсть, а мальчикъ убѣгаетъ отъ него и бродяжничаетъ, такъ что спасенье находитъ себѣ только у насъ, въ караульнѣ.

— Что жъ, Ивасю, спросилъ я его, гладя по головкѣ: — тебѣ гдѣ лучше: у твоего дѣдуси или здѣсь?

— Ай, пане! отвѣчалъ онъ мнѣ: — здѣсь, въ караульнѣ, мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо! Я только боюсь, чтобъ меня не отдали назадъ къ дѣдусѣ.

Разливы Прута и Днѣстра до такой степени разорили край, что бѣднымъ *мужикамъ* *) приходило сь почти съголоду умирать. Къ этому присоединились невозможныя подати, превышающія 33°/₀ съ валового дохода, наборъ, экстренные поборы на войну съ Прусіей; лучшіе работники пали на поляхъ Садовой и Королева-градца (Königsgrätz); начался тифъ, голодъ; хлопы и мужики распухали, валились навзничь и умирали на поляхъ, на большихъ дорогахъ, въ своихъ горахъ.

Я отправился съ унтеръ-офицеромъ позавтракать въ какой-то маленькій трактирчикъ на площади; обывательскіе появились, новый канцелярскій сторожъ сѣлъ рядомъ со мной, кнутикъ взвигнулъ, и тощенькія лошади, потряхивая дугой, потащились. Замѣчательное дѣло — дуга. Она извѣстна у южноруссовъ, то-есть, у *русъкихъ;* у русиновъ же дуга неизвѣстна. Въ отдѣленной отъ насъ такимъ огромнымъ разстояніемъ Буковинѣ и Молдавіи дуга появляется снова.

Со мной сидѣлъ какой-то, не столько мрачный, сколько неразговорчивый сторожъ, долговязый, въ картузѣ, говорившій со мной сквозь зубы, не потому, чтобъ онъ считалъ опаснымъ говорить съ человѣкомъ, подверженнымъ *супашу* **), но просто потому, что ему говорить было лѣнь. Мы ѣхали послѣдними отрогами Карпатовъ, волнистыми, какъ окрестности Парголова, но болѣе плодородными: много растетъ здѣсь буку, вяза, дубу. Тогда была осень, начало ноября. Трава ужъ пожелтѣла, солнце ярко свѣтило на небѣ, съ сѣвера дулъ холодный вѣтеръ. — Народъ въ Буковинѣ показался мнѣ не зажиточнѣе галицкаго.

— Какая это у васъ церковь? спрашивалъ я ямщика, обыкновенно руснака.

— Наша, пане, отвѣчалъ онъ мнѣ, молдавская.

— Да ты молдаванъ?

— Нѣтъ, пане, я руснакъ.

— Такъ вѣра у тебя какая?

— Наша, пане, русская, молдавская.

Эти церкви жалки и разрушены до невѣроятности. Одна по-

*) У русиновъ только *хлопы,* у руснаковъ только *мужики;* языкъ руснаковъ изо всѣхъ южнорусскихъ нарѣчій ближе къ великорусскому.

**) Не знаю, съ какого языка, въ этихъ краяхъ Австріи изгнаніе называется *супашемъ.* Въ Турціи и въ Молдавіи его называютъ *сюргюнъ.*

кривилась направо, другая пошатнулась налѣво; подперты онѣ какими-то костылями; кое-гдѣ священникъ проѣдетъ на таратайкѣ; все грустно, печально... Буковина, какъ извѣстно, очень долгое время принадлежала Молдавіи, потому что была отдана молдавскимъ господарямъ подъ залогъ за государственный заемъ. Затѣмъ, она опять перешла къ Польшѣ, потомъ снова попала къ Молдавіи, и потому совмѣстила въ себѣ наравнѣ два элемента: земледѣльческій — молдавскій и панскій — польскій. Настала унія въ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ стала забираться въ Буковину подъ именемъ русской вѣры, потому что, какъ извѣстно, по уніатскому ученію, равноапостольный Владиміръ и Ольга признавали папу, стало быть, были уніаты, то есть говоря простымъ языкомъ, въ то время раскола восточной церкви съ западной еще не было во всей его силѣ. Унія сдѣлалась вѣрой *русской*, но руснаки принять ее не хотѣли, и поэтому, свою вѣру, т. е. восточную, стали называть молдавскою. Это чрезвычайно усилило въ Буковинѣ молдавскій элементъ. Чтобъ быть православнымъ, нужно было не держаться *русской* вѣры и перестать быть русскимъ; поэтому, руснаки и стали дѣлаться молдаванами. Тамъ, гдѣ теперь сохранилось православіе — а это въ бо̀льшей части Буковины — въ церквахъ церковный языкъ произносится точно такъ же, какъ у насъ, т. е. говорятъ: «Gospody» а не «Hospodi», говорятъ: «veruju», а не «viruju», — уніатъ произноситъ церковныя слова поюжнорусски. Буковина — яблоко спорное: de facto она принадлежитъ Австріи, такъ какъ турки отдали Австріи, помимо всякаго права, эту молдавскую провинцію, противъ своихъ собственныхъ трактатовъ съ Молдавіей, обязывавшихъ ихъ сохранять цѣлость молдавской територіи. Въ силу историческаго права и въ силу стремленій буковинско — румунской молодёжи, этотъ край тянетъ къ Молдавіи; въ силу народности, языка и экономическихъ стремленій, онъ, волей-неволей, въ случаѣ разрушенія Австрійской имперіи, сдѣлается русскимъ, потому что примкнуть къ Молдавіи ему нѣтъ никакого разсчета, такъ какъ Молдавія, во-первыхъ, государство безсильное, во-вторыхъ, для него иноязычное, въ-третьихъ, путаница отношеній между Молдавіей и Валахіей не приведетъ оба эти княжества ни къ чему, кромѣ всякихъ дрязгъ, схватокъ, ряда революцій и взаимной ненависти. Наконецъ, польскій элементъ, пускающій съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе корень въ Буковинѣ и въ Молдавіи, въ

разсчетъ идти не можетъ. Онъ не на столько силенъ и не на столько привлекателенъ, чтобъ Буковина могла когда-нибудь вновь сдѣлаться польской провинціей, еслибъ какимъ-нибудь чудомъ и возстановилась независимость Польскаго Королевства.

Гололедица; солнце свѣтитъ; съ холма мы спускаемся на холмъ; за моей тележкой бѣгутъ толпы тощихъ ребятишекъ въ однихъ рубашенкахъ, безъ шапокъ; кое у кого голова тряпицей повязана; грязные, голодные, холодные, они просятъ хоть крейцера на кусокъ хлѣба. Чтὸ сдѣлалось съ этими дѣтьми, не знаю; но думаю, что имъ, жертвамъ австрійской неурядицы, пришлось въ зиму 1866—67 года погибнуть въ страшныхъ вьюгахъ, бывшихъ около Рождества и нанесшихъ саженные сугробы на всю Буковину и на всю Молдавію. Сироты безпріютные, бездомные, растерявшіе за одно лѣто пруской войны родителей и родныхъ, оттолкнутые сосѣдями, они не могли не погибнуть. Крейцеры, которые проѣзжій имъ бросаетъ, ни къ чему не могутъ повести.

Это было ужасное зрѣлище. Не могу вспомнить о немъ безъ содроганія: это холодное зимнее солнце, эта замерзлая трава, рѣзкій вѣтеръ, и толпы коченѣющихъ дѣтей.

Мы пріѣхали въ волость, гдѣ нужно было мнѣ перемѣнить лошадей, тележку и спутника. Въ канцеляріи сидѣлъ волостной писарь и подлѣ него панъ сотскій. Это былъ молодой, красивый руснакъ, съ распущенными по плечамъ волосами, какъ всѣ они носятъ, въ кафтанѣ изъ сѣраго сукна, говорившій бойко по-нѣмецки, спорившій съ писаремъ и, очевидно, игравшій весьма важную роль въ волостномъ правленіи. Его наглый взглядъ, дерзость его манеръ — все показывало, что онъ въ селѣ имѣетъ огромную власть, и онъ такъ помыкалъ безчисленными просителями и жалобщиками, какъ у насъ бывало, въ прежніе годы, помыкали въ кварталѣ. Все это производило тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Писарь мной заинтересовался — отъ него зависѣла выдача мнѣ лошадей — и немедленно послалъ отыскивать обывательскихъ. Я просидѣлъ въ канцеляріи съ полчаса, любуясь на всѣ эти порядки, прислушиваясь къ плачу мужиковъ и бабъ, просящихъ не пособія, а только того, чтобъ не брали съ нихъ недоимки, чтобъ хоть мѣсяца два подождали.

— Мы голодны; намъ ѣсть нечего. Какъ же мы цѣсарю заплатимъ недоимки?

— Приказано! говорилъ писарь, пожимая плечами: — что жъ я тутъ сдѣлаю?

— Не разсуждать! прикрикивалъ красивый гуцулъ.

А недоимка-то приходилась кому двадцать, кому тридцать крейцеровъ; самая большая недоимка была всего гульденъ т. е. шестьдесятъ копѣекъ на наши деньги. Красивый гуцулъ распоряжался, и, по его командѣ, писарь давалъ предписаніе наложить секвестръ у того на корову, у того на плугъ, у третьяго на лошадь. Что-то ужасное, томящее безпощадно лежало на всемъ этомъ. Австрійская политика разоряла мужика до послѣдней рубахи.

Пришли съ вѣчнымъ отвѣтомъ, что лошади въ полѣ, а очереднаго даже въ корчмѣ нельзя отыскать.

— Пожалуйста, поторопитесь, говорю я писарю.

Писарь послалъ опять. Пришли съ отвѣтомъ, что отправились въ поле лошадей искать и что за очереднымъ послано разузнавать, куда онъ исчезъ. Прошелъ часъ. Я опять умоляю писаря отпустить меня поскорѣй. Явились съ извѣстіемъ, что лошадей отыскать не могутъ и очереднаго не могутъ отыскать. Начинаетъ смеркаться.

— А поѣсть нельзя ли чего? спрашиваю я.

— Да чего поѣсть? Развѣ брынзы? говорятъ мнѣ. Брынзой, по всему склону Карпатовъ и чуть ли не до самаго Царяграда, называютъ творогъ, нѣсколько проквашенный. Онъ замѣняетъ собой сыръ, очень вкусенъ для того, кто къ нему привыкъ, а для непривычнаго человѣка такъ же противенъ, какъ противенъ на первый разъ овечій сыръ или говядина, жареная на деревянномъ маслѣ.

— Ну, хоть брынзы, говорю я.

— Да вотъ что̀, замѣчаетъ писарь: вмѣсто того, чтобъ ихъ посылать, зайдите ко мнѣ. Я самъ теперь иду домой обѣдать, и вы у меня закусите.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ я.

Писарь былъ обрумунившійся нѣмецъ, знавшій по-нѣмецки, по-румунски, по-польски и по-русски. За обѣдомъ у него было «что̀ Богъ послалъ», т. е. та же брынза, молоко, какіе-то яблоки и чашка кофе — словомъ, обѣдъ чисто деревенскій.

Воротились мы въ канцелярію, зажгли свѣчи; толпа народа стоитъ попрежнему. Опять идетъ тотъ же судъ; а лошадей нѣтъ какъ нѣтъ, и очереднаго все отыскать не могутъ.

— Что же мнѣ дѣлать? спрашиваю я.

— Что дѣлать? говоритъ писарь: — вамъ придется у насъ переночевать, и я вамъ скажу, если вы послушаетесь меня: вы сдѣлаете несравненно лучше, если, вмѣсто того, чтобъ ѣхать на обывательскихъ, наймете себѣ подводу и доѣдете на свой счетъ до границы. Увѣряю васъ, что та непріятность, которая случилась съ вами здѣсь, при всемъ желаніи помочь вамъ, повторится и въ слѣдующей волости. Вмѣсто того, чтобъ проѣхать полторы сутки до границы, вы цѣлую недѣлю не дотащитесь, если поѣдете на казенный счетъ.

— Въ такомъ случаѣ, я поспѣшу нанять; но ѣхать теперь поздно, а штука весьма непріятная, если мнѣ придется ночевать въ карцерѣ, потому что помѣстить вы меня больше никуда не можете.

(Я ужъ примѣнился тогда совершенно къ тому, чтò значитъ ѣхать подъ *супашемъ*).

Писарь пожалъ плечами.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — въ карцерѣ ложиться вамъ не надо, а ложитесь вы вмѣстѣ со сторожами.

Я перебрался въ сторожку.

Это была небольшая избушка, соединенная съ карцеромъ и канцеляріей; въ ней были нары, печь; въ стѣну вбиты два толстые гвоздя, на которыхъ висѣло нѣчто среднее между пикой и рогатиной, очевидно деревенское издѣліе. Это были какіе-то человѣкоубійственные инструменты совершенно первобытной формы. Двое руснаковъ сидѣли на скамьѣ.

— Зачѣмъ вамъ эти штуки?

— А мы здѣсь, пане, отъ общества нанялись сторожами быть; мы здѣсь и ночуемъ. Вотъ, если арестантъ забуянитъ, такъ мы его этимъ унимать будемъ.

Кривые наконечники этихъ инструментовъ были до такой степени простодушно выкованы мимохожимъ цыганомъ, что плохо пришлось бы тому, въ кого всадили бы ихъ. Желѣзо какое-то рябое, кривое, иззубренное; видно было, что тутъ пошли въ дѣло ржавые гвозди, старыя подковы, лопнувшія шины, старыя задвижки — словомъ, все то снадобье, которое называется желѣзнымъ хламомъ и которое въ рукахъ цыгана превращается во чтò угодно, если вы только не потребуете отчетливости и изящества отдѣлки. Одно, на чтò цыганъ дѣйствительно способенъ, это — сдѣлать подкову и ножъ такой,

которымъ вы можете въ одно время и лучину щипать и чуть не бороду брить. Но на этотъ ножъ онъ навариваетъ стали. Ножи такіе стоютъ не дороже пятиалтыннаго, отдѣланы грубо, но прочностью отличаются неимовѣрною.

Я расположился на лавкѣ, какъ вдругъ въ забранное рѣшоткой окошечко двери, на которой висѣлъ приличный замо̀къ, высунулось лицо, и раздался жалобно-стонущій голосъ:

— Пане, я трое сутокъ ничего не ѣлъ. Будьте добры, пане, дайте хоть пять крейцеровъ бѣдному человѣку, чтобъ я хоть хлѣба себѣ купилъ.

— Правда это, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ? спросилъ я сторожа.

— А якъ же, пане, не правда? Якій же дурень буде его кормити?

— Да какъ же, у васъ сажаютъ людей подъ арестъ и не кормятъ?

— Якіи же дурни будутъ его кормити?

— Нѐчего дѣлать — я всталъ и далъ ему такъ-называемую двадцатку, полинялую билонную монетку въ двадцать крейцеровъ, т. е. копѣекъ двѣнадцать серебромъ. Онъ меня крѣпко благодарилъ за нее, и тутъ же сторожа передали ему кусокъ хлѣба и брынзы, говоря, что завтра съ нимъ сочтутся. Разумѣется, они съ нимъ лихо поторговались.

— За что это вы, добрый человѣкъ, тамъ сидите? спросилъ я его.

— По клеветѣ, пане. Говорятъ, будто я лошадь укралъ. Это все только злоба ихъ беретъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ не кралъ? спросилъ я сторожа: — вѣдь можетъ же случиться, что человѣка посадятъ безвинно.

— Пане, онъ первый конокрадъ во всемъ околодкѣ.

Я заснулъ сномъ праведника; сторожа тоже привалились; жирникъ погасъ.

. .

— Запа̀лки, пане! Гдѣ у васъ запа̀лки (сѣрныя спички)? кричатъ мнѣ въ темнотѣ.

— Что тамъ такое?

— Панъ двѐрникъ *) съ обходомъ пришелъ. Гдѣ у васъ запалки, пане?

*) У южноруссовъ, волостной голова называется вѐйтомъ, съ нѣмецкаго voigt, въ Буковинѣ и вообще у руснаковъ его называютъ дворникомъ.

— Да постойте, добрые люди, не могу сразу найти, куда онѣ у меня запропастились.

— Скорѣй, пане, скорѣй: панъ двôрникъ дожидается.

Рылся я, рылся, шарилъ, шарилъ — нѣтъ коробочки. Оказалось впослѣдствіи, что она, по добру, по здорову, выползла изъ кармана и лежала у меня подъ бокомъ.

— Скорѣй, скорѣй! командовалъ чей-то суровый и пьяный голосъ.

Сторожа усиленно принялись высѣкать огонь, вспыхнула лучина, загорѣлся жирникъ, и я увидѣлъ передъ собою высокаго сорокалѣтняго руснака, еле стоявшаго на ногахъ, съ грубымъ небритымъ лицомъ, и съ нимъ двухъ еще какихъ-то мужиковъ, очевидно, его адъютантовъ. Панъ двôрникъ смотрѣлъ на меня угрюмо.

— Вы что за человѣкъ? спросилъ онъ.

— А вотъ видите, отвѣчалъ я: — подъ супашемъ высылаютъ.

— Разсказывайте, за чтò васъ высылаютъ.

— Да чтò жъ я вамъ стану разсказывать? Ну мой паспортъ нашли въ неисправности.

— Какая же неисправность у васъ въ паспортѣ была?

— Панъ двôрникъ, въ паспортѣ у меня нашелся безпорядокъ; меня за то высылаютъ; начальство знаетъ за чтò; вы мнѣ не поможете, и разсказывать я вамъ не обязанъ.

Панъ двôрникъ взглянулъ съ изумленіемъ на окружавшихъ его двухъ спутниковъ и двухъ сторожей.

— Э-ге, вы не хочете разсказувати!

— Я хочу спать, отвѣчалъ я рѣшительно.

— Маршъ въ арестъ! крикнулъ онъ, махая палкой: — къ арестантамъ! Здѣсь спать не позволяется.

— Я собралъ всѣ свои вещи и отправился въ тюрьму. Конокрадъ потѣснился на своихъ нарахъ, и мы улеглись съ нимъ рядомъ.

Арестъ, т. е. тюрьма, была комнатка въ четыре шага длины и два ширины, наверху было довольно широкое окно, задѣланное желѣзными прутьями. Вѣтеръ еще лѣтомъ выбилъ въ этомъ окнѣ стекла. Въ ноябрѣ холодный воздухъ окачивалъ изъ него такой прохладой, отъ которой зубъ не совсѣмъ ловко приходился на зубъ. Мы лежали съ конокрадомъ въ совершенной темнотѣ,

и я въ первый разъ отъ роду узналъ то пріятное ощущеніе, которое испытываетъ человѣкъ, когда по немъ пробѣгаютъ крысы. Одна изъ нихъ прошмыгнула у меня подлѣ самыхъ волосъ. На мнѣ была баранья шапка, я нахлобучилъ эту шапку на лобъ, прикрылъ лицо плэдомъ и опять-таки заснулъ. Утромъ конокрадъ плакалъ. Оказалось, что двадцатку, которую я ему далъ, онъ положилъ подъ изголовье, и ночью она куда-то исчезла. Онъ лазилъ подъ нарами, искалъ во всѣхъ щеляхъ, палочкой тыкалъ повсюду, запускалъ пальцы въ сгнившія доски пола, и нигдѣ не могъ ее отыскать.

— Крысы стащили, объявилъ онъ.

— Да неужели же крысы крадутъ деньги? отвѣчалъ я.

— А якъ же, пане!

Въ самомъ дѣлѣ, онъ не лгалъ. Крысы, дѣйствительно, крадутъ деньги, серьги крадутъ, кольца крадутъ. Нечего дѣлать — я опять помогъ бѣдняку: не умирать же ему тамъ съ голоду! Меня выпустили.

Обывательскія явились, но эти обывательскія оказались собственными лошадьми моего возницы. Только-что мы покатили, я сейчасъ же вошелъ съ нимъ въ переговоры, не довезетъ ли онъ меня до границы. Онъ поколебался, поторговался, содралъ съ меня, разумѣется, по моему незнанію мѣстныхъ цѣнъ, вдвое больше, чѣмъ слѣдовало, прикинулъ какіе-то невѣроятные расходы на сѣно и на овесъ; я согласился на все.

Въ каждой волости мѣнялся мой спутникъ, получая, разумѣется, какихъ-нибудь крейцеровъ двадцать или сорокъ въ вознагражденіе съ моей стороны за труды; писарь росписывался въ полученіи меня и давалъ маршрутъ къ слѣдующему писарю, и я весьма спокойно, пріятнѣйшимъ манеромъ остановился ночевать въ корчмѣ, гдѣ, перекусивши *кошернаго* мяса, улегся на лавкѣ; тѣлохранитель мой, выпивъ на мой счетъ чуть не штофъ водки, заснулъ подлѣ меня на столѣ. Деревенская баба, вдова, возвращавшаяся домой изъ Чернёвцовъ, гдѣ она выдержала экзаменъ въ деревенскія акушерки, сидѣла у меня въ ногахъ и ораторствовала всякимъ извощикамъ и гуляющимъ мужикамъ объ удобствахъ цивилизованой жизни въ Чернёвцахъ, такъ, какъ наши барыни, возвратившись изъ Парижа, охаютъ и стонутъ по Палеройялю, по Елисейскимъ Полямъ, по Итальянскомъ Бульварѣ и по Версали. На утро, часовъ въ 12, я явился въ Синёвцы, или, какъ говорятъ у насъ, вообще знающихъ всѣ наз-

ванія, кромѣ русскихъ — Михалени. Михалени — названіе молдавское; наше русское — Синёвцы.

Страхъ, что во Львовѣ или въ Чернёвцахъ догадаются, кто такой Vassilij Jovanoff, долго еще не давалъ мнѣ покоя, и все мнѣ казалось, что за мной слѣдятъ: до такой степени я привыкъ быть подъ надзоромъ, unter aufsicht, что мнѣ неловко было даже ходить какъ Петру Шлеммелю, потерявшему свою тѣнь. Мнѣ казалось, что я безъ сторожа человѣкъ не полный, чего-то недостаетъ, точно я овдовѣлъ.

ЯССЫ.

Тяжело слагаются государства и не легко европейская цивилизація принимается народами, которые вѣка спали сномъ варварства подъ своимъ или чужимъ гнётомъ. Съ народами дѣлается то же, чтó съ отдѣльными семьями. Отецъ былъ угрюмый староверъ, жилъ обрядами, Богу молился, былъ честенъ по-своему, трезвъ, бѣжалъ разврата и всякой суеты міра сего. Сынъ его уже тяготится старымъ, *эпическимъ* бытомъ, который тѣснитъ его, который на каждомъ шагу становитъ ему преграды, то по «Кормчей», то по «Толковому евангелію», то по семи «Вселенскимъ соборамъ». На него вѣетъ чѣмъ-то новымъ; какой-то другой бытъ, болѣе свободный, болѣе раціональный, носится вокругъ. Страшныя сомнѣнія запали въ душу и началось отрицаніе стараго. И вотъ, сначала двумя камушками укорачивается завѣтная борода, потомъ ножницами, а наконецъ... наконецъ, и бритва является на сцену, и съ нею полное освобожденіе. Но куда жь пойдетъ *оглашенный?* Онъ вышелъ изъ стараго храма, а новый ему непонятенъ; святая святыхъ доступна только посвященнымъ, прошедшимъ долгимъ искусомъ науки и мысли. Все освобожденіе его состоитъ необходимо въ знаніи только внѣшнихъ, бóльшею частью самыхъ безобразныхъ сторонъ дѣла. И вотъ, являются рысаки, кутежи, свѣтлые трактиры съ зелеными бильярдами, знаніе извѣстнаго рода пѣсенъ и извѣстнаго рода анекдотовъ. «Валяй во всю ивановскую! знай нашихъ! Мы, душа моя, просвѣщенные люди; энто, какъ говорятъ, плоды цивилизаціи пожинаемъ. Чего смотришь? Мы даже про леворюцію знаемъ...» Сынъ этого героя трактирныхъ сценъ, выбивателя оконъ и разбивателя зеркалъ и скулъ, все же получаетъ кое-какое образованіе, все хоть гимназію кончитъ и будетъ сочувствовать, хоть и не всегда со смысломъ, всему высокому и дѣльному. Сынъ этого сына уже окончательно станетъ современнымъ человѣкомъ, въ полномъ значеніи этого слова.

Просмотрите бытъ нашего дворянства, чиновничества, купечества — не говорю ужь со временъ Петра — а хоть съ двѣнадцатаго года, и вы невольно согласитесь, что ростъ народовъ проходитъ этимъ некрасивымъ путемъ разврата, картъ, трактировъ и прочихъ хорошихъ заведеній. Было время, что даже передовые люди нарѣзывались до положенія ризъ? было время, когда они сдѣлали шагъ впередъ и стали пить *только* запоемъ — съ горя или съ радости. Перемололось — и мукà вышла. Время свое возьметъ: теперь у насъ въ карты и въ разныя стуколки играютъ — не бѣда! Слѣдующія поколѣнія памятники будутъ ставить Паскалю за его знаменитое изреченіе, что люди играютъ для того, чтобъ не оставаться наединѣ съ самими собою, иначе сказать, для того, чтобъ время убить; головы такъ пусты, что другъ съ другомъ говорить или задумываться надъ чѣмъ-нибудь матеріалу нѣтъ.

Мы пережили исторически и семнадцатый и восьмнадцатый вѣкъ. Разумѣется, намъ остается еще много работы, чтобъ догнать Англію и Германію; но все же мы далеко обогнали прочіе народы Восточной Европы. У молдованъ нравы XVIII вѣка, у турецкихъ славянъ еще XVII-го.

Понять это очень важно. Кто знаетъ, можетъ быть, восточный вопросъ скоро доведетъ насъ до войны, и мы станемъ лицомъ къ лицу съ народами, которыхъ мы пойдемъ освобождать! Наше общество и наша публицистика много кричатъ теперь о восточныхъ христіанахъ — и это очень хорошо; но то худо, что ни съ языками ихъ, ни съ ихъ литературою почти никто незнакомъ; большинство даже развитѣйшихъ людей и въ глаза не видало этихъ восточныхъ христіанъ. А между тѣмъ, мы считаемъ ихъ чѣмъ-то поэтическимъ, отважнымъ, изящнымъ, и въ этомъ мы горько разочаруемся, а разочарованіе можетъ повести къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ. Наши братья, по вѣрѣ, до такой степени были подавлены турецкимъ владычествомъ и — надо жь говорить правду — константинопольскимъ патріархомъ, что въ массѣ ихъ мало патріотизма, а въ передовыхъ людяхъ мало сильныхъ умовъ. Помочь мы имъ обязаны — не даромъ же насъ цѣлыя четыреста лѣтъ молятъ они о выручкѣ, не даромъ же они передали намъ двуглаваго орла, царскія регаліи, царскій титулъ и названіе (третій) *Римъ*, ставящее насъ обязательными покровителями и предводителями всего православнаго міра! Но помощь эта не должна ограничиваться штыками — мы, при всѣхъ нашихъ долгахъ

и финансовыхъ затрудненіяхъ, все-таки, богаты. Не десятками, а *сотнями* надо приглашать зарубежныхъ славянъ въ наши учебныя заведенія; ихъ надо учить, и еще тысяча разъ учить. Еслибъ это и тяжело отозвалось на нашемъ бюджетѣ — не бѣда. Мы исполнимъ нашъ вѣковой долгъ и оснуемъ прочную связь съ ними, связь, которая необходимо подорветъ вредное вліяніе на нихъ западной католической, туркофильской (antimoscovite) пропаганды. Поддерживая ихъ теперь, мы закладываемъ наше будущее величіе и пріобрѣтаемъ союзниковъ въ будущемъ. Наша внѣшняя политика не должна походить на французскую, которая заботится только о сегодняшнемъ — будемъ поступать по примѣру нашихъ старыхъ бояръ, которые, разъ поставивъ себѣ задачею *собиранье земли русской*, поколѣнье за поколѣньемъ неуклонно стремились къ этой цѣли. Земля русская почти собрана (недостаетъ только Восточной Галичины и части Венгріи по рѣку Тису); теперь пришло время воскресенію Царствъ Греческаго, Болгарскаго, Сербскаго и Румунскаго, которыя *должны* быть нашими союзниками въ будущемъ. Раскошелимся же, и пусть ребятишки нашихъ единовѣрцовъ толпами явятся учиться и проводить молодость вмѣстѣ съ нашими, для того, чтобъ вѣра и народныя вѣковыя связи воскресли послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ забвенія.

Чтò еще дѣлать? Знаніе — сила: намъ надо знать, чѣмъ недужны наши единовѣрцы, наши братья, для того, чтобъ уяснить себѣ, въ которую именно сторону должна быть направлена наша помощь. Сколько умѣю, раскрою въ этой небольшой главѣ тёмныя, исключительно тёмныя стороны молдавскаго быта: о свѣтлыхъ я говорить не буду — лечить надо больныя мѣста, а не здоровыя, да о свѣтлыхъ сторонахъ много уже было и говорено на всевозможныхъ языкахъ. Пусть же однако никто не подумаетъ, будто я хочу грязью бросать въ этотъ бѣдный народъ, который мнѣ доводилось изучать отъ мужицкихъ хатъ до боярскихъ палатъ.

Выродки греческаго народа, которыхъ сами греки презираютъ и ненавидятъ, фанаріоты управляли прежде Молдавіею. Надо видѣть этихъ людей, чтобъ понять, чѣмъ они заслужили такую ненависть: у нихъ нѣтъ ни патріотизма, ни какихъ-либо политическихъ или просто человѣческихъ стремленій. Все для денегъ, для карьеры; жену, дочь продастъ, на брата родного донесетъ. Есть между ними люди, которые кое-чему учились — тѣмъ хуже; умѣнье поддержать разговоръ въ обществѣ, знаніе языковъ,

свѣдѣнія свои, всѣ свои таланты фанаріотъ употребляетъ для наживы или для выслуги. Шпіоны турецкаго правительства — фанаріоты. Его политическіе агенты — на половину фанаріоты. Секретари губернаторовъ для сношенія съ иностранными консульствами — фанаріоты. Турки гнетутъ Турцію, потому что они невѣжды и не понимаютъ, что̀ дѣлаютъ, а выручаютъ Турцію изъ бѣды, ходтайствуя за нее у Запада — опять тѣ же фанаріоты и ихъ партія.

Понятно, что у людей, лишенныхъ всякихъ политическихъ и человѣческихъ стремленій, необходимо должны были развиться стремленія животныя, о которыхъ мы и будемъ сейчасъ говорить. Фанаріоты не только съумѣли развратитъ все населеніе европейскаго квартала въ Константинополѣ (Пера), но они глубоко потрясли нравственность бѣдной Молдавіи. Для Молдавіи они не сдѣлали ровно ничего, несмотря на огромные капиталы, которые доставляли имъ ея монастыри. Въ ихъ рукахъ цареградская патріархія — гдѣ жъ образованное греческое духовенство? куда пошли и идутъ эти деньги? Не даромъ каждый народецъ, выбившійся изъ-подъ власти турокъ, лѣзетъ изъ кожи вонъ завести свой синодъ, свою національную церковь. Не даромъ Куза, несмотря даже ни на нашу, ни на англійскую опозицію, секуляризировалъ имущества греческихъ монастырей въ своихъ княжествахъ; стало быть, плохо приходилось его правительству отъ фанаріотовъ.

Развратъ, введенный фанаріотами, видѣнъ въ Молдавію на каждомъ шагу.

Въ 1867 году въ Яссы пріѣзжалъ князь Карлъ. Я улучилъ минуту, когда онъ будетъ въ театрѣ, и отправился посмотрѣть его, сцену и, главное, публику.

Яссы уже дня три горѣли иллюминаціею, вездѣ были поставлены тріумфальныя арки, убранныя зеленью. Все это, разумѣется, чтобъ не ссориться съ префектурою и полиціею, которыя могутъ при первомъ случаѣ крѣпко насолить: Куза, слѣпой подражатель Наполеона, завелъ здѣсь во всемъ французскіе порядки, а здѣшняя масса слушается чего-угодно, но вовсе не сочувствуетъ соединенію княжествъ и даже о новыхъ законахъ не заботится. Фанаріоты подавили въ ней чувство патріотизма, въ ней нѣтъ мысли о собраніи земли румунской (Tierra Rumâneascâ). Отсутствіе центральнаго управленія въ Яссахъ разоряетъ Яссы. По каждому мелочному дѣлу надо спрашивать разрѣшенія изъ Бу-

хареста. Стало быть, ясскимъ домовладѣльцамъ, купечеству и тяжущимся приходится не сладко; но характеръ румуновъ до того развращенъ фанаріотами, что имъ все трынъ-трава. Они удивительно легкомысленны и незлопамятны; на протестъ, на опозицію у нихъ никогда не хватаетъ энергіи. Это, между прочимъ, и счастіе — благо ихъ передовые люди не лишены возможности сковать *современемъ* землю румунскую въ одно цѣлое, благо сковка эта идетъ легче здѣсь, чѣмъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ Германіи. Французская централизація погубила Кузу, но французская администрація осталась. Эта администрація, а не народъ, устроиваетъ торжественныя встрѣчи Карлу; народъ же бѣжитъ смотрѣть на него, какъ на диковинку. Въ глазахъ Европы, непонимающей какъ идетъ дѣло, Карлъ популяренъ; въ сущности же, массѣ народа все равно, кто ни сядетъ на престолъ, потому что въ народѣ убитъ всякій патріотизмъ, потому что онъ привыкъ видѣть въ господаряхъ иностранцевъ и эксплоататоровъ. Онъ махнулъ рукою на все и на вся, сказалъ, что пусть имъ вертятъ какъ хотятъ — плетью обуха не перешибешь — и покорился.

Этотъ индеферентизмъ массы къ судьбамъ родины, это фанаріотское ея воспитаніе рѣзко бросились мнѣ въ глаза, когда я стоялъ въ театрѣ. Я стоялъ, потому что, не догадавшись запастись билетомъ въ кресла пораньше, долженъ былъ удовольствоваться заднею скамейкою партера, гдѣ мѣста ненумерованныя. Передо мною сидѣли два ученика какой-то казенной школы въ мундирчикахъ — оба большіе буяны. Подлѣ меня, съ одной стороны, сидѣлъ нѣмецъ, должно быть ремесленникъ, а съ другой — присѣлъ молоденькій офицеръ. Сзади сидѣли какіе-то молдавскіе юноши, лавочники, чиновники — кто ихъ тамъ знаетъ? Впослѣдствіи, я ушелъ отъ нихъ и сталъ въ проходѣ, потому что одному изъ нихъ, почему-то, пришла фантазія упираться колѣномъ мнѣ въ спину. Я попросилъ его вѣжливо — онъ не унялся; я пригрозилъ ему — онъ не унялся; я обѣщалъ позвать полицію — онъ не унялся. Тогда я унялся, вышелъ изъ скамьи и простоялъ все представленіе на ногахъ: чего жь заводить исторію и вязаться богъ-знаетъ съ кѣмъ? съ человѣкомъ, къ которому съ перваго взгляда не чувствуешь ни на грошъ уваженія? Надо этимъ господамъ уступать, надо быть настолько гуманнымъ, чтобъ и ихъ радовать: блаженъ иже и скоты милуетъ. Эти господа, сдѣлавъ вамъ грубость и видя, что вы уступили имъ, приходятъ въ неизмѣримый восторгъ — они хвастаются, что они васъ надули,

напугали, они думаютъ, что они очень умны и смѣлы. И пусть ихъ такъ думаютъ: ваша месть впереди. Ободренные успѣхомъ надъ вами, они неизбѣжно ввяжутся въ новые подвиги и наткнутся на своего же брата, который *обидится* и расплатится съ ними за васъ. Вы знаете, кто васъ обокралъ: подарите ему связку ключей passe-par-tout — онъ этимъ воспользуется и попадется: это будетъ ваша месть.

Когда можно уступать нахаламъ, тогда, разумѣется, уступать и слѣдуетъ; но въ этотъ же вечеръ вышелъ случай, когда я поставилъ на своемъ. Выходилъ я въ буфетъ покурить и выпить чашку кофе. Слышу, опять заиграла музыка — я бросился внизъ. Въ дверяхъ стоитъ какой-то человѣкъ невѣроятныхъ размѣровъ и вверхъ и въ ширь, загородилъ собою двери и никого не пускаетъ. Я подхожу и вѣжливо отодвигаю его рукою приговаривая pardon. (Pardon, merci, bon jour, bon soir — совершенно усвоилось здѣсь даже городскою чернью). «Мѣста нѣтъ», отвѣчаетъ онъ мнѣ грубо по-молдавски.

— У меня билетъ, domnule, возражаю я.

— Мѣста нѣтъ! и даже головы не поворачиваетъ.

Я, признаться сказать, опѣшилъ и понять не могу, что̀ такое творится. Въ эту минуту, какой-то офицерикъ, тоже запоздавшій въ буфетѣ, вдругъ подбѣгаетъ къ дверямъ и отодвигаетъ великана. Великанъ вѣжливо посторонился. Кровь хлынула мнѣ въ голову — я пошелъ за офицеромъ.

— Мѣста нѣтъ!

— Domnule! гдѣ есть мѣсто для этого офицера, тамъ должно быть и для меня, а если нѣтъ, то poftim (милости просимъ!), и я показалъ ему кулакъ. Великанъ мигомъ отодвинулся.

— Ce el esti? nebun? (Что онъ? сумасшедшій?) спросилъ онъ окружающихъ.

— Aśa, отвѣчалъ я: — eŭ sînt nebun! (Да, я сумасшедшій) и прошелъ къ своему мѣсту. Полиція посмотрѣла на меня и пожала плечами.

Занавѣсъ не подымался, пока не вошелъ князь. Онъ показался въ ложѣ второго яруса (направо отъ зрителей). Это бѣлокурый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи. Покуда онъ раскланивался съ нами, я успѣлъ его вылорнировать; онъ поразительно похожъ на нашихъ великихъ князей, на покойнаго государя, на наслѣднаго принца прускаго. Тѣ же строго пра-

вильныя черты лица, та же манера въ движеніяхъ. Раздался *народный* румунскій гимнъ. На сценѣ явился вензель князя. Пѣвцы во фракахъ, пѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, воспѣвали честь и славу бѣдной Румуніи. Музыка и голоса были превосходны, но, увы! музыканты и пѣвцы, какъ и у насъ, были иностранцы. Румыны, какъ и мы, еще нуждаются въ чужихъ людяхъ для формулированія своихъ мелодій. Декорація была плоха. Вообще надо замѣтить, что ясскій театръ весьма незавиденъ: освѣщается онъ стеариновыми свѣчами, устроенъ безтолково. Словомъ, интелектуальная жизнь только-только что пробуждается въ этомъ забитомъ и загнанномъ краѣ.

Гимнъ пропѣли. Публика встала и закричала весьма недружно: *да здравствуетъ государь Карлъ!* (se traéscû domnitorul Carl). Крики продолжались съ минуту. Меня удивило, что мои сосѣди не показывали ни малѣйшаго участія въ этомъ энтузіазмѣ. Крики были болѣе формальностью, чѣмъ выраженіемъ искренней любви къ родинѣ, къ самимъ себѣ. Все глупо ухмылялось. Мнѣ было досадно на народъ, который самъ призвалъ къ себѣ государя и ничѣмъ не выражаетъ ему своего сочувствія.

Сверхъ фанаріотскаго индеферентизма, къ несчастнымъ нашимъ единовѣрцамъ забрались еще идеи о *братствѣ, равенствѣ, и свободѣ* — это ихъ окончательно доконало. Князь Карлъ можетъ быть способнымъ или неспособнымъ государемъ, хорошимъ или дурнымъ; но каковъ бы онъ ни былъ, а все-таки онъ олицетворяетъ собою цѣлую Румынію. У меня, пожалуй, очень плохая шляпа на головѣ, но это *моя* шляпа — и я никому не позволю сбить ее съ меня. Не хотятъ имѣть Карла принцемъ, пусть молчатъ, пусть свистятъ даже — это я понимаю; но мнѣ противенъ этотъ безсильный, развратный индеферентизмъ, который не идетъ ни туда, ни сюда; тàкъ и видно, что цѣлый край управляется горстью людей, болѣе или менѣе развитыхъ, которые ворочаютъ имъ по своему благоусмотрѣнію, а народъ ни за нихъ, ни противъ нихъ.

Театръ въ Яссахъ плохъ. Яссы такой же молдавскій городъ, какъ, напримѣръ, Ковно русскій. Главную массу населенія составляютъ евреи, поляки, нѣмцы; молдаване здѣсь только чиновники, небольшое число лавочниковъ и простонародье. Евреи въ театры не ходятъ — имъ не до того. Поляки — голь, которой не до театра; да и чего они будутъ хо-

дить въ театръ, гдѣ играютъ на чужомъ для нихъ языкѣ? Къ нѣмцамъ еще иногда заѣзжаютъ странствующія труппы. Затѣмъ остается молдавская публика, полуразоренная соединеніемъ княжествъ, которое лишило Яссы прежняго ихъ значенія. Декораціи бѣдны, актёры невозможны. Давались два переводные водевиля, въ которыхъ, набѣду, выводились на сцену графы, бароны, маркизы. Актёры сдѣлали все возможное, но такъ и видѣлось, что они даже малѣйшаго понятія не имѣютъ, что имъ негдѣ было и присмотрѣться къ быту и манерамъ не только высшаго, но хоть какого-нибудь приличнаго общества. Бѣдная Молдавія съ ея боярами! Если это манеры бояръ — а я знаю, что это манеры бояръ средней руки — то наши парикмахеры и писаря держатъ себя лучше. Про манеры и тѣлодвиженія актрисъ (баронесы! графини!) я ужъ умолчу. Лучше всего сошла имъ съ рукъ пьеса «Крестьянская свадьба», картина изъ народнаго быта, г. Алескандреско. Содержаніе ея совершенно пустое, но національное, а музыка превосходна. Эту оперетку слѣдовало бы поставить и у насъ, равно какъ и галицкую оперу священника Вербицкаго «Подгоряне» *). Право, стыдъ, наконецъ, что мы ничего не знаемъ о такихъ хорошихъ произведеніяхъ нашихъ

*) Текстъ священника Гумалевича. Какъ всѣ произведенія галицкихъ писателей, «Подгоряне» очень идиличны. Дѣйствіе происходитъ въ Карпатахъ. Войтъ (староста) хочетъ женить сына на дочери сосѣда. Разсчетъ войта основанъ на томъ, что у богача-сосѣда документы на землю не совсѣмъ въ порядкѣ — поэтому, предложеніемъ брака онъ могъ бы соединить наслѣдство своего сына съ сосѣдскимъ. Но дочь сосѣда влюблена въ другаго. Раздраженный войтъ, деспотъ села, интриганъ, подговариваетъ старуху поджечь дворъ сосѣда, думая, что разоренный не будетъ упрямиться; поджигательство же сваливаетъ онъ на возлюбленнаго своей предполагаемой снохи. Сосѣди и тутъ не поддаются — онъ дѣлаетъ имъ процесъ за землю. Въ это время старуха пробалтывается: войта арестуютъ, разореному крестьяне ставятъ дворъ и выбираютъ его въ войты. Съ этой оперой вышла комедія. *Одинъ галичанинъ* въ правленіе Голуховскаго, желая ознакомить насъ съ произведеніями тамошней литературы и съ тамошними народными мотивами, прислалъ эту оперу съ партитурами О. М. Бодянскому, надѣясь, что онъ похлопочетъ поставить ее у насъ. Что сдѣлалъ почтенный профессоръ, намъ неизвѣстно. Вѣроятно, какъ библіофилъ, положилъ онъ ее въ архивъ своего общества, помѣтилъ ее нумеромъ, занесъ въ каталогъ и ждетъ, когда придетъ очередь помѣстить ее въ своемъ журналѣ. Если будутъ ее у насъ ставить, мы осмѣлились бы посовѣтовать дирекціи *выписать черезъ галицко-русскую матицу настоящіе гуцульскіе костюмы.* Это стоить будетъ недорого (все же дешевле, чѣмъ заказать у портныхъ), ознакомитъ публику съ наружностью русскихъ горцевъ, да и горцамъ, которые чуть съ голоду не мрутъ, — поможетъ.

единовѣрныхъ сосѣдей, а ограничиваемся только заимствованіями у чуждыхъ намъ народовъ!

Пьеса направлена противъ фанаріотовъ. Разумѣется, противъ нихъ не трудно было бы сочинить что-нибудь поумнѣе; но у здѣшнихъ литераторовъ перья еще не привыкли ходить по бумагѣ, мысль не выработалась еще до творчества, да и число серьёзно образованныхъ людей такъ не велико, что не можетъ вмѣщать въ себѣ всяческіе таланты. Припомнимъ нашу исторію — было же у насъ время, когда восхищались Кантеміромъ, Сумароковымъ, Херасковымъ, княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгоруковымъ, которые, увы! теперь хуже чѣмъ забыты. Румунія находится *покуда* въ XVIII вѣкѣ.

На сцену является фанаріотъ. Исторія Румуніи за послѣднее время есть исторія борьбы съ Фанаромъ. Онъ поетъ, что онъ просвѣтитель варваровъ, что онъ ученый человѣкъ, знаетъ географію, философію, исторію, математику, ариѳметику, физику, и еще что̀-то; что дикіе румуны не въ состояніи даже оцѣнить его дѣятельности, его самоотверженія жить между ними, и что они только по глупости своей негодуютъ, что онъ богатѣетъ съ нихъ и выпоражниваетъ ихъ карманы. Актёръ былъ одѣтъ въ старый костюмъ фанаріотовъ, котораго вы теперь на Фанарѣ уже не увидите. Костюмъ этотъ былъ очень похожъ на костюмъ нынѣшнихъ евреевъ-эспаніоловъ: халатъ, кацавейка сверхъ халата; изъ-подъ халата видны желтые шаровары; на ногахъ красныя туфли; на головѣ фесъ. Речитативъ шелъ на ломанномъ румунскомъ языкѣ, съ сильнымъ греческимъ акцентомъ. Весь схоластицизмъ фанарскаго образованія, вся его безплодность и ненужность, вредность его для странъ, подвѣдомственныхъ цареградскому патріархату, все было выражено и этою (весьма не серьезною) музыкою и этимъ речитативомъ. *Нужно* поставить эту шутку у насъ, чтобъ наша публика поняла фанаріотовъ и поняла, наконецъ, различіе между грекомъ-кандіотомъ и грекомъ-фанаріотомъ.

Старикъ фанаріотъ, просвѣтитель румуновъ, вычисляя свои заслуги и свои достоинства, приходитъ *по логикѣ* къ заключенію, что каждая дѣвушка въ селѣ должна оцѣнить его и выдти за него замужъ. Если же та именно, которая ему приглянулась, и не хочетъ за него выходить, такъ это все отъ невѣжества варваровъ. А отецъ этой дѣвушки, мужикъ, долженъ ему около ста червонцевъ.

20

Фанаріотъ стучится въ его дверь и требуетъ денегъ. Денегъ у крестьянина сегодня нѣтъ. Просвѣтитель варваровъ предоставляетъ ему на выборъ: или тюрьму, или выдачу за него его дочери. Крестьянинъ предлагаетъ ему позвать полицію, а дочери не продаетъ: его дочь любитъ другого. Фанаріотъ бѣжитъ за полицейскимъ.

На сцену является толпа крестьянъ, которая выплясываетъ народную пляску, нѣчто въ родѣ нашего хоровода. Старикъ отецъ обращается съ своимъ горемъ къ танцующимъ, а между ними выплясываетъ и тотъ, кого дочь его любитъ. Это коноводъ цѣлаго села, врагъ, разумѣется, фанаріотовъ, человѣкъ выдумчивый. «Успокойся—говоритъ онъ старику — ничего не будетъ; мы румуны, намъ не слѣдуетъ поддаваться фанаріотамъ»... и т. д., въ патріотическомъ смыслѣ.

Является фанаріотъ съ *эпистатомъ* (квартальнымъ) арестовать крестьянина. Влюбленный и его товарищи предлагаютъ фанаріоту покачать его на качеляхъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ отстрочилъ арестъ старика на нѣсколько минутъ. Честолюбивый фанаріотъ крайне польщенъ этимъ почетомъ, этимъ доказательствомъ уваженія къ его высокопремудрости. Крестьяне сажаютъ его на качели и начинаютъ раскачивать. Музыка въ это время дѣйствительно представляетъ качели; можно не знать о чемъ идетъ дѣло, но звуки скажутъ вамъ, что чтò-то качается.

Усталъ фанаріотъ, проситъ, чтобъ его отпустили, а его все качаютъ да качаютъ. Тоскливымъ голосомъ напѣваетъ онъ, что даже заплатитъ, если остановятъ качели, а его все качаютъ да качаютъ. Онъ, наконецъ, на все согласенъ — съ него требуютъ росписки, которую онъ мошеннически, при помощи *логики, математики, ариѳметики* и *метафизики,* содралъ со старика, требуютъ, чтобъ онъ отказался отъ своего сватовства— онъ на все согласенъ.

Тѣмъ дѣло и кончается. Слѣдуютъ обниманья, поздравленья, народный гимнъ — и такъ далѣе, все какъ водится.

Концепція, какъ видите, слишкомъ нехитрая и отнюдь несложная. Одна музыка выручаетъ все это дѣло. А музыка оперетки такъ мила, такъ игрива, шутлива, что каждый театръ выигралъ бы, давая эту пьесу. Замѣчу же я кстати, что если малороссійская музыка—при всей ея мелодичности — страдаетъ отсутствіемъ содержанія, силъ не вливаетъ въ душу, то румынская, то же очень мелодичная и то же весьма пріятно щекоча

ухо, еще безсильнѣе малорусской. Бѣда — мелодій, на борьбу вызывающихъ, на подвигъ вдохновляющихъ, какъ наши — нѣтъ ни у одного изъ единовѣрныхъ или единоплеменныхъ намъ народовъ. Волею-неволею мы во всемъ и представители и покровители ихъ, какъ мы ни отвертывайся отъ этой роли.

Покуда все это разыгрывалось на сценѣ, бинокль мой неустанно доносилъ мнѣ, что̀ происходитъ въ публикѣ. Дамы — красавицъ здѣсь гибель — сіяли въ брильянтахъ и изумрудахъ. Лица ихъ носили тоже вялое, немыслящее выраженіе, которое составляетъ особенность южныхъ женщинъ. На сѣверѣ женщина далеко не такъ хороша, какъ на югѣ, но вы, по самому лицу ея, по ея манерамъ, поступкамъ, словамъ, видите, что она, прежде всего, человѣкъ. Южная поражаетъ васъ своею сверкающею красотою, она жжетъ васъ глазами, неотразимо влечетъ васъ къ себѣ — проходитъ минута обаянія, и вы съ ужасомъ замѣчаете, что вы имѣете дѣло только съ самкой. Новички на югѣ сходятъ съ ума по этимъ женщинамъ, путешественники чудеса о нихъ разсказываютъ, поэты ихъ воспѣваютъ, но изслѣдователи характера народовъ, этнологи приходятъ къ совершенно другому заключенію, что̀ — между нами будь сказано — очень жалко.

Бинокль мой гулялъ по ложамъ — и вдругъ остановился... Это были двѣ женщины такой красоты, какая даже и во снѣ не приснится. Юноша, поэтъ, художникъ съ ума сошли бы при видѣ этой божественной красоты. Я не шутя жалѣлъ, что я не скульпторъ — эти двѣ головы затмили бы правильностью чертъ Венеру медичискую; эти двѣ головы... лучше и не смотрѣть на нихъ, лучше не видѣть того, что я видѣлъ...

Это были женщины изъ двухъ самыхъ аристократическихъ здѣшнихъ фамилій, изъ фамилій, имена которыхъ напоминаютъ вамъ о цѣлыхъ рядахъ героевъ, борцовъ за вѣру и за народность — я не приведу этихъ именъ, я не хочу, чтобъ внучки краснѣли за бабушекъ. То, что̀ я видѣлъ въ 1867 г., у насъ дѣлалось въ 1757 г.—мы пережили эту эпоху, а Молдавія живетъ еще во времена императрицъ Анны Ивановны и Елисаветы Петровны. Вина не ея, скорѣе это вина наша. *Мы* ходу ей не давали; мы, руками министровъ иностранныхъ дѣлъ, загораживали здѣшнему краю дорогу ко всякому развитію; *мы* развратили ихъ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшали имъ развращаться!

Огромныя (по-здѣшнему) деньги заплатили онѣ, чтобъ удер-

жать за собою ложу vis-à-vis съ тою, которая была назначена принцу—и чего онѣ тамъ не выдѣлывали! Битыхъ четыре часа строили онѣ ему глазки, улыбались, вздыхали, и все это при двухъ тысячахъ зрителей и при человѣкахъ пяти ихъ знакомыхъ, сидѣвшихъ въ ложѣ принца! Нѣтъ, едвали кто захотѣлъ бы быть на мѣстѣ юнаго Гогенцоллерна! каждаго покоробило бы подобное публичное заявленіе женщинами ихъ чувствъ.

Мнѣ все сдавалось, что полиція наконецъ напомнитъ дамамъ о правилахъ приличія, а полиціи было въ театрѣ больше, чѣмъ нужно, и какъ нарочно всѣ *комисары* (частные пристава) стояли именно около меня. Надо было видѣть ихъ лица, какъ и лица большей части здѣшнихъ чиновниковъ, чтобъ уразумѣть всю отсталость бѣдной Румуніи, несмотря на ея конституцію. Куда наши бурбоны! у нашихъ бурбоновъ хоть характеръ иногда выражается въ наружности, а здѣсь высказывается что-то вялое, сонливое, распущенное.

Заходитъ ко мнѣ иногда субъ-комисаръ, мой сосѣдъ. Субъ-комисаръ — значитъ помощникъ частнаго пристава. Плачется онъ мнѣ горько на новые порядки. «Служить, говоритъ нельзя при этомъ соединеніи княжествъ. Помилуйте-съ! Прежде, лѣтъ пятнадцать назадъ, жалованье у насъ было такое маленькое, что и на три дня его не хватало, не то, что на мѣсяцъ — а все бывало не придешь домой безъ трехъ, четырехъ карбованцовъ *) въ карманѣ: тогда порядочный человѣкъ и служилъ съ удовольствіемъ. Теперь у меня жалованье въ 300 карбованцовъ въ годъ, а, вѣрьте совѣсти честнаго человѣка, въ годъ 50 карбованцовъ доходу нѣтъ. Первое — городъ обѣднѣлъ, потому что здѣсь нѣтъ господаря, а стало быть, нѣтъ и присутственныхъ мѣстъ; а другое — законы заведены французскіе, строгость; чуть что сдѣлаешь—того и гляди, слетишь съ мѣста. Дай Боже, чтобъ опять раздѣлили княжества, или чтобъ присоединили Молдавію къ Россіи! тогда Яссы стали бы губернскимъ городомъ, было бы здѣсь много начальства — да и начальство въ Россіи цѣнитъ людей и *не препятствуетъ* имъ служить...»

Въ самомъ дѣлѣ, вѣковая привычка быть подъ чужеземнымъ владычествомъ надолго лишила здѣшнюю массу всякаго патріотическаго чувства и сдѣлала ее крайне матеріалистическою. У грековъ, у болгаръ, у сербовъ этого равнодушія къ судьбамъ

*) Рубль серебромъ.

своей родины вовсе нѣтъ: у нихъ былъ и есть одинъ только врагъ — турокъ, съ его пособникомъ — грекомъ; народы Турціи знаютъ хорошо, кто именно ихъ врагъ. Поэтому, они скучиваются по народностямъ, и каждая народность представляетъ собою крѣпкое цѣлое, каждая изъ нихъ имѣетъ своихъ предводителей, за которыхъ держится, какъ дитя за мать, и, поэтому, каждая изъ нихъ сильна. Съ румынами вышло совершенно другое. Маленькое племя, поставленное судьбою между сильными сосѣдями, они, волею-неволею, подчинялись то тому изъ нихъ, то другому, такъ что отвыкли даже отъ мысли, что судьбы ихъ зависятъ отъ нихъ самихъ. И турки здѣсь властвовали, и поляки, и мы допекали ихъ нашимъ покровительствомъ, и Австрія вводила сюда войска... наконецъ они подпали подъ покровительство цѣлой Европы, то-есть, окончательно сбились съ толку.

Народъ не былъ врагомъ Кузы. Я то и дѣло слышалъ отъ него фразу: «Cuza esti omul bun — el a bun facut pentru noï». (Куза хорошій человѣкъ — онъ намъ добро сдѣлалъ). Дѣйствительно, онъ освободилъ крестьянъ, завелъ обязательныя школы, бояръ согнулъ въ дугу, далъ всѣмъ одинаковыя избирательныя права. Роптали на него только за тяжелыя подати, да за введеніе *граничерства* (granicéri), нѣчто въ родѣ прусскаго ландвера. И вотъ этотъ же созданный имъ народъ ни шагу не сдѣлалъ въ его пользу, когда его свергли. Народъ молчалъ, потому что не вѣритъ ни въ свою силу, ни въ свое значеніе, ни въ прочность реформы; а городское населеніе, всякіе лавочники, хлѣбопеки, мясники, даже положительно радовались его паденію. И не потому, опять-таки, они радовались, чтобъ не любили Кузы, а потому, что надѣялись на иностранное занятіе. «Придутъ сюда войска, дѣла поправятся, подряды и поставки пойдутъ! Дай-то Богъ, чтобъ русскіе пришли — русскіе офицеры любятъ жить на широкую ногу, франты, гастрономы. Это не то, что австрійскіе, которые каждую копейку разсчитываютъ, хуже чѣмъ мы здѣшніе». Сами бояре радовались; а ужъ про боярынь я и не говорю. «Будутъ балы, вечера, — а мужъ русскій все же лучше *какого-нибудь молдавана!*»

И не только иностранныя войска, не только фанаріоты развратили такъ глубоко этотъ народъ, что здѣсь честныхъ мужчинъ или женщинъ надо съ фонаремъ искать: — на него, едва вступающаго въ серьезную историческую жизнь, чрезвычайно сильно подѣйствовали философскія ученія XVIII вѣка.

Фанаріоты ничему не учили свои паствы — имъ было не до того: у нихъ финансовые обороты и житейскія карьеры сидятъ въ головѣ. Да и, наконецъ, просвѣщать варваровъ особенно варварское духовенство, значитъ отнимать кусокъ хлѣба у своихъ дѣтей. Въ немногихъ фанаріотскихъ школахъ изучаютъ и до сихъ поръ только Гомера, Софокла, Геродота, Платона и прочихъ классиковъ, а остальное все прахъ и суета. «Съ вами—греки и латины, изслѣдую вещей всѣхъ дѣйство и причины», писалъ лѣтъ съ полтораста назадъ молдаванъ Кантемиръ. Съ фанаріотской подготовки предки нынѣшняго поколѣнія перевалили на французскихъ гувернеровъ — просвѣщеніе они уже уважали, и сознавали смутно, что на Западѣ, въ самомъ дѣлѣ, есть что̀-то похожее на науку. И теперь хороши наши гувернеры изъ-за границы, и теперь не мѣшало бы намъ вымести наши дома отъ 99% этихъ руководителей и просвѣтителей нашихъ дѣтей; но, лѣтъ сто назадъ, эти люди были во сто разъ вреднѣе теперешнихъ. Они тогда смѣлѣе пріучали своихъ питомцевъ презирать все родное, все завѣтное — платье, вѣру, языкъ, преданія отцовъ ихъ, и указывали имъ на Францію, какъ на единственный міръ, гдѣ человѣкъ можетъ легко дышать, какъ на сокровищницу знаній, на путеводительницу рода человѣческаго.

Вѣкъ энциклопедистовъ надѣлалъ много бѣды восточной церкви, а съ нею вмѣстѣ и всему христіанскому востоку. У насъ, на сѣверѣ, правительство тѣснило ее, боясь ея приверженности къ старымъ порядкамъ. Сначала вывели архіереевъ изъ великорусовъ; потомъ отмѣнили патріаршество; потомъ нѣмцы — большіе и маленькіе Бироны — ругались надъ православіемъ сколько ихъ лютеранству было угодно; наконецъ, отобрали у церкви имущества. Когда явились энциклопедисты — стало еще хуже: невѣріе, усвоенное правительственными лицами и тогдашними образованными людьми, дѣлало церковь окончательно презрѣннымъ достояніемъ черни и слѣпцовъ. Далѣе, іезуиты подрывали къ ней уваженіе; за ними протестанты, сведенборгисты и мистики... только теперь начинаетъ она вставать на ноги, и то только у насъ.

Въ Малороссіи и Бѣлоруссіи ей приходилось едва ли не горше. Гонимая уніатами и католиками, она не могла думать ни о серьезномъ выясненіи собственныхъ своихъ догматовъ, ни о заведеніи школъ. Были приняты всѣ мѣры, чтобъ не только пра-

вославныхъ, но и самыхъ уніатскихъ духовныхъ держать въ невѣжествѣ и униженіи.

Цареградскою патріархіею владѣли фанаріоты, *которые до сихъ поръ* десятой, сотой доли того не сдѣлали для православія, что̀ у насъ сдѣлано: умственное развитіе и нравственность нашего священника даже и сравнивать нельзя съ тѣмъ, что̀ вы увидите въ Яссахъ, въ Тульчѣ, въ Рущукѣ, въ Цареградѣ. Если у насъ духовенство крѣпко отстало отъ мірянъ — въ чемъ оно само сознается и что̀ оно, къ чести его, хочетъ исправить — то въ этихъ краяхъ, оно, по развитію и по нравственности своей, стоитъ ниже даже нашего старообрядческаго (бѣлокриницкаго) духовенства.

Теперь для умственнаго развитія румуновъ, новому ихъ поколѣнію слѣдовало бы, прежде всего, озаботиться заведеніемъ дѣльныхъ семинарій и дѣльныхъ духовныхъ академій, а оно начитавшись богъ-знаетъ чего, поступило совершенно наоборотъ. «На что развивать въ народѣ суевѣріе и укрѣплять средневѣковые предразсудки? Пусть разумъ вступаетъ въ свои права! Прочь съ ними, съ этими попами, поборниками тьмы, шарлатанами, обдирателями народа! Ихъ надо въ ежовыхъ рукавицахъ держать, а не то, что помогать имъ въ ихъ собственномъ развитіи, чтобъ изъ нихъ вышли іезуиты!.. Съ попами-мужиками еще можно такъ-сякъ справиться: ихъ всякій презираетъ, они не имѣютъ вліянія на молодежь, они не могутъ имѣть голоса въ государственныхъ дѣлахъ. Да здравствуетъ разумъ!»

И притиснули поборниковъ суевѣрія, и не завели для нихъ школъ. Духовенство, какъ личности, не пользуется уваженіемъ въ народѣ; нравственнаго и умственнаго вліянія на народъ оно не имѣетъ; но народъ — то-есть сельскій людъ — все-таки ходитъ въ церковь, все-таки креститъ и вѣнчаетъ дѣтей, покойниковъ хоронитъ. Онъ пьянствуетъ со священниками, ведетъ съ ними скоромные разговоры въ самые постные дни; но онъ нуждается въ нихъ, какъ въ представителяхъ своей вѣры, какъ въ *машинахъ* для исполненія ея обрядовъ. Священники тоже смотрятъ на себя, какъ на ремесленниковъ, питаются отъ алтаря и ждутъ постоянно заказовъ. Разумѣется, при такомъ ходѣ дѣлъ, при такой неразвитости, самый честный священникъ думаетъ только о томъ, какъ бы добросовѣстнѣе выполнить все, что̀ въ требникѣ написано; а остальное — хоть трава не рости.

И вотъ вышло, что въ массѣ городскаго, а пожалуй даже и

сельскаго народонаселенія развился страшный, неслыханный развратъ. Не только супружеское вѣроломство въ грошъ не ставится, но даже рѣдкая дѣвушка выходитъ замужъ честною. За гривенникъ вы купите первую встрѣчную мѣщанку; за рубль — чиновницу, купчиху; рублей за двадцать купите... Третій, четвертый домъ на любой улицѣ—притонъ чего хотите. Каждая мелочная лавочка—тоже... Впрочемъ, что жъ нападать на этихъ бѣдныхъ женщинъ, которыхъ иностранныя войска и отсутствіе развитаго духовенства эмансипировали до такого безобразія? Ихъ мужья, братья, сыновья развѣ лучше ихъ? Развѣ я не куплю любого изъ нихъ за нѣсколько рублей, чтобъ онъ сдѣлалъ все, чтò мнѣ угодно, и развѣ братъ его не продастъ его тайны вамъ за тѣ же нѣсколько рублей? Развѣ можно положиться на кого-нибудь изъ здѣшнихъ чиновниковъ, что онъ за червонецъ не сдѣлаетъ вамъ всего, чтò угодно? Дѣлаю опять оговорку — свѣтлыя личности есть и здѣсь во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ званіяхъ—но я поставилъ себѣ задачею указать только раны этого народа.

Есть положительные факты, что развитіе и нравственность государства и сословія находятся въ прямомъ отношеніи къ развитію и къ нравственности его духовенства. Католическія страны невѣжественнѣе и безнравственнѣе протестантскихъ, потому что католическое духовенство, по самому условію безбрачія, будетъ всегда стоять весьма низко. Въ ксендзы идутъ люди изъ всевозможныхъ сословій, люди, которымъ, большею частью, иначе сунуться было некуда. Какъ можно предположить, чтобъ вся эта масса ксендзовъ имѣла призваніе къ *безбрачію?* Если въ двадцать лѣтъ отъ роду и казалось, что можно будетъ выдержать характеръ на всю жизнь, то неужели же всю жизнь можно будетъ стоять противъ искушенія? А вѣдь тутъ надо исповѣдывать, вѣнчать, разрѣшать трудные вопросы семейной жизни, любви, ревности, паденія! Сравненіе уніатскихъ семинарій съ католическими показываетъ, что студенты-уніаты даровитѣе католиковъ. Большинство студентовъ католиковъ готовится въ ксендзы единственно потому, что убоялись бездны другихъ премудростей, не могли сдѣлаться ни инженерами, ни техниками, ни учеными, и католическія семинаріи вѣчно нуждается въ воспитанникахъ: въ епархіяхъ прóпасть вакантныхъ мѣстъ, которыя требуютъ замѣщенія во что бы то ни стало.

Поповичъ—другое дѣло. Каковъ бы ни былъ его родитель-

скій домъ, все же это былъ домъ священнослужителя и все же ребенокъ слышалъ въ этомъ домѣ хоть фразы благочестивыя. Прошелъ онъ гимназію (нашихъ семинарій въ Австріи, по счастію, нѣтъ), подумалъ-подумалъ, какой ему факультетъ избрать, и если почувствовалъ себя способнымъ, пошелъ на богословскій, гдѣ курсъ православнаго богословія (патристика, литургика и проч., хотя и въ уніатскомъ ихъ искаженіи) все же не легче курсовъ другихъ факультетовъ. И вотъ, онъ — человѣкъ серьезно учившійся, семьянинъ, самыми семейными традиціями связанный съ народомъ — очутился въ селѣ. Тамъ ему скучно: у него есть потребность читать — онъ выписываетъ журналы, покупаетъ книги, разумѣется, сколько то позволяютъ ему его скудныя средства. Этимъ онъ сильная поддержка литературѣ, онъ удвоиваетъ число читателей, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и литераторовъ. Затѣмъ, развитый человѣкъ онъ не можетъ оставаться безучастнымъ къ общественнымъ вопросамъ, и вотъ, по его совѣту, по его настоянію, прихожане заводятъ школы, общества трезвости, преслѣдуютъ развратъ, интересуются дѣлами государства и начинаютъ любить родину. За школою и за нравственною жизнью разовьется и благосостояніе общества.

И ксендзу въ селѣ скучно—но ему скучнѣе попа. Попъ семьянинъ, а ксендзъ одинокій человѣкъ. Не пойдетъ же онъ къ мужику убить время; ужъ лучше же съѣздить къ сосѣду-помѣщику или фабриканту — все хоть съ порядочными людьми потолкуешь. И становится онъ свѣтскимъ, салоннымъ человѣкомъ, и забываетъ народъ, и ратуетъ за интересы высшихъ сословій. Его за это на рукахъ носятъ и кричатъ во все горло о великихъ нравственныхъ качествахъ католическаго духовенства.

Сравните же теперь, гдѣ народъ честнѣе и развитѣе, въ католическихъ или протестантскихъ странахъ, а протестантскія имѣютъ нѣкоторое сходство съ нами, потому что въ нихъ духовенство тоже женатое. Вотъ вамъ Франція, католическое духовенство которой ставятъ въ образецъ всему остальному католическому міру—тамъ мужчины невѣжественнѣе нашего, тамъ, годъ отъ году, уменьшается число браковъ, тамъ demi-monde съ каждымъ днемъ беретъ верхъ, и женщины теряютъ способность рождать. Италію мы и брать не будемъ—мы знаемъ, каково развитіе тамошней массы и что̀ такое неаполитанцы, сицилійцы, венеціанцы и tutti quanti. Затѣмъ остаются Испанія, Южная Америка, Ирландія, Тироль, Венгрія, Польша, Хорва-

ты, Баварія. Что жъ мы такого особеннаго слышали объ умственной производительности и высокой цивилизаціи этихъ странъ, не говоря уже объ ихъ нравственности? Высокая наука, философія, серьезная музыка, полное мысли искусство—все у протестантовъ: припомните Англію, Сѣверную Германію, Данію, Швецію, Норвегію, Сѣверную Америку, даже нашъ Остзейскій Край и Финляндію.

Но и у протестантовъ тоже развратъ не плохъ, скажутъ на это. Такъ, да на 3°/о незаконнорожденныхъ въ Лондонѣ приходится 230°/о въ Римѣ.

Намъ, восточной церкви, трудно было развиться. Мы вѣка выносили на своихъ плечахъ всякихъ монголовъ, татаръ, турокъ, тогда какъ Западъ рѣзался только между собою; намъ нѣтъ стыда, что мы еще не обогнали его. Но наше православіе *неизбѣжно* сдѣлаетъ для массъ больше, чѣмъ протестантство, потому ужъ только, что наше богослуженіе, въ десять разъ торжественнѣйшее католическаго, исполненное граціознѣйшей символики, влечетъ и увлекаетъ массы и обрядомъ своимъ и *понятностью символовъ* (потолкуйте съ старообрядцами, и вы удивитесь, какъ народъ можетъ легко понимать и осмысливать обряды). Протестантство сухо, скучно—проповѣдь, на которой оно выѣзжаетъ, долга и дѣйствуетъ усыпительно даже на людей, привыкшихъ слѣдить за логическимъ развитіемъ темы. Намъ только не достаетъ хорошихъ духовныхъ академій, да закона, что нельзя ставить въ священники или въ дьяконы некончившихъ курсъ въ духовной академіи и несдавшихъ строжайшаго экзамена.

Разоблачать ли еще раны будущаго царства румынскаго? Иностранцы заѣдаютъ его, какъ и весь нашъ востокъ. Сюда тоже лѣзутъ всѣ даровитые и бездарные проходимцы Запада, точно также оттѣсняютъ туземцевъ отъ государственной службы, отъ торговли, отъ ремеслъ. Въ ихъ рукахъ капиталы, вліяніе... я же говорю, что здѣсь можно во-очію видѣть Россію послѣ Петра-Великаго и при немъ. За принцемъ Карломъ валитъ уже толпа голодныхъ нѣмцевъ, и, несмотря на вопль здѣшней интеллигенціи, нѣмецъ за нѣмцемъ втираются въ должности. Въ 1867 году былъ слухъ, что пріѣхавшій тогда въ Яссы братъ Карла, Фридрихъ, будетъ намѣстникомъ Молдавіи. Зачѣмъ это? для чего? и развѣ знаетъ онъ настолько край, чтобъ сдѣлаться намѣстникомъ? И развѣ нѣтъ на это мѣсто ни одного способнаго румына? Все это какъ-то неделикатно, какъ-то zu deutsch?

А съ этими иностранцами здѣсь бѣда. Въ силу старинныхъ договоровъ (капитуляцій) разныхъ европейскихъ державъ съ Портою, иностранцы пользуются здѣсь правомъ судиться между собою у своихъ консуловъ, а въ дѣлахъ съ здѣшними подданными требовать отъ своихъ консульствъ покровительства и защиты. Поймите, каковъ хаосъ изъ этого выходитъ. Консульства путаются въ каждое распоряженіе здѣшняго правительства и въ каждое дѣйствіе администраціи. Арестовали иностранца—консульство считаетъ это личнымъ оскорбленіемъ, сбиваетъ съ толку полицію, парализуетъ ея дѣйствія. И безъ того трудно что̀-нибудь устроить порядкомъ, а тутъ еще проклятыя капитуляціи, подъ защитою которыхъ своевольствуетъ здѣсь что̀-то около *70,000 австрійскихъ подданныхъ*, бо̀льшею частью евреевъ.

Бѣдная ты, Румынія! И никто-то твоихъ бѣдъ не знаетъ! Никому горя нѣтъ, что финансы твои державы-покровительницы силою отдаютъ въ руки евреевъ, что евреи затопляютъ тебя—евреи, которые бѣгутъ сюда толпами изъ Россіи, Австріи и даже Пруссіи, спасаясь отъ рекрутчины и отъ полиціи. Никому и горюшка нѣтъ, что ты въ скоромъ времени будешь несчастнѣе нашего Западнаго Края. И одни ли евреи—эти люди, которые не сѣютъ и не жнутъ, а въ житницы собираютъ — подкашиваютъ твое благосостояніе? Вотъ и фанаріоты уже опять подняли головы и опять хотятъ захватить твои монастыри, чтобъ доходы съ нихъ употребить на богоугодное дѣло содержанія своихъ любовницъ и на поддержку турецкой власти. А теперь имъ это легко сдѣлать — теперь всѣ такъ сочувствуютъ грекамъ. А они развѣ не по-гречески говорятъ? Развѣ они не православные тоже?

Что̀ дѣлать? Чѣмъ помочь?

Мое скромное мнѣніе—пусть наши редакціи пригласятъ способнѣйшихъ изъ своихъ корреспондентовъ посѣтить этотъ край и провѣрить мои показанія. Не все же описывать Италію да Францію—мы вѣдь ихъ ужъ давно хорошо знаемъ. А если окажется, что развратъ и неразвитость румыновъ, гнетъ фанаріотовъ, евреевъ и прочихъ иностранцевъ дѣйствительно такъ подрываютъ здѣшнее благосостояніе, то, пусть же наше правительство отворитъ румынамъ наши школы, а наши архипастыри пусть войдутъ въ сношеніе съ здѣшними и пригласятъ ихъ, во имя Христово, поднять умственный и нравственный уровень низшаго духовенства.

Тàкъ, скажутъ мнѣ, все это очень хорошо, но намъ самимъ надо прежде полечиться — мы сами больны тѣмъ же, чѣмъ румыны. Съ какими глазами явимся мы къ нимъ на помощь, когда они намъ могутъ отвѣтить: врачъ, исцѣли самого себя?

Пусть же возражатели побываютъ здѣсь, и они увидятъ кàкъ неизмѣримо высоко стоитъ наше развитіе, при всѣхъ его недостаткахъ, надъ здѣшнимъ. У насъ есть литература, у насъ по харчевнямъ хоть «Сынъ Отечества» валяется — здѣсь въ лучшихъ отеляхъ печатной строки не найдется; здѣсь человѣкъ, слѣдящій за политикой—чудо-юдо морское; а здѣшній ученый, даже и неученый, а просто человѣкъ, занимающійся наукою, дилетантъ, попадается и того рѣже.

У англичанъ пропасть недодѣланнаго, но, вѣдь, это имъ не мѣшаетъ трудиться въ пользу другихъ народовъ. По какому же праву мы, первые воззвавшіе христіанскій Востокъ отъ вѣковаго сна, мы, его чаяніе, его надежда, его представитель — по какому праву мы бросаемъ его на произволъ судьбы?

Неужели же мы оказываемся апатичнѣе румыновъ?..

ПОЛЬСКІЕ ЭМИГРАНТЫ.

I.

Въ Галичинѣ мнѣ не дали времени познакомиться съ поляками и съ *историческими русинами*, т. е. малорусами, усвоившими себѣ польскую цивилизацію, языкъ, а подчасъ и вѣру. Меня выкинули въ Молдавію, такъ что не моя вина, если мнѣ тамъ не удалось видѣть поляковъ и толково побесѣдовать съ ними. Эмигрантовъ ихъ я видалъ пропасть — они для меня не въ диковинку, но осѣдлыхъ поляковъ, поляковъ дома, chez eux, я еще не знаю. Ergo, вина не моя, если я стану разсказывать только про эмигрантское житье-бытье, а разъясненіе его все же послужитъ къ разъясненію нѣкоторыхъ свойствъ и особенностей этого, такъ глубоко ненавидящаго насъ, племени.

Улица, на которой я жилъ въ Яссахъ, заселена была почти исключительно поляками. Человѣкъ проѣзжій, путешественникъ, я не имѣлъ ни ложки, ни плошки съ собою — вся моя движимость укладывалась въ мой чемоданъ и въ торбу; мелочи прятались по карманамъ — вести своего хозяйства я не могъ, а ѣсть и пить надо; за этимъ, разумѣется, можно было бы обращаться къ молдованамъ, но жирный молдованскій столъ, пережаренное, переваренное до невозможности мясо, супъ, похожій на растопленное масло, въ которомъ плаваетъ разваренный рисъ и разваренная до волоконъ говядина, мнѣ уже давнымъ давно пріѣлись — мнѣ хотѣлось ѣсть по-нашему, посѣверному и пребыть вѣрнымъ традиціямъ нашей кухни, а наша кухня почти тождественна съ польскою. Поэтому, я услаждалъ себя въ одномъ покосившемся домикѣ, съ надтреснутыми окнами, съ дверьми, щели которыхъ вовсе и не думали удерживать тепло въ комнатѣ, и гдѣ вся компанія, собиравшаяся за весьма небольшимъ столикомъ, состояла изъ бѣгствующей Полоніи. Въ

повстаніи не учавствовалъ только одинъ, нашъ юный амфитріонъ Бѣлёвскій (предупреждаю читателя, что я измѣняю имена, которыми они здѣсь себя называютъ; впрочемъ, у этой, какъ и у всякой другой, бѣглой братіи существуетъ обычай мѣнять свое имя даже между своими). Юный Бѣлёвскій, студентъ кіевскаго университета, былъ въ украинскихъ казакахъ, въ казакахъ, которые — замѣтьте только логичность — состояли преимущественно изъ шляхты, изъ католиковъ, говорили между собою попольски и думали возстановить Южную Русь въ союзѣ съ Польшею. По возстановленіи этомъ, Южная Русь получила бы право исповѣдовать вѣру отцовъ своихъ, Владиміра и Ольги, Бориса и Глѣба, Нестора и Антонія—унію; разумѣется, не богопротивную схизму москалей. Въ суды, въ школы, введенъ бы былъ *настоящій рускій* (а не русскій) языкъ, по фонетической орѳографіи, съ правомъ замѣнить эту орѳографію латинскою азбукою. Русь, Русь! (понимается не Москва проклятая), поэтическая казацкая Русь—какое несчастье, что все это не удалось Бѣлёвскому и его товарищамъ! Дѣти такъ много мечтали о тебѣ, что пришли къ убѣжденію, будто все, чего ты хочешь— это воли, коня, нагайки и степи. А будто это не правда? Еслибъ ты освободилась—не заскакало бы все твое народонаселеніе по степи, не разсѣлось ли бы по курганамъ спѣвать свои думки, не училось бы съ малыхъ лѣтъ владѣть саблею, точно въ Крыму еще есть татары и точно продолжаются ихъ набѣги, и нужно на Днѣпрѣ Запорожье! И вотъ за такія-то фантазіи, ребятишки пошли подъ пули, на висѣлицы, въ эмиграцію. Не понявши исторіи, не изучивши народныхъ потребностей, они бросились въ омутъ политической дѣятельности — и погибли, да еще съ вѣрою. Я чуть не три мѣсяца доказывалъ Бѣлёвскому весь вздоръ, всю несостоятельность его украйнофильства, а онъ малый неглупый—могъ бы понять дѣло. Въ подробностяхъ, въ отдѣльныхъ вопросахъ, онъ совершенно соглашался со мною, но чуть вопросъ касался цѣлаго, онъ опять поднимался на дыбы противъ Россіи, и начиналъ толковать о святости правъ Южной Руси, о двухъ народностяхъ, о ихъ взаимной *антипатіи* (!), о *необходимости* (?) ихъ разъединенія для общаго блага... Не надъ первымъ надъ нимъ я наблюдалъ этотъ любопытный психологическій процесъ. Въ глубинѣ души человѣкъ часто сознаетъ, что его прошедшее было ошибкою, что дѣло, которому онъ служилъ, было неисполнимо; но потерянаго не воротишь, отсту-

паться отъ стараго, нѣкогда святаго знамени, смѣлости не хватаетъ, признаться въ ошибкѣ себѣ и другимъ—страшно. И вотъ повторяется старая вольтерова сказка о Кандидѣ и Кунигундѣ, и идутъ люди на смерть, на гибель, безъ вѣры, безъ любви — идутъ во имя своего прошедшаго, какъ бараны подъ ножъ мясника.

Между моими старыми знакомыми эмигрантами, я встрѣтилъ въ Яссахъ двухъ неглупыхъ людей, которые именно подходятъ подъ категорію кандидовъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ этого самаго Бѣлёвскаго, бросилъ университетъ, чтобъ *изъ любви къ Украйнѣ,* сдѣлаться католическимъ *ксендзомъ!* Покуда онъ читалъ пробныя проповѣди въ костёлѣ—грянуло повстанье. Сутану долой! Семинаристъ превратился въ казака и, подтягивая, съ прочими шляхтичами, гайдамацкія пѣсни, бился съ русскими. Я жилъ съ нимъ въ Тульчѣ—онъ разсказалъ мнѣ свои похожденія. Я ахнулъ.

— Да, батюшка вы мой! Да вѣдь казачина-то въ томъ и состояла, что жида, ксендза и пса на одну осину! Вѣдь ужъ если вы хотите быть русскимъ, какъ были предки ваши, то не стойте жъ на сторонѣ ихъ враговъ, не идите въ ряды ихъ!

— Да нѣтъ, позвольте: я хотѣлъ дѣйствовать въ духѣ примиренія, я хотѣлъ шляхту склонить къ уступкамъ. Вы совершенно правы — нашъ народъ ненавидитъ ксёндзовъ, но я хотѣлъ показать.... и т. д., и т. д.

Во всѣхъ отдѣльныхъ вопросахъ онъ былъ совершенно согласенъ, а чуть коснулось дѣло общаго—такъ и уперся.

Другой экземпляръ—офицеръ, музыкантъ. Онъ уже разъ побывалъ въ ссылкѣ за какіе-то заговоры, обжился съ русскими, полюбилъ насъ, обрусѣлъ и уже не въ первой молодости воротился домой. Начинается движеніе; онъ ясно видитъ всю его безразсудность, несовременность; ему жалко, что кровь двухъ дорогихъ ему племенъ будетъ литься и, при всемъ томъ однако — отправляется въ костёлъ играть на органѣ запрещенныя пѣсни. Теперь онъ тоже въ бѣгахъ, проклинаетъ повстаніе и глупость жонда; говоритъ, что польское дѣло навѣки потеряно, но что онъ пойдетъ при первомъ случаѣ драться за Польшу.

И это не помѣшанные; это добрые и хорошіе люди, готовые послѣднюю рубаху съ плечъ отдать ближнему, будь онъ хоть и размоскаль, какъ я. Во время болѣзни моей въ Яссахъ — ухаживали за мною, заботились обо мнѣ эти же сосѣди, жандармы-

вѣшатели, польскіе офицеры, обозные, разные повстанцы. Жены ихъ и близкія сердцу ѣсть мнѣ готовили. И это все, совершенно безкорыстно, потому что отъ меня и корысти ни какой быть не могло, развѣ папиросами можно поживиться. И всѣ они знали, что я писалъ и писалъ не въ ихъ пользу. Они всѣ спорили со мною до слезъ о святости своего дѣла (справы), нѣкоторые изъ нихъ даже читали въ «Голосѣ» мое путешествіе по Галичинѣ и представили мнѣ на него возраженія, какія кто умѣлъ. Это ни что иное, какъ люди, которымъ другіе или которые сами себѣ вдолбили въ голову, что все русское *подло*, мерзко, безчестно, что долгъ каждаго честнаго человѣка, хоть бы онъ былъ даже и русскій, бороться для освобожденія Польши, единственной святыни рода человѣческаго, единственно чистаго и честнаго государства. Эта догма такъ овладѣла цѣлымъ ихъ существованіемъ, что они отрѣшиться отъ нея не могутъ, какъ мои Ясскіе друзья и пріятели скопцы, съ которыми я чаи распивалъ, не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что русскій народъ первый на свѣтѣ; Петръ Ѳедоровичъ былъ его императорское величество Батюшка-Искупитель, а Суворовъ, Милорадовичъ, Горголи, императоръ Александръ Павловичъ, великій князь Константинъ Павловичъ и т. д., и т. д. — всѣ были скопцы. Это такъ, какъ многіе неглупые люди боятся жуковъ, пауковъ, ящерицъ, мышей, потому что ихъ въ дѣтствѣ еще запугали этими невинными тварями. Это такъ, наконецъ, какъ мы съ вами не посмѣемъ выйти на улицу безъ верхняго платья. У насъ у всѣхъ есть свои непоколебимые принципы (*засады,* какъ отлично выражаются поляки), которые засѣли какими-нибудь судьбами къ намъ въ мозгъ, и какъ мы ни разсуждай, какъ ни сознавай, что они критики не выдерживаютъ, а все же съ ними ничего не подѣлаешь. Только сильнѣйшіе характеры могутъ совершать надъ собою ампутаціи этихъ *засадъ,* смѣло отрекаться отъ прошлаго, перерождаться духомъ и идти новою дорогою. Слабыя личности тоже это дѣлаютъ, но *засады* ихъ сидятъ въ нихъ такъ некрѣпко, что подвиги ренегатства совершаются въ нихъ безъ борьбы.

Года полтора, а можетъ два назадъ, познакомился я въ Галацѣ съ однимъ эмигрантомъ. Это былъ низенькій, худенькій человѣкъ, въ очкахъ — лѣтъ, можетъ, двадцати восьми. Этотъ господинъ исповѣдался мнѣ, что онъ все время возстанія тихо

и смирно сидѣлъ въ своей канцеляріи, гдѣ-то неподалеку границы. Отступаетъ одинъ отрядъ, тѣснимый русскими, но въ отступленіи старается увеличить свои ряды и набираетъ всѣхъ, кого попало. Въ канцелярію является польскій жандармъ съ предписаніемъ отъ мѣстнаго польскаго начальника, чтобъ всѣ чиновники завтра же явились въ отрядъ. «Крѣпко мнѣ этого не хотѣлось — продолжалъ разсказчикъ — да что̀ же прикажете дѣлать? Отчизна зоветъ, нельзя было не идти — хоть и зналъ, что толку не будетъ, что мы съ вами не справимся. Досадно было; зналъ, что все теряю, да и солдатъ я плохой — а пошелъ, дѣлать было нѐчего. Два, три дня походили мы по лѣсамъ, а тутъ вашихъ Богъ знаетъ сколько подвалило, о битвѣ и думать было нѐчего — мы и махнули заграницу, въ Австрію, а изъ Австріи въ Молдавію. Вотъ съ тѣхъ поръ я и бѣдую здѣсь, и пробиваюсь чѣмъ могу».

— Охота бѣдовать! сказалъ я. — Вѣдь вы въ сущности ничего не сдѣлали. Еслибъ васъ даже и поймали на границѣ, васъ бы сослали лѣтъ на пятокъ во внутреннія губерніи, а тамъ вы были бы, какъ дома. Языкъ нашъ вы знаете отлично, пишите правильно, тайны буквы *ѣ* и запятыхъ вамъ извѣстны — нашли бы тамъ себѣ кусокъ хлѣба...

— Въ томъ-то и несчастье мое, что не поймали! вздохнулъ чиновникъ: — разумѣется, въ Россіи лучше, чѣмъ здѣсь; все мы съ русскими почти одинъ народъ — только въ вѣрѣ рознимся.

— И прекрасно. Стало быть, просите помилованья — вамъ даже срокъ ссылки уменьшатъ.

Чиновникъ мой поблѣднѣлъ, вытянулся на стулѣ, какъ струна, и съ негодованіемъ уставился на меня глазами.

— Я?

— Вы; а то кто же?

— Я?.. Чтобъ я сталъ просить помилованья у царя? чтобъ я сталъ унижаться? чтобъ я измѣнилъ своему отечеству? чтобъ измѣнилъ дѣлу? Да вы понимаете ли, что̀ вы мнѣ говорите?

— Очень хорошо понимаю. Я полагаю, что лучше добиться возвращенія хоть лѣтъ черезъ пять домой, чѣмъ лѣтъ пятнадцать-двадцать прошляться тутъ, безъ толку для себя и для края. Выслушайте терпѣливо. Я вамъ ничего не намѣренъ проповѣдывать, но сдѣлайте же вы сами такой разсчетъ. Вы полякъ, вы хотите добра Польшѣ, ка̀къ бы вы ни понимали

это добро. Вы готовы были лѣзть за Польшу на наши штыки — и отлично. Теперь время драки прошло — воротитесь домой, женитесь, сдѣлайтесь хозяиномъ, отцомъ, дайте Польшѣ новое поколѣніе такихъ людей, какъ вы, нынѣшнее; будетъ новая драка — идите, деритесь; не будетъ драки — пашите землю, увеличивайте благосостояніе вашей родины. Вѣдь ужъ если вы ее любите серьезно, если ваша любовь не одна фраза — то надо жъ и работать для нея безъ фразъ, серьезно... и т. д., и т. д., на ту же тему.

— Все это такъ-съ, возражалъ чиновникъ:—только унижаться никто не станетъ, ни одинъ порядочный человѣкъ.

— А вотъ мы такимъ униженіемъ передъ татарами Землю Русскую собрали; униженіемъ передъ нашими московскими царями, которыхъ вы такъ ненавидите, сковали эту землю въ одно несокрушимо-крѣпкое государство.

— Мы этимъ путемъ не можемъ идти; мы слишкомъ благородны для того.

— Ну, такъ пропадайте!

— Не пропадемъ, не бойтесь!

Вотъ это человѣкъ съ *засадой*. А что̀ вы скажете про другого моего друга и пріятеля, высокаго, черноволосаго, стройнаго, какъ сосна, Чаплицкаго, человѣка съ добродушнѣйшимъ лицомъ и съ добрѣйшимъ характеромъ, который изволилъ *собственноручно пятнадцать человѣкъ повѣсить?* Не думайте, чтобъ это былъ простой, тупоумный злодѣй, разбойникъ — нѣтъ. Чаплицкому можно мѣшки золота отдать на сохраненіе, и онъ ихъ не тронетъ; но приди къ нему завтра карточка отъ жонда повѣсить меня, и какъ онъ ко мнѣ лично ни привязанъ, но повѣсить, непремѣнно повѣситъ. Да что̀ же Чаплицкій? — а вотъ этотъ низенькій, широкоплечій блондинъ, мой сосѣдъ, который ко мнѣ ходилъ бывало за политическими новостями, и этотъ прапорщикъ образцоваго полка, съ которымъ я и ѣмъ и пью вмѣстѣ, да всѣ они вмѣстѣ (развѣ за исключеніемъ Бѣлёвскаго), задумались бы совершить такую операцію? Дружба дружбою, а служба службою.

Шли мы съ Чаплицкимъ степью; солнце жгло какъ только въ этихъ краяхъ жжетъ, а это былъ іюньскій полдень. Чаплицкій разсказывалъ мнѣ страшную исторію своихъ подвиговъ. Онъ кончилъ и задумался.

— И чиста у васъ совѣсть? спросилъ я.

— Безукоризненно. Я служилъ честно нашему святому дѣлу; жандармы были необходимы, всѣ отнѣкивались — я вызвался. Вѣрите ли? у меня сначала руки дрожали, я весь былъ какъ въ лихорадкѣ. Потомъ привыкъ, и теперь я повѣшу человѣка такъ же спокойно, какъ вы курицу зарѣжете.

— Послушайте, сказалъ я: у меня къ вамъ покорнѣйшая просьба. Въ память нашего знакомства: я возьму съ васъ обѣщаніе, что если вашъ жондъ приговоритъ меня, и вы будете назначены исполнителемъ, то дайте мнѣ веревку: я самъ распоряжусь собою, безъ вашей помощи.

— Даю, засмѣялся Чаплицкій, и мы ударили по рукамъ.

Вотъ у меня и протекція своего рода есть. Не шутя. Наслушавшись этихъ разсказовъ, я пришелъ къ заключенію, что римляне и восточные народы были, въ отношеніи смертной казни, несравненно гуманнѣе насъ. Вы считаете мое существованіе вреднымъ, вамъ почему-нибудь нужно, чтобъ я умеръ? Назначьте жъ мнѣ срокъ, что до такой-то минуты я могу не одолжаться вами, а если я самъ не распоряжусь, тогда вы потрудитесь, какъ умѣете. Дайте мнѣ умереть à ma façon, не отравляйте моихъ послѣднихъ минутъ видомъ этой праздной толпы, чтеніемъ приговора, завязываньемъ глазъ, надѣваньемъ колпака и тому подобными шалостями. Будьте деликатны съ умирающими. Человѣкъ самъ себѣ избираетъ родъ жизни—надо жъ предоставить ему самому избирать себѣ родъ смерти. И смерть отъ своихъ собственныхъ рукъ вовсе не можетъ почесться самоубійствомъ въ этомъ случаѣ, какъ нельзя почесть самоубійцею того, кто идетъ на казнь смѣло, не стараясь бѣжать, не заводя драки съ палачемъ. — Но возвращаюсь къ полякамъ.

Другая ихъ *засада* состоитъ въ томъ, что кàкъ тамъ москали не хитри, а Польша, все-таки, будетъ. Засада эта перешла въ вѣру—они дивятся, что есть люди, которые сомнѣваться могутъ въ этомъ. Они вамъ по пальцамъ вычислятъ неизбѣжность возрожденія ихъ Польши, и возрожденія въ самомъ непродолжительномъ времени. «Помилуйте! за насъ Франція, Австрія, Турція, Швеція... Польша необходима для европейскаго равновѣсія, для прегражденія вашихъ завоевательныхъ стремленій, для распространенія гуманныхъ началъ, для пробужденія славянъ» и т. д., и т. д.

Изъ этой догмы о неизбѣжности возстановленія Польши проистекаетъ то, что поляки, съ года на годъ ждутъ европей-

ской войны противъ Россіи. Я часто присматриваюсь къ нимъ, какъ они читаютъ газеты. Повертитъ, повертитъ въ рукахъ, поищетъ, нѣтъ ли какихъ надеждъ на войну и, если нѣтъ — броситъ. Онъ до того всецѣло поглощенъ мыслью о предстоящей войнѣ за Польшу, что вопросъ его первому встрѣчному: «Нѣтъ ли чего хорошенькаго? Не слышно ли чего? Чтò слышно?» значитъ, именно, не носится ли какихъ слуховъ о войнѣ?

— Что хорошенькаго слышно? спрашиваетъ незнакомый незнакомаго, которые разговорились между собою всего минуты три назадъ.

— Ничего! отвѣчаетъ тотъ съ грустью: — все тихо.

— Нѣтъ, панове, вмѣшивается третій: — на весну *будетъ!* Наполеонъ не спитъ; Австрія тоже готовится; а Турція, хочетъ не хочетъ, должна идти, — иначе сама погибнетъ.

Не правда ли, что это своего рода масонскій языкъ? Замѣтьте, что подобные толки возникаютъ каждую зиму (когда бѣдная эмиграція сидитъ положа зубы на полку) — и каждую зиму война по веснѣ оказывается неизбѣжною.

— Alež, mój panie, na wiosnu będziemy bić moskala! Nie daj Bože, jak będziemy bic! — to w ten czas moskał w d... u weźmie!

(Ну, пане, весною будемъ бить москаля! Не дай Боже, какъ будемъ бить — тогда-то накормимъ его горячими).

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ моемъ въ Яссы, вышелъ я изъ своего отеля и увидалъ, что на дворѣ стоитъ человѣкъ въ бѣдномъ сѣренькомъ пальто, въ потертой мерлушечьей шапкѣ, съ дубинкою въ рукахъ и пристально всматривается въ меня. Лицо его показалось мнѣ знакомымъ, но гдѣ я его видѣлъ — не могъ припомнить. Онъ поклонился и я поклонился; онъ сдѣлалъ шагъ, и я сдѣлалъ шагъ. Должно быть кто-нибудь изъ принадлежащихъ къ отелю, подумалъ я, всматриваясь въ брюнета, съ виду очень похожато на молдавана.

— Unde eu am vadiut pê domnéta? (Гдѣ я видѣлъ твою милость?) спросилъ онъ меня помолдавски.

— Dieu, nusciu! (ей-богу, не знаю), отвѣчалъ я.

— Može pan umie po polsku? (Можетъ быть вы по-польски знаете?) спросилъ онъ меня по-польски. Тогда я его узналъ. Это былъ эмигрантъ со времени венгерской войны. Я встрѣчался съ нимъ въ Константинополѣ въ кофейняхъ, въ Галичинѣ какъ-

то раза два видѣлъ, и, наконецъ, судьба свела насъ опять въ Яссахъ. Разумѣется, я сейчасъ же воротился въ свой нумеръ и пригласилъ его къ себѣ. Оказалось, что онъ съ тремя товарищами безъ копейки денегъ идетъ пѣшкомъ изъ Галаца во Львовъ — разстояніе что-то въ 400 — 500 верстъ! И это въ ноябрѣ, въ гололедицу, безъ теплаго платья, въ разодранныхъ полусапожкахъ! Для эмигрантовъ такія путешествія рѣшительно ни почемъ. Я знаю молодцовъ, которые, тоже безъ копейки денегъ, пѣшкомъ отправлялись изъ Константинополя въ Польшу, доходили до Литвы, участвовали тамъ въ повстаньи, и опять-таки пѣшкомъ возвращались въ Турцію, на Босфоръ, «гдѣ море вѣчно плещетъ на пустынныя скалы, гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ въ сладкій часъ полночной мглы, гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь, дни проводитъ мусульманъ»... Эмигрантская жизнь, какъ и жизнь всякаго рода бѣглой братіи, имѣетъ ту особенность, что человѣкъ, вкусившій ее разъ, становится удивительно дерзокъ и предпріимчивъ. Какъ кажется, затѣять, безъ гроша въ карманѣ, путешествіе изъ Парижа въ Австралію, изъ Австраліи въ Польшу, изъ Польши въ Индію? А вотъ подите — эти, нѣкогда баричи, матушкины сынки, выкидываютъ постоянно такія штуки! У нихъ еще только подпушекъ, другой выростаетъ въ то время, какъ ихъ братья, такія же нѣженки, которые, попавъ въ военную службу, вдругъ дѣлаются неразборчивы въ пищи и въ помѣщеніи, да еще на непріятельскія батареи лѣзутъ, тогда какъ, нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, боялись ночью ходить по улицѣ. Въ душѣ каждаго человѣка кроется множество задатковъ на всякаго рода подвиги, но чтобъ эти задатки развились до степени способностей и силъ, нуженъ благопріятный случай. А покуда этотъ случай не представится, силы спятъ неслышно, незамѣтно — и человѣкъ, поражающій васъ теперь своими поступками, не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ...

— Чего жъ вы идете во Львовъ? спрашиваю я.

— Да здѣсь-то, пане, что же дѣлать? Работы нѣтъ — человѣкъ, пане, пропадаетъ въ этой проклятой Молдавіи, какъ собака!

— Ну, а въ Галичинѣ?

— Въ Галичинѣ, можетъ быть, что и найдется.

— Сомнѣваюсь я. Я во Львовѣ теперь видалъ вашихъ эмигрантовъ, Герасимовича и Мазуркевича — ругаются на чемъ

свѣтъ стоитъ, что туда попали. Куска хлѣба имъ тамъ никто не даетъ; тамъ всѣ уже сильно обѣдняли, помогая эмиграціи.

— Говорятъ, война будетъ. Говорятъ, Австрія и Франція пойдутъ на Россію, пане...

— Ну, тогда и идите, а теперь, право, не совѣтую — перебейтесь какъ-нибудь здѣсь. Да постойте, а у васъ паспортъ есть?

— У меня, пане, нѣтъ. Только у одного изъ насъ есть молдавскій паспортъ.

— Такъ какъ же вы идете? Вѣдь если васъ поймаютъ, васъ въ Россію выдадутъ, а въ Россіи, какъ докопаются, кто вы такой, что съ вами сдѣлаютъ?

— А повѣсятъ, пане. Только теперь, пане, мы слышали, тамъ больше уже не выдаютъ. Тамъ теперь, пане, графъ Голуховскій намѣстникомъ, а онъ хорошій полякъ.

— Да что въ томъ толку, что онъ даже самый хорошій полякъ? Я вѣдь прямо изъ тюрьмы сюда пріѣхалъ, и мнѣ говорили чиновники, которые подружились со мною послѣ допроса, мнѣ говорилъ начальникъ жандармской стражи, что они выдаютъ всѣхъ бѣглыхъ русскихъ подданныхъ, и это говорилось дружески, за стаканомъ чая. Жандармы, которые меня везли, разсказывали мнѣ, что они сами возили поляковъ въ Россію и до сихъ поръ возятъ.

— Нѣтъ, пане, ужъ мы пойдемъ. Пошли, такъ пойдемъ. Теперь всѣ наши идутъ, и всѣ говорятъ, что тамъ собираютъ отряды для новой войны и не выдаютъ.

— Ну, дорога скатертью — идите! Желаю вамъ отъ души не попадаться.

И пошолъ. — Бѣдняги въ самомъ дѣлѣ увѣрены, что въ Галиціи уже собираютъ отряды (отдѣлы), и со всѣхъ сторонъ другъ за дружкою тянутся туда на свою гибель. Увѣренность, что будетъ война, и что Австрія поможетъ полякамъ возстановить Польшу, такъ сильна, что никакія доказательства, никакія увѣренія не помогутъ остановить ихъ на ихъ страшномъ пути. Эту увѣренность поддерживаютъ въ нихъ разрозненные нумера польскихъ газетъ, которые иногда попадаютъ имъ въ руки.

Вообще эмиграція мало и неохотно читаетъ, а польскія газеты поютъ съ голоса брошюръ Голуховскаго (напримѣръ, анонимное «Oestreich und seine Völker») въ которыхъ ясно и толково изложена программа, принятая нынѣшнимъ австрійскимъ

правительствомъ, и кабинетомъ Белькреди и кабинетомъ Бейста. Программа эта несложна — слѣдуетъ удовлетворить желаніямъ обоихъ *историческихъ* народовъ, слагающихъ Австрію: австрійцевъ (съ чехами, моравами, хорутанами и т. д.) и венгровъ (съ хорватами, сербами, словаками, русскими, румынами), и каждой изъ этихъ народностей дать свое министерство, свои финансы — словомъ, полную самостоятельность. Къ этому, такъ называемому *дуализму*, Голуховскій прибавляетъ еще польскія провинціи Австріи, которымъ тоже слѣдуетъ дать самостоятельность, и при помощи ихъ и двухъ другихъ частей имперіи, отнять у русскихъ Царство Польское и Западныя Губерніи. Тогда Австрія, Венгрія и Польша, соединенныя федеративно, подъ одною короною представятъ собою сильнѣйшее государство въ Европѣ, къ которому, волею-неволею, примкнутъ Дунайскія Княжества, Сѣверная Болгарія и вся Сербія съ Босніею и съ Герцоговиною. Планъ, видите, вовсе неглупый, и правы австрійскіе государственные люди, что они его приняли. Въ наше время вопроса о народностяхъ трудно существовать государствамъ, основаннымъ только на трактатахъ да на преданіяхъ. Франція, Испанія, Италія, Пруссія, Швеція, Россія, Англія, Греція и Румынія — это живыя государственныя тѣла, населеніе которыхъ связано между собою и происхожденіемъ, и языкомъ и вѣрою. Это тѣла, составныя части которыхъ не ползутъ врозь — мы не беремъ, разумѣется, въ счетъ всякихъ поляковъ, ирландцовъ, индѣйцовъ, бурятъ, самоѣдовъ: въ каждомъ организмѣ есть свои чуждые элементы. Но изъ государствъ историческихъ осталась одна Австрія съ Венгріею, и народности, замкнутыя въ нихъ исторіею, рвутся на волю. Надо же стало найти оправданіе своему существованію, надо доказать, что работа вѣковъ была нетолько не напрасною, но что изъ нея могутъ сложиться государственныя формы, ничѣмъ не худшія генетическихъ. Для этого надо, чтобъ въ Европѣ была не одна Австрія, не одно историческое государство. И вотъ возстановляется Венгрія, и вотъ готовится возстановленіе Польши. Это дѣлается противъ насъ; изъ-за этого рѣки крови потекутъ — но это неглупо задумано. Кто возьметъ, мы не знаемъ — мы не хотимъ ни хвастать, ни вѣнчаться лаврами передъ побѣдою; но нельзя не видѣть, что близка окончательная развязка вопроса: будутъ существовать Австрія, Венгрія и Польша или не будутъ? To be or not to be — that is the question *(of the day)*...

Этого вопроса эмигранты, разумѣется, не понимаютъ—они слышали звонъ, да не знаютъ въ которомъ приходѣ. Для чего, почему готовится война — имъ все равно. Но набатный колоколъ началъ раскачиваться — и они бѣгутъ, бѣгутъ и бѣгутъ ратовать за полуживое дѣло. Это дѣло — *засада* цѣлой ихъ жизни. За него ратовали дѣды и прадѣды ихъ, за него ратовали отцы ихъ, ихъ матери учили ихъ ратовать за это дѣло... И пусть идутъ. Пусть и ихъ бѣдныя головы лягутъ за завѣтъ отцовъ, благо нынѣшняя война будетъ послѣднею. Надо жъ, въ самомъ дѣлѣ, разъ навсегда покончить эту страшную борьбу двухъ славянскихъ племенъ — или мы, или они! А покуда часть бывшей Рѣчи Посполитой въ рукахъ Австріи до тѣхъ поръ мы будемъ и сами мучиться и ихъ мучить, до тѣхъ поръ они сами не могутъ сказать себѣ «pas de rêveries».

II.

Есть у меня въ Яссахъ сосѣдъ, юноша лѣтъ двадцати-пяти. Былъ онъ и въ жандармахъ, былъ и въ повстаньи; признаться, я его подробно не разспрашивалъ. Знаю я его уже съ годъ. Добрый, неглупый малый, но крайне неразвитый, какъ вообще всѣ эти несчастные, ушедшіе въ лѣса со *школьной* лавки. Каждые три-четыре дня онъ заходитъ ко мнѣ справиться о политическихъ новостяхъ. Отношенія между мною и имъ сложились слѣдующія. Мѣсяца два назадъ, является онъ ко мнѣ, съ палочкою въ рукахъ, съ сумочкою на плечахъ. Обыкновенный его мундиръ: какой-то кепи, *нанковая* (это зимой-то!) венгерка, сапоги по колѣна и брюки уже неизвѣстнаго цвѣта и матеріи.

— Прощайте!

— Куда Богъ несетъ?

— Въ Галицію.

— Чего вамъ тамъ не доставало? Хотите попасться?

— Теперь ужь нѣчего попадаться, теперь война.

— Какая война? кто? съ кѣмъ?

— А какъ же? Австрія и Франція объявили войну Россіи за ея варварскія дѣйствія въ Польшѣ.

— Вы въ своемъ умѣ, мой юный другъ, или свихнулись?

— Да помилуйте! Всѣ наши говорятъ, и всѣ идутъ.

— Извольте же взять газеты — вотъ послѣднія, что̀ я получилъ. Возьмите ихъ домой и перечтите отъ доски до доски. О войнѣ еще и слова нѣтъ. Война, *по всей вѣроятности,* будетъ, но покуда даже и правительства еще не перессорились, даже и ссориться не начинали.

— А отчего же наши всѣ идутъ? Эге-ге! да у васъ русскія газеты! Я ихъ и читать не стану.

— Это отчего?

— Это все вранье, брехня. Это пишется для того только, чтобъ Европу морочить — мы это знаемъ-съ, насъ не проведете! Мы ужъ эти штуки-то русскаго правительства видали! Прощайте!

— Постойте! — Не хотите вѣрить нашимъ газетамъ — вотъ вамъ «Часъ», а вотъ и «Газета Народовая» — этимъ вы можете вѣрить. Извольте читать!

Перелисталъ онъ польскія газеты, и ничего въ нихъ не прочолъ толкомъ.

— Такъ, честное слово, нѣтъ войны?

— Присягу дамъ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Сидѣть смирно и тихо, заняться какимъ-нибудь дѣломъ, ремеслу какому-нибудь выучиться; вѣдь вотъ Теофиль сдѣлался же изъ варшавскихъ перчаточниковъ ясскимъ кузнецомъ; а будетъ война — дѣлайте что знаете.

— Да ка̀къ же узнать, когда будетъ война? Наши всѣ говорятъ, что война, и всѣ идутъ.

— И пусть говорятъ, и пусть идутъ! Туда дуракамъ и дорога! А вы сидите здѣсь въ Яссахъ и заходите ко мнѣ. Я постоянно читаю газеты, и если будетъ война и станутъ васъ набирать въ отряды — я вамъ первый дамъ знать. По рукамъ?

— По рукамъ!

Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ дѣлать мнѣ визиты для узнанія, скоро ли можно будетъ въ пухъ и прахъ расколотить москалей. Какъ-то разъ надняхъ является онъ ко мнѣ внѣ себя, садится и начинаетъ собирать свѣдѣнія, но собираетъ ихъ такъ дипломатически, такъ тонко, что я сдѣлалъ видъ будто и не замѣчаю, что онъ узналъ какую-то новость и хочетъ пощупать меня, дескать, знаетъ ли ее этотъ москаль. Наконецъ, онъ не выдержалъ:

— Вы, Василій Ивановичъ, никакихъ новостей не слыхали про желѣзную дорогу, которая строится изъ Галиціи въ Балту?

— Читалъ что̀-то недавно, только не припомню. А что̀?

— Да вотъ что. Пріѣхало сюда двое англичанъ-инженеровъ и нанимаютъ здѣсь рабочихъ. Въ сутки даютъ по ренскому (60 коп. сереб.), содержаніе ихъ; кто хочетъ, тотъ можетъ идти записываться къ англійскому консулу.

— Что-то невѣроятно. Рабочіе изъ Галичины сюда толпами валятъ; тамъ человѣкъ за 6 за 10 копеекъ будетъ вамъ цѣлый день работать на своихъ харчахъ, потому что онъ иначе съ голоду умретъ. Кого жъ нелегкая понесетъ сюда отыскивать рабочихъ, да еще за такую страшную цѣну?

— Вотъ то-то, оно и намъ удивительно. Мы думаемъ, нѣтъ ли тутъ чего другого?..

— Понимаю. Это, значитъ, эмиграція болтаетъ. Сама сочинила чушь, сама распустила, да сама же и въ тупикъ передъ нею становится. Возьмите вы въ толкъ: статочное ли это дѣло, чтобъ вамъ давали тамъ по 60 к. с. въ день и харчи! Будетъ война, вы и даромъ туда явитесь, на вашъ собственный счотъ — васъ и звать не нужно, чтобъ вы сошлись. Это одно. Другое: откуда же взялись такія огромныя деньги, чтобъ васъ содержать въ Галичинѣ до войны? У Австріи денегъ нѣтъ, у поляковъ денегъ нѣтъ, англичанамъ въ вашемъ дѣлѣ съ нами хоть трава не рости — стало, кто жъ дастъ денегъ? Третье: съ какой стати тутъ англійскій консулъ примѣшанъ, я ужъ и совсѣмъ не понимаю.

— Можетъ быть, какъ частный человѣкъ?

— Да консулъ не простой чиновникъ, онъ съ братомъ *роднымъ* не можетъ говорить какъ частный человѣкъ, а не то, что мѣшаться въ такое огромное политическое дѣло. Эхъ вы!

Опустилъ государственный преступникъ голову и поплелся домой. Я не скажу, чтобъ всѣ польскіе эмигранты были таковы, но таково большинство ихъ: ничего не читаютъ, ни за чѣмъ не слѣдятъ и вѣчно волнуются разными слухами и вѣстями. Послѣдствія такого невѣжества и восторженности выходятъ для нихъ весьма плохи: они гибнутъ и вымираютъ безъ всякой пользы даже для польскаго дѣла. Процесъ этого вымиранія совершается у нихъ такъ:

Представьте себѣ, что какой-нибудь офицеръ, чиновникъ, помѣщикъ, человѣкъ воспитанный, или то что называютъ порядочный, попалъ въ эмиграцію (именно такой фактъ происходилъ у меня въ Яссахъ на глазахъ, и я съ большимъ любопытствомъ наблюдалъ за ходомъ развитія этой febris emmigratica chronica). Перебѣжавъ границу и вздохнувъ свободно, онъ начинаетъ

озираться кругомъ и задумывается, что начать дѣлать. Жизнь его переломилась, старыя связи, надежды, общественное положеніе — все порвано. Теперь надо стать другимъ человѣкомъ и начать новую жизнь; надо, чего добраго, въ потѣ лица зарабатывать хлѣбъ свой. Дома онъ, шутя, научился, положимъ, точить — точитъ онъ хорошо, не хуже любого токаря ex professi, стало быть надо дѣлаться токаремъ и, пока еще есть деньженки, открыть мастерскую. Но вдругъ приходятъ газеты и приносятъ извѣстіе о выстрѣлѣ 4-го апрѣля, — въ Сибири возстанье. Что это? думаетъ онъ: — я здѣсь сижу и ничего не знаю, а тамъ русская революціонная *партія* (?) уже напроломъ идетъ, своихъ Орсини выставляетъ, да и наши въ Сибири не съ дуру же поднялись. Тутъ какая-то новая каша заваривается. Онъ читаетъ далѣе. Европейскія газеты хоромъ ревутъ о войнѣ противъ сѣверныхъ варваровъ — онъ принимаетъ съ непривычки фразы за дѣло и не догадывается, что этотъ ревъ поднялся не со вчерашняго дня и что онъ, въ сущности, во-все еще не означаетъ объявленія войны Россіи. Смущенный, сбитый съ толку, онъ, все-таки, открываетъ мастерскую, но сердце его къ ней не лежитъ. Онъ не ремесленникъ, который уважаетъ свое искуство, и гордъ, что постигъ его: ремесленникъ дальше своего станка ничего не видитъ и знаетъ впередъ, что пока онъ живъ да здоровъ, отъ этого станка не отойдетъ. Эмигрантъ смотритъ иначе: для него станокъ — горькая необходимость; онъ не хочетъ разжиться съ него — ему только-только съ голоду бы не умереть, пока не пришло время работать другимъ долотомъ и сыпать другими стружками. При такомъ отвращеніи къ дѣлу, разумѣется, далеко не уѣдешь: работа не любитъ быть любовницею, она награждаетъ только мужей, которые поклялись ей въ вѣрности до самой смерти — любовниковъ она разоряетъ въ пухъ и въ прахъ.

Всѣ эмигранты пришли и проходятъ этою дорогою. За что только ни принимались нынѣшніе повстанцы — ничто имъ не повезло. Бывали они инженерами, телеграфистами, учителями, рисовальщиками; кузнецами дѣлались, столярами, извощиками, всему выучивались и выучивались очень скоро — польская натура также даровита и сметлива, какъ и наша. Былъ у меня одинъ знакомый студентъ, который сдѣлался такимъ кузнецомъ, что смотрѣть любо-дорого. Могъ бы, кажется, жить этимъ, пока не пришло время dać moskalu w d.. u. пока москалю подшлепниковъ

не надаютъ. «Нѣтъ, говоритъ, противная работа, провались она къ чорту — надо чего другого поискать!» Мало этого; польское простонародье — люди привычные къ труду, но и тѣ ни за что не берутся: имъ и обидно, что они не могутъ воротится домой, да и на себя они уже привыкли смотрѣть, какъ на героевъ, на людей, лившихъ кровь за свои засады. Эмигранты на третій, на четвертый мѣсяцъ своего бѣгства впадаютъ въ такую апатію, что не только работать имъ противно, имъ читать даже противно. Бѣлёвскій, у котораго я обѣдаю и пью чай, когда-то много читалъ и много работалъ надъ собою — это видно по его разговору. Но развитіе его такъ и остановилось на какомъ-нибудь второмъ или третьемъ курсѣ университета, и ему теперь лѣнь читать — онъ у меня ни одной книги не только не взялъ, но даже не развернулъ. Пробѣгаетъ иногда «Часъ» и «Газету Народовую», да поетъ украинскія и польскія пѣсни — на томъ и дѣлу конецъ. Что я ни говорилъ, какъ я его не щунялъ за такое паденіе — ничто не помогло. «Оставь меня, говоритъ: ради Бога, оставь! я самъ вижу, что я тупѣю и пошлѣю отъ этой проклятой жизни, но у меня нѣтъ силъ подняться. Скорѣй бы война — можетъ, тамъ уходятъ меня, и будетъ конецъ этому унизительному разслабленію». Порою, правда, онъ мечтаетъ ѣхать въ Парижъ, поступить въ университетъ, стать инженеромъ; но увы! эти мечты сильно отзываются маниловщиной, и онъ самъ плохо вѣритъ, что онѣ когда-либо осуществятся. Каковъ онъ, таковы и всѣ прочіе. Отъ этого эмиграція произвела такъ замѣчательно мало ученыхъ и дѣльныхъ людей: въ ней все задыхалось и задыхается.

Назидательно очень сравнить польскихъ выходцовъ съ выходцами другихъ націй. Нéчего говорить о евреяхъ и объ армянахъ, положеніе которыхъ очень похоже на польское. Ни тѣ, ни другіе, правда, не сдѣлались земледѣльцами, не пустили тоже корней на чужой сторонѣ, но все же живутъ себѣ кое-какъ, хозяйничаютъ по-своему, торгуютъ. Евреи бѣдны — это правда; виною ихъ бѣдности необыкновенная подвижность ихъ характера и способность постоянно увлекаться разными аферами; а все же у каждаго изъ нихъ есть жена, и ни одинъ изъ нихъ не останется безъ шабаша. Бѣдно живутъ, но живутъ, плодятся и множатся и населяютъ землю. Наши сектанты вѣдь тоже выходили изъ Россіи или съ оружіемъ въ рукахъ, какъ некрасовцы, или убѣгали поодиночкѣ, какъ большинство русскаго населенія въ Румыніи

и въ Турціи. Поговорите съ любымъ изъ нихъ, изъ этихъ бѣглыхъ, и, вы увидите, ни одинъ изъ нихъ не теряетъ надежды, что дождется времени, когда въ Россіи будетъ полная вѣротерпимость; ни одинъ изъ нихъ не хочетъ сложить кости свои въ чужую землю, а между тѣмъ каждый женится, строитъ домъ, заводитъ хозяйство. Секты заводятъ цѣлыя села, строятъ свои церкви или моленныя, содержатъ своихъ наставниковъ, настоятелей и священниковъ, и на чужой сторонѣ, между чужихъ людей, подъ чужимъ правительствомъ, продолжаютъ вести ту же русскую патріархальную жизнь, какую вели дома. Вотъ у меня изъ окна видна подъ горою русская старообрядческая слобода за ручьемъ Бахлуемъ — нѣчто въ родѣ петербургской Охты. А какія у нихъ славныя села подъ Браиловымъ, въ Добруджѣ, даже въ Буковинѣ, даже въ Пруссіи, гдѣ они (ѳеодосѣевцы) переженились на мазуркахъ, окрестя ихъ предварительно въ свою вѣру и понадѣвавъ на нихъ сарафаны! Даже скопцы, эти безполыя существа, завели здѣсь мельницы, сады, лавки, держатъ коровъ, куръ, промышляютъ *биржарствомъ (биржа* — коляска) и живутъ себѣ добрыми хозяевами, отнюдь не покидая мысли, что пробьетъ часъ, когда и имъ будетъ позволено воротиться домой. Даже венгерскіе эмигранты, хоть ихъ теперь очень немного, съумѣли кое-какъ пристроиться — у кого лавочка, у кого ремесло... А поляки?

А поляки богаты,

....................едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и поздпимъ ихъ умомъ.

Въ Рѣчи-Посполитой шляхта ничего сама для себя не дѣлала. Имѣньями ея управляли разные арендаторы и офиціалисты; процессы ея вели адвокаты; торговлю ея вели евреи; работали за нее хлопы. Ея занятія были только рыцарскія — война, охота, пиры, сеймы. Жизнь катилась легко и привольно. Самый бѣдный шляхтичъ могъ всегда имѣть кусокъ хлѣба при дворѣ какого-нибудь воеводы или старосты, даже ничего для него не дѣлая, а только составляя его свиту. Отсюда польская удаль и ухарство, отсюда такое сильное развитіе поэзіи и романа, такая разработанность, хоть и не добросовѣстная, исторіи, археологіи: другія науки, какъ справедливо жалуется авторъ «Polacy a Indyanie», не могли приняться на польской почвѣ, потому что онѣ ничего не говорятъ о геройствѣ и о предкахъ.

Рѣчь-Посполитая умерла, магнаты выродились, а шляхта осталась тою же шляхтою. Сколько я ни допрашивалъ повстанцевъ, кто они были? оказывается, что большинство ихъ лѣсничіе, дѣти экономовъ, посессоровъ, что готовились они въ чиновники, въ винокуры, въ управляющіе, то-есть, ни они, ни отцы ихъ не думали серьезно о своей будущности, а жили изо дня въ день: — день да ночь вотъ и сутки прочь. Организаторы же были помѣщики, аристократы, новая фаза стараго магнатства. Полчаса назадъ я ходилъ завтракать — было ихъ тамъ человѣкъ съ пять, и разговоръ шелъ о гончихъ. Черезъ два часа я пойду обѣдать — разговоръ будетъ идти о лошадяхъ или о ружьяхъ, о качествѣ сабельной стали, о военной службѣ. Если зайдетъ разговоръ о Польшѣ, то сейчасъ же возникнетъ споръ, который изъ генераловъ или изъ агитаторовъ болѣе заслуживаетъ довѣрія — Босакъ, Лангевичъ или Мѣрославскій? — такъ и пахнётъ на васъ XVIII вѣкомъ, когда одни держались Чарторыйскихъ, а другіе Браницкихъ.

При этой склонности не къ промышленной дѣятельности, а къ удали, къ распаденію на партіи, при вѣчной жаждѣ битвъ, при непосѣдлости, понятно, почему они не женятся въ эмиграціи и не заводятся хозяйствомъ. Это все холостякъ на холостякѣ, бурлакъ на бурлакѣ; живутъ какъ попало, ѣдятъ — что случилось и когда случилось; о завтрашнемъ днѣ ни одинъ не думаетъ. Знаю я одного старика майора — а старикъ рѣдкость въ эмиграціи — выходца 1832 года. Бродилъ онъ, бродилъ по Европѣ, пока не занесло его какъ-то въ Швейцарію. Въ Швейцаріи онъ влюбился въ дочь одного банкира; она тоже полюбила его; отецъ благословилъ ихъ; обвѣнчались и зажили домкомъ. Но у новобрачнаго febris emmigrantica зудитъ въ подошвахъ. Въ Италіи тогда что-то дѣлалось или въ Алжирѣ, онъ не вытерпѣлъ, обнялъ жену и тестя и отправился воевать. Воевалъ онъ въ Италіи, воевалъ въ Испаніи, воевалъ еще не знаю гдѣ, пока утекъ отъ полиціи въ Лондонъ, а изъ Лондона, самъ едва ли зная зачѣмъ, махнулъ въ Соединенные Штаты. Прошло лѣтъ семь; возвращается онъ въ Швейцарію, отыскиваетъ жену — та падаетъ въ обморокъ; ея дѣти бросаются къ ней; служанка объясняетъ ему, что барыня думала, что вы, дескать, убиты, и сочеталась законнымъ бракомъ съ другимъ. Тутъ только спохватился эмигрантъ, что онъ дѣйствительно ни одного письма не послалъ ни женѣ, ни тестю, покрутилъ усами и отправился молчкомъ

на новые подвиги. Теперь онъ сѣдъ какъ лунь, и изрубленъ какъ котлета; не знаю гдѣ онъ и что съ нимъ.

Не женятся, не обзаводятся хозяйствомъ, мѣшаются во всякія войны — и вымираютъ. Теперь одна часть дерется съ греками противъ турокъ, другая съ турками противъ грековъ. Зачѣмъ они дерутся? спрашивается. Они такъ малочисленны, что не могутъ оказать помощи той или другой сторонѣ, они такъ ничтожны въ массахъ людей, которые знаютъ, изъ-за чего пошли рѣзаться... Просто со скуки, отъ нѣчего дѣлать. А правительства и публицисты пугаются ихъ, считаютъ людьми *опасными, опытными заговорщиками* и *агитаторами* — это очень льститъ эмигрантамъ, и они изъ кожи лѣзутъ, чтобъ поддержать свою репутацію революціонеровъ, цареубійцъ, красныхъ и т. п., а сами даже азбуки революціи или соціализма не понимаютъ, въ политикѣ ничего не смыслятъ. Такъ-себѣ бродятъ по свѣту, дурятъ, буянятъ, пѣтушатся — и больше ничего. Они больше жалки, чѣмъ смѣшны; хотѣли бы быть опасными — да не умѣютъ.

Но, замѣтятъ мнѣ — вѣдь не одна же, наконецъ, шляхта попала въ эмиграцію, попало туда пропасть мастеровыхъ. Что они дѣлаютъ? и что они за народъ?

Прежде всего надо замѣтить, что польскій мастеровой очень не похожъ на нашего. Онъ сильно напоминаетъ французскаго ouvrier, также умѣетъ себя держать, говоритъ безъ униженія, не позволитъ себя оскорбить, развитъ, — словомъ, онъ европеецъ въ полномъ значеніи этого слова, тогда какъ нашъ — простой мужикъ, одѣтый въ сюртукъ. Для этихъ мастеровыхъ, какъ и вообще для низшаго класса городскаго населенія, устроиваются въ Польшѣ особаго рода трактирчики, которые я посѣщалъ нарочно въ Краковѣ, во Львовѣ и маленькихъ городкахъ Галичины и Буковины, именно, для того, чтобъ понять бытъ простого народа. Эти трактирчики (корчмы, шинки) содержатъ обыкновенно разжившіеся лакеи и половые, женатые на кухаркахъ, на горничныхъ. Вокругъ стѣнъ лавки, такой ширины, что на нихъ можно спать — ночлегъ дается гостямъ даромъ, разумѣется, безъ подушекъ, безъ матрацовъ, безъ одѣялъ. Передъ лавками стоятъ небольшіе столики, обтянутые клеенкою. На буфетѣ разныя водки, ромъ, аракъ, колбаса, сыръ, ветчина, студень и т. п. Если вы войдете въ такой шинокъ часа въ два, то застанете его habitués за обѣдомъ, часовъ въ девять вечера они тамъ ужинаютъ, по утрамъ они забѣгаютъ выпить

чашку кофе или пропустить на тощакъ по маленькой. Въ суботніе и въ праздничные вечера вы застаете ихъ тамъ за пивомъ, за картами, за разговоромъ. Все это дѣлается тихо и смирно. Если польскій мастеровой выпьетъ, то рѣдко случится, что онъ станетъ буянить — онъ становится только веселѣе или говорливѣе обыкновеннаго. Бываютъ тамъ и женщины — это горничныя безъ мѣста, кухарки, модистки, знакомыя хозяйки, ея сосѣдки. Онѣ ведутъ себя тоже очень прилично, хотя надо замѣтитъ, что польки далеко развязнѣе русскихъ, и слишкомъ незастѣнчиво выслушиваютъ такія вещи, отъ которыхъ русская, одинаковаго съ ними общественнаго положенія, раскраснѣлась бы и убѣжала.

Словомъ, эти трактирчики не что иное, какъ клубы всякого рода недостаточныхъ людей, гдѣ они сближаются, дружатся, ссорятся, убиваютъ время, гдѣ женятся и откуда берутъ себѣ посаженыхъ отцовъ, кумовей, и откуда, къ несчастью, выходятъ также въ повстанье, потому что въ эти корчмы чрезвычайно легко проникаетъ польская пропаганда. Закрыть ихъ было бы безуміемъ: это значило бы раздражить и оскорбить до крайности городской пролетаріатъ Польши, бить камнемъ въ лобъ пріятеля, чтобъ избавить его отъ мухи; а между тѣмъ, корчмы положительно вредны, даже не въ политическомъ, а въ нравственномъ отношеніи. Мастеровые отвыкаютъ въ нихъ отъ правильнаго труда; они, какъ многіе изъ образованныхъ людей, пріучаются къ клубной жизни. Потребность въ обществѣ, въ переливаньи изъ пустого въ порожнее, производитъ въ нихъ, опять-таки отвращеніе къ правильному труду, то же, что и въ шляхтѣ. А между тѣмъ, пріятельская компанія, какая бы она ни была, все-таки, отесываетъ человѣка, особенно когда въ ней есть женщины. Шинки эти — мечъ обоюдуострый: они разсѣваютъ одинаково и добро и зло.

Въ спокойное время, разсказываютъ мастеровые, жизнь въ этихъ шинкахъ идетъ мирно и тихо. Толкуютъ, разумѣется, о политикѣ; но такъ какъ политика никого изъ гостей лично не задѣваетъ, то къ ней относятся какъ къ чему-то совершенно постороннему. Но подходитъ время демонстрацій, и настроеніе шинка мигомъ мѣняется. Туда являются пропагандисты, заводятъ знакомства, дружатся съ вліятельными членами кружкà и перетягиваютъ ихъ на свою сторону. Затѣмъ... затѣмъ вотъ что бываетъ:

«Сидѣли мы, пане, и ни о чемъ, признаться, не думали;

вдругъ этотъ каретникъ Адольфъ велитъ поставить намъ пива. Что, думаемъ, будетъ такое? Съ чего онъ такъ расщедрился? Поставили намъ пива, пане. Встаетъ Адольфъ и говоритъ: пора говоритъ, панство, показать, что хоть мы и простые люди, а все-таки настоящіе поляки; пора говоритъ, надавать въ шею москалямъ, да такъ надавать, чтобъ проклятые схизматики больше до насъ и не лазили... И пошелъ онъ, пане, и пошелъ — я и не думалъ, пане, что онъ такой мастеръ говорить. Вдругъ дверь отворяется; входитъ графъ N. Я его сейчасъ узналъ; я у него въ домѣ замки чинилъ. Такой былъ магнатъ — фу, фу, фу!—даже бывало и не посмотритъ на тебя! А тутъ входитъ въ конфедераткѣ, въ чамаркѣ; совсѣмъ даже лицо перемѣнилось. —«Здравствуйте, говоритъ, панове:—я, пришолъ просить вашей помощи. Вся Польша встаетъ; шляхта, хлопы подымаются—дайте же намъ въ помощь ваши загрубѣлыя, но честныя руки. Теперь конецъ, теперь мы должны всѣ быть равны — я первый отрекаюсь отъ этой чуши неравенства». И руки, пане, намъ жметъ—жметъ, пане, ей-богу жметъ! Даже теперь не могу объ этомъ безъ слезъ вспомнить, такъ вотъ и приступаютъ къ глазамъ. «Пойдемте же, говоритъ, ко мнѣ — я васъ угощу пивомъ получше здѣшняго, а за то, что вы пили и что еще бы сегодня выпили—я плачу хозяину», а мы какъ закричимъ: «нехъ жіе Польска! нехъ жіе грабя N.!»

Вотъ вамъ и вся недолга̀, какъ эти люди попадаютъ въ эмиграцію и какъ, сидя потомъ въ здѣшнихъ грязныхъ и душныхъ корчмахъ, вспоминаютъ о родинѣ, о своихъ подвигахъ. А руки-то у нихъ тоже плохо поднимаются для работы на чужой сторонѣ, безъ своихъ, безъ пріятелей. А слухи о войнѣ ходятъ да ходятъ, а праздношатающіеся товарищи съ толку сбиваютъ да сбиваютъ. На мѣстѣ не сидится, тоска душу щемитъ—выпьешь, оно и веселѣе станетъ, еще выпьешь — еще веселѣе, а злодѣй хозяинъ, который цѣнить не умѣетъ, съ какимъ работникомъ дѣло имѣетъ—выталкиваетъ мечтателя изъ мастерской. Онъ опомнился, хочетъ опять взяться за долото—да тутъ эмиграція получила секретное извѣстіе, что na wiosnu będzie interes.

III.

Кромѣ горсти эмигрантовъ, которыхъ здѣсь и пятидесяти человѣкъ не наберется, есть еще въ Яссахъ нѣсколько тысячъ поляковъ и русскихъ изъ Галичины и изъ Буковины, перебравшихся сюда для заработковъ. Это — разные фабриканты, ремесленники, купцы, техники и тому подобные люди, которымъ не посчастливилось найти кусокъ хлѣба дома. Къ нимъ же надо причислить огромное число женщинъ, преимущественно горожанокъ, которыя постоянно переселяются въ Молдавію для того, чтобъ быть здѣсь экономками, ключницами, кухарками, горничными и, наконецъ, пополнять собою комплектъ извѣстнаго рода заведеній.

Читателю мало знакомому съ Полоніею, надо знать, что есть огромная разница между нашими поляками (*короняжами, литвинами, русинами*) и *галилеями*, какъ наши называютъ своихъ галицкихъ братій. Нашъ полякъ — весельчакъ, гуляка, поэтъ — широкая натура, которая послѣднюю копейку ребромъ ставитъ; таковъ же и познанецъ и кракусъ. Галилей совершенно другое — онъ нѣсколько на литвина похожъ. Онъ старается быть практическимъ человѣкомъ, пускается на всевозможныя спекуляціи, умѣетъ дешево купить и дорого продать; онъ спитъ и видитъ, что разбогатѣетъ, основываетъ всевозможныя общества и компаніи, бьется, изъ кожи вонъ лѣзетъ цѣлую жизнь, и, ужъ не знаю почему, вѣчно сидитъ на бобахъ. На всю Галичину едва ли наберется двѣ-три фабрики. Открыли тамъ недавно богатѣйшіе источники нефти, и открыли ихъ въ польскихъ имѣніяхъ—всѣ эти источники перешли въ руки сыновъ Израиля; земля галилеевъ производитъ на путешественника весьма неотрадное впечатлѣніе; какъ они ни стараются быть практичными, а въ Галичинѣ, кромѣ земледѣлія, никакой промышленности не существуетъ.

А галилея вѣчно подмываетъ на спекуляціи. Дома не везетъ— онъ махаетъ въ Молдавію: здѣсь распинается и здѣсь тоже капиталовъ не наживаетъ. Онъ скупъ, разсчетливъ; у него пять или шесть профессій — одинъ мой здѣшній пріятель-галилей, бывшій помѣщикъ, въ одно и то же время, отличный поваръ, отличный музыкантъ, сносный докторъ-самоучка, адвокатъ, факторъ, агентъ страховаго общества и еще не знаю что — а все

не везетъ. Наши поляки ихъ не терпятъ и относятся къ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, какъ къ людямъ, у которыхъ впереди всего стоятъ денежные интересы. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ полякъ еще заберется какими-нибудь судьбами торговать въ Петербургъ, въ Москву, въ Одессу—но уѣхать за границу для наживы у него духу не хватитъ. Галилей пойдетъ куда вамъ угодно; ему ibi bene, ubi patria. Нашъ полякъ разомъ дастъ на повстанье все, что есть, — галилей сперва десять разъ посчитаетъ, а потомъ дастъ.

Несмотря на множество поляковъ въ Яссахъ, общества польскаго здѣсь нѣтъ. Есть частные кружки короткихъ знакомыхъ, но кружки эти не связаны другъ съ другомъ, и поэтому, у Полоніи недостаетъ солидарности, здѣшнихъ евреевъ, старовѣровъ, скопцевъ, нѣмцевъ и т. п. Живутъ они также не въ кучѣ, а гдѣ кому случилось; видятъ другъ друга только въ костелѣ, да и къ костёлу они тоже не Богъ знаетъ какъ прилежны. Если кому изъ нихъ случится захворать въ Молдавіи, на чужой сторонѣ, и не будетъ у него личныхъ пріятелей, то онъ издохнетъ какъ собака, и никто даже усомъ не поведетъ, что земляку приходится плохо. Школы польской нѣтъ. Дѣти поляковъ учатся по нѣмецкимъ и по молдавскимъ школамъ, а школу завести было бы весьма нетрудно, еслибъ между ними была солидарность. Не знаю, на сколько вѣрно, но поляки считаютъ, что ихъ здѣсь не менѣе 10,000 человѣкъ. Еслибъ каждый далъ по 50 к. сер. въ годъ — а столько дать можетъ каждый — то на 500 рублей серебромъ въ годъ можно было бы имѣть и помѣщеніе, и учителя, особенно при здѣшней дешевизнѣ. Ни библіотеки нѣтъ у нихъ, ни клуба — ничего, ровно ничего, ни даже человѣка, который сталъ бы у нихъ во главѣ и понудилъ бы ихъ взяться за дѣло.

Любопытный фактъ наблюдаю я въ Яссахъ — это значеніе костела. Костелъ у нихъ очень недурной, поставленъ на одной изъ лучшихъ улицъ; при немъ пять ксендзовъ и епископъ; при каждомъ ксендзѣ двѣ, три, и даже пять экономокъ, троюродныхъ сестеръ, пріятельницъ и т. п.; такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ скандальная хроника города Яссъ, которой можно сколько вѣрить, столько и не вѣрить. Бискупъ и ксендзы — всѣ итальянцы: только одинъ ксендзъ Запольскій полякъ. Зачѣмъ сюда попали итальянцы, незнающіе ни по-польски, ни по-нѣмецки — про то Римъ знаетъ: у него свои виды и свои protegés, а ка-

толическое населеніе Яссъ почти исключительно состоитъ изъ поляковъ и нѣмцевъ. Какъ въ средніе вѣка Римъ вводилъ повсюду латинскую литургію для ксендзовъ-итальянцевъ, такъ и до сихъ поръ онъ повсюду разсылаетъ тѣхъ же итальянцевъ, не мудрствуя лукаво, могутъ ли они что-нибудь сдѣлать для своихъ паствъ, или не могутъ. Ксендзы эти очень, очень большіе господа. Они крестятъ дѣтей, конфирмируютъ ихъ, вѣнчаютъ, святятъ домà, служатъ обѣдни, исповѣдаютъ, пріобщаютъ, хоронятъ, словомъ исполняютъ всѣ требы, какъ слѣдуетъ. И никто еще здѣсь не только не видалъ, но даже и не слыхалъ, чтобъ какой-нибудь изъ преподобныхъ отцовъ унизился знакомствомъ или связями съ членами своей паствы завѣдомо дурного поведенія. Въ этомъ отношеніи репутація ихъ незапятнана. Они живутъ себѣ тихо и скромно: ихъ нигдѣ не видятъ, о нихъ ничего худого нельзя сказать, никакихъ явныхъ скандаловъ о нихъ не слышится — словомъ, это далеко не то невѣжественное, одичалое, искуственно-загнанное и забитое молдавское духовенство, которое знается охотно со всѣми на свѣтѣ и повсюду шляется.

Въ предыдущемъ письмѣ я разсказывалъ о бытѣ польскаго простонародья, о его вѣтренноети и распущенности, проистекающей изъ этой вѣтренности. При всемъ томъ, полякъ очень набоженъ отъ природы и очень чтитъ духовенство, которое, все-таки, болѣе развито, нежели масса. Явись ксендзъ *нечаянно* къ нему въ домъ и выскажи ему строго всю горькую правду о его поведеніи, полякъ затрепещетъ, упадетъ на колѣни, покается и почти навѣрно исправится. Все можно было бы сдѣлать изъ этого народа, легко было бы помочь ему, а между тѣмъ ровно ничего не дѣлается! Тысячи ихъ гибнутъ и развращаются здѣсь тихо, неслышно, незамѣтно; даже отъ костёла отвыкаютъ, особенно когда не въ чемъ явиться въ костёлъ, потому что въ костёлѣ, гдѣ сидятъ, а не стоятъ, можно видѣть каждаго, кто въ чемъ пришелъ: въ костёлѣ нельзя такъ спрятаться въ толпѣ молящихся, какъ въ церкви. То же самое дѣлается и въ Англіи: бѣднякъ тамъ тоже не идетъ въ моленную, чтобъ не показать публикѣ своей нищеты.

А польки? Польки совершенно непохожи на нашихъ женщинъ. Блестящая цивилизація Рѣчи-Посполитой, рыцарская жизнь высоко поставили и развили польскую женщину. Бойкая, развязная, кокетливая полька кружила головы окружающей шлях-

тѣ, которая пила венгерское изъ ея башмака и падала передъ нею на колѣни въ мазуркѣ. Нравы пановъ перешли къ дворнѣ, нравы дворни перешли къ мѣщанству — разумѣется въ пародіи. Мѣщане не поняли, что развязность и простота въ обхожденіи имѣютъ свои границы, а если и поняли, то не съумѣли соблюсти ихъ, потому что границы эти не могутъ быть опредѣлены никакимъ кодексомъ и никакимъ «руководствомъ для кавалеровъ и барышень, какъ съ пріятностью держать себя въ обществѣ». Незастѣнчивость, штука сама по себѣ превосходная, дошла у нихъ до того, что женщинѣ не слѣдутъ краснѣть или уходить, когда она слышитъ непечатныя слова; развязность — что ее можно обнять, бойкость — что она водку пьетъ и зубъ за зубъ будетъ съ первымъ встрѣчнымъ цѣпляться. Эта дурно понятая эмансипація поставила польку — я говорю въ этихъ двухъ письмахъ только о простонародьѣ — на весьма скользкій путь. Пріучивъ уши ко всему, къ чему бы ихъ пріучать не слѣдовало, зная, по разсказамъ, случаи, которые ей не слѣдовало бы знать, она невольно утрачиваетъ моральное цѣломудріе, а между тѣмъ, она, все-таки, ничего не знаетъ, ничего не видала. Около нея кружитъ какой-то грязный, отвратительный, невѣдомый ей міръ, міръ гнусныхъ романовъ и сальныхъ похожденій, тарабарскій языкъ котораго ей уже вполнѣ доступенъ — и странное дѣло, этотъ міръ влечетъ ее къ себѣ, какъ змѣя птицу. Пала ли она, не пала ли, ей не къ кому обратиться за помощью, да въ подобныхъ случаяхъ за помощью женщины и не обращаются — у нихъ духа на это не хватаетъ. На эти случаи нуженъ зоркій взглядъ тѣхъ цензоровъ общественной нравственности, имъ же дана власть вязати и рѣшити. И вотъ Молдавія полнымъ-полна этими жертвами дурно-понятой цивилизаціи, а преподобные отцы-ксёндзы не позаботятся навѣдать ихъ, тогда какъ имъ стоило бы весьма небольшыхъ усилій, чтобъ спасти не одинъ десятокъ душъ. Стоило бы имъ забраться въ эти узенькія улицы, въ эти глиняныя лачужки, хоть разъ бы въ годъ посѣтить своихъ прихожанъ и прихожанокъ, и не вставалъ бы волосъ на головѣ дыбомъ у туриста. А они сидятъ тамъ себѣ спокойно, въ карточки поигрываютъ, чаи да кофеи распиваютъ, умныя рѣчи съ умными людьми ведутъ, и не знаютъ, а вѣроятнѣе, что просто на просто и знать не хотятъ, объ этихъ нищихъ духомъ, о Лазаряхъ, которымъ даже и крохи со стола богачей не падаютъ. И при-

детъ время — къ великому стыду католицизма, — что явятся сюда англичане и американцы съ живымъ словомъ и съ протянутою на помощь рукою, а тѣмъ временемъ и мы, *схизматики* поумнѣемъ, перестанемъ зѣвать, подучимся немножко и то же явимся на выручку. Не вѣчно жъ мы будемъ спать, не вѣчно жъ наша общественная предпріимчивость будетъ въ пеленкахъ! Что протестанты дѣлаютъ, то самое и мы въ состояніи дѣлать, если еще не больше, потому что у насъ духовныхъ средствъ больше. И не будутъ тогда у Ясскихъ гражданокъ изъ Полоніи отгнивать носы и заводиться раки in utere. Хотя — опять-таки надо сказать правду — прежде чѣмъ думать о выручкѣ поляковъ и полекъ, намъ крѣпко слѣдовало бы подумать о нашихъ русскихъ женщинахъ, которыя, благодаря спекуляторскому духу господъ евреевъ, нашей собственной беззаботности и равнодушію, вывозятся обманомъ изъ черноморскихъ портовъ для укомплектованія свѣжимъ товаромъ хорошихъ заведеній въ Константинополѣ, Смирнѣ, Александріи, Варнѣ, Тульчѣ, Кюстенджи и въ прочихъ портовыхъ городахъ Чернаго, Мраморнаго и Средиземнаго Морей. Увозятъ ихъ обыкновенно безъ паспорта, а если и съ паспортомъ, то онъ у нихъ разными судьбами пропадаетъ, съ чѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ и доказательство на ихъ русское происхожденіе, т. е. на право искать защиты у нашихъ консуловъ и у посольства. Не довольно того бѣдной дѣвушкѣ, что обстоятельства или мерзавцы втолкнули ее въ это болото — правительство, къ которому она обращается съ просьбою о выручкѣ, отталкиваетъ ее назадъ въ ту же грязь, за то, что она не можетъ или не хочетъ доказать своего происхожденія. Законъ, въ этомъ отношеніи, и неправъ и жестокъ, да вдобавокъ и не русскаго происхожденія: формальность намъ навязана нашими благодѣтелями нѣмцами, которые именно тѣмъ и живутъ, что просвѣщаютъ насъ и командуютъ нами изъ-за куска хлѣба. Еслибъ нашимъ консульствамъ на Востокѣ было предписано выдавать *даромъ* паспорты каждой женщинѣ, которая объявляетъ себя русскою и хочетъ воротиться въ Россію, сколько несчастныхъ было-бы спасено отъ разврата и какъ бы пострадалъ почтенный промыселъ, превращающій Одессу въ Гамбургъ и въ Марсель. Разумѣется, подъ видомъ этихъ падшихъ стали бы являться за паспортами всякія преступницы, воровки или просто иностранки, да ужъ лучше пустить и ихъ въ Россію, не допрашивая ни объ име-

ни, ни о званіи, не преслѣдуя ихъ ни надзоромъ, ни протоколами, чѣмъ мѣшать другимъ спастись. Будь нашъ законъ гуманенъ, не было бы русскихъ женщинъ въ турецкихъ гаремахъ и не привелось бы, пишущему эти строки, слышать въ Константинополѣ, какъ мнимыя турчанки разговариваютъ между собою по-русски.

Изъ этого, все-таки, далеко еще не слѣдуетъ, чтобъ мы имѣли право сложить руки и ничего не дѣлать для единокровныхъ и единоплеменныхъ намъ народовъ. У англичанъ и у американцовъ дома тоже пропасть есть дѣла, а все-таки, у нихъ хватаетъ и времени, и денегъ на всякія миссіи въ центральную Африку, въ Китай, на острова Тихаго Океана. Тѣмъ-то и отличаются великіе народы отъ народовъ сонныхъ, вялыхъ, что они ни въ чемъ не mesquins, какъ говорятъ французы. Мы только что встаемъ на ноги и беремся за дѣло; мы дѣлаемъ складчины для грековъ, для галичанъ — постараемся же не дремать и для другихъ.

Вотъ что, напримѣръ, дѣлается въ Яссахъ — это фактъ совершенно неизвѣстный; тамъ пропагандируется съ невѣроятнымъ успѣхомъ польская народность, и пропагандируется именно тѣмъ самымъ способомъ, какъ въ нашихъ западныхъ и привислянскихъ губерніяхъ. Сколько она, съ одной стороны, гибнётъ отъ ссылокъ, тюремъ, эмиграціи, ровно на столько же она пополняется новобранцами изъ русскихъ.

Едва ли не половина здѣшняго населенія, называющаго себя польскимъ — уніаты, т. е. малоруссы изъ Галичины и изъ Буковины. Нужда или надежда разжиться заноситъ сюда уніата, большею частью горожанина, т. е. человѣка, который уже стыдится до нѣкоторой степени своей *хлопской вѣры*, *хлопскаго языка* и названія *русинъ* или *руснакъ*. Дома онъ, болѣе или менѣе, обжился съ поляками, привыкъ ходить въ костёлы, участвовать въ процесіяхъ — католичество и унія одна вѣра, разница только въ обрядѣ: *латинскій* обрядъ и *греческій* обрядъ; поэтому для уніата не грѣхъ и не стыдъ ходить въ костёлъ (хотя католику и грѣхъ и стыдъ ходить въ церковь). Попавъ въ Молдавію, уніатъ озирается на всѣ стороны, куда пойти молиться. Его церкви здѣсь нѣтъ — австрійское правительство не такъ глупо, чтобъ поддерживало схизматическій обрядъ постройкою уніатскихъ церквей за границей: оно очень хорошо знаетъ, что дѣлаетъ, когда, вмѣстѣ съ Франціею, въ каждомъ

румынскомъ и турецкомъ городишкѣ ставитъ костёлы, тогда какъ мы, догадливые люди, ни въ Вѣнѣ, ни въ Цареградѣ, ни въ Яссахъ, ни въ Бухарестѣ, не завели еще русскихъ церквей. Мы въ Парижѣ да въ Женевѣ ихъ строимъ; а гдѣ въ нихъ дѣйствительная нужда, тамъ по насъ хоть трава не рости! Должно быть, за это самое насъ и считаютъ такими ловкими политиками.

Въ молдавскую церковь уніатъ не пойдетъ. Тамъ, правда, и иконостасъ есть, тамъ есть и знакомые образа, но языкъ чужой, чужой напѣвъ, да и духовенство носитъ бороду и длинные волоса; а это его пугаетъ. Точно также онъ побоится идти и въ русскую православную церковь — онъ слишкомъ много наслышался о *расколѣ* (схизма). Въ чемъ состоитъ этотъ расколъ и какая разница между раскольникомъ и католикомъ, онъ, разумѣется, не понимаетъ, но онъ инстинктивно боится насъ: онъ съ дѣтства привыкъ слышать отъ поляковъ ужасы объ насъ и нашей вѣрѣ. Когда я пріѣхалъ сюда и поселился между поляками и этими псевдополяками, то на меня ихъ подруги сходились смотрѣть, какъ на диво. Ни одна изъ нихъ еще не видала *москаля*, за исключеніемъ старообрядцовъ и вообще простонародья. Имъ сдавалось, что москаль не можетъ походить на человѣка, что у него должна быть какая-нибудь особенность, клыки, вмѣсто зубовъ, когти, вмѣсто ногтей — и, какъ потомъ онѣ мнѣ разсказывали, ихъ очень удивило, что я такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди. Предубѣжденіе, значитъ, отчасти прошло, но только отчасти; предразсудки, вошедшіе въ плоть и кровь съ самаго дѣтства, не легко искореняются; отсюда и понятенъ страхъ галицкихъ и буковинскихъ уніатовъ передъ православіемъ. И идутъ они въ костёлъ, а на костёлъ они уже пріучены смотрѣть, какъ на нѣчто высшее передъ церковью, а въ костёлѣ они видятся только съ поляками, слушаютъ проповѣди по-польски, исповѣдаются по-польски, съ ксёндзомъ говорятъ по-польски и превращаются въ prawdziwych polaków. Иногда еще, между собою, они говорятъ и по-русски, поминаютъ церковь; но превращеніе уже совершилось — ихъ дѣти католики, поляки по языку и по духу. Вотъ и урокъ господамъ нашимъ философамъ, о значеніи вѣры въ дѣлѣ народности, языка и образа мыслей!

А были бы мы распорядительны и толковы, были бы мы больше русскими, мы могли бы помочь горю. Но въ насъ рус-

скаго мало — нѣмцы придушили въ насъ чутье народности, которое было въ насъ такъ сильно даже при Петрѣ и при Екатеринѣ. Намъ горюшка мало, что дѣется съ бѣдными малоруссами, которыхъ мы собственноручно отдали Австріи. Мы терпѣть не можемъ ихъ унію, а того не разбираемъ, что эта самая несчастная унія все же сохраняетъ ихъ народность и что она, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ поддержки. Нашъ холмскій уніатъ, пріѣхавшій въ Петербургъ или въ Москву, не рискнетъ пойти въ православную церковь. Допустимъ, что онъ даже ополяченъ, что онъ насъ ненавидитъ, какъ одинъ мой сосѣдъ въ Яссахъ — сынъ уніатскаго священника: слѣдуетъ ли изъ-за этого искуственно дѣлать его полякомъ, лишая его возможности посѣщать славянское богослуженіе?

Удивительное дѣло — почти во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ есть костелы, а мы до сихъ поръ еще не смекнули и не замѣтили, что въ этихъ костелахъ недостаетъ *уніатскихъ придѣловъ*. Посмотрите же, какъ распорядительны въ этомъ отношеніи поляки: они въ каждую уніатскую церковь втерли католическіе алтари, и эти алтари сдѣлали свое дѣло: дворянство и большинство мѣщанства западныхъ губерній окатоличилось. Мы — умныя головы — въ этомъ отношеніи отлично помогаемъ имъ, хоть святой отецъ въ Римѣ и не цѣнитъ нашихъ заслугъ — мы *заставляемъ* уніатовъ, живущихъ между нами, окатоличиваться и ополячиваться. Мы кричимъ о русской народности, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей границы ополячиваются хохлы, и мы даже не знаемъ этого, если жъ и узна́емъ, такъ и усомъ не поведемъ. А придетъ время, что спохватимся и станемъ тогда ахать да охать, да придумывать репресивныя мѣры противъ жертвъ нашей собственной беззаботности, нашего постыднаго far niente. Ужъ если «polak mądry po szkodzie», то и «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ». Громъ не грянетъ — нашъ братъ не перекрестится.

Заведеніе въ Молдавіи уніатскихъ церквей рядомъ съ костелами, не только поддержало бы русскую народность, но даже на нравственность и ея, и польской, подѣйствовало бы весьма благодѣтельно. Попъ не ксендзъ. У попа (сами уніатскіе священники титулуютъ себя *попами*) есть семейство; онъ человѣкъ знающій, по собственному своему опыту извѣдавшій всѣ житейскія отношенія, и потому онъ *не чужой* людямъ. Онъ не будетъ сидѣть взаперти, зная, что вокругъ него кишитъ страшный развратъ,

что безпутство овладѣло его паствою; а уніатскій священникъ — обыкновенно очень развитый и гуманный человѣкъ, да, наконецъ, еслибъ онъ и плохъ былъ, какъ личность, то надъ нимъ есть благочинный (деканъ). Покойный львовскій митрополитъ Григорій Яхимовичъ завелъ между уніатскимъ духовенствомъ одинъ пустой порядокъ, уже перешедшій, по счастью, въ обычай. Благочинный, ревизуя своихъ подчиненныхъ священниковъ, допрашиваетъ ихъ, что̀ каждый изъ нихъ сдѣлалъ для украшенія своей церкви, для школы, для общественной нравственности и т. д., за истекшій годъ, и на всякое показаніе требуетъ фактическихъ доводовъ. Нѣчто въ этомъ родѣ и у насъ дѣлается, но у насъ результатъ выходитъ не такой. Во-первыхъ, благодаря снисходительности нашихъ епархіальныхъ начальствъ, у насъ ставятъ въ священники людей, кончившихъ курсъ только въ семинаріи, и, стало быть, людей недостаточно еще развитыхъ, за что наша церковь и расплачивается расколами. Другое, наше духовенство, вслѣдствіе его прежней привязанности къ старому обряду, да еще благодаря герцогу Бирону и комп. съ потомками, утратило много самостоятельности. Изъ всего этого и вышелъ тотъ безпорядокъ въ нашемъ епархіальномъ управленіи, о которомъ такъ много писали; а его вовсе нѣтъ у галицкихъ уніатовъ, потому что тамошній священникъ самостоятельнѣе нашего, не говоря уже о безконечной разницѣ въ личномъ развитіи между галицкими попами и большинствомъ нашихъ. Стало быть, пока наше духовенство, говоря вообще, еще не готово на дѣятельную борьбу за православіе и за нравственность, пусть хоть уніатское отстаиваетъ Землю Русскую.

Унія вовсе не такая дурная вещь, какою ее у насъ считаютъ. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Римъ сдѣлалъ страшный промахъ введеніемъ уніи. Онъ забылъ, что у палки два конца, и что кочерга, которая загребаетъ уголья въ лѣвую сторону, точно также легко загребаетъ ихъ и въ правую. Православный можетъ не замѣтить даже, что онъ сдѣлался уніатомъ, и католикъ можетъ пойти въ уніатскую церковь, не переставая быть католикомъ; и ка̀къ православные, чрезъ унію, дѣлались и дѣлаются католиками, та̀къ, у ловкаго уніатскаго священника, католики, чрезъ унію, дѣлаются православными. Если славянамъ-католикамъ суждено когда-нибудь сдѣлаться православными, то не иначе, какъ чрезъ унію, чрезъ этотъ межеумокъ двухъ историческихъ церквей. — Есть у насъ въ рукахъ

страшная сила, только пользоваться ею мы до сихъ поръ еще не умѣли, да и неизвѣстно, скоро ли умѣть будемъ.

Такъ какъ рѣчь зашла о полькахъ и объ ихъ нравственности, то нельзя не помянуть объ ихъ совершенно оригинальномъ взглядѣ на бракъ. Есть между ними — опять-таки говорю только въ простонародьи — *слюбныя жены* и *неслюбныя жены*, т. е. вѣнчанныя съ ихъ сожителями и невѣнчанныя. Не знаю, вѣнчанье ли утратило у нихъ уваженіе вслѣдствіе безпечности ксендзовъ, или подѣйствовали на нихъ нравы высшихъ классовъ, которыхъ они не поняли толкомъ, но результатъ, во всякомъ случаѣ, вышелъ весьма печальный, и я собственными глазами вижу, что «гражданскій бракъ» — мечъ обоюдуострый.

Неслюбная жена пользуется у поляковъ тѣмъ же уваженіемъ, какъ и слюбная. Ей всѣ двери отворены; она по гостямъ ходитъ; ею никто не брезгаетъ; никто ее даже не упрекнетъ, что она не была въ костелѣ. Про сожителя своего она говоритъ *мой мужъ*, онъ называетъ ее *своею женою* — но на этомъ дѣло и останавливается. Маленькая разладица между неслюбными — и одинъ изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, вылетаетъ за двери. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ у него другая жена, а у нея другой мужъ; затѣмъ новый разводъ, новый бракъ — и такъ ad infinitum. Понятно, до какой степени это деморализируетъ женщину и на сколько она становится способною къ дѣторожденію при такихъ переходахъ съ рукъ на руки. И въ самомъ дѣлѣ, въ невѣнчанныхъ бракахъ рѣдко видятся дѣти, не говоря уже ни о толковомъ хозяйствѣ, ни о довольствѣ. Жизнь ведется точно на станціи; ни мужъ, ни жена не вѣрятъ въ прочность своего союза; она думаетъ только, какъ бы вымаклачить у него новое платье и сапоги, онъ держитъ ухо востро, чтобъ не поддаваться ей, и вѣчно боится, чтобъ она его не обокрала — словомъ, безтолковщина идетъ страшная.

Долго добивался я, чтобъ узнать, есть ли у этихъ слюбныхъ и неслюбныхъ женъ какія-нибудь политическія тенденціи, оказывается, что ровно никакихъ, кромѣ суевѣрнаго страха передъ москалями. Онѣ слышали про насъ, какъ про людей, которые воюютъ съ поляками, ссылаютъ ихъ, отнимаютъ у нихъ имущество, но слышали это, опять-таки, только отъ простолюдиновъ, а простолюдины тоже не имѣютъ серьёзной вражды къ намъ. Простолюдины польскіе не смотрятъ на насъ, какъ на враговъ ихъ отечества, потому что у нихъ самая идея о не-

зависимости ихъ отечества крайне не выяснена. Они относятся къ намъ, какъ великій Новгородъ относился къ Василію Буслаеву съ товарищами, какъ стѣна кулачныхъ бойцовъ къ другой. Чуть выйдетъ потасовка, каждый и бѣжитъ къ привычному знамени, по правилу, что своихъ выдавать не слѣдуетъ; но вражды и ненависти къ противнику нѣтъ, пока еще эмиграція не довела до ожесточенія и не убѣдила бойца, что онъ мученикъ и апостолъ świętej sprawy. Ненависть къ намъ и ко всему нашему, доходящая до фанатизма, до фиксаціи, встрѣчается только въ развитѣйшихъ слояхъ польскаго общества, въ людяхъ, которые близко знакомы съ польскою изящною и историческою литературою. И нельзя опять сказать, чтобъ это были люди недобросовѣстные, или, какъ у насъ любятъ ихъ называть, *іезуиты*. Отнюдь нѣтъ—они, точно такъ же, какъ и чернь, невинныя жертвы исторіи и вообще всего прошедшаго Рѣчи-Посполитой и Царства Польскаго. Что было бы со мною, съ вами, еслибъ мы выросли на этихъ книгахъ и газетахъ, на этихъ Шуйскихъ, Лелевеляхъ, Духинскихъ, еслибъ все окружающее насъ, каждая пѣсня, каждый романъ, каждый разговоръ, каждое семейное преданіе—все насквозь пропитано было воспоминаніями и пропагандою о борьбѣ за независимость? Провѣрить эти *засады*, какъ и всякія другія, не каждый способенъ, да и не каждый отважится на такое святотатство. И какъ ихъ провѣрить? — для этого нужно спеціальное изученіе фактовъ, годы чтенія и годы путешествій; а развѣ у каждаго есть на это и возможность и способность?

Я знаю въ Яссахъ одну умирающую почти отъ чахотки молодую женщину, красавицу собою, умнѣйшую и развитѣйшую, я думаю, не только въ Яссахъ, но и въ цѣлой Молдавіи. Жизнь ея была страшная, возмутительная драма. Родные не хотѣли, чтобъ она вышла за того, кого она любила; ее увѣрили, что онъ измѣнилъ ей. Съ горя, въ безпамятствѣ, она отдала свою руку первому встрѣчному фразеру, пустозвону, либералу и революціонеру самаго дешеваго сорта. Онъ завезъ ее сюда и пустился въ литературу, не имѣя ни на гривенникъ таланта и замѣняя его претензіею просвѣщать бѣдныхъ румыновъ — словомъ, онъ нѣмецъ, или, вѣрнѣе, выкрестъ, а эти господа страдаютъ особаго рода чесоткою цивилизованія нашего брата, человѣка восточной Европы. Двое дѣтей не помирили бѣдную женщину съ ея безвыходнымъ положеніемъ. Она

махнула на все рукою, сосредоточилась, замкнулась въ самую себя, даже отъ Польши отреклась, даже дѣтей по-польски не учитъ: «пусть, говоритъ, будутъ просто молдаванами; здѣсь родились, здѣсь выросли — къ чему развивать въ нихъ лишнія стремленія, удовлетвореніе которыхъ имъ же будетъ дорого стоить»!

И вотъ эта-то женщина, которая, и умомъ, и свѣдѣніями, можетъ потягаться съ любымъ мужчиною, вполнѣ убѣждена, что мы звѣри, хуже звѣрей, что намъ прогрессъ невозможенъ, что реформы у насъ дѣлаются только для того, чтобъ Европѣ пыль въ глаза пускать, что въ Персіи и въ Испаніи вольнѣе живется и дышится, чѣмъ у насъ, что спасеніе цивилизаціи зависитъ отъ возстановленія Польши, и что будущее польское государство неминуемо будетъ свѣточемъ свободы, науки, благоденствія — всего, чего хотите — для Европы вообще и для славянъ въ особенности. Я съ ней не спорю, развѣин огда отшучиваюсь — къ чему понапрасну раздражать ея и безъ того разстроенные нервы? Но, смотря на ея грустное лицо, осѣненное этими русыми, какъ шолкъ, мягкими кудрями, я часто невольно задаю себѣ вопросъ: что̀ же это за fatum такой, что личность не можетъ быть свободна отъ идей кружка, въ которомъ она родилась и вращается? Неужели же, наконецъ, дѣйствительное освобожденіе состоитъ въ полномъ *нигилизмѣ* — разумѣется, не въ нашемъ, потому что у нашихъ нигилистовъ есть свой символъ вѣры и своя догматика -- а въ томъ нигилизмѣ, до котораго нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ, доходилъ вѣнчанный мудрецъ, разрѣшившій всѣ житейскіе, политическіе и экомическіе вопросы, знаменитымъ: *суета суетствій — всяческая суета?!* Родись эта женщина гдѣ-нибудь не во Львовѣ или въ Краковѣ, а скажемъ, въ Казани или въ Рязани — не носила бы она *національнаго* траура, не толковала бы ерунды о звѣрствѣ москалей, о благородствѣ французовъ, о мудрости Наполеона, о необходимости Турціи для спокойствія Европы... Все это, разумѣется, старая брехня, и всѣ подобныя соображенія еще Кифѣ Мокіевичу приходили въ голову; но дѣло въ томъ, что, все-таки, злость беретъ, когда видишь, что даровитая натура сбита съ толку окружающею ее средой, и сознаешь, что никакой логикой, никакой діалектикой, ни самыми фактами не переубѣдишь ее, потому что идеи ея стали уже *засадами* (я очень люблю это картинное польское выраженіе), до мозга ко-

стей проникли, и посягательство на нихъ становится посягательствомъ на самую индивидуальность. А кто виноватъ въ этихъ фиксаціяхъ? Мы покуда только то знаемъ, что виновата во всемъ исторія; но какъ это ей удалось оказать такую неловкую услугу полякамъ — а кто знаетъ, можетъ быть и намъ тоже? — про то мы нескоро узнаемъ, потому что едвали скоро можетъ явиться у насъ, при слабомъ развитіи у насъ *науки* исторіи, ученый, подобный Боклю, который бы разъяснилъ наше прошедшее такъ, какъ этотъ геніальный англичанинъ разъяснилъ прошедшее Англіи, Франціи, Шотландіи, Германіи и Испаніи.

А есть факты въ нашей и польской жизни, надъ которыми нельзя не остановиться. Какимъ это чудомъ дѣлается, что два народа, живущіе рядомъ, говорящіе почти однимъ и тѣмъ же языкомъ, связанные исторіею до того тѣсно, что порою даже трудно разобрать, что относится къ исторіи Польши, что къ нашей, какъ, напримѣръ, Литва, Малая Русь, Галичина, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, смутное время и т. д., и т. д., не говоря уже о ближайшихъ временахъ — и эти два народа даже приблизительнаго понятія другъ о другѣ не имѣютъ? Это чрезвычайно рѣзко поражаетъ человѣка, знающаго поляковъ близко и нестоящаго къ нимъ ни въ какихъ офиціальныхъ отношеніяхъ, т. е. имѣющаго возможность видѣть и слышать ихъ, когда они ничѣмъ не стѣсняются и никого не боятся. Какъ ихъ публицисты пишутъ объ насъ совершенно не понимая насъ, такъ и наши пишутъ о полякахъ, плохо ихъ зная, или зная только по наслышкѣ. Но безтолковая брань на насъ польскихъ газетъ и польское непониманіе насъ еще понятно: она имъ душу отводитъ, они ею сердце срываютъ за свои вѣчныя неудачи въ заговорахъ и возстаніяхъ. Бранить насъ, разсказывать про насъ ужасы, подъискивать и раскрывать темныя стороны нашего быта — это у нихъ считается чуть не актомъ патріотизма. Они и другъ друга цѣнятъ по мѣрѣ ненависти къ намъ, готовности погибнуть въ борьбѣ съ нами. То и дѣло слышишь отъ нихъ отзывы о своихъ: «Это, мой пане коханый, картёжникъ, пьяница, если еще и не хуже; при немъ плохо класть ничего не слѣдуетъ, но *хорошій полякъ* (dobry polak)» — и репутація dobrego polaka искупаетъ все! Такъ и развитѣйшіе изъ нихъ смотрятъ на эту газетную ругань, на клеветы и на всякій вздоръ умышленно и неумышленно распус-

каемый объ насъ. Толковалъ я съ однимъ, очень умнымъ и довольно ученымъ эмигрантомъ о книжонкахъ Духинскаго; онъ отзывался о нихъ съ величайшимъ презрѣніемъ и говорилъ, что ни одинъ образованный полякъ имъ не вѣритъ. «Но прибавилъ онъ, Духинскому, все-таки, спасибо: онъ много помогъ польскому дѣлу».

— Ну, ужъ этого я не понимаю! По-моему, онъ оказалъ ему весьма медвѣжью услугу, сводя его съ реальной почвы на фантастическую, опирая его на недобросовѣстномъ изученіи фактовъ и на шарлатанскихъ выводахъ изъ нихъ. Онъ репутацію вашу замаралъ въ глазахъ всякаго честнаго человѣка.

— Толкуйте! засмѣялся мой собесѣдникъ. — А вотъ повѣрили же ему всякіе французы и нѣмцы.

— Которые ни нашихъ языковъ не знаютъ, ни нашей исторіи толкомъ не читали, ни нравовъ, ни быта нашего не видали!

— И повѣрили ему на честное слово, принявъ его не на шутку за ученаго, и кричатъ теперь, что историческая наука доказала, какъ дважды два — четыре, что вы урало-алтайцы, а не европейцы. Посмотрите, какъ быстро и съ какимъ поразительнымъ успѣхомъ распостраняются его идеи: онѣ скоро въ учебники исторіи и географіи перейдутъ, перейдутъ въ вѣрованья массъ. Сотни двѣ лѣтъ пройдетъ, пока европейцы догадаются, что Духинскій былъ іезуитъ и шарлатанъ, который надулъ ихъ самымъ грубымъ способомъ, и что вся его эрудиція выѣденнаго яйца не стоила. А мы, поляки, отъ этого въ положительныхъ барышахъ — Европа смотритъ теперь на насъ, какъ на своихъ, а на васъ, какъ на чужихъ: она теперь увѣрена, что границы индо-европейскаго племени совпадаютъ на Востокѣ съ границами 1772 г. то-есть идутъ до Днѣпра и до Волхова; чего же намъ еще хотѣть?

Всѣ помыслы польскихъ дѣятелей, публицистовъ и агитаторовъ вертятся около одной задачи — возбудить въ массахъ ненависть ко всему русскому. Это ихъ разсчетъ, и разсчетъ, надо признаться, очень вѣрный: безъ ненависти къ намъ не можетъ быть ни возстаній, ни европейской войны за Польшу.

Bayerische Staatsbibliothek München

348 40к карт... 11 Мая 1905

348 40к кар. … 17 Мая 1905 г.

1885

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

Центральная
Бюро
Международного

Georg
Univ

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kel siev, Vasilij Ivanovič,

Galičina i Moldavija

S.-Peterburg 1868

36.6818
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10701111-4